



Р. Р. Хисамутдинова

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

**УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
К ЛЕКЦИОННОМУ
КУРСУ**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

*Посвящается 70-летию Победы советского
народа в Великой Отечественной войне*

Р. Р. Хисамутдинова

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Учебное пособие к лекционному курсу

*Рекомендовано УМО по образованию в области подготовки педагогических
кадров в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению 050100 Педагогическое образование*

Оренбург
Издательство ОГПУ
2015

УДК 94(47)“1939/1945”(075.8)

ББК 63.3я73

X51

Рецензенты

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет»

Р. Н. Ахметшина, доктор исторических наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет»

Хисамутдинова, Р. Р.

X51 **Советский Союз накануне и в годы Великой Отечественной войны** : учебное пособие к лекционному курсу / Р. Р. Хисамутдинова ; Мин-во образования и науки Рос. Федерации, ФГБОУ ВПО «Оренб. гос. пед. ун-т». — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2015. — 248 с.
ISBN 978-5-85859-604-2

В учебном пособии на основе достижений современной исторической науки рассматриваются в комплексе все события Великой Отечественной войны, поднимаются дискуссионные проблемы, излагаются взгляды российских и зарубежных историков по спорным вопросам и основным направлениям современной фальсификации истории войны.

Книга предназначена для студентов исторических факультетов российских вузов, а также может быть использована аспирантами, учителями, учащимися колледжей, гимназий, лицеев, школ, преподавателями средних специальных учебных заведений и всеми интересующимися историей Великой Отечественной войны.

УДК 94(47)“1939/1945”(075.8)

ББК 63.3я73

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ НАКАНУНЕ НАПАДЕНИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ	7
1.1. Военно-экономический потенциал СССР накануне фашистской агрессии	7
1.2. Вооруженные силы и военное искусство	15
2. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	20
2.1. Историография Великой Отечественной войны	20
2.2. Источники по Великой Отечественной войне.....	31
3. СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	38
3.1. Влияние политики в современном мире на объективное исследование причин заключения Советским Союзом договора с Германией о ненападении от 23 августа 1939 года	38
3.2. О начале коренного перелома в Великой Отечественной войне и во Второй мировой войне	44
3.3. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне.....	45
3.4. Судьба советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны	47
3.5. Коллаборационизм	54
3.6. Психология солдата на войне.....	58
3.7. Ленд-лиз: миф и реальность	68
3.8. Основные направления фальсификации истории Великой Отечественной войны	73
4. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	78
4.1. Нападение фашистской Германии на Советский Союз	78
4.2. Мобилизация всех сил страны на разгром врага	86
5. ТРАГИЧЕСКОЕ ЛЕТО И ОСЕНЬ 1941 ГОДА	89
5.1. Летне-осенние оборонительные сражения Красной Армии.....	89
5.2. Причины поражений Красной Армии в 1941 году	97
6. КРУШЕНИЕ ГИТЛЕРОВСКОГО «БЛИЦКРИГА»	103
6.1. Героическая оборона столицы (30 сентября — 5 декабря 1941 г.)	103
6.2. Контрнаступление Красной Армии (5—6 декабря 1941 г. — 20 апреля 1942 г.)	112
6.3. Историческое значение Московской битвы	115
7. НАЧАЛО КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	117
7.1. Оборонительный этап Сталинградской битвы (17 июля — 18 ноября 1942 г.).....	117
7.2. Этап контрнаступления (19 ноября 1942 г. — 2 февраля 1943 г.)	125
7.3. Историческое значение Сталинградской битвы. Спорные вопросы.....	129
7.4. Сталинградская битва глазами зарубежных историков.....	131
8. ЗАВЕРШЕНИЕ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	136
8.1. Оборонительный этап Курского сражения (5 июля — 12 июля 1943 г.)	136
8.2. Этап контрнаступления советских войск (12 июля — 23 августа 1943 г.)	141
8.3. Значение Курской битвы	142
8.4. Форсирование Днепра.....	143
9. ОККУПАЦИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ	146
9.1. Планы фашистской оккупации на Востоке	146
9.2. Немецко-фашистский оккупационный режим	150
9.3. Партизанское движение и подпольная борьба.....	155

10. СОВЕТСКИЙ ТЫЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	161
10.1. Перевод народного хозяйства на военные рельсы.....	161
10.2. Промышленность и сельское хозяйство в год коренного перелома и на завершающем этапе войны.....	167
10.3. Всенародная помощь фронту.....	171
11. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО НАРОДА В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ..	175
11.1. Литература в дни войны	175
11.2. Искусство в годы войны	179
11.3. Роль и деятельность Русской православной церкви в годы войны	186
12. ПОБЕДЫ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В 1944 ГОДУ	199
12.1. Наступление Красной Армии зимой и весной 1944 года.....	199
12.2. Победы Красной Армии летом и осенью 1944 года.....	203
13. ПОБЕДОНОСНОЕ ОКОНЧАНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	210
13.1. Подготовка Берлинской наступательной операции	210
13.2. Разгром Берлинской группировки	214
13.3. Итоги и значение Берлинской операции. Капитуляция врага	220
13.4. Суд народов	222
14. РАЗГРОМ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЯПОНИИ.....	225
14.1. Причины вступления Советского Союза в войну с Японией.....	225
14.2. Разгром Японии. Историческое значение победы над милитаристской Японией.....	228
14.3. Спорные проблемы.....	232
14.4. Токийский процесс	233
15. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ	234
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	242
Список использованной и рекомендуемой литературы.....	244

ВВЕДЕНИЕ

Многовековая история России свидетельствует о жертвенном подвиге ее народа. Каждое столкновение с врагом обращалось в преодоление, демонстрируя непобедимость русского воинства, а каждое всенародное испытание вливало новые, неисчерпаемые силы в русские сердца. Занимая важное геополитическое положение, Россия постоянно подвергалась нападкам как с востока, так и с запада. Огромная стихия русской земли всегда защищала русского человека, но и сам он должен был защищать и устраивать свою землю. В былой славе Отечества народ всегда находил силы для борьбы с агрессором.

Особой героической и трагической страницей вошла в историю нашего государства Великая Отечественная война советского народа против фашистских захватчиков. Великая Отечественная война по своим масштабам, напряженности, жертвам, потерям и разрушениям не имела себе равных. После катастрофического ее начала уйти от разгрома, отразить нашествие мог только народ, имевший глубокие исторические корни, «духовный стержень», позволивший ему «не сломиться» при всех масштабах людских, территориальных, экономических потерь, и физические силы, веру в справедливость своей борьбы. Страшная катастрофа, нависшая над Россией, ценой невероятных усилий и колоссальных жертв была предотвращена, и все горести военного времени сменились восторгами Великой Победы. В ходе Великой Отечественной войны проснулись лучшие стороны народной души — любовь к Родине, самоотверженность, негибкая воля, удивительная храбрость, бесстрашие, чувство гражданства, великодушные, энтузиазм. Разгром ненавистного врага сохранил российскую государственность — целостность, независимость и суверенитет страны. Выигрыш в войне спас наш народ от полного уничтожения, дал ему перспективу дальнейшего исторического развития, способствовал росту общественного самосознания, поэтому мы по праву гордимся Великой Победой, одержанной советским народом в Великой Отечественной войне над фашистской Германией. Самая жестокая из

войн, которую когда-либо пришлось вести людям на земле, была нами выиграна.

Кровопролитная война перевернула жизнь всего населения СССР. Для всех слоев общества, для всех наций и народностей, для каждого гражданина она стала поистине Отечественной, священной. Война потребовала напряжения всех сил и ресурсов страны, подвергла жесточайшей проверке сознание народа. На весы войны наряду с материальной силой — танками, самолетами, «катюшами» — был брошен огромный силы духовный заряд, громадная народная душа, что позволило выстоять и победить в этой смертельной схватке. Духовные силы народа зависели от воздействия различных условий и обстоятельств, но многие их базисные элементы были сформированы задолго до испытаний. Они отражали как исторические традиции и особенности российского менталитета, так и процессы и изменения, произошедшие в стране и обществе в 1920—1940-е годы. Вместе с пониманием справедливого характера войны этот базис создал основы духовных сил народа.

Несмотря на десятилетия, прошедшие после окончания войны, интерес к ее истории все так же велик. Каждое вступающее в жизнь поколение заново осмысливает героические и трагические страницы минувшей войны, воздаст должное бессмертному подвигу народа-победителя, извлекает для себя уроки из прошлого на настоящее и будущее.

Победа в Великой Отечественной войне — это не только историческая дата, но и напоминание о цене, которую заплатил наш народ за мир и общественный прогресс. День Победы служит предостережением о недопустимости новой мировой войны, которая может стать для человечества последней.

К сожалению, даже спустя почти 70 лет после окончания войны некоторые публицисты и историки не только за рубежом, но и в России пытаются фальсифицировать историю Великой Отечественной войны и умалять роль и значение Великой Победы советского народа над германским фашизмом.

Время неумолимо: солдат Великой Отечественной войны, спасших Россию и мир от коричневой чумы XX столетия, остается все

меньше и меньше, поэтому задача историков, занимающихся проблемами войны, заключается в том, чтобы донести до сознания подрастающего поколения правду о войне.

Этому величайшему событию XX века посвящено данное учебное пособие к курсу лекций, в котором рассмотрены все основные события Великой Отечественной войны и спорные проблемы, которые поднимаются исследователями с конца 1980-х годов и до наших дней. Немало внимания в данной работе уделено историографическому анализу спорных проблем войны, приводятся разные точки зрения и разные подходы к неоднозначным проблемам войны. Книга окажется

полезной не только студентам исторических факультетов, но и преподавателям средних специальных учебных заведений, учителям гимназий, лицеев, средних школ и всем, кто интересуется проблемами Великой Отечественной войны.

Первое издание учебного пособия «Советский Союз накануне и в период Великой Отечественной войны» (Оренбург, 2009) заняло 2-е место во Всероссийском конкурсе на лучшее учебное пособие по военной тематике, который проводило Министерство образования и науки РФ в ноябре 2009 г. Автор был удостоен диплома Минобрнауки Российской Федерации второй степени.

1. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ НАКАНУНЕ НАПАДЕНИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Рекомендуемая литература: 31; 43; 82, т. 1; 83; 95; 112; 111; 139; 173; 174; 222.

1.1. Военно-экономический потенциал СССР накануне фашистской агрессии

Во многих войнах прошлого и особенно XX века исход важнейших сражений и битв и в целом вооруженного противоборства государств был самым тесным образом связан с состоянием и возможностями их тыла, экономики. Хотя достижение победы в той или иной операции зависело от ряда других важных факторов, успеха, как правило, добивалась армия, оснащенная современными средствами вооруженной борьбы и опиравшаяся на крепкий, организованный тыл, на достаточно мощный военно-экономический потенциал.

В научной литературе и современной (во многом конъюнктурной) публицистике на исторические темы можно встретить различные суждения по этому вопросу. От утверждений, что народное хозяйство СССР к лету 1941 г. оказалось неготовым к войне и эта неготовность была «потрясающей» и «ужасной», до прямо противоположной точки зрения. По мнению ведущего исследователя Великой Отечественной войны Г. А. Куманева, и те и другие оценки представляются слишком категоричными и односторонними, ибо в довоенные годы процесс развития и укрепления военно-экономического потенциала Советского государства, повышения его мобилизационной готовности был весьма сложным. Ведь именно тогда, в 1930-е годы, в основание будущей Победы закладывался прочный экономический фундамент.

Процесс создания современного экономического и оборонного потенциала и его

всемерного укрепления осуществлялся в чрезвычайно трудной обстановке, когда в строительстве нового общества происходили серьезные деформации, утверждалась и усиливалась тоталитарная система. Накануне фашистского вторжения в Советском Союзе сформировалась довольно стройная система тоталитарного государства социалистического типа. Особенность заключается в том, что государство, его функции были поглощены партией, она же стояла во главе переустроенного в соответствии с господствующей идеологией общества.

В конце 1930-х годов созидательный труд советского народа был направлен на выполнение третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1938—1942 гг.). Рост промышленной продукции за пятилетку предусматривался на 92%.

Индустриализация, проведенная в годы предвоенных пятилеток, поставила СССР в один ряд с развитыми государствами мира. В результате предельной концентрации сил для развития индустриальной базы доля СССР в мировом промышленном производстве к концу 1930-х годов поднялась от 4% (показателя дореволюционной России) до 10%. СССР вышел на первое место в Европе по общему объему промышленного производства и на второе место в мире. Из отсталой аграрной страны СССР все более превращался в развитую индустриальную, экономически независимую державу.

Курс на преимущественное развитие производства средств производства, осуществленный за счет крестьянства, на базе всеохватывающей государственной моно-

полии обеспечил экономическую независимость Советского государства.

По сравнению с 1926 г. объем валовой продукции всей промышленности Советского Союза увеличился к началу Великой Отечественной войны в 7 раз, а тяжелой промышленности — в 11 раз. Основные фонды выросли к 1940 г. по сравнению с 1928 г. на 128%. Особенно стремительно развивалась промышленность в 1928—1937 гг. К концу этого десятилетия СССР занимал первое место в мире по добыче марганцевой руды, выработке синтетического каучука; а по выпуску валовой продукции машиностроения, тракторостроения и производству нефти, чугуна — первое место в Европе и второе место в мире; по производству электроэнергии, стали и алюминия — второе место в Европе и третье в мире; по добыче угля — третье место в Европе, четвертое — в мире. Только за 3,5 года третьей пятилетки было введено в строй около 3 тыс. крупных предприятий. Появляются новые отрасли: станкостроение, авиационная и автомобильная промышленность, тракторостроение и химическая промышленность. Ускоренными темпами развивались металлургия, электроэнергетика, топливно-сырьевые отрасли.

Исторические факты убедительно свидетельствуют, что ни в одной стране мира не было столь широкого размаха капитального строительства, как в СССР в годы довоенных пятилеток. Советская страна представляла гигантскую строительную площадку, где в среднем ежедневно вступали в строй по два крупных промышленных предприятия. К началу войны возникло более 360 новых городов, ставших опорными базами индустрии, введено в действие свыше 11 тыс. новых крупных заводов и других предприятий, которые давали $\frac{3}{4}$ всей промышленной продукции страны.

В годы третьей пятилетки большое значение придавалось созданию заводов-дублеров на востоке страны, что сыграло важную роль в условиях начавшейся Великой Отечественной войны.

За три с половиной года третьей пятилетки были введены в строй такие передовые в техническом отношении предприятия, как Ново-Тагильский металлургический завод, Среднеуральский медеплавильный за-

вод, «Уралхиммаш», Горьковский завод тяжелого станкостроения, Московский завод малолитражных автомобилей и др. Крупные металлургические заводы строились в Забайкалье (Петровско-Забайкальский) и на Дальнем Востоке («Амурсталь»).

Были построены Угличская, Рыбинская, Конаковская, Комсомольская и другие электростанции. Развернулись работы по строительству Куйбышевского гидроузла и т.д. По мощности электростанций и выработке электроэнергии СССР вышел на третье место в мире (после США и Германии).

Черная металлургия служила основой военно-промышленной базы страны. В до-революционной России более двух третей чугуна, стали и проката производилось на Юге. После создания второй угольно-металлургической базы СССР размещение производства металла изменилось. На востоке страны возникли гиганты черной металлургии, оснащенные передовой техникой: Магнитогорский, Кузнецкий и Ново-Тагильский комбинаты, Челябинский и Новосибирский заводы. В 1940 г. производство чугуна на Востоке увеличилось по сравнению с 1913 г. с 21,4 до 28,5%, стали — с 21,2 до 32%, проката — с 18,8 до 32,1%.

Несмотря на энергичные меры по строительству предприятий черной металлургии на востоке страны, предпринятые в годы предвоенных пятилеток, главной базой металлургии по-прежнему оставались предприятия, расположенные вблизи советской западной границы, на Украине. Там накануне войны производилось почти $\frac{2}{3}$ чугуна, около $\frac{1}{2}$ всей стали и проката. Украина давала также $\frac{2}{3}$ добычи железной руды и более $\frac{2}{3}$ выжига кокса. На восточные районы страны приходилась примерно $\frac{1}{3}$ производства черной металлургии.

В металлургическом комплексе большие усилия предпринимались по добыче и производству цветных металлов: без алюминия, меди, свинца, никеля, цинка, вольфрама, олова, молибдена не могло быть и речи о производстве современной техники. К началу 1940-х годов были созданы многие крупные базы цветной металлургии: Норильский и Южно-Уральский никелевые комбинаты, Днепровский и Уральский алюминиевые заводы, Днепровский и Соликамский маг-

ниевые, Чимкентский свинцовый, Забайкальский вольфрамовый и многие другие предприятия. С центрами цветной металлургии было связано становление и развитие таких городов, как Норильск, Березники, Медногорск, Бокситогорск и др.

Только за период с 1932 по 1940 г. включительно производство важнейших видов цветной металлургии увеличилось в 2—6 раз. Однако этого было недостаточно, и накануне войны многие отрасли промышленности, прежде всего авиастроение, автостроение, приборостроение, радиотехника, электроэнергетика, испытывали довольно острый дефицит цветных металлов.

Рост экономического и оборонного потенциала страны во многом зависел от состояния химической промышленности. Если в начальный период индустриализации СССР ввозил из-за границы около 100 видов химической продукции, то к началу 40-х годов потребности народного хозяйства удовлетворялись в основном собственным производством. В годы предвоенных пятилеток было построено свыше 75 крупных химических заводов и комбинатов.

Огромный вклад в развитие химической промышленности внесли геологи. Если в дореволюционной России добывалось менее 20 элементов таблицы Менделеева, то накануне войны — более 80. Это резко повысило возможности химического производства как в народнохозяйственных, так и в оборонных целях.

Важным достижением советских химиков явилось создание и производство синтетического каучука. К началу войны действовало 5 заводов (Ярославль, Воронеж, Ефремов, Казань, Ереван).

В топливном балансе СССР накануне войны около 60% занимал уголь. В стране работало 546 угольных шахт. Донбасс традиционно оставался «главной кочегаркой» страны и давал больше угля, чем все остальные бассейны. За годы довоенных пятилеток были созданы мощные угольные базы на Востоке страны — Кузбасская и Карагандинская. Началась добыча угля в Печерском бассейне. Если в 1913 г. удельный вес восточных бассейнов в общей добыче угля составлял 12%, то перед войной он повысился втрое. Добыча угля в СССР увеличилась со

128,0 млн. т в 1937 г. до 165,9 млн. т в 1940 г. Если дореволюционная Россия занимала по добыче угля шестое место в мире и пятое в Европе, то накануне войны СССР, как указывалось выше, по добыче угля занимал четвертое место в мире и третье в Европе.

К началу войны угольная промышленность СССР, особенно в восточных районах (в Кузбассе и Караганде), имела большие резервы, что явилось важнейшей предпосылкой, обеспечившей работу угольной промышленности в условиях войны. Постепенно росла техническая оснащенность угледобычи. Но все же уровень механизации в советской угольной промышленности отставал от развитых западных стран. Основным инструментом в угледобыче оставались бурильные и отбойные молотки, многие производственные процессы велись вручную.

Советская страна обладала мощной нефтяной базой и огромными запасами жидкого топлива. Основная масса нефти добывалась в Бакинском нефтяном районе — более 70% всего производства нефти. На втором месте находились северокавказские источники нефти (Грозный, Майкоп), дававшие 15% нефти, за ними следовали нефтяные месторождения на Урале и в других районах страны.

Перед войной началась разработка новых месторождений нефти и создание мощной нефтяной базы в Урало-Поволжском районе, получившей название «Второго Баку». В районах Поволжья, Урала, Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана добыча нефти развивалась особенно быстрыми темпами. Так, если добыча нефти в целом по СССР выросла на 45% в 1940 г. по сравнению с 1932 г., то по указанным районам она увеличилась почти в 7 раз. Удельный вес добычи нефти в этих районах в общей добыче нефти по СССР возрос с 2,6% в 1932 г. до 12,2% в 1940 г.

В предвоенные годы увеличилось число электростанций в восточных районах. Там вырабатывалось более ¼ всей электроэнергии в стране.

На востоке воздвигались и предприятия цветной металлургии. Развивалось отечественное станкостроение, хотя в большинстве случаев импортное оборудование было по качеству куда выше.

Важное военно-хозяйственное значение имело создание государственных резервов. Они предназначались для быстрого наращивания военного производства и создания в случае необходимости новых отраслей оборонной индустрии. Запасы сырья, металла, топлива, станков, продовольствия, инструментов, оборудования накапливались высокими темпами. За полтора года до фашистского нападения государственные резервы СССР увеличились почти вдвое.

Коллективизация сельского хозяйства была завершена к концу 2-й пятилетки. Накануне войны деревня еще не преодолела кризисную ситуацию, вызванную раскулачиванием, выселением крестьян и последовавшим за тем голодом. Тем не менее государству удалось создать продовольственные резервы на случай крайней необходимости за счет низкого уровня жизни крестьян и малообеспеченных горожан. Резервы и запасы по ржи, пшенице, овсу, муке и крупе достигли к 1 января 1941 г. 6162 тыс. тонн. Накопление госрезервов и мобилизационных запасов дало возможность создать соответствующие фонды продовольствия и фуража для 4—6-месячного обеспечения армии в военное время.

Жизнь была тяжелой не только из-за ограниченности материальных благ. Страна жила в лихорадке из-за репрессий, обрушившихся волна за волной на незащитных граждан.

Для теоретического обоснования массового террора Сталин на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) выдвинул положение об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Сталин разъяснял, что в новых условиях появились и «современные вредители», «диверсанты», «обладающие партийным билетом». Выступивший на том же пленуме с докладом Молотов объявил, что чуть ли не все партийные организации засорены вредителями. С удовлетворением докладчик сообщил, что с 1 октября 1936 г. по 1 марта 1937 г. было «разоблачено» в качестве «членов антисоветских троцкистских организаций» и осуждено 1984 хозяйственных руководителя. Только за один день — 21 ноября 1938 г. — НКВД представил список для санкции на расстрел 292 руководящих работников, в том числе

26 арестованных наркомов, заместителей наркомов и председателей облисполкомов. Сталин, Молотов и Каганович санкционировали расстрел 229 человек, включая 21 наркома.

Трудности, которые переживала страна в связи с быстрым ростом промышленного производства и революционными изменениями в народном хозяйстве, зачастую усугубленные ошибками и просчетами самого Сталина, он пытался выдать за происки врагов. Репрессии обрушились не на одних партийных и советских работников, среди которых были видные деятели партии, но и рядовых граждан — рабочих, крестьян, интеллигентов. Они лихорадили страну, мешали развитию производства, вселяли страх и неуверенность, сковывали инициативу. Руководители предприятий сменялись один за другим. Новые люди, пришедшие к руководству народным хозяйством, часто не обладали необходимым опытом и знаниями. Обстановка шпиономании, искусственно созданная Сталиным, усиливала подозрительность и открывала широкий простор для честолюбцев и подхалимов, для людей беспринципных, карьеристов, шкурников и клеветников. В этих условиях требовалось известное мужество, чтобы взять на себя ответственность за то или иное производственное новшество, особенно если его преимущества становились очевидными не сразу, а спустя некоторое время. Иные руководители предприятий сторонились всего нового, дабы не подвергнуться риску быть обвиненными во вредительстве.

Все это вместе с причинами экономического порядка не могло не сказаться отрицательно на развитии народного хозяйства, особенно в области черной металлургии. После 1938 г. там наблюдалось падение производства или топтание на месте. В 1938 г. было произведено 14 652 тыс. т чугуна, в 1939 г. эта цифра уменьшилась на 132 тыс. т. Выпуск стали за то же время (1938 г. — 18 057 тыс. т) сократился на 493 тыс. т, проката (1938 г. — 13 258 тыс. т) — на 529 тыс. т.

Положение в черной металлургии обсуждалось ЦК ВКП(б) и Совнаркомом СССР, которыми 2 июня 1940 г. принято специальное постановление, позволившее несколько выправить положение. В 1940 г.

по сравнению с 1938 г. производство чугуна выросло на 250 тыс. т, стали — на 260 тыс. т, однако положение с прокатом продолжало оставаться неудовлетворительным и начало выправляться лишь в первой половине 1941 г. В 1940 г. было произведено проката на 240 тыс. т больше, чем в 1939 г., но на 145 тыс. т меньше, чем в 1938 г. Некоторое снижение выплавки чугуна, стали и проката замедляло, в свою очередь, развитие машиностроения. Например, производство автомобилей сократилось в 1940 г. по сравнению с 1939 г. на 28%, а тракторов — на 25%.

Широкое распространение накануне войны получило применение принудительного труда. В системе НКВД были не только лагеря, но и так называемые «шарашки» — тюрьмы-лаборатории, где содержались крупнейшие инженеры и ученые, которые выполняли особо важные задания по оборонной технике (авиаконструкторы А. Н. Туполев, С. П. Королев, В. П. Глушко и др.).

О месте НКВД в советской экономике можно судить по общегосударственному плану капитальных работ на 1941 г. На долю НКВД приходилось 18% от общего объема, а из предназначенных к вводу в действие объектов — более 12%.

В стране продолжались работы по проектированию и сооружению железной дороги от Забайкалья до Тихого океана, начатые в 1932 г. В 1938 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли новое постановление «О строительстве Байкало-Амурской магистрали», в котором указывалась общая протяженность магистрали (5 тыс. км); завершить строительство предполагалось в 1945 г. Для сооружения БАМа в мае 1939 г. создан Нижне-Амурский лагерь НКВД, в котором к началу 1940 г. насчитывалось свыше 6 тыс. человек. Ужасающие условия жизни заключенных, отсутствие инструментов и техники находились в резком противоречии с планами строительства. Так, на западном участке БАМа (Тайшет — Падум) движение поездов следовало открыть в 1940 г., но за 1938—1941 гг. на нем вместо 350 км пути построено менее 70 км.

На предприятиях обычного типа дело шло своим чередом, но довольно неважно. Будучи не в состоянии справиться нормальными методами с бесхозяйственностью в

общенациональном масштабе, государство ввело в 1938 г. трудовые книжки. Они хранились в отделе кадров предприятия, и без их предъявления нельзя было поступить на работу, т.е. фактически это была попытка прикрепления работников к предприятию. Однако этого оказалось недостаточно. Новые антирабочие законы последовали в июне и июле 1940 г. 26 июня 1940 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий, учреждений». По этому закону продолжительность рабочего дня была увеличена с 6—7 часов до 8, шестидневная неделя заменена семидневной (6 рабочих дней, седьмой — воскресенье — выходной). В результате рабочее время увеличилось на 33 часа в месяц. Переход рабочих с одного предприятия на другое запрещался. За прогулы и опоздания устанавливалось наказание. За самовольный уход рабочие предавались суду и по приговору народного суда подвергались тюремному заключению сроком от 2 до 4 месяцев. За прогул без уважительной причины рабочие и служащие предавались суду и по приговору народного суда карались исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25%. Эти дела надлежало рассматривать в пятидневный срок. 17 июля 1940 г. принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-тракторных станциях».

Предприятия военной промышленности переводились на суточный график работы. Ряд из них (авиационные) уже в мирное время были переведены на военные рельсы. Весь руководящий состав ходил в военной форме.

10 июля 1940 г. издан указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями», в котором говорилось, что выпуск недоброкачественной продукции следует считать противогосу-

дарственным преступлением, равносильным вредительству. За выпуск недоброкачественной или продукции с нарушением обязательных стандартов директоров, главных инженеров, начальников отделов технического контроля промышленных предприятий следовало предавать суду и по приговору суда подвергать тюремному заключению сроком от 5 до 8 лет.

В октябре 1940 г. образована система Государственных трудовых резервов, которая предназначалась для подготовки молодых рабочих (от 14 лет). 28 декабря 1940 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности учащихся РУ, ЖУ и ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)», по которому учащиеся за самовольный уход, а также за грубое нарушение школьной дисциплины, повлекшее исключение из училища (школы), подвергались по приговору суда заключению в трудовые колонии сроком до 1 года.

Одновременно с ужесточением рабочего законодательства применялись меры морального стимулирования труда. Так, в 1938 г. была установлена высшая степень трудового отличия — звание Героя Социалистического Труда и учреждены медали «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие».

Ассигнования на оборону в государственном бюджете страны составили в годы первой пятилетки всего лишь 5,4% всех бюджетных средств, во второй — 12,6, а за три года третьей пятилетки достигли в среднем 26,4%. В связи с войной в Европе, увеличением армии ассигнования на оборону в 1941 г. были предусмотрены в размере 43,4% госбюджета. На выпуск военной продукции переводились сотни цехов и предприятий гражданского сектора.

Кроме того, сооружение многих заводов и фабрик и работа многих предприятий, производивших гражданскую продукцию, планировались с таким расчетом, чтобы при необходимости их можно было быстро перевести на выпуск военной продукции. Крупные предприятия на случай войны имели военно-мобилизационные планы. Предусматривалось переключение тракторных заводов — самых мощных в Европе, а так-

же автомобильных, паровозостроительных и судостроительных предприятий на производство танков; на выпуск вооружения и боеприпасов — всей машиностроительной промышленности.

Значительные усилия были предприняты по созданию и размещению в восточных районах СССР заводов-дублеров. К лету 1942 г. на Урале, в Поволжье, Западной и Восточной Сибири находилась почти шестая часть всех военных заводов страны. По некоторым видам вооружения и боеприпасов они производили свыше 34% продукции всей оборонной промышленности.

Ценой огромного напряжения в процессе индустриализации страны в предвоенные годы удалось создать оборонную промышленность, которая по темпам роста валовой продукции опережала другие отрасли индустрии. Если за три года третьей пятилетки (1938—1940 гг.) ежегодный прирост продукции всей промышленности СССР составлял в среднем 13%, то оборонной — 39%. Такое форсированное развитие военного производства диктовалось необходимостью всемерного повышения обороноспособности СССР в условиях все возрастающей угрозы фашистской агрессии.

В 1939—1940 гг. выявилось, что вооружение и техническое оснащение Красной Армии по некоторым видам боевых средств отстают от технической оснащенности армий фашистского блока. Так, самолеты Германии летали быстрее и выше советских, имели большую огневую мощь. Требовалось в кратчайшие сроки ликвидировать подобное отставание.

Были построены и оснащены передовой техникой авиационные и танковые заводы, крупные предприятия по производству артиллерийских орудий и стрелкового вооружения, реконструированы старые военные заводы. Все это позволило существенно увеличить производство различных видов боевой техники. С января 1939 г. по 22 июня 1941 г. промышленность СССР дала Красной Армии 17 745 боевых самолетов, свыше 7 тыс. танков, около 30 тыс. полевых орудий, почти 52,4 тыс. минометов. ВМФ были переданы десятки новых современных кораблей.

Среди отраслей народного хозяйства оборонные отрасли были полностью при-

оритетными. «...Не было случая, чтобы какой-то наш заказ не был выполнен, — отмечал нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин. — ...Мы брали все или почти все. Например, забирали почти весь алюминий, магний, кобальт, легированные стали, абсолютное большинство легированных труб и т.д. Здесь мы были монополистами: нам давали то, что никому не давали».

Значительным был прогресс в области самолетостроения, одной из самых молодых отраслей промышленности. Сюда пришли талантливые конструкторы, инженеры — А. Н. Туполев, А. С. Яковлев, С. В. Ильюшин, С. А. Лавочкин, А. И. Микоян, В. М. Петляков, А. А. Архангельский и др.

В 1939 г. конструктор Яковлев и его сотрудники создали новый истребитель Як-1. В 1940 г. по проекту конструкторов Микояна и Гуревича были выпущены истребители МиГ-3, а по проекту Лавочкина и его сотрудников — истребитель ЛаГ-3. Истребитель МиГ-3 развивал скорость до 629 км в час, поднимался на высоту до 12 тыс. м и мог покрыть расстояние в 700 км. Советские самолетостроители изготовили также великолепный штурмовик Ил-2 (конструктор Ильюшин), который по своим тактико-техническим данным не имел аналогов в мировой авиации, и пикирующий бомбардировщик Пе-2 (конструктор Петляков).

Однако серийное производство новых самолетов едва начинало налаживаться. В 1940 г. выпущено всего 20 самолетов-истребителей МиГ-3, 2 самолета Пе-2 и 64 самолета Як-1. В первой половине 1941 г. производство новых самолетов резко возросло, но не могло удовлетворить потребности вооруженных сил, самолетный парк которых значительно устарел. Новых истребителей выпущено 146, пикирующих бомбардировщиков Пе-2 — 548, штурмовиков Ил-2 — 249.

Всего за три с половиной довоенных года страна получила более 22 тыс. боевых самолетов.

Несмотря на то, что к началу войны парк советских ВВС значительно пополнился, большую часть из них все еще составляли машины устаревших конструкций. Например, в общем парке боевых самолетов было 82,7% старых типов и только 17,3%

новых. К сожалению, и некоторые самолеты новых типов по ряду тактико-технических данных уступали германским. Главный недостаток заключался в слабом вооружении и низкой живучести. На 1 июня 1941 г. только 9,8% общего количества истребителей имели пушечное вооружение, остальные 90,2% — пулеметное. Также необходимо указать еще один фактор, заметно ослабивший боевую мощь ВВС страны, — недостаточную готовность ее летного состава. К полетам в действительно сложных условиях военного времени к июню 1941 г. сумели подготовиться только отдельные соединения, а к ночным полетам — не более 15% летного состава.

Фашистская агрессия, таким образом, застала ВВС страны и ее авиапромышленность в стадии широкой реорганизации, повышения квалификации и мастерства всех кадров авиаторов.

Значительными возможностями обладала танковая промышленность. В стране сформировались два мощных центра танкостроения — в Ленинграде и Харькове. Накануне фашистской агрессии танки, танковые моторы и броню производили 9 заводов. И здесь работала плеяда талантливых конструкторов. Среди них Н. В. Барыков, профессор В. И. Заславский (впоследствии стал жертвой репрессий периода культа личности), В. М. Дорошенко, Ж. Я. Костин, Н. А. Кухаренко и др. Однако война в Европе (1939—1940 гг.) показала, что находившиеся в серийном производстве танки БТ, Т-37, Т-38, Т-26, Т-35 устарели.

В 1939 и 1940 г. созданы новые типы танков — тяжелый КВ и средний Т-34. На Кировском заводе г. Ленинграда в результате напряженной работы группы конструкторов во главе с Н. Л. Духовым и всего конструкторского коллектива (начальник конструкторского бюро Ж. Я. Котин) был создан принципиально новый образец тяжелого танка КВ. На нем установили 76-мм пушку. В декабре 1939 г. танк КВ был принят к производству и на вооружение Красной Армии.

В следующем году коллектив конструкторов Харьковского завода под руководством М. И. Кошкина (главный конструктор), А. А. Морозова и Н. А. Кучеренко создал лучший в мире по тому времени танк Т-34. Его твор-

цам удалось блестяще решить проблему оптимального сочетания надежной бронезащиты, высоких показателей огневой мощи, эффективного вооружения, подвижности и большой маневренности. В 1940 г. два танка Т-34 первого выпуска совершили пробег по маршруту Харьков — Москва. После их демонстрации руководством страны принято решение о начале серийного производства Т-34 для вооружения Красной Армии.

По своим боевым качествам эти танки превосходили известные в то время типы боевых машин, производившиеся в других государствах. Однако до начала войны серийное производство новых образцов еще только налаживалось. В 1940 г. удалось изготовить только 246 танков КВ и 115 (при плане 600) танков Т-34. В первом полугодии 1941 г. танковая промышленность только начинала набирать темпы и произвела 396 танков КВ и 1110 — Т-34.

Промышленность выпускала значительное количество разнообразного артиллерийско-стрелкового вооружения. В конструкторском бюро под руководством В. Г. Грабина, И. И. Иванова, Ф. Ф. Петрова, Б. И. Шавырина и других разрабатывались новые типы орудий и совершенствовались старые. Большая работа по улучшению стрелкового оружия проводилась под руководством Г. С. Шпагина, В. А. Дегтярева, Ф. В. Токарева. Многие образцы советского артиллерийского вооружения превосходили по своим показателям иностранные.

Был изобретен реактивный миномет — «Катюша», но серийного производства не было. 21 июня 1941 г. эта реактивная установка принята на вооружение и начато ее серийное производство. Имелись серьезные недостатки в производстве артиллерийского вооружения. В своих мемуарах Б. Л. Ванников, трижды Герой Социалистического Труда, занимавший пост народного комиссара вооружения, приводит пример поразительной некомпетентности и легкомысленного отношения к вопросам производства современного оружия со стороны некоторых руководителей, непосредственно отвечавших за это дело. Начальник Главного артиллерийского управления Г. И. Кулик предложил накануне войны снять с производства 76-мм пушку и вместо нее быстро сконструировать

и запустить новую 107-мм танковую пушку, а 76-мм пушка являлась лучшей современной пушкой. Сталин одобрил это решение Кулика. Было решено прекратить выпуск «самых нужных для борьбы с танками противника 45- и 76-мм пушек». Недостаточно имелось и зенитных орудий для борьбы с авиацией будущего противника.

Долго затягивался запуск в серийное производство прекрасного миномета, сконструированного Б. И. Шавыриным. Оно развернулось только в 1940 г. К началу войны было выпущено 82-мм минометов 14 200 штук, 120-мм — 3200. К сожалению, большинство выпускавшихся к началу войны минометов были 50-мм калибра с небольшим радиусом поражения.

Для обстановки культа личности характерно, что виновником срыва производства минометов был выставлен не кто иной, как их конструктор Б. И. Шавырин, которого обвинили во вредительстве. Наркому вооружений удалось не допустить его ареста, но зато в начале июня 1941 г. арестовали самого наркома Б. Л. Ванникова.

Крупными просчетами в развитии артиллерийского вооружения явились отсутствие самоходно-артиллерийских установок и незначительный вес войсковой артиллерии на механической тяге. Большая часть дивизионной артиллерии была на конной тяге, что сильно снижало мобильность и маневренность войск.

Неблагополучно обстояло дело и с производством автоматов. Техническая неграмотность и боязнь ответственности приводили к тому, что Кулик, не имея своего обоснованного мнения, фактически тормозил выпуск новых образцов. Он считал, что автомат — это оружие полиции западных стран, а не бойца Красной Армии. Поэтому основным индивидуальным оружием оставалась трехлинейка Мосина образца 1891 г., модернизированная в 1930 г. Только к лету 1941 г. первая партия автоматов (100 тыс. шт.) произведена и отправлена в войска. Германия за 1940—1941 гг. выпустила 500 тыс. автоматов, что вместе с изготовленными ранее позволило каждого 12—15-го солдата вооружить автоматом.

Каждый 10-й немецкий солдат являлся водителем автомашины, в то время как на

советскую дивизию приходилось 560 машин и свыше 3 тыс. лошадей.

За годы довоенных пятилеток создана прочная промышленная база для производства боеприпасов. Темпы ее развития резко возросли в 1939 г. В июне этого года Комитет обороны при СНК СССР утвердил мобилизационный план по боеприпасам, который предусматривал увеличение выпуска боеприпасов в 4,6 раза по сравнению с 1937 годом. В соответствии с этим планом в стране развернулось строительство 24 заводов и одного комбината по производству боеприпасов, а также реконструкция 28 заводов. Уже в 1941 г. отечественная промышленность была способна увеличить выпуск боеприпасов более чем втрое по сравнению с 1940 г. Только с января по июнь 1941 г. производство боеприпасов по важнейшим видам увеличилось на 66,4%.

Таким образом, военно-экономический потенциал страны, созданный самоотверженным трудом народа, не только обеспечивал важнейшие потребности Вооруженных Сил СССР накануне вражеского нашествия, но и был способен даже в тяжелейших условиях войны значительно наращивать свое военное производство. Именно этот прочный и надежный потенциал послужил материальной основой достижения Великой Победы над фашистским блоком.

1.2. Вооруженные силы и военное искусство

Вооруженные силы формировались на основе всеобщей воинской повинности. В 1932 г. началась реорганизация Красной Армии. Ее численность к 1939 г. возросла почти в 4 раза. На 1 мая 1940 г. наличный состав Красной Армии составлял 3991 тыс. человек.

Важная роль в поддержании вооруженных сил на уровне современных требований принадлежала военной науке, которой разрабатывалась система взглядов на стратегию и тактику вооруженных сил.

Опыт гражданской войны, локальных войн 1920—1930-х годов изучался и применялся в ходе обучения войск. В 1930-е гг. советская военная наука являлась источником

передовых идей в мировой военной науке. В 1932 г. в Красной Армии впервые в мире были сформированы механизированные корпуса, а в 1934—1935 гг. бронетанковые и механизированные части выделены в специальный род войск. Это смелое революционное решение, исходившее из правильных предпосылок о возрастающей роли названного рода войск в грядущей войне.

Уничтожение наиболее опытных командных кадров привело к резкому снижению уровня военно-теоретической мысли (маршалы Тухачевский, Блюхер, Егоров, Якир, Путна, Уборевич, Корк, Эйдеман, Фельдман). 12 июня 1937 г. Тухачевский и его товарищи были расстреляны. Покончил самоубийством начальник Главного политического управления Гамарник.

В 1939 г. сделан неправильный вывод из опыта применения танков во время войны в Испании — признано нецелесообразным сохранение крупных бронетанковых соединений, механизированные корпуса расформированы. Нарком обороны Ворошилов и в 1938 г. продолжал утверждать, что красная кавалерия по-прежнему является победоносной и сокрушающей силой и может решать большие задачи на всех боевых фронтах.

За 1934—1939 гг. численность личного состава кавалерии выросла на 52%.

Советский Союз был родиной парашютизма и созданных позднее на этой основе авиадесантных войск. Высадка авиадесантов с успехом демонстрировалась на маневрах 1934 и 1935 гг., на которых присутствовали военные делегации ряда капиталистических государств. По мнению иностранных экспертов, Красная Армия являлась в середине 1930-х годов одной из самых передовых и современных армий мира. Этот вывод сыграл немаловажную роль для принятия французским, а затем чехословацким правительствами решений о заключении с СССР договоров о взаимной помощи. Советская военная наука придавала большое значение моральному фактору, и эта правильная ориентация оправдала себя во время войны с Германией и при обороне, и в наступлении. Большое внимание уделялось физической подготовке бойцов.

Предполагалось, что война будет вестись на чужой территории и победа будет

достигнута малой кровью. Эти положения имели существенные изъяны — исключалась возможность ведения войны на своей территории и больших людских потерь. Командарм Штерн заявил, что в будущей войне мы сможем за каждого погибшего красноармейца положить 10 врагов. Ворошилов дополнил, что десяти будет мало — надо двадцать. Жизнь посмеялась над этими стратегами. Для победы над маленькой Финляндией потребовалось 105 дней. Хотя начальник Генштаба крупнейший специалист своего дела Шапошников предложил основательно подготовиться к войне, провести разведку, передислоцировать войска, подтянуть резервы и тыловые службы. Весь мир увидел, что Красная Армия не является серьезной военной силой, не способна вести современную войну. Сталин был взбешен и попытался возложить вину на наркома обороны. Новым наркомом обороны вместо Ворошилова назначили 45-летнего маршала Тимошенко, а начальником Генштаба — 43-летнего генерала Мерецкова. Оба — Герои Советского Союза, удостоенные этого звания за советско-финскую войну.

Сыграла свою отрицательную роль и бытовавшая долгие годы политическая установка на безусловную вооруженную поддержку Красной Армии со стороны трудящихся капиталистических стран. Эти неправильные взгляды получили широкое хождение в армии и в народе. Они распространялись в произведениях некоторых писателей. Например, перед войной издана и быстро разошлась книга Н. Шпанова «Первый удар». По этой книге уже на второй день войны в Германии вспыхивали восстания против гитлеровского режима.

Мало внимания уделялось вопросам стратегической обороны. Предполагалось, что оборона будет иметь местный характер, строиться лишь на отдельных участках, а не на всем фронте вооруженной борьбы.

Исходя из опыта боев с японцами и финнами в 1940 и первой половине 1941 г., советское правительство приняло ряд решений, в которых обращалось внимание на серьезные недостатки в подготовке войск, в техническом оснащении, в подготовке приграничных оборонительных рубежей. В результате возросло общее число стрелковых

дивизий. Вновь стали создаваться механизированные корпуса, отдельные танковые и механизированные дивизии. За период с 1939 по июнь 1941 г. сформировано 125 новых дивизий. Большое внимание уделялось увеличению численности авиадесантных корпусов. Расширялась сеть ПВО. Формировались новые части инженерных войск, войск связи и др.

Серьезная ошибка допущена, когда в 1939 г. приняли решение о разоружении старой границы в связи со строительством новых оборонительных рубежей, но это дело затягивалось. Достаточно сказать, что планы строительства, утвержденные летом 1940 г., были рассчитаны на несколько лет.

Поскольку в случае войны предусматривалось отражение удара врага и перенесение военных действий на его территорию, основные склады и мобилизационные запасы размещались неподалеку от старой границы, в Белоруссии, на Украине, под Смоленском. В 1940 г. при рассмотрении правительством вопроса о месте размещения мобилизационных запасов представители центральных доведывающих управлений и Генерального штаба предлагали разместить их за Волгой. Однако Сталин отверг эти предложения и дал указание сосредоточивать мобилизационные запасы на территории приграничных военных округов.

Тимошенко, будучи сторонником единоначалия в армии, сумел убедить Сталина отменить введенный в 1937 г. институт военных комиссаров, который приводил к двоевластию в армии. 12 августа 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об укреплении единоначалия в Красной Армии и Военно-морском флоте». Этим указом отменялся институт военных комиссаров и вводились должности заместителей командиров по политической части.

В 1940—1941 гг. партия и правительство провели ряд мероприятий по укреплению воинской дисциплины в армии и во флоте. В июле 1940 г. издан указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за самовольные отлучки и дезертирство». В августе вступил в силу новый Дисциплинарный устав Красной Армии, который предъявлял повышенные требования к военнослужащим и устанавливал

воинские порядки применительно к боевой действительности.

Осенью 1939 г. Генеральный штаб по личному указанию Сталина приступил к разработке плана обороны страны и мобилизационного развертывания вооруженных сил под руководством начальника генерального штаба Шапошникова. Основным «разработчиком» являлся будущий Маршал Советского Союза полковник Василевский. Его основная идея заключалась в обеспечении готовности вести борьбу на два фронта: в Европе против Германии и ее союзников и на Дальнем Востоке — против Японии. Предполагалось, что западный театр военных действий будет основным. Здесь и должны быть сосредоточены главные силы Красной Армии. Нарком обороны, рассмотрев план, не утвердил его, полагая недостаточно решительными наши возможные действия по разгрому противника.

К августу 1940 г. план обороны был пересмотрен. Теперь его подготовкой руководил уже новый начальник Генерального штаба — Мерецков. Ответственным за его подготовку по-прежнему был Василевский. Он также считал, что главные усилия нашей армии целесообразно сосредоточить на Западном фронте — прикрыть смоленско-московское направление. 5 октября план обороны страны доложили Сталину. Но он считал, что основным направлением будет юго-западное, так как врагу нужен хлеб Украины, уголь Донбасса.

Одновременно с переработкой плана по указанию Сталина в Генеральном штабе готовили концептуальный документ: «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил на Западе и Востоке на 1940—1941 гг.». В «Соображениях» верно определялось, что главной опасностью является Германия. В качестве доктринальной задачи выдвигалось, что главные силы упорной обороной на госгранице на базе полевых укреплений не должны допустить вторжения противника на нашу территорию, обеспечить время для отмобилизования и затем мощными контрударами отрезать наступление противника, перенести боевые действия на его территорию. Предполагалось, что главные силы вступят в действие не ранее чем через две недели. Однако

ни «Соображения», ни готовящийся план не уделили должного внимания стратегической оборонительной операции. Фактически исключалась возможность прорыва крупных сил противника на большую глубину.

Когда на одной стратегической игре опробовали такой вариант, Сталин ядовито заявил: «Зачем культивировать отступательные настроения? Вы что, планируете отступление?».

В «Соображениях» и в плане предусматривалось равномерное построение войск: в первом эшелоне — 57, во втором — 52, в резерве — 62 дивизии. С началом войны это привело к тому, что соединения вступали в сражение поочередно и противник получил возможность вести их уничтожение по частям.

14 октября переработанный план обороны вновь доложили Сталину. Все его пожелания были учтены полностью, а это означало, что главным направлением основного удара германской армии ожидалось юго-западное. В начале июня 1941 г. принято решение, одобренное Сталиным, усилить юго-западное направление еще 25-ю дивизиями.

В принятии Сталиным таких решений большую роль сыграла широкомасштабная дезинформация, которую развернул отдел пропаганды фашистской Германии во главе с Геббельсом. Фашисты пытались дезинформировать высшее политическое руководство в отношении направления главного удара, сроков начала войны, ее стратегического замысла. Так, в апреле 1941 г. в Генштаб поступило сообщение от Наркомата госбезопасности, полученное по разведывательным каналам: «Выступление Германии против Советского Союза решено окончательно и последует в скором времени. Оперативный план наступления предусматривает молниеносный удар на Украину и дальнейшее продвижение на Восток».

В 1939 г. завершился переход к кадровой системе комплектования и организации войск, которая была закреплена Законом о всеобщей воинской обязанности, принятым 1 сентября 1939 г. внеочередной четвертой сессией Верховного Совета СССР. Из-за ограниченности финансовых средств и материальных ресурсов наша страна не могла содержать многочисленную кадровую ар-

мию, поэтому до конца 1930-х годов РККА строилась на основе смешанной системы. Хорошо обученные кадровые дивизии составляли небольшое ядро армии, а остальные дивизии являлись территориальными, т.е. комплектовались из мужчин, периодически призывавшихся на краткосрочные военные сборы. Естественно, что уровень боевой подготовки территориальных частей был значительно ниже, чем кадровых. Это показали первые же военные конфликты, в которых им довелось участвовать. Маршал Жуков вспоминал, что «по уровню подготовки наши территориальные части не шли ни в какое сравнение с кадровыми». В условиях нарастания военной угрозы территориальная система комплектования войск вошла в противоречие с потребностями обороны страны. В вооруженные силы в большом количестве поступала сложная боевая техника, для качественного освоения которой требовалось увеличение сроков военной службы и повышение качества обучения. Если к 1 января 1937 г. в сухопутных войсках было 58 кадровых, 4 смешанных и 35 территориальных стрелковых дивизий, то через два года, в 1939 г., все 98 дивизий и 5 бригад стали кадровыми. По новому закону призывной возраст понижался с 21 года до 19 лет, а для окончивших среднюю школу — до 18 лет.

Были увеличены сроки действительной службы до 3—5 лет: для младших командиров сухопутных войск и ВВС — с 2 до 3 лет, для всего рядового состава ВВС, а также рядового и младшего комсостава пограничных войск — до 3 лет, на кораблях пограничных войск — до 4 лет, на кораблях и частях флота — до 5 лет.

Из года в год росла численность РККА: в 1936 г. — 1,1 млн., в 1938 г. — 1,5 млн., 31 августа 1939 г. — более 2 млн., к 1 января 1941 г. — 4,3 млн., а к июню 1941 г. в армии и флоте служило 5 млн. 373 тыс. человек, т.е. за 5 лет численный состав вырос почти в 5 раз.

Если ошибки в области внешнеполитической и оперативно-стратегической мы называем почти невинно просчетами Сталина, то в области кадров его деяния были просто преступными. Репрессировано 40 тыс. человек офицерского состава (Г. А. Куманев называет 50 тыс.). 29 ноября 1938 г. нарком

обороны Ворошилов, выступая на заседании Верховного Совета, как о великом достижении доложил: «В ходе чистки в Красной Армии в 1937—1938 гг. мы вычистили более сорока тысяч человек... За 10 месяцев 1938 г. выдвинули более 100 тысяч новых командиров. Из 108 членов Военного совета старого состава осталось лишь 10 человек...».

Красная Армия потеряла своих лучших командиров как раз в тот момент, когда на горизонте все более сгущались тучи войны. В конце 1939 г. Сталин потребовал справку о качественном анализе командного состава армии и флота. Он долго молча всматривался в графы таблицы, скупыми цифрами повествующей об очень «зеленом» по возрасту составе. Около 85% командного состава армии и флота были моложе 35 лет. В молодости — сила, но и явный недостаток опыта. Сталин, не говоря ни слова, листал страницы доклада и молчал. Какие чувства испытывал вождь, взирая на бреши в командном корпусе? Едва ли кто скажет об этом. Известно лишь, что, увидев «пустоты» в кадровом составе, Сталин тут же предложил увеличить численность академий, создать новые училища.

Уже в 1940 г. было создано 42 новых училища, почти удвоено количество слушателей военных академий, созданы многочисленные курсы по подготовке младших лейтенантов. Сталин торопил, торопил... однако времени до часа испытаний оставалось катастрофически мало. Потери в высшем составе были слишком велики. Командира взвода можно подготовить за 6 месяцев на курсах. А командующего армией, округом?

В первой половине 1939 г. начала спадать волна выискивания «врагов народа» и «единомышленников» Тухачевского, Якира, Уборевича и других безвинно погибших военачальников.

В военном строительстве кадры были самым слабым местом. Огромный дефицит военных специалистов, образовавшийся в эти годы, можно было ликвидировать не раньше чем через 5—7 лет. К лету 1941 г. около 75% командиров и 70% политработников находились в своих должностях менее 1 года. Высшее военное образование к началу войны имели лишь 7% офицеров,

37% не имели полного среднего военного образования. Произошел молниеносный рост по карьерной лестнице молодых офицеров. Средний возраст командиров полков в то время был 29—33 года, командиров дивизии — 35—37 лет, а командиров корпусов и командармов — 40—43 года. Новые выдвиженцы по уровню образования и опыту уступали своим предшественникам. Несмотря на большую энергию и желание, они не успевали освоить свои обязанности по руководству войсками в сложных условиях.

Сталин тогда не знал оценок гитлеровскими военными специалистами состояния Красной Армии, ее кадров на начало 1941 г. Как стало известно уже после войны, Гитлер, зная о репрессиях в Красной Армии в 1937—1939 гг., затребовал доклад от своих разведорганов о качестве командного состава РККА. За полтора месяца до начала войны на основании доклада полковника Кребса, военного атташе Германии в СССР, других данных фюреру доложили: русский офицерский корпус ослаблен не только количественно, но и качественно. «Он производит худшее впечатление, чем в 1933 г. России потребуются годы, чтобы достичь его прежнего уровня...». В истории трудно найти прецедент, когда одна из сторон накануне смертельной схватки так бы ослабляла себя сама. Это не просто поощрило, но и подтолкнуло Гитлера к форсированию событий. Маршал Василевский писал: «Без 1937 г., возможно, не было бы войны в 1941 г.».

Невысокая квалификация командиров отражалась на уровне подготовки руководимых ими частей и подразделений. Так, во время осенней инспекторской проверки 1940 г. во многих военных округах положи-

тельную оценку по огневой подготовке получили лишь некоторые дивизии, полки и подразделения. В Западном особом военном округе положительную оценку из 54 проверенных частей получили только 3, в Ленинградском военном округе — 5 из 30, в Приволжском — 6 из 15, в Уральском — 3 из 18. Значительно лучше других обстояли дела в Московском военном округе и на Дальневосточном фронте, где из 64 проверенных частей положительной оценки удостоились 47. Бойцы-дальневосточники продемонстрировали хорошее владение стрелковым оружием.

Моральный потенциал советского народа и армии, несмотря на материальные трудности жизни (а нередко и нищету), был в целом высоким. Большинство советских людей, воинов Вооруженных Сил гордились своей страной, не ведали о необоснованных репрессиях и концлагерях, были верны партии и убеждены в неминуемом разгроме врага «малой кровью могучим ударом». В предвоенные годы эта тема стала главной в большинстве произведений литературы и искусства. Основой морального потенциала народа и армии являлись патриотизм, дружба народов и вера в превосходство социализма как экономической и политической системы устройства общества. Существенную роль в поддержании этого потенциала играла и жесткая государственная, идеологическая и военная дисциплина. Накануне войны в стране сформировалось поколение, для которого служение Родине, коммунистическим идеалам стало настоящей потребностью. Именно эти качества советских людей и стали, по сути, определяющими в разгроме фашизма.

2. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Рекомендуемая литература: 32; 49; 80; 81; 105; 106; 120; 121; 125; 149; 150; 151; 161; 190; 198; 209.

2.1. Историография Великой Отечественной войны

Всю историографию Великой Отечественной войны можно разделить на два периода. Первый, длившийся с 1941 г. до рубежа 80—90-х годов XX века — советский период историографии войны. В его рамках возможно выделение тех или иных этапов, но их количество и границы для характеристики концептуальной направленности исследований принципиального значения не имеют. В исследованиях господствовала официальная концепция, научный поиск осуществлялся в русле единой методологической модели. Второй период, начавшийся с рубежа 80—90-х годов XX века и продолжающийся до наших дней, может быть определен как постсоветский или современный. В корне изменилась политическая и социально-экономическая ситуация в стране. Комплекс ведущихся исследований по истории войны с точки зрения концептуальных подходов, обобщающих оценок уже не представляет собой монолита. В историографии войны происходит становление методологического плюрализма.

Советскую историографию можно разделить на три этапа: первый — от начала Великой Отечественной войны до сер. 1950-х годов (период «сталинизма»); второй — с сер. 1950-х годов до сер. 1960-х годов (период «оттепели»); третий — с сер. 1960-х годов до сер. 1980-х (период «застоя»). Каждому из этих этапов соответствуют определенные исторические условия, определенные возможности. Указанные эта-

пы позволяют вскрыть качественные скачки в разработке интересующей нас проблемы как в целом по стране, так и в рамках отдельных экономических районов.

На протяжении всех этих этапов происходило непрерывное развитие исторической мысли, расширялась база источников, совершенствовались формы организации научной работы. Но до второй половины 1980-х годов неизменным оставался партийно-государственный диктат в идеологии и науке, что вело к определенному сужению и односторонности исторических исследований. Наступивший в конце 1980-х годов плюрализм мнений благотворно сказался на творческой атмосфере, неизбежно обострив критический компонент научных исследований.

Для первого этапа была характерна идеализация, лакировка советской действительности, так как в то время культ личности Сталина довлел над творческими силами интеллигенции и не давал им возможности раскрыться. Особенно досадно, что в первое послевоенное десятилетие, когда все события были свежи в памяти, условий для глубоких научных исследований не было. Самые общие высказывания и замечания Сталина становились непререкаемыми постулатами в написании истории Великой Отечественной войны. Истиной в последней инстанции считался сборник статей и речей Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» [198], который вышел в 1942 г., но потом дополнялся его новыми выступлениями и многократно переиздавался миллионными тиражами (в 1943 г. вышло второе издание тиражом 5 млн. экземпля-

ров). Его воздействие на историографию войны подобно тому, какое оказал «Краткий курс истории ВКП(б)» на состояние общественных наук в целом. Творческое осмысление истории войны было надолго задержано.

В годы войны выступления Сталина, культ которого пронизывал сознание народа, способствовали сплочению всех сил на odpor врагу, а упрощенное оптимистическое объяснение событий при безграничной вере в вождя укрепляло уверенность в Победе.

Сложнее оценить сборник речей, выступлений, приказов и ответов корреспондентам И. В. Сталина как историографический источник. Сталин правильно отмечал многие бесспорные факторы, определившие в ходе войны силу Советского Союза и его превосходство над фашистской Германией. Он указывал на всенародный, справедливый, освободительный характер Великой Отечественной войны, стойкость и мужество воинов и тружеников, преимущество идей гуманизма и интернационализма над расистской теорией фашистов, руководящую роль ВКП(б), дружбу народов СССР, хотя этому утверждению и противоречили репрессии в годы войны против ряда советских народов.

Но в книге Сталина было немало и изначально неверных положений, которые длительное время тиражировались в исторических трудах. Сталин неоднократно обращался к вопросу о причинах крайне неблагоприятного для нас начала войны, тяжелых поражений, подлинные масштабы которых, впрочем, не раскрывал, никогда не признавая своих просчетов. Сталин выдвинул следующие версии наших неудач: неотмобилизованность наших войск, внезапность и вероломность нападения (но ведь не могло быть и речи о вере в миролюбие фашизма), подавляющее превосходство врага (как показали позднее рассекреченные архивные документы, враг превосходил только в живой силе, орудиях и минометах), двухлетний опыт ведения войны в Европе с применением новейших средств войны, который имела немецкая армия, отсутствие второго фронта в Европе. Говорить о внезапности войны для Сталина, который располагал множеством разведывательных данных о готовившем-

ся германском нападении, в то время как война действительно оказалась внезапной для народа и Красной Армии, тоже не было реальных оснований. Сталин однозначно оценивал пакт о ненападении с фашистской Германией 23 августа 1939 г. как «определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии».

От Сталина пошла традиция многократно преувеличивать потери противника и приуменьшать или вообще умалчивать о собственных. 7 ноября 1942 г. он определил потери немцев свыше 8 млн. человек, а 23 февраля 1943 г. — около 9 млн., в том числе 4 млн. убитыми. Неправдоподобность этих цифр была очевидна, но никто не только не дерзнул их опровергнуть, но и не привел иные данные.

Немало противоречивых и ошибочных положений содержится в книге Сталина относительно оценки противника. 3 июля 1941 г. Сталин утверждал, будто целью нацистов являлось «восстановление царизма», а 6 ноября 1941 г. он заявил, что «по сути дела гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме». Поскольку эти оценки находились в явном противоречии с фактами, советские историки умалчивали о них.

Книга Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» на долгие годы стала в нашей стране концептуальным фундаментом и источником упрощений, облегченных, а порой и неверных толкований и суждений об истории Второй мировой и Великой Отечественной войн.

В марте 1946 г. состоялись выборы в Верховный Совет СССР. 9 февраля 1946 г. Сталин выступил с речью на предвыборном собрании перед избирателями Сталинского округа города Москвы. Он заявил, что главный итог состоит в том, что наша страна одержала победу над врагом. Победил советский общественный строй, оправдал полностью всю предвоенную внутреннюю и внешнюю политику.

В 1948 г. вышло в свет второе издание краткой биографии Сталина. В ней воспроизведены все положения об итогах войны, высказанные Сталиным на предвыборном собрании, докладах, речах и приказах в годы

войны. «Сталин вдохновил советский народ на отпор врагу, Сталин привел советский народ к победе». «На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки», — утверждалось в биографии. Было широко известно, что Сталин лично отредактировал свою биографию, а это означало, что не только ее идеи, но и комментарии к ней исходили от него. Для историков они были непререкаемыми методологическими установками в освещении событий минувшей войны.

Самые общие замечания и высказывания Сталина становились абсолютными постулатами в написании истории Великой Отечественной войны. Для их подтверждения ученые подбирали факты, документы и другие материалы, а нередко и подгоняли их.

После окончания войны Сталин вначале выдвинул тезис о так называемой исторической закономерности, согласно которой агрессор якобы всегда лучше подготовлен к войне, чем миролюбивые страны. Но эта версия не получила сколько-нибудь широкого распространения. Однако другая версия Сталина, которая содержалась в ответе на письмо полковника Разина в начале 1947 г., получила достаточно широкое распространение. Сталин выдвинул концепцию «заманивания» врага и «контрнаступления» как главного способа военных действий в справедливых войнах. Делались попытки большую часть Великой Отечественной войны рассматривать под углом зрения «заманивания». Например, заманили противника до Москвы, а потом с помощью контрнаступления отбросили его назад. Потом заманили его до Волги, снова отбросили. Сталин ссылался на опыт войны парфян против римского полководца Красса и разгром русской армией под руководством Кутузова армии Наполеона в 1812 г., он был уверен, что эти соображения будут подхвачены и распространены на опыт Великой Отечественной войны.

Стратегия активной обороны нашла отражение в книге Б. С. Тельпуховского «Великая Отечественная война Советского Союза: 1941—1945 гг.» (М., 1952). Он не одинок в таком истолковании трагических для нашей страны событий 1941 и 1942 гг.

Военные поражения были ловко представлены как торжество мудрой сталинской политики и стратегии.

Первый этап исследований можно разделить на два подэтапа: I подэтап — военные годы (1941—1945 гг.) и II подэтап — послевоенное десятилетие (с 1945 г. — до XX съезда партии).

В военные годы было положено начало исследованию и освещению темы «Великая Отечественная война». Были созданы комиссии по изучению истории обороны Москвы, по истории Великой Отечественной войны при Президиуме АН СССР под руководством академика И. И. Минца и ряд периферийных комиссий при местных партийных органах. Издавались первые труды о важнейших военных операциях, о работе тыла, о героизме воинов и тружеников. Начиная с 1943 г. стали издаваться книги, содержащие описание битв и важнейших операций. Например, в 1943 г. вышло в свет первое капитальное исследование «Разгром немецких войск под Москвой. Московская операция Западного фронта с 16 ноября 1941 г. по 31 января 1942 г.» под редакцией Б. М. Шапошникова. Оно разработано большим авторским коллективом под руководством профессора академии Генерального штаба генерал-лейтенанта Е. А. Шиловского. Эта работа явилась крупным вкладом в историографию Великой Отечественной войны. Однако она имела и ряд серьезных недостатков. Во-первых, авторы не включили в битву под Москвой оборонительные сражения в октябре 1941 г. на вяземском рубеже, которые оказали большое влияние на ход последующих боевых действий. Во-вторых, разгром немецко-фашистских войск под Москвой был осуществлен совместными усилиями группы фронтов, авиации резерва Верховного Главнокомандования, корпуса ПВО страны при содействии партизан, а не только войсками Западного фронта, как указано в работе.

В 1944 г. выходит коллективный труд под руководством Н. М. Замятина «Битва под Сталинградом», в 1945 г. — «Десять сокрушительных ударов» — краткий обзор операций Красной Армии в 1944 г., разработанный группой авторов под руководством Н. М. Замятина и др. Эти работы, написан-

ные «по горячим следам», с использованием главным образом оперативных документов фронтов и армий, давали правдивое описание тех или иных военных событий. Многие документы, особенно о планах вражеского командования, перегруппировок его сил, исследователям в то время были неизвестны, поэтому работы носили главным образом описательный характер, не содержали глубоких выводов по военному искусству, страдали субъективными оценками и выводами. Главная и решающая роль в планировании, подготовке и руководстве всеми крупнейшими операциями отводилась Верховному Главнокомандующему. Рассматривались главным образом успешные операции. Публикуются первые работы, посвященные и советскому тылу.

Работы тех лет не являлись собственно историческими исследованиями. Их авторами выступали в основном партийные и советские работники, сами участники событий. Кроме работы Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» издавались речи и статьи М. И. Калинина (Все силы для фронта, все для победы: Статьи и речи. М., 1941), Е. М. Ярославского (Что несет фашизм крестьянству. Новосибирск, 1942), И. Бенедиктова (Сила и жизнённость колхозного строя // Социалистическое сельское хозяйство. 1945. № 10 и др.). Выходили работы И. Лаптева (Колхозный строй в условиях Отечественной войны. М., 1943; Советское крестьянство в Великой Отечественной войне. М., 1945), И. И. Кузьмина (Социалистическая экономика в условиях войны // Большевик. 1942. № 23—24; 1943. № 3—4), Н. И. Анисимова (Советское крестьянство. М., 1945; Колхозный строй в Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1945) и др.

В литературе того времени еще не было, да и не могло быть полных выводов и обобщений о Великой Отечественной войне. В ней элементы научного анализа умело сочетались с практическими рекомендациями по правильной организации сельского хозяйства, промышленности, высказывались ценные предложения по преодолению тех трудностей, которые встали перед рабочими и крестьянами в военные годы. Разумеется, не все работы отвечали высоким научным критериям. К их недостаткам необходимо

отнести некоторый схематизм, узкую источниковую базу, упрощенчество в освещении сложных и неоднозначных проблем войны. В 1941 г. вышла одна из первых брошюр о народной войне в тылу врага (Минц И. И. Партизанская война против фашистских людоедов). Появились первые воспоминания руководителей партизанского движения: Игнатов П. «Записки партизана» (М., 1944); Ковпак С. А. «От Путивля до Карпат» (М., 1945). Однако ценность работ военной поры бесспорна. Эти издания с годами все больше превращаются в своеобразный источник, являющийся носителем не только фактов, но и духа своего времени.

Несмотря на влияние культа личности Сталина на изучение истории войны, процесс исторического познания в первое послевоенное десятилетие не мог полностью остановиться. Современники и участники событий Великой Отечественной войны сознавали необходимость сохранить их в памяти потомков. В пределах возможного велась работа по сбору и обработке архивных материалов, на ограниченной базе издавались сборники документов о зверствах оккупантов, выходили книги о героизме воинов Красной Армии, о партизанском движении, публиковались первые воспоминания и дневники участников войны.

К сожалению, широкая и целенаправленная работа по сбору воспоминаний ни тогда, ни позднее так и не развернулась. В итоге время было безвозвратно упущено. Тематика мемуаров не отличалась разнообразием: чаще всего публиковались воспоминания военачальников, реже — руководителей тыла. Недостаток этих источников и в настоящее время ограничивает возможности всестороннего объективного изучения жизни советского народа в военные годы.

В послевоенное десятилетие данная проблема рассматривалась более углубленно, с использованием архивных материалов. Однако уровень анализа оставался невысоким. В основном появляются научно-популярные публикации по истории Великой Отечественной войны. Такие, например, как работа И. И. Минца «Великая Отечественная война Советского Союза» (М., 1946). В это время из трудов, посвященных советскому тылу, выделяются работы экономи-

стов, а не историков. Среди них особенно видное место занимает книга Н. А. Вознесенского, председателя Госплана СССР, «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (М., 1947). В этой первой обобщающей работе о военной экономике СССР был сделан крупный шаг вперед в разработке рассматриваемых проблем, вошло в оборот много новых сведений, которые до настоящего времени находятся на вооружении исследователей. Несмотря на спорность некоторых утверждений, работа Вознесенского дала важный толчок для последующих углубленных исследований. В 1949 г. вышла обобщающая работа Грановского «Советская промышленность в Великой Отечественной войне». Итогом второго этапа является выход книги «Очерки по истории Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.» (АН СССР. М., 1955). Основное содержание — описание военных действий, остальное на втором плане. Общее для многих работ данного этапа — декларативность, цитатничество.

Таким образом, за первое послевоенное десятилетие советская наука не обогатилась серьезными исследованиями событий Великой Отечественной войны. Но сделанного было достаточно для утверждения концепции истории Великой Отечественной войны, в которой историческая реальность и возникшие в период войны мифы, вымыслы, элементарное хвастовство сложились в стройную систему. В ней победа — это торжество социализма в СССР. Победа — это демонстрация превосходства социализма над всеми другими политическими и общественными системами. Победа — это триумф КПСС, ее генеральной линии, стратегии. Победа — это торжество советской военной науки, сталинского военного руководства. Наконец, победа — это триумф лично Сталина, вождя мирового пролетариата, гениального полководца всех времен и народов.

Официальная точка зрения на войну 1941—1945 гг. прочно утвердилась в советской научной и художественной литературе, других произведениях искусства, а главное — в сознании миллионов людей в нашей стране и во всем мире.

К середине 1950-х годов сложилась парадоксальная ситуация: в Советском Со-

юзе, сыгравшем решающую роль в разгроме фашистской Германии, издавались лишь отдельные книги по истории Великой Отечественной войны, в то время как в других странах антигитлеровской коалиции, прежде всего в США и Великобритании, выходили в свет серии книг, состоявшие из десятков томов, не говоря уже о публикациях множества сборников документов.

Наиболее плодотворным периодом в изучении истории Великой Отечественной войны явился второй, начало которому положил XX съезд партии. Были учреждены новые исторические журналы «Вопросы истории КПСС», «История СССР», «Новая и новейшая история», «Военно-исторический журнал». Заметно расширяется источниковая база проблемы, больше используются архивные и статистические материалы. Намного глубже анализируются вопросы о роли тыла в войне, единстве фронта и тыла. Стали появляться первые аналитические статьи в журналах, активизировалось издание мемуаров участников войны. К тому же подавляющее большинство историков тогда сами были участниками войны и вместе с тем еще молодыми людьми, полными научного энтузиазма. Рупором передовой научной мысли стал «Военно-исторический журнал».

Именно в 1960-х годах были изданы шеститомная «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг.» (М., 1960—1965, тираж 200 тыс. экземпляров) и однотомник того же названия в 1965 г. — краткая история, написанная этими же авторами. Решение о написании данного многотомного труда было принято в сентябре 1957 г. Тогда же в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС был создан Отдел истории Великой Отечественной войны, который возглавили Е. А. Болтин и его заместитель Б. С. Тельпуховский, известные ученые и отличные организаторы. К работе был привлечен широкий круг военных историков, сотрудников академических институтов, преподавателей вузов, специалистов не только Москвы, но и из других городов. Для сотрудников отдела истории Великой Отечественной войны были раскрыты двери архивов Министерства обороны, ЦК партии и других хранилищ документов.

Доступной стала и зарубежная литература. Примерно 2 тыс. книг было закуплено за границей. В начале 1960-х годов в отдел зашел приезжавший в Москву западногерманский историк Х. А. Якобсен и сказал, что такой богатой библиотеки по истории Второй мировой войны он нигде не видел.

Необходимым условием успешной работы над данным изданием было щедрое финансирование, которое кажется, как пишет историк Б. А. Томан, почти сказочным сейчас, когда наука находится на «голодном пайке».

Новые научные идеи и замыслы требовали широкого обсуждения. Впервые возникла возможность свободного обмена мнениями. Конечно, в известных пределах: нельзя было затрагивать такие темы, как руководящая роль КПСС, преимущества советского строя и т.д. Но можно было говорить о трагедии войны, о просчетах руководства, об ошибках и недостатках в годы войны. А главное — исчезла атмосфера сковывающего страха. На научных конференциях и совещаниях, организованных отделом, освещался широкий круг насущных проблем истории войны.

В подготовке шеститомника приняли участие В. А. Анфилов, Ю. В. Арутюнян, А. М. Беликов, В. А. Василенко, Г. А. Деборин, Г. А. Куманев, В. М. Кулиш, Л. В. Митрофанова, Г. Г. Морехина, Н. Г. Павленко, Д. М. Прозктор, А. М. Самсонов, М. И. Семиряга, Б. С. Тельпуховский, Я. Е. Чадаев и др. Почти все они были не только историками, но и участниками войны.

Совместными усилиями гражданских и военных историков впервые был создан фундаментальный труд, заметно выделявшийся не только огромным фактическим материалом, в основной массе впервые введенным в научный оборот, но и комплексным подходом к важнейшим проблемам истории. Одно из главных достижений авторского коллектива заключалось в том, что были предприняты первые попытки аналитического подхода к истории войны. Началось исследование причин тяжелых поражений начала войны, просчетов и ошибок Сталина, руководителей Наркомата обороны и Генштаба в подготовке к войне и в ходе некоторых операций. Впервые было сказано о репрессиях, хотя и обще.

Шеститомное издание имело большое значение, так как именно в этой работе дается наиболее объективное описание истории Великой Отечественной войны. К сожалению, одним весьма живучим наследием сталинизма, отразившимся и в этом издании, были конъюнктурные вихляния. Особенно ярко проявились они в персоналиях. Дело в ряде случаев доходило до абсурда. В угоду новому руководителю партии и государства Н. С. Хрущеву чрезмерно раздувалась и преувеличивалась его роль в военные годы. Например, в третьем томе прославление заслуг Хрущева достигло апогея: он упомянут 39 раз, а Сталин — только 19 раз. С особой опаской вели себя редакторы, когда требовалось раскрыть роль Г. К. Жукова, так как он находился в «хрущевской опале» и за ним закрепился ярлык «бонапартиста». Так, в первом томе Жуков, который был накануне войны начальником Генштаба, ни разу не упомянут, зато начальник немецкого генштаба Гальдер фигурирует 12 раз. В третьем томе Жуков упомянут всего 4 раза. При таком субъективном подходе оказалось, что чаще всех в томе упоминался Гитлер — 76 раз.

На содержании шеститомника отразилась общая противоречивость и непоследовательность попытки десталинизации хрущевского времени.

В угоду сиюминутной конъюнктуре «выстригали» историю. Этим советские историки подрывали собственные позиции, всю нашу историческую науку, занимающуюся Великой Отечественной войной. Например, в 1964 г. вышла книга «СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (Краткая хроника)». В целом это была хорошая книга. Но одна деталь — среди командующих фронтами не упоминался маршал Жуков. Именно эта деталь и дала возможность зарубежным историкам всю книгу перечеркнуть крест-накрест.

Большую работу в области изучения истории военных действий провели Генштаб Вооруженных Сил и военные академии. Их исследования имели гриф «секретно» и «для служебного пользования». Среди них необходимо отметить такие издания, как «Операции Великой Отечественной войны» в 4 томах, «Военное искусство в Великой Отечественной войне» в 3 томах.

На основе закрытых материалов была написана и в 1958 г. опубликована сохранившая научную ценность работа военных историков «Вторая мировая война 1939—1945 гг. Военно-исторический очерк» под общей редакцией С. П. Платонова, Н. Г. Павленко и И. В. Паротькина.

В период «оттепели» расширяется круг проблем, которыми занимаются историки. В это время появляются работы, посвященные рабочему классу в годы войны (Митрофанова А. В. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.). М., 1960; Морехина Г. Г. Рабочий класс — фронту. Подвиг рабочего класса СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1962; Куманев Г. А. Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. М., 1963 и др.), советскому крестьянству (Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963; Анисков В. Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока — фронту. М., 1966), продовольственному снабжению городского населения (Чернявский У. Г. Война и продовольствие: Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну. М., 1964), торговле и снабжению (Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968) и др. Этими трудами завершилась широко организованная исследовательская работа, начатая вскоре после XX съезда партии.

В период «оттепели» также начинается исследование вклада каждого отдельного региона в победу над фашистской Германией. Так, исследователи Оренбургской области начинают изучать деятельность областной партийной организации в годы войны и вклад области в победу над врагом. Выходят работы А. З. Безверхнего (В едином боевом лагере. Очерк о работе Оренбургской областной партийной организации в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Челябинск, 1965); В. И. Швыдченко (Оренбургская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945 гг.) // Ученые записки Оренбургского гос. пед. ин-та. Оренбург, 1967. Вып. 25).

К сожалению, на достигнутых рубежах дело надолго застопорилось. Более того, движение исторической мысли шло как бы вспять: с конца 1960-х и до середины 1980-х годов, как правило, в литературе излагалась парадная, сглаженная версия истории войны. С середины 60-х начинается фактически реабилитация Сталина.

Сначала П. Н. Пospelов, директор ИМЛ при ЦК КПСС (накануне XX съезда он возглавлял группу по подготовке доклада Н. С. Хрущева «О культуре личности Сталина»), в июне 1965 г. в Киеве, затем С. П. Трапезников, заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС, в октябре того же года на совещании заведующих гуманитарными кафедрами вузов заявили, что нельзя признать ни теоретически, ни фактически правильным, когда в некоторых научных или художественных произведениях «жизнь изображается только под углом зрения культа личности и тем самым заслоняется героическая борьба советских людей, построивших социализм».

Влияние политической ситуации на историографию войны наиболее отчетливо проявилось в связи с изданием работы А. М. Некрича «1941, 22 июня» (М., 1965). Эта небольшая по объему книга, выпущенная в научно-популярной серии издательства АН СССР тиражом 50 тыс. экземпляров, носила справочный характер и по сути дела почти не содержала новых фактов по сравнению с теми, которые были уже введены в научный оборот в шеститомнике, но ее автор концентрировал внимание на событиях кануна и начала войны и просчетах, допущенных в подготовке к войне. Обсуждение книги Некрича в феврале 1966 г. в Институте марксизма-ленинизма, хотя и выявило различные взгляды и противоречивые оценки, но в целом имело характер научной дискуссии. Однако затем в результате сильного давления со стороны командно-административного аппарата, прежде всего ЦК КПСС, книга подверглась разносторонней критике. Автор был исключен из партии, его работы перестали публиковать, в конце концов Некрич был вынужден эмигрировать из СССР. Различные меры административного воздействия были применены и к сторонникам его взглядов. По этому делу к партийной ответствен-

ности привлечен историк А. М. Самсонов, будущий академик (занимавший тогда пост директора издательства «Наука», выпустившего в свет книгу Некрича). Таким образом, критика работы Некрича «1941, 22 июня» была использована для нагнетания страха на историков.

Очередной, третий период историографии Великой Отечественной войны продолжался с середины 60-х до середины 80-х годов. Трудно оценить этот период однозначно. С одной стороны, продолжался процесс приращения исторических знаний, особенно в изучении работы советского тыла и партизанской войны. Однако был снова затруднен доступ историков к фондам архивов.

Заметным событием в военной историографии стал выход в свет в 1975 г. первого издания фундаментального труда члена-корреспондента АН СССР (с 1981 г. — академик) А. М. Самсонова «Крах фашистской агрессии. 1939—1945», где начальному периоду войны, в том числе анализу причин поражений Красной Армии, просчетам руководства страны и военного командования уделяется серьезное внимание.

В 1970—1980-е гг. опубликованы новые монографии В. А. Анфилова «Бессмертный подвиг: Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны» (1971), «Провал “блицкрига”» (1974), «Крах стратегии “молниеносной войны”» (1981), «Провал плана “Барбаросса”» (1986), «Крушение похода Гитлера на Москву, 1941 г.» (1989), «Незабываемый сорок первый» (1989). В своих работах он приходит к выводу, что накануне Великой Отечественной войны отдельные советские военные теоретики учитывали возможность нанесения противником удара главными силами в самом начале войны. Но в руководстве страны и армии не было единства взглядов. На совещании высшего командного и политического состава Красной Армии, которое состоялось в декабре 1940 г., этих проблем почти не касались. А правильные идеи отдельных военных теоретиков, к сожалению, не стали официальными взглядами и не нашли своего отражения на практике.

60—70-е годы прошлого века оказались достаточно плодотворными в исследовании проблем всенародной борьбы в тылу

врага. Только с 1965 по 1971 г. по этой тематике было опубликовано свыше 400 книг, брошюр, статей и документальных сборников. Появились монографии, посвященные борьбе советских партизан и подпольщиков. В их числе вышедшая в 1965 г. книга Л. Н. Бычкова «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945: Краткий очерк». В 1976 г. увидела свет монография Н. М. Макарова «Непокоренная земля Российская», в которой впервые в советской историографии освещалась борьба советских людей на оккупированной части территории Российской Федерации. Автор привел новые данные о количестве подпольных партийных и комсомольских организаций, о численности партизан и подпольщиков в областях РСФСР, подвел итоги их деятельности. Отдельные вопросы всенародной борьбы рассматриваются в коллективной монографии «Война в тылу врага: О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны» (М., 1974). Ее авторы на основе последних достижений советской историографии и ряда новых архивных материалов раскрыли сущность, характер, содержание, формы и методы партизанской борьбы на разных этапах войны, а также политику, проводимую врагом на оккупированной территории нашей страны.

Несмотря на определенные успехи, появление большого количества публикаций по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн и создание документальных сборников, период 1965—1985 гг. явился, по оценкам многих специалистов, «застойным» в развитии отечественной историографии.

В это двадцатилетие советская военно-историческая наука обходила молчанием многие актуальные проблемы, вызывающие большой общественный интерес; из-под пера историков вышло немало откровенно слабых работ. Вместо углубления анализа, включения в рассмотрение малоизученных, острых проблем читателю навязывались готовые схемы, не отражавшие всей многогранности и противоречивости исторических явлений и процессов. Это приводило к искажению представления о войне как о сложном двустороннем процессе, об истин-

ных масштабах постигшего страну бедствия. Сложно, например, объяснить, почему в трудах различных авторов повторяются одни и те же причины наших «временных неудач» в начальный период войны, подробно освещаются успешные действия и, наоборот, умалчивается о тех, в которых успех был незначительным или его не было вовсе. Произошло своего рода обезличивание истории: люди, исторические личности оказывались на втором или третьем плане.

Во многих научных работах, статьях, а также в учебниках описание боевых действий, многочисленные таблицы с различными данными, в том числе о тоннах произведенной продукции, количестве выпущенной военной техники и сосредоточенной в той или иной операции или битве, заслонили человека с его жизненными идеалами и проблемами. Одним из проявлений этой тенденции можно считать отсутствие в большинстве военно-исторических работ данных о потерях советских войск в той или иной битве или операции.

Самым крупным изданием этого времени явилась 12-томная «История Второй мировой войны» — первое отечественное фундаментальное издание по истории Второй мировой войны (330 тыс. экземпляров). Примерно половину всего объема издания составляли материалы по истории Великой Отечественной войны, половину — о событиях на других театрах Второй мировой войны и о положении в странах фашистского блока и антигитлеровской коалиции. Работу над ней возглавил созданный 27 августа 1966 г. Институт военной истории МО СССР. Руководили изданием министр обороны А. А. Гречко и его заместитель А. А. Епишев — начальник Главного политического управления Советской Армии.

В 12-томной «Истории Второй мировой войны» представлена новая концепция истории Великой Отечественной войны. Труд содержит обилие фактического и статистического материала, в том числе и ранее неизвестного, описание хода многих событий и всей войны, огромное количество примеров героизма. Но обстоятельного научного осмысления фактов и событий войны в целом и ее итогов не получилось. Все возвратилось на круги своя, к догмам, брошенным Стали-

ным. Это относится, прежде всего, к таким вопросам, как воздействие на события войны административно-командной системы, массовых репрессий, советско-германского сближения накануне войны, поражения Красной Армии в 1941—1942 гг. В 1970-е годы трагические поражения 1941 г. именовались «временными неудачами» (История КПСС. Т. 5, кн. 1 и в 4-м издании учебника «История КПСС»).

Излишне много говорится о просчетах и неудачах советского командования в связи с внезапностью нападения нацистской Германии, ее превосходством в силах и средствах, поверхностно анализируются ошибки и просчеты высшего военно-политического руководства. Сосредоточив внимание на показе героизма советских людей, воинов Красной Армии, деятельности коммунистической партии, авторы слабо показали драматизм войны, трагичность многих ее событий, трудности и невзгоды, которые пережили наши люди. Не показаны боевые потери советских Вооруженных сил, не дана их оценка. Не полностью раскрыта проблема цены победы. На издании лежит печать идеологизированного подхода к освещению вклада в общую победу, внесенного нашими союзниками по антигитлеровской коалиции.

«История Второй мировой войны. 1939—1945 гг.», не успев выйти, уже устарела морально. Вот некоторые примеры отступления в этом труде от исторической правды. Стали избегать даже самого слова «репрессии», заменяя его другим — «обвинение». Если в шеститомнике сообщение ТАСС от 14 июня 1941 г. подверглось критике, то в новой монографии оно преподносится как некое благодеяние. Смысл предвоенных событий подан так, что даже тягчайшие преступления выглядят невинными ошибками.

Если в шеститомнике многие ошибки и просчеты Сталина, руководителей Наркомата обороны, Генштаба подверглись хоть какой-то критике, то в двенадцатитомнике подобные критические замечания уже отсутствовали.

Война не была показана как глубокая трагедия народа, тем самым был недооценен подвиг народа, сумевшего преодолеть огромные трудности, переломить ход войны и добиться Победы. Издание проникнуто

апологетикой в адрес генерального секретаря Л. И. Брежнева. Дифирамбы Брежневу приобрели почти карикатурные формы, поскольку его незначительная роль во время войны была очевидна. Прославление тогдашнего руководителя партии и государства особенно видно в обобщающем 12-м томе, где Брежнев упомянут 24 раза, Сталин — 17, Жуков — 7, Василевский — 4, «герой» рейтинга шеститомника Хрущев почти исчез со страниц двенадцатитомника — 7 упоминаний на все издание. Конечно, такая тенденциозность негативно влияла на доверие читателей к изданию. В целом догматизм в те годы одержал верх над диалектикой исторической мысли.

Новый период историографии Великой Отечественной войны начался со второй половины 80-х годов, когда развитие гласности, демократизации, плюрализма в стране создали благоприятные условия для более объективного изучения истории войны, осмысления ее итогов и уроков. Существовало очень много «белых пятен» истории: это и причины поражений Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны и летом 1942 г., судьбы окруженных армий и советских военнопленных, фактор внезапности, соотношение сил сторон накануне 22 июня 1941 г., улучшение государственно-церковных отношений в годы войны, депортация «малых» народов, поставки союзников, проблема коллаборационизма, советские потери в Великой Отечественной войне и т.д. В связи с этим возникал вопрос: все ли потери были неизбежны? Каким образом решались задачи в каждом бою, сражении, битве, при эвакуации материальных и людских ресурсов? Полностью ли были разработаны в советском военном искусстве вопросы руководства вооруженными действиями в условиях тяжелых оборонительных боев и вынужденного отхода войск в глубь советской территории? Какой ценой приобретался и накапливался боевой опыт?

Ослабел, а с начала 1990-х годов исчез идеологический пресс со стороны КПСС, довлевший над исторической наукой. Был значительно облегчен доступ к архивным материалам. В открытые двери устремились не только историки, но и публицисты, которые нередко ставили своей целью не все-

стороннее исследование, а поиск наиболее острых, неизвестных ранее фактов, лишь бы они противостояли прежней официальной концепции. Можно сказать, что зачастую ими руководило не желание познать истину, а стремление соответствовать новой конъюнктуре, приспособиться к ней.

Безудержное стремление к коренному пересмотру старых оценок, не подкрепленное глубоким знанием источников, да и исторического процесса в целом, приводило к многочисленным издержкам полемики, поскольку голос историков первоначально еще слабо звучал в острых дискуссиях, участники которых нередко занимались переменной старых оценок исторических событий на диаметрально противоположные. К тому же в условиях становления рыночных отношений нередко спросом стала пользоваться не настоящая научная литература, а книги в занимательной, парадоксальной форме произвольно трактующие историю.

Наиболее эффективным средством борьбы с антинаучными спекуляциями на исторические темы могла бы явиться широкая публикация источников по Второй мировой и Великой Отечественной войнам. Отчасти эта работа велась на страницах «Известий ЦК КПСС», «Новой и новейшей истории», «Вопросов истории», «Военно-исторического журнала» и других научных журналов. Но этого мало: необходимо было развернуть широкую систематическую работу по изданию десятков, а может быть, сотен томов документов.

Решением Политбюро ЦК КПСС от 13 августа 1987 г. предусматривалось создание десятитомного труда «Великая Отечественная война советского народа», подготовка которого возлагалась на институт военной истории МО СССР, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, институты истории СССР и всеобщей истории АН СССР. Основная задача авторского коллектива состояла в том, чтобы показать народ как творца истории, как творца Победы. В прежних многотомных изданиях в центре внимания был не человек, а система, государство, партия. Теперь же предстояло написать историю простого человека на войне.

К весне 1991 г. подготовлен макет охватывающего предвоенный период первого

тома, рукопись второго тома, в котором освещались события до Московской битвы, обсуждались главы третьего тома.

Видимо, сама атмосфера творческого научного поиска, в котором проходила работа над десятитомником, напугала консервативные круги партийного и военного руководства. 7 марта 1991 г. макет первого тома обсуждался на расширенном заседании Главной редакционной комиссии, но объективности при обсуждении не было. Заседание Главной редакционной комиссии проходило в обстановке огульных обвинений авторов в «очернении истории». Заканчивая заседание, министр обороны СССР Д. Т. Язов подвел итог: «Первый том провален». А потом с политической карты мира исчез и Советский Союз. Так и не вышел ни один том этого десятитомника.

Бурные события конца 1991 г. означали наступление нового исторического этапа в развитии страны. Возникла острая необходимость создания достоверной истории Великой Отечественной войны.

31 января 1993 г. последовала директива министра обороны РФ П. С. Грачева о подготовке научно-популярного труда «Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Очерки истории». В ходе работы замысел был уточнен — «Военно-исторические очерки». Это означало, что основное внимание будет уделено освещению военных действий на фронтах Великой Отечественной войны.

За пять лет авторскому коллективу удалось подготовить капитальный четырехтомный труд. Удручающе мал тираж книг — всего 2 тыс. экземпляров. А это означает, что даже многие библиотеки не смогли приобрести эту книгу. Книги изданы на высоком полиграфическом уровне, иллюстрированы малоизвестными фотографиями.

Авторскому коллективу удалось избежать «субъективистских перекосов» прежних изданий («хрущевского» в шеститомнике и «брежневского» в двенадцатитомнике) и пустого славословия в адрес некоторых руководителей страны и полководцев. Взвешенно и объективно участники войны названы в соответствии с той ролью, какую они действительно играли. Присутствует мощная источниковая база благодаря рассекреченным архивным материалам. Первая

книга называется «Суровые испытания» и посвящена первому периоду Великой Отечественной войны (начиная с предвоенных лет и до 19 ноября 1942 г.); вторая книга «Перелом» — второму периоду войны (19 ноября 1942 — декабрь 1943 г.); третья книга «Освобождение» — завершающему этапу Великой Отечественной войны (1944 г. — май 1945 г.) и разгрому империалистической Японии; в четвертой книге «Народ и война» показано развитие советской военной науки и искусства во время войны, состояние военной экономики и героизм тружеников тыла, положение на оккупированной территории СССР и т.д.

Вместе с тем почти ничего не сказано о партийно-государственном руководстве страны: мало — о ГКО, ничего — о ЦК ВКП(б), Совнарком, советах, комсомоле и общественных организациях. Замалчивание их роли в войне не представляется оправданным.

По итогам проведенного правительством Москвы в честь 55-летия Победы конкурса на лучшее издание о Великой Отечественной войне четырехтомник удостоен первой премии и диплома в номинации «Новые издания о Великой Отечественной войне, подготовленные современными авторами».

Серьезным исследованием является труд «Война и общество, 1941—1945» (в 2 кн., М., 2004), написанный известными специалистами по истории Великой Отечественной войны. В нем важнейшее место отведено главным сражениям, анализируются причины поражений наших войск в 1942 г. в Крыму и под Харьковом. Поднимаются такие проблемы, как психология солдата (Е. С. Сенявская), судьба пленных (Н. П. Дембицкий), вопросы коллаборационизма (В. А. Пережогин), депортация народов (Н. Ф. Бугай), репатриация перемещенных советских граждан (В. Н. Земсков), демографические проблемы (Ю. А. Поляков, В. М. Жиромская, Н. А. Араловец) и др.

В 2000-х гг. в отечественной историографии Второй мировой и Великой Отечественной войн постепенно реализовывался потенциал, связанный с освоением значительно расширившейся источниковой базы. К числу наиболее значимых достижений по-

следних лет следует отнести фундаментальные труды «Мировые войны XX века» в четырех томах (М., 2002), где 3-я и 4-я книги посвящены событиям Второй мировой войны, и «Война и общество в XX веке» в 3-х книгах (М., 2008).

Необходимо выделить также получившие широкое признание труды президента Академии военных наук генерала армии М. А. Гареева (Полководцы Победы и их военное наследие. М., 2003; Сражения на военно-историческом фронте. М., 2008) и академика РАН Г. А. Куманева (Подвиг и подлог. М., 2000; Говорят сталинские наркомы. М., 2005; Сталинградская битва. М., 2007; Проблемы военной истории Отечества (1938—1945 гг.). М., 2007; Рассекреченные страницы Второй мировой войны. М., 2012).

С середины 1990-х гг. стало оформляться новое для отечественной историографии научное направление — военно-историческая антропология, которое получило развитие в трудах Е. С. Сенявской (1941—1945. Фронтное поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999; Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006 и др.). Окончательное оформление этой научной отрасли — как теоретическое, так и организационное — произошло в начале 2000-х гг. с выходом в свет одноименного ежегодника под грифом Ассоциации военно-исторической антропологии и психологии «Человек и война». На сегодняшний день военно-антропологический подход внес наибольший вклад в разработку такой проблематики, как психология войны, война и идеология, война и общественное сознание, война и религия, история военной повседневности, война и историческая память и др. Особенно активно изучение широкого круга проблем в рамках перспективной тематики «человек на войне» ведется применительно к истории Великой Отечественной войны.

В 2008 г. Президентом России было принято решение об издании двенадцатитомного фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941—1945 годов». В июне

2011 г. вышел в свет первый из запланированных томов, посвященный основным событиям войны, в 2012 г. второй, который раскрывает происхождение и начало войны. В первой книге на документальной основе показано, что Великая Отечественная война была важнейшей составляющей Второй мировой войны, что именно Советский Союз принял на себя главный удар агрессора, вынес основную тяжесть борьбы с нацистской Германией и ее европейскими союзниками. В книге раскрыт народный характер Великой Отечественной войны, проанализированы роль государственных, партийных и военных органов, общественных организаций в мобилизации всех сил страны на разгром врага, источники и движущие силы борьбы с агрессором, характер борьбы в тылу врага и партизанское движение. Показано стратегическое взаимодействие с союзниками по антигитлеровской коалиции, влияние военных действий на советско-германском фронте на развитие событий на других фронтах Второй мировой войны; роль экономической и военно-технической помощи союзников по ленд-лизу; демографические и материальные потери, нравственный ущерб Советского Союза в вооруженной борьбе и войне в целом. Именно в этот период историки приступили к исследованию слабо разработанных проблем Великой Отечественной войны и к новому осмыслению ее событий.

2.2. Источники по Великой Отечественной войне

Основной источниковой базой являются неопубликованные документы и материалы центральных и местных государственных архивов, а также опубликованные архивные материалы и документы.

Уже в годы Великой Отечественной войны начинается публикация ряда архивных материалов. Были изданы документы Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний фашистских захватчиков «О материальном ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками государственным предприятиям и учреждениям, колхозам, общественным организациям и гражданам СССР» (М.,

1945); Сообщения Совинформбюро в девяти томах (1944—1945 гг.).

После окончания войны большое внимание уделяется публикации документов, показывающих роль КПСС в разгроме врага. Так, в 1965 г. выходит сборник документов «Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (июнь 1941 — 1945): документы и материалы» (М., 1965); «30 лет победы советского народа в Великой Отечественной войне: документы и материалы» (М., 1975). Издаются материалы и на областном уровне: «Подвиг оренбуржцев: документы и материалы об участии трудящихся Оренбургской области в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.)» (Челябинск, 1969); «Юность поколений: документы, материалы и воспоминания по истории Оренбургской областной организации ВЛКСМ. 1919—1970 гг.» (Челябинск, 1973); «Культурное строительство в Оренбуржье. Документы и материалы. 1942—1987 гг.» (Челябинск, 1989).

С началом перестройки начинают печататься первые рассекреченные документы на страницах «Известий ЦК КПСС», «Новой и новейшей истории», «Вопросов истории», «Военно-исторического журнала» и других научных журналов. В начале 1990-х годов публикуются первые сборники рассекреченных архивных документов: «1418 дней войны. Из воспоминаний о Великой Отечественной войне» (М., 1990); «Канун и начало войны. Документы и материалы» (М., 1991); «Скрытая правда войны. 1941 г.» (М., 1992); «Россия, которую мы не знали. 1939—1993. Хрестоматия по истории для школ и вузов» (Челябинск, 1995) и др. Но этого, конечно, было мало: необходимо было развернуть широкую систематическую работу по изданию десятков, а может быть, сотен томов документов.

Изучение и публикация значительных по объему комплексов ранее закрытых документов по новейшей истории позволяет отечественным и зарубежным исследователям во многом пересмотреть прежние, устаревшие оценки прошлого. На смену идеологическим мифам, а иногда и прямым фальсификациям приходит историческое знание, которое во многом опирается на подлинный архивный документ. Если на начальном эта-

пе демократических преобразований рассекречивались, как правило, отдельные документы или группы документов в первую очередь сенсационного характера, то позднее характерным стало рассекречивание крупных документальных комплексов или значительных по объему тематических подборок документов.

Важное значение для расширения исторической базы исторической науки по периоду Второй мировой войны имело открытие документов бывшего «Особого архива», созданного в марте 1946 г. для хранения в основном немецких трофейных документов и документов, конфискованных фашистами во время оккупации европейских стран и обнаруженных Советской Армией в Германии и Чехословакии. В числе наиболее значимых для изучения истории Второй мировой войны фондов архива (ныне РГВА) — фонды Главного управления имперской безопасности, Управления государственной тайной полиции (гестапо), Национал-социалистической рабочей партии Германии, военного министерства, министерства по делам оккупированных восточных областей, министерств экономики, авиации, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, просвещения и пропаганды, имперской канцелярии, Личной канцелярии А. Гитлера, Генерального штаба германской армии и т.д. В конце войны многие трофейные документы после предварительного перевода на русский язык и оформления в установленном порядке передавались для использования советской частью обвинения на Нюрнбергский процесс. С 1992 г. раскрылись двери ранее «тайного архива», и с этого периода по 2000 г. включительно с трофейными документами работало более двух тысяч российских и зарубежных исследователей из 26 стран мира.

Важнейшее значение для изучения истории Великой Отечественной войны имеют документы Государственного комитета обороны (ГКО), образованного 30 июня 1941 г. и ликвидированного 4 сентября 1945 г. За время своего существования ГКО принял 9971 постановление и распоряжение, определявшие решение вопросов мобилизации народного хозяйства на нужды фронта, перевода предприятий на выпуск военной продукции, разработки новых видов военной

техники и др. ГКО контролировал производство металла, топлива, электроэнергии, налаживал работу транспорта, оперативно руководил эвакуацией, а затем и резэвакуацией, занимался вопросами формирования новых воинских частей и соединений Красной Армии и т.д. За крайне редким исключением, постановления ГКО не подлежали публикации, на них стояли грифы «Совершенно секретно» или «Особой важности». К настоящему времени Межведомственная комиссия (МВК) по защите государственной тайны организовала рассекречивание полного комплекта документов ГКО, в результате чего своим решением от 25 февраля 2004 г. перевела на открытое хранение 2935 документов в полном объеме и 3 — частично, не рассекречено 98 документов. Документы ГКО активно используются в исследованиях по истории Великой Отечественной войны, в документальных публикациях. Например, были изданы «Москва военная. 1941—1945 гг. Мемуары и архивные документы» (М., 1995); «Москва прифронтовая. 1941—1942. Архивные документы и материалы» (М., 2001).

Важное значение для исследователей имеют рассекреченные МВК по защите государственной тайны постановления Правительства СССР за 1931—1945 гг., хранившиеся ранее в Архиве Президента РФ и Архиве Правительства РФ, ныне большей частью переданные в ГАРФ. Это постановления, направленные на усиление обороноспособности страны в преддверии войны, в том числе об оборонной работе на случай войны, о создании укрепрайонов, мобилизационной подготовке транспорта, о порядке финансирования оборонных мероприятий, строительстве новых заводов авиационной и военной промышленности НКТП, разработке и снабжении армии новым оружием и т.д. Немалый интерес представляют постановления периода войны, отражающие особые условия функционирования народного хозяйства в военный период, и предпринимаемые правительством в заключительный период войны мероприятия по возвращению в СССР военнопленных и интернированных и т.д.

В соответствии с поручением Президента РФ Б. Н. Ельцина от 11 апреля 1998 г. МВК по защите государственной тайны

провела масштабную работу по рассекречиванию документов Архива Президента Российской Федерации, связанных с жизнью и деятельностью И. В. Сталина. В результате деятельности МВК в 1998 г. было рассекречено 1445 дел. Существенное приращение знаний о механизмах принятия государственных решений, выработке направлений международной политики СССР в предвоенный период и в годы войны дают рассекреченные в 2002—2005 гг. документы фондов Жданова, Молотова, Микояна, Постоянной комиссии по внешним делам при Президиуме ЦК КПСС, Секретариата Г. Димитрова, хранящиеся в РГАСПИ.

Несомненное значение для изучения истории войны, и прежде всего деятельности органов НКВД СССР в военный и послевоенный периоды, имеют документы, хранящиеся в ГАРФ. В начале 1990-х гг. архив организовал рассекречивание документов фондов НКВД представителями МВД РФ, что позволило в оперативном порядке подготовить и издать ряд уникальных по своей информационной значимости каталогов рассекреченных документов, в числе которых т. 1 «Особая папка И. В. Сталина» (М., 1994), т. 2 «Особая папка В. М. Молотова. Из материалов Секретариата НКВД—МВД СССР 1944—1956 гг.» (М., 1994), т. 5 «Приказы НКВД СССР 1934—1941 гг.» (М., 1999). Это документы военного периода, характеризующие общественно-политическую и криминогенную обстановку в отдельных регионах страны, деятельность органов НКВД по очистке тылов Красной Армии от немецких диверсантов и остатков военных формирований; о борьбе с националистическим подпольем (ОУН — УПА) на территориях, освобожденных от врага; о перевозке и обустройстве военнопленных; о результатах допросов фашистских преступников и военнопленных; об организации возвращения на Родину угнанных немцами граждан и др.

Наряду с федеральными архивами в прошедшие годы велась активная работа по рассекречиванию документов в архивных учреждениях субъектов РФ. В первую очередь рассекречивались документы партийных и государственных органов и организаций за военный период, уполномоченных ГКО в регионах, содержащие многоаспект-

ную информацию, документы партизанских отрядов и соединений, истребительных батальонов, оборонных заводов. Кроме того, в ряде регионов рассекречены трофейные документы немецкого, венгерского, итальянского командований, немецких оккупационных властей, в том числе пропагандистская литература — листовки и прокламации немецких властей и Русской освободительной армии (РОА).

Недостатки и пробелы архивных данных можно в определенной мере восполнить материалами периодической печати — в местных и центральных газетах, журналах военного и послевоенного времени содержатся материалы о ратном и трудовом подвиге советского народа. Ценность периодики военной поры состоит в том, что она несет дух своего времени.

В новейших исследованиях Великой Отечественной войны изучаются источники личного происхождения с целью расширения глобальной картины войны и понимания психологии человека воюющего. Мемуары фронтовиков о Великой Отечественной войне наряду с другими источниками личного происхождения играют настолько важную роль в общественно-политической и литературной жизни своего времени, что представляют вполне самостоятельный историко-культурный интерес. Исследование воспоминаний людей фронтового поколения расширяет границы изучения войны, переносит акценты с фактической стороны явления в плоскость личного восприятия, формирования психологии фронтовиков. Особенности индивидуального восприятия непосредственных участников и очевидцев войны призваны дополнить имеющиеся знания, расставить акценты в истории Великой Отечественной войны.

Мемуары — это воспоминания о прошлом, написанные участниками или современниками каких-либо событий. Создаются на основе личного опыта их авторов, но осмысленного в соответствии с их индивидуальностью и общественно-политическими взглядами времени написания мемуаров. Основным источником сведений для мемуаров являются воспоминания авторов о пережитом, но наряду с ними порой используется различная документация, дневники, письма,

пресса и т.п. Ценность мемуаров для исторической науки определяется их конкретностью, способностью отразить личное отношение автора к событиям, в которых он участвовал. Но субъективность мемуаров осложняет работу исследователя, поэтому мемуары рассматриваются в российском (советском) источниковедении как дополнительный источник. По своей природе они не могут быть вполне объективными хотя бы потому, что являются субъективным мнением их авторов о событиях, в которых им довелось участвовать, о людях, с которыми они сталкивались, о самих себе и результатах своей деятельности. Хотя, конечно, мемуары нередко содержат сведения, которые невозможно почерпнуть из других источников. При всем уважении к нашим полководцам, к их порядочности, честности и ответственности за написанное, их воспоминания как исторический источник не составляют исключения. При этом необходимо учитывать не только личность мемуариста, но и условия, в которых они писались и издавались, цель их публикации. В полной мере это можно проследить на примере подготовки воспоминаний маршала Г. К. Жукова.

Профессор, военный историк Н. Г. Павленко, лично знавший Г. К. Жукова, пишет, что, по словам Жукова, впервые мысли о создании мемуарного труда пришли к нему еще в середине войны. И он стал постепенно собирать наиболее важные документы, которые хранились в служебном кабинете в Москве и на даче в Сосновке. Вскоре Жуков заметил, что многие собранные им документы по истории войны исчезли из сейфов. Люди Берии, надзиравшие за Жуковым, знали о хранившихся у него в сейфах документах и регулярно докладывали своему шефу, а тот, в свою очередь, Сталину. Во время одной из встреч Сталин спросил: «Зачем вы коллекционируете документы о войне? Хотите написать историю? Не надо. Пусть этим делом занимаются историки, когда мы с вами умрем».

Лишь в 1958 г., когда оказался в «хрущевской опале», появилась у него возможность писать мемуары. В отличие от некоторых Жуков писал сам. Он регулярно приезжал в Центральный архив МО СССР. Всего им было изучено за это время свыше

полутора тысяч документов. А ведь маршал обладал прекрасной памятью, многие сообщаемые им сведения носили уникальный характер. Он говорил: «Не хочу приглаживать события. Свои взгляды и выводы я аргументирую и подтверждаю документами. Считаю, что при наличии другой точки зрения она также должна быть аргументирована и обоснована, навязывание чужих мнений мне претит. Я хочу, чтобы за моей подписью высказывались мои соображения. В противном случае печатать вообще не надо».

К 1965 г. подготовил труд. Четыре года прошло, пока издали. Однако в середине 60-х годов политическая атмосфера в стране существенным образом изменилась. К этому времени началась реабилитация Сталина. Для большей убедительности характеристики Сталина как полководца требовались еще свидетельства самых авторитетных военачальников периода войны, непосредственно работавших с ним, т.е. Жукова и Василевского.

Была поставлена цель переписать историю Великой Отечественной войны. Подготовка же «Истории Второй мировой войны» затягивалась на годы. И поэтому для подтверждения новой концепции в первую очередь были использованы мемуары выдающихся военачальников. Воспоминания, вышедшие ранее, в 1952—1965 гг. (более 30 наименований), по своей идейно-политической направленности не годились для решения поставленной цели, в особенности воспоминания генерала А. Горбатова. Для «исправления» положения при Главном политическом управлении Советской Армии и ВМФ была учреждена специальная группа, на которую возложили контроль за публикацией военных мемуаров. Усилиями группы и издательств всем находившимся в стадии подготовки воспоминаниям военачальников всех рангов придавалась соответствующая указанным целям направленность. Те мемуары, которые не удавалось переделывать, просто не публиковались. Так, например, произошло с работой наркома вооружения Б. Ванникова, которая готовилась к печати в 1965—1970 гг., а увидела свет только в 1988 г. В 1966—1968 гг. были изданы воспоминания маршалов Советского Союза Гречко, Конева, Мерецкова, Рокоссовского,

генерала армии Штеменко и авиаконструктора Яковлева. Многие военачальники под влиянием усиливавшихся цензурных запретов не включали в свои мемуары эпизоды и факты, связанные с трагическими и негативными событиями. Так, маршалы Мерецков и Рокоссовский не оставили для потомков свои свидетельства о пребывании их в сталинских казематах. Тимошенко, Малиновский, Соколовский вообще отказались оставлять какие бы то ни было свидетельства. А между тем отсутствие воспоминаний этих военачальников в сильной степени обеднило советскую военную мемуарику. В 1968 г., например, были изданы мемуары Рокоссовского «Солдатский долг». И лишь спустя 21 год в «Военно-историческом журнале» (№ 4, 5, 6 за 1989 г.) опубликованы некоторые фрагменты, исключенные из книги.

Из всех мемуарных трудов наибольшей экзекуции подверглись, конечно, мемуары Жукова. В них не только исключались неудобные для суловско-брежневского руководства абзацы и страницы, а целые разделы. Сулов считал, что мемуары Жукова лучше не издавать. Брежнев дал разрешение, но до этого хорошо поработали редакторы. Они устранили недооценку партийно-политической работы в мемуарах Жукова.

Конъюнктурные правки были внесены в его воспоминания, которые выражались в написании новых текстов (абзацев, разделов) и монтировании их в мемуары; исключении из рукописи критических сюжетов, особенно связанных с деятельностью Сталина; изменении (путем редакционного вмешательства в текст) смыслового содержания неудобных абзацев и страниц. Те места, которые давали характеристику Сталину, были так отредактированы в работе Жукова, что ничего объективного не осталось. В процессе подготовки к печати из рукописи была изъята глава о репрессиях 1937—1938 гг. и их последствиях, ряд других мест. Одновременно мемуары пополнились новыми сюжетами. Общеизвестно, например, сколь неубедительно выглядят свидетельства о намечавшейся встрече маршала Жукова с полковником Брежневым. Там говорится, что 18 апреля 1943 г. Жуков прибыл в расположение 18-й армии Северо-Кавказского фронта, в армию Леселидзе, и выразил сожаление

ние, что не застал там полковника Брежнева, который в это время находился на «Малой земле». Жуков и здесь пошел на уступки, сказав с горькой усмешкой: «Умный поймет» (по свидетельству редактора мемуаров Миркиной).

Аналогичные действия были предприняты и в отношении воспоминаний маршалов Василевского, Конева и других. Поэтому возникла необходимость мемуары Жукова и других военачальников освободить от всего того, что не имело отношения к авторскому тексту.

Но это не значит, что их можно игнорировать. Известно, например, что Сталин запрещал протоколировать, а тем более стенографировать заседания Ставки ВГК и ГКО. Сведения об этих совещаниях можно почерпнуть только из мемуаров. Подчас воспоминания являются единственным источником, позволяющим установить тот или иной конкретный факт.

В 1990 г. вышло 10-е по счету издание «Воспоминаний и размышлений» Г. К. Жукова в трех томах, дополненное по рукописи автора. Первое издание напечатано в 1969 г. и было выпущено за рубежом в 19 странах. При подготовке нового издания мемуаров проделана огромная работа по восстановлению первоначального текста, отчего объем книги увеличился примерно на 100 машинописных страниц.

В третьем томе дан ответ на вопрос, почему в 1945 г. Красная Армия потеряла убитыми более 1 миллиона человек. Ответ опоздал на четверть века. Жуков писал: «Основных законов оперативно-стратегического искусства И. В. Сталин не придерживался. Он был подобен темпераментному кулачному бойцу, часто горячился и торопился вступить в сражение. Горячась и торопясь, И. В. Сталин не всегда правильно учитывал время, необходимое для всесторонней подготовки операции» [т. 3, с. 58]. Только в двух операциях (Будапештской — был приказ Сталина с ходу овладеть городом — и Восточно-Прусской) погибло около 0,5 миллиона человек.

Когда историку Павленко задавали вопрос: «Почему Жуков пошел на уступки? Ведь он был мужественным и волевым человеком». На это Н. Г. Павленко ответил, что в конце 60-х — начале 70-х годов Жуков был

тяжело болен. Сыграли два обстоятельства: с одной стороны, страстное желание полководца увидеть свое детище изданным еще при жизни и, с другой стороны, физическая и душевная слабость больного человека. К этому времени скончалась его вторая жена, которую он очень любил и тяжело переживал ее смерть.

В 10-м издании, к сожалению, оставалось еще немало чужих «дописок» и «вставок», и они были убраны в последующих изданиях его мемуаров.

К источникам по истории войны относятся и дневники очевидцев событий, которые как исторический источник весьма схожи с мемуарами, ряд исследователей даже ставят между ними знак равенства. Однако между ними есть существенные различия.

Дневник — это подневные записи одного лица или коллектива, ведущиеся синхронно событиям их жизни. Внешняя, но более других обязательная примета дневников — обозначение дат. Реальные дневники могут рассматриваться как род исторических, историко-биографических или историко-культурных документов. То есть дневник ведется во время событий, благодаря чему является более точным источником, чем воспоминания. Особую ценность представляют дневниковые записи, изданные практически без редактуры и правки — они позволяют проследить виденье событий автором тогда, когда они происходили, а не через определенное количество лет. Однако дневники имеют и некоторые недостатки, в частности краткость изложения. Это вызвано многими факторами — недостатком времени, а порой и нехваткой письменных принадлежностей.

Еще одним важным эпистолярным источником являются письма солдат-фронтовиков, адресованные родным и близким. В этих письмах они делятся событиями и переживаниями, волнующими их в данный момент, рассказывают о своей жизни и достижениях на фронтах.

При работе с письмами необходимо учитывать некоторые особенности этого своеобразного вида источников. Основным недостатком фронтовых писем как исторического источника является их сжатость, вызванная зачастую недостатком бумаги или свободного времени. Не стоит сбрасывать

со счетов и такой немаловажный фактор, как действие военной цензуры. Проверке подвергались абсолютно все письма, идущие с фронта. Эти действия были направлены на недопущение утечки секретной информации и проникновения нежелательных настроений из фронта в тыл. Военные письма имеют колоссальную культурную ценность, поскольку являются носителем духовно-эмоциональных переживаний целого поколения огромной страны, на долю которого выпало такое страшное событие.

Источниками по истории войны являются также документальная кинохроника, аудиозаписи, фотографии военной поры, карты и т.п.

При этом следует отметить, что для объективного исследования всех проблем Великой Отечественной войны историкам необходимо изучать все виды источников по обе стороны фронта в совокупности, т.е. не только Советского Союза, но и фашистской Германии и ее сателлитов.

3. СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рекомендуемая литература: 1; 11; 13; 20; 21; 22; 24; 25; 30; 40; 42; 47; 57; 58; 59; 60; 61; 64; 68; 69; 77; 88; 97; 98; 103; 111; 116; 121; 124; 129; 130; 138; 152; 153; 156; 160; 161; 165; 181; 184; 185; 186; 187; 190; 198; 204; 211; 219; 228; 229.

Спорными проблемами войны являются многие вопросы, которые ранее считались вполне ясными и понятными, так как в связи с рассекречиванием архивных материалов появилась возможность по-новому взглянуть на устоявшиеся проблемы войны и осмыслить их. В 1990-е годы на страницах книг и журналов развернулись научные дискуссии, которые продолжаются и сегодня. Остановимся на некоторых таких проблемах.

3.1. Влияние политики в современном мире на объективное исследование причин заключения Советским Союзом договора с Германией о ненападении от 23 августа 1939 года

Политика всегда и во все времена оказывала достаточно сильное влияние на объективное изучение многих проблем истории, особенно это касается истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Несмотря на то, что прошло почти 70 лет со дня окончания этих войн, до сих пор не утихают споры о роли европейских держав и СССР в развязывании Гитлером Второй мировой войны, о вкладе СССР и союзников по антигитлеровской коалиции в разгром фашистского блока, о роли ленд-лиза в победе Советского Союза над фашистской Германией, об освободительной миссии Красной Армии, о потерях СССР в войне и т.д. В последнее время идет открытая фальсификация истории Великой Отечественной войны не только в дальнем зарубежье, но и в ближнем (страны Прибалтики и Украина,

т.е. бывшие республики СССР). Основными направлениями фальсификации истории войны на сегодняшний день являются мифы «о превентивной войне» со стороны Германии, о решающем вкладе США в разгром фашистской Германии и ее союзников и т.д. Попытки некоторых политиков и историков ставить знак тождества между коммунизмом и фашизмом, между фашистской диктатурой и сталинской свидетельствуют о том, что хотя «холодная война», по мнению многих политиков и историков, и закончилась, но подходы к изучению спорных проблем Второй мировой войны остались прежними. Идет информационная война. Недавно один американский историк заявил, что в век информационной борьбы побеждает тот, у кого более убедительная история, у кого она более привлекательная. С точки зрения объективной истории, особенно истории Великой Отечественной войны, Россия достойна высочайшего уважения. И эта история умышленно искажается. В связи с этим в мае 2009 г. Указом Президента России Д. А. Медведева образована Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

Существуют явные доказательства того, что политизация истории в ущерб России в прибалтийских странах, Украине обрела статус государственной политики. Срежиссированная кампания по навязыванию нашему государству некой «исторической вины» является частью более широкого замысла воспроизведения политики сдерживания России уже в новых условиях, — подчеркивает министр иностранных дел РФ С. Лавров [234].

Большинство политиков и членов правительства Эстонии, Литвы, Латвии, Украины считают своим долгом непременно и однозначно нравиться Западу и ради этого готовы пойти на переделку истории. Одна часть этих переделок, а по сути фальсификаций, касается страниц «советского периода» в истории прибалтийских стран и состоит в полном непризнании достижений в «коммунистический» период, называемый «периодом советской оккупации», и отрицании каких-либо симпатий прибалтийских народов к социализму. В качестве основного приема в этой части фальсификации используется метод «демонизации» СССР и всего русского народа. Трактовка истории в этих странах имеет не только антисоветский, но и откровенно антироссийский характер. Другая часть намеренных фальсификаций касается прибалтийских и украинских граждан, которые состояли в нацистских вооруженных формированиях и участвовали в военных действиях на стороне гитлеровской Германии. Они объявляются «борцами за национальное освобождение» и удостоиваются государственных почестей.

Внедрение в нашу страну западного тезиса о тождестве коммунизма и нацизма, недавняя скандальная резолюция ПАСЕ (2009 г.), равняющая сталинизм и нацизм, объявление победившего СССР таким же преступным государством, что и гитлеровский рейх, ставит под сомнение авторитет сегодняшней России как правопреемницы СССР и все важнейшие договоры и решения XX века, прежде всего созданную в конце войны так называемую «Ялтинскую систему», не устраивающую сегодня сторонников монополярного мира. Но что общего у коммунизма и нацизма? Коммунизм своим лозунгом «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» ставил целью облагодетельствовать весь мир, добиться всеобщего равенства и братства. А гитлеровская расовая доктрина говорила о природном неравноправии людей и наций. И цель ее — весь мир положить к ногам одной нации и превратить в расу господ. Абсолютно противоположные идеи. И вдруг акценты меняются, и оказывается, что «война велась за американскую демократию, что воевали два омерзительных тоталитарных монстра» [137].

Даже в годы «холодной войны» на Западе никто не отождествлял Сталина и Гитлера, тем более коммунизм и фашизм. В западной политологии они считались антиподами. В середине 1970-х годов изменилась стратегия Запада в отношении нашей страны и стала целенаправленно меняться трактовка Второй мировой войны. Начали говорить, что главное преступление Гитлера — не претензия на новые территории и народы и даже не расовая доктрина, а отсутствие американской демократии, а раз у нас тоже не было демократии, мы такие же отвратительные. Хотя почему-то Черчилль и Рузвельт не равняли нацизм со сталинизмом. И решающую роль Советского Союза в победе над Гитлером им не приходило в голову отрицать. В Тегеране и Ялте они садились со Сталиным за стол переговоров. А сейчас — новые оценки. При этом козырная карта — Договор о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 г. сроком на 10 лет, так называемый пакт Молотова — Риббентропа. (В Советском Союзе такое наименование совершенно правомерно не употреблялось. Принято было говорить: Договор о ненападении между Германией и СССР.) В ЕС раздаются много стенаний об исторической вине Советского Союза по поводу этого договора, к которым, к сожалению, присоединилась и новая Россия. По мнению В. Путина, высказанному им на страницах польской газеты «Газета Выборча» в сентябре 2009 г., «крайне вредно и безответственно спекулировать на памяти, препарировать историю, искать в ней поводы для взаимных претензий и обид. Мы видим попытки переписать историю под нужды сиюминутной политической конъюнктуры. В некоторых странах зашли еще дальше — героизируют нацистских пособников, ставят в один ряд жертв и палачей, освободителей и оккупантов» [166, с. 4].

Предвоенная ситуация в Европе рассматривается фрагментарно и вне причинно-следственной взаимосвязи, при этом оказались за скобками ключевые события накануне Второй мировой войны. Характерно то, что передергиванием истории часто занимаются те, кто на деле применяет двойные стандарты и в современной политике. Они предлагают признать, что един-

ственным «спусковым крючком» Второй мировой войны стал советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. Говорится о равной ответственности Берлина и Москвы за эскалацию предвоенного кризиса и непричастности к нему западных стран. По мнению известного специалиста по военной истории профессора Л. И. Ольштынского, «примером примитивной фальсификации истории является часто повторяемый тезис о том, что “Договор о ненападении Германии и СССР 1939 г.” вызвал развязывание Второй мировой войны... Подписание договора вырывается из общей цепи... причинно-следственных связей, смешиваются разномасштабные и разноплановые события. При этом полностью игнорируются стратегические планы сторон, которые раскрывают подлинные замыслы политики...» [144, с. 51].

Сегодня стало модно говорить об имперских амбициях Советского Союза в 1930-е годы, о его агрессивных планах коммунистической экспансии в Европе. Западные страны представляются благородными рыцарями, которые стремились предотвратить пожар войны, но обмануты были как Гитлером, так и Сталиным. При этом поборники этой версии не вспоминают Версальский мир, который не только фиксировал окончание Первой мировой войны, но и унизил Германию, породил в стране разруху, нищету и реваншизм, на волне которых Гитлер и пришел к власти. Заложенные Версальским миром «мины замедленного действия» начинают постепенно взрываться с приходом фашистов к власти. Французский главнокомандующий в Первой мировой войне маршал Фош был точен в своих прогнозах, когда заявил, что Версальский мир — «это не мир, а перемирие на 20 лет» [222, с. 22].

В числе униженных государств оказалась и Россия, от которой после 1917 г. отошли или были отторгнуты Финляндия, Прибалтика, Западная Украина и Западная Белоруссия, Бессарабия и некоторые другие территории. На западных границах СССР был создан «санитарный кордон» из недружественных ей государств антисоветской ориентации. В этих условиях СССР оказывал сопротивление такой политике, защищал свои национальные и государственные

интересы, действуя в русле тех правил игры, которые были установлены на международной арене ведущими европейскими державами — Англией и Францией. Германия шаг за шагом начинает нарушать условия Версальского договора, но европейские страны созерцали спокойно эти действия Германии, проводя политику умиротворения и подталкивая Германию на СССР.

Некоторые пытаются показать, что Сталин бредил идеями мировой революции и СССР стремился привнести в Европу на своих штыках «пожар мировой революции», поэтому был агрессивен настроен в отношении соседних стран. Как пишет израильский историк Г. Городецкий, идейные установки на мировую революцию были, но они еще в 1920-е годы отошли на задний план, Сталин был прагматик и идеями мировой революции после поражения революций в европейских странах и в Китае не бредил. В связи с угрозой фашистского нашествия стояла суровая необходимость укрепить обороноспособность страны и искать союзников из числа ведущих европейских держав и других стран. Динамитом, взорвавшим международную ситуацию, стали мюнхенские события сентября 1938 г., когда правители нацистской Германии, фашистской Италии, демократической Англии и демократической Франции достигли соглашения, которым предписывали правительству Чехословакии в десятидневный срок передать Германии Судетскую часть, около одной пятой своей территории. В результате произошло отторжение территории у суверенного государства, грубейшее нарушение международного права. В обмен Германия подписала с Англией и Францией декларации, явившиеся, по сути, пактами о ненападении (еще задолго до подписания пакта Молотова — Риббентропа). То, что для Англии и Франции означало якобы умиротворение Германии, для Советского Союза — нарастание военной угрозы. По мнению председателя Правительства России В. Путина (2009 г.), «именно сговор в Мюнхене подтолкнул к разобщению объективных союзников в борьбе с нацизмом, вызвал между ними взаимное недоверие и подозрительность... Всем нам — и на Западе, и на Востоке Европы необходимо помнить, к каким трагедиям приводят

трусость, закулисная кабинетная политика, стремление обеспечить свою безопасность и национальные интересы за счет других. Не может быть разумной, ответственной политики вне нравственных и правовых норм» [166, с. 4].

По мнению российских историков А. И. Подберезкина, Н. А. Нарочницкой, пора ставить вопрос о периодизации истории Второй мировой войны [137; 158, с. 3].

Отсчет начала Второй мировой войны надо вести от сентября 1938-го, от Мюнхена, хотя официально Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. Между этими двумя датами — особый период, та самая развилка истории, когда события могли пойти так, а могли иначе. Перед Мюнхеном СССР пытался предотвратить раздел Чехословакии, был готов единым фронтом вместе с Англией и Францией выступить против Гитлера, говорил о конкретном количестве дивизий. А в августе 1939 г. — уже встреча с Риббентропом. За год — радикальная перемена позиции. Почему же Советское правительство на 180 градусов меняет свою политику? Между этими двумя датами — особый период интенсивной тайной дипломатии: конфиденциальные переговоры, закрытые контакты.

При этом рассекреченные документы показывают: у нас была блестящая разведка. Информацию давали точную, подробную, многоплановую. И становится ясно: закулисные игры тогда вели все. Сталин об этом знал — решаясь на переговоры с Берлином, исходил из ситуации, которая складывалась в тот момент. Сегодняшние политики Запада, которые хотят поставить фашистскую Германию и Советский Союз в один ряд, забывают о том, что границы в Европе начали рушиться гораздо раньше 1 сентября 1939 г.: аншлюс Австрии, растерзанная Чехословакия, когда не только Германия, но и Венгрия и Польша приняли участие в территориальном переделе Европы, захват Албании Италией. Война уже полыхала в мире, в Европе шел полным ходом масштабный передел границ с помощью ультиматумов и силы. Это уже была война, просто Англия, Франция и США в ней не участвовали. День в день с заключением мюнхенского сговора Польша направила Чехословакии свой ультиматум

и одновременно с немецкими войсками ввела свою армию в Тешинскую и Фритштадтскую области, а Венгрия — в Закарпатскую Украину.

Старания сегодняшних польских политиков представить Польшу безвинной жертвой двух диктаторов не подтверждаются историческими фактами. Это та самая Польша, которая годом раньше наотрез отказалась пропустить к чехословацким границам наши части и после Мюнхена отхватила кусок от уничтоженной Чехословакии. Это поведение не жертвы, а хищника. Перед Мюнхеном для пропуска войск на Варшаву могли надавить Англия и Франция — однако не стали. Попытки Польши навязать идею о том, что, если бы не пакт Молотова — Риббентропа, Гитлер не пошел бы на Польшу войной, не подтверждается источниками, которые свидетельствуют о том, что 1 марта 1939 г. была определена дата нападения на эту страну. 11 апреля Гитлер, используя отказ Польши выполнить германские требования (21 марта 1939 г. Германия предложила Польше, союзнице по Мюнхенской сделке, в обмен на тот же посул о гарантиях ее границ, возвратить город и порт Данциг, до Версаля бывший германской территорией), утвердил план «Вайс» — план войны с Польшей и установил срок готовности к войне — 1 сентября 1939 г. Как видим, план нападения на Польшу разрабатывался с весны 1939 г., когда отношения Германии и Советского Союза были весьма прохладными и мало что предвещало их улучшение.

На германско-польской границе задолго до указанной даты уже были сосредоточены и развернуты для нападения германские войска. Гитлер не раз высказывал намерение в любом случае уничтожить Польшу, и не вызывает сомнения, что он рано или поздно осуществил бы это, даже не подписав пакта с Москвой. Фюрер не сомневался в том, что Германия добьется успеха. Он был уверен, что ни западные державы в силу своей соглашательской позиции, ни СССР ввиду сложности его отношений с Варшавой и опасений быть втянутым один на один в войну с рейхом не вступятся за Польшу, а поляки по принципиальным соображениям не примут советскую помощь, даже если та им будет предложена. Лихорадочная дипломатическая

активность, преследовавшая цель добиться улучшения отношений с Москвой, которую германская дипломатия начала проявлять с июля 1939 г., определялась не столько потребностями подготовки самой польской кампании, сколько стремлением обеспечить Германии тыл для последующего противоборства против Англии и Франции.

Заявления о том, что германо-советский договор спровоцировал нападение Германии на Польшу, не выдерживают критики и с военной точки зрения. Подготовка любой войны требует времени, поскольку необходимо разработать планы операций, сосредоточить войска, развернуть их в боевые порядки, провести мобилизационные мероприятия и т.д. Невозможно представить, что за несколько дней, прошедших с момента подписания соглашения с Москвой, и даже за месяц — начиная с конца июля 1939 г., с того момента, когда стали обозначаться некоторые сдвиги на германо-советских переговорах, — нацистское руководство смогло провести весь комплекс мероприятий по подготовке к войне. Вся эта работа была проведена значительно раньше. К 23 августа 1939 г. германские вооруженные силы фактически уже завершили боевое развертывание для нападения на Польшу в соответствии с оперативным планом, утвержденным еще 15 мая 1939 г. [233, с. 93—110].

СССР вел активные переговоры с Англией и Францией, а затем также и с Германией. Переговоры с Германией летом 1939 г. вела и Англия. Так, в июне 1939 г. сотрудник министерства иностранных дел Германии Трот фон Зольц встречался с премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом и министром иностранных дел Э. Галифаксом и обсуждал с ними вопросы мирного урегулирования проблем между двумя странами [127, с. 66]. Сложность и неоднозначность положения Москвы диктовали ей необходимость поиска путей предотвращения угрозы своим границам. Решающее значение в сложившейся обстановке августа 1939 г. имели переговоры военных миссий СССР, Великобритании, Франции в Москве. 12 августа военные делегации Великобритании и Франции прибыли в Москву, но у них не было даже полномочий для ведения переговоров. Английскому адмиралу Драксу в

инструкции предписывалось вести переговоры «весьма медленно», выработать декларацию в «весьма общих формулировках» [141, с. 272]. Советский Союз совместно с ведущими странами Европы пытался создать систему европейской коллективной безопасности, однако руководители делегаций не имели полномочий подписывать эти документы. Имеются все основания полагать, что советская сторона относилась к переговорам со всей серьезностью. Советская делегация получила полномочия вести переговоры и подписать военную конвенцию при условии обеспечения взаимной безопасности [127, с. 74—75; 133, с. 7].

Между тем для СССР на переговорах с Германией приобретала реальные очертания возможность заключения Пакта о ненападении, ограничивающего продвижение вермахта на Восток. Дипломатическая борьба последнего предвоенного года строилась вокруг вопроса: на кого первым нападет Гитлер? А то, что война неизбежна и будет идти на оба фронта, было для всех очевидно. Советский Союз, безуспешно пытаясь достичь с Западом всеобъемлющего договора против Гитлера, в последний момент переиграл Запад в этой игре. Бывший американский госсекретарь Генри Киссинджер признает, что «мерой достижения Сталина можно считать изменение расписания войны и приоритетов Гитлера» [137, с. 4].

Германо-советский пакт, безусловно, предполагал выгоду обеим сторонам, хотя и был только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Выигрыш Германии был очевиден: Берлин заручился нейтралитетом Москвы в грядущей германо-польской войне. Договор о ненападении позволял Москве не быть втянутой в войну, ставил предел германскому продвижению на восток, позволял урегулировать конфликт с Японией. Таким образом, СССР получил гарантии от войны, по крайней мере, на ближайшую перспективу. Ни договор о ненападении, ни прилагавшийся к нему секретный протокол не содержали статей о военном сотрудничестве двух стран. Более того, не налагали на них обязательств по ведению совместных военных действий против третьих стран или по оказанию помощи друг другу в случае участия одной из сторон в военном конфлик-

те. Пакт гарантировал лишь нейтралитет со стороны Советского Союза.

С позиции сегодняшних знаний можно утверждать, что это было нежелательное, но единственно возможное решение для СССР в той конкретной международной обстановке. Моральный ущерб для СССР, заключившего договор с нацистским режимом, был очевиден. Но договор позволил СССР выиграть около двух лет для укрепления обороны страны, границы отодвинулись на Запад более чем на 200 км, и эти километры сыграли свою роль, когда в начале войны враг продвигался в глубь советской территории со скоростью 25—30 км в сутки. Если бы не было этих километров, которые врагу пришлось пройти при упорном сопротивлении наших отступавших войск, неизвестно, как сложились бы события на советско-германском фронте в 1941 г.

Советский Союз, не будучи агрессором, естественно, не претендовал на собственно польские земли. Этническую границу Польши, «линию Керзона», советские войска не пересекли. Было сделано самое необходимое. И это хорошо понимали знающие ситуацию современники. Занимавший в тот период пост первого лорда адмиралтейства У. Черчилль, отнюдь не обремененный симпатиями к СССР, в своем выступлении по радио 1 октября 1939 г. вынужден был признать за Советским Союзом это право: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан «Восточный» фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть. Когда г-н фон Риббентроп был вызван на прошлой неделе в Москву, то это было сделано для того, чтобы он ознакомился с этим фактом и признал, что замыслам нацистов в отношении балтийских государств и Украины должен быть положен конец». Таким образом, уже в начале войны СССР преградил путь Третьему Рейху, лишив германское командование возможности использовать территорию Западной Украины и Западной Белоруссии в качестве плацдарма для нападения на СССР.

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом способствовал тому,

что Прибалтика не стала протекторатом Третьего Рейха и плацдармом для нападения на СССР. Республики Прибалтики вошли в состав СССР на законных основаниях. 21—22 июля 1940 г. сеймы Литвы и Латвии и Государственная дума Эстонии приняли декларации о вхождении этих стран в состав СССР. При этом никакие боевые действия не велись. Кроме того, отличительной чертой оккупационного режима является неравенство перед законом оккупантов и оккупированных. В данном случае закон был одинаковым для всех. Взвешенная политика позволила подготовить общественные силы Прибалтики: широкие слои местного населения рассматривали присоединение к Советскому Союзу как возможность избежать фашистской оккупации.

В результате СССР вернул утраченные во время Гражданской войны территории, укрепил границы, установил контроль над стратегически важным регионом и выиграл время для подготовки к войне. В свою очередь, присоединение Литвы, Латвии, Эстонии к Советскому Союзу позволило местному населению сохраниться как нациям. Что было бы с Прибалтикой, если бы она не вошла в состав Советского Союза? Ответ очевиден: она была бы захвачена Германией. По плану Гитлера, почти всю эту территорию предполагалось освободить от местного населения («освободить жизненное пространство для немцев») и заселить немецкими колонистами. Основной смысл Генерального плана «Ост» состоял в ликвидации разными способами непригодных для жизни, с точки зрения фашистов, этнических единиц, а народы, считавшиеся «относительно годными», должны были подвергнуться германизации. Эта программа рассчитывалась как долгосрочная, на 30 лет после окончания войны [62, с. 186].

Мнение о том, что СССР нарушил нормы международного права того времени и что договор в силу секретных протоколов выходил за всякие рамки моральной оценки, вообще неприемлемо. Даже многие западные историки, неизменно осуждающие СССР за сделку с Германией, признают, что Сталин, вступив в переговоры с Гитлером в 1939 г., сделал именно то, что лидеры Англии и Франции сделали в 1938 г. в Мюнхене, — за счет маленького государства купил себе мирную передышку, необходимую

на перевооружение, чтобы противостоять агрессору. «Если Чемберлен поступил честно и благородно, умиротворив Гитлера и отдав ему в 1938 г. Чехословакию, — пишет известный американский журналист и историк У. Ширер, — то почему же Сталин повел себя нечестно и неблагородно, умиротворяя через год Гитлера Польшей, которая все равно отказалась от советской помощи? [233, с. 577]. В целях обеспечения собственной безопасности и достижения своих геополитических интересов западные державы преспокойно жертвовали третьими странами в пользу агрессоров, не останавливаясь перед прямым нарушением их суверенитета. Кто и когда на Западе призывал к покаянию «за Мюнхен» и раздел Чехословакии? Для того времени это была обычная политическая и дипломатическая практика, Советский Союз никаких рамок «приличия» не нарушал.

Кроме того, договор вызвал сильные противоречия между союзниками — Германией и Японией — как раз в тот период, когда советские войска вели боевые действия против японских войск на реке Халхин-Гол. Все это уже в годы войны способствовало тому, что СССР смог избежать войны на два фронта, хотя и боялся и держал на китайской границе достаточно много сил (более 40 дивизий) в начальный период войны. Кроме того, правительства западных демократий после 23 августа ясно осознали, что СССР не позволит сделать из себя «мальчика для битья». У него есть свои интересы, с которыми следует считаться. И хотя Париж, Лондон и Вашингтон были еще враждебно настроены к Москве, тем не менее вскоре после начала Второй мировой войны, осенью 1939 г., начались англо-советские и американо-советские дипломатические переговоры, которые в конечном итоге привели к формированию антигитлеровской коалиции [133, с. 7].

3.2. О начале коренного перелома в Великой Отечественной войне и во Второй мировой войне

Начало этому спору положила статья академика А. М. Самсонова и доктора исторических наук О. А. Ржешевского «О коренном переломе во второй мировой войне»,

опубликованная в журнале «Вопросы истории» [179]. Главный вывод статьи — победа Красной Армии под Москвой явилась началом коренного перелома, победа под Сталинградом внесла решающий вклад в коренной перелом, а битва под Курском и выход советских войск к Днепру завершили этот процесс. В ответ на эту статью появились новые публикации. Ряд историков (А. А. Сидоренко, Д. М. Проэктор, А. Ф. Васильев и др.) выступили их оппонентами на страницах того же журнала [189]. На основе анализа военно-политического положения воюющих сторон они приходят к вполне обоснованному выводу, что началом коренного перелома является победа под Сталинградом, а не под Москвой и приводят вполне убедительные свои аргументы.

Коренной перелом в войне рассматривается большинством советских, а ныне и российских историков как многосторонний процесс в целом необратимых изменений в пользу одной из воюющих сторон, а основным его показателем является захват и удержание стратегической инициативы. Показателями коренного перелома являются четыре фактора: военный, экономический, политический, идеологический.

Академик Самсонов и историк Ржешевский считают, что коренной перелом нельзя рассматривать как процесс только необратимых изменений. В нем может быть как подъем, так и спад.

Однако их оппоненты придерживаются другой точки зрения. Эти авторы считают, что коренного перелома в ходе Московской битвы не было, так как стратегическая инициатива Красной Армией летом 1942 г. была утрачена и снова оказалась в руках врага, а советские войска были вынуждены отступить под напором его численно превосходящих сил в течение 5 месяцев к Волге и предгорьям Кавказа. Поражения второй Ударной Армии (Волховский фронт), войск Крымского фронта, неудачное наступление войск Южного и Юго-Западного фронтов, которое привело к окружению пяти советских армий под Харьковом, мощное наступление немецких групп армий «А» к Кавказу и «Б» к Сталинграду и т.д.

Не было перелома и в экономическом факторе. Промышленность не могла удов-

летворить потребности Красной Армии. Только к середине 1942 г. завершилась перестройка народного хозяйства на военные рельсы, и к концу года было создано слаженное военное хозяйство. Благодаря этому советские войска стали превосходить врага в военной технике. Фактор политический был, так как 1 января 1942 г. 26 государств подписали в Вашингтоне «Декларацию объединенных наций», т.е. возникла антигитлеровская коалиция. Моральный фактор в ходе Московской битвы также присутствовал, поскольку в результате победы возрос моральный дух советских солдат и офицеров и всего советского народа, а моральный дух немецких солдат и офицеров в результате неудач под Москвой был сломлен. 62 тыс. немецких солдат и офицеров были отданы под военные трибуналы за дезертирство. Гитлер в ярости сместил более 40 фельдмаршалов и генералов за неудачу под советской столицей (Бока, Лееба, Рундштедта, Гудериана, Браухича и других).

Основными показателями коренного перелома являются военный и экономический, поэтому, несмотря на присутствие политического и морального факторов, Московская битва не является началом коренного перелома. В последующих серьезных трудах по истории Великой Отечественной войны утверждается, что началом коренного перелома в войне явилась победа под Сталинградом. В четырехтомнике «Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки», вышедшем к 55-летию Победы над фашистской Германией, вторая книга называется «Перелом» (М., 1998) и охватывает период с начала контрнаступления под Сталинградом и завершается Курской битвой и освобождением Левобережной Украины.

Таким образом, большинство советских и ныне российских историков коренной перелом связывают с началом контрнаступления советских войск под Сталинградом (19 ноября 1942 г.) и завершают концом 1943 г. (Курской битвой и освобождением Левобережной Украины).

3.3. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне

В середине 80-х годов XX века зазвучали голоса тех, кто утверждал, будто СССР победил за счет того, что буквально завалил противника трупами своих солдат. Но так ли это на самом деле? Трудно найти слова, чтобы выразить всю тяжесть невосполнимых утрат и жертв войны, но нет, наверное, ничего более недостойного, чем злорадство по поводу утраченных человеческих жизней.

В процессе выявления истинных масштабов людских потерь Советского Союза можно выделить три стадии. Первая, охватывающая период войны, характерна стремлением руководства страны и армии скрыть столь печальные факты от общественности. В те суровые годы подобная практика, видимо, в какой-то мере была оправданной: на фронте и в тылу необходимо было поднять моральный дух, укрепить веру людей в неизбежность разгрома агрессора. Да и вряд ли в той сложной обстановке возможно было вести скрупулезный учет погибших. Впрочем, ни одно из воюющих государств в ходе войны не раскрывало своих потерь.

Вторая стадия по выявлению потерь граждан нашей страны в войне наиболее продолжительная — едва ли не полвека, в свою очередь, включает несколько этапов. Первый — это годы культа личности Сталина. В течение 15 лет после войны наши потери оценивались в 7 миллионов человек. Впервые это число было обнародовано в феврале 1946 г., хотя уже тогда руководству СССР были известны другие данные — 15 миллионов погибших. По мнению итальянского историка Дж. Боффа, Сталин знал истинные масштабы наших потерь, но началась «холодная война» и он хотел скрыть истинную слабость Советского Союза.

Второй и третий этапы соответственно приходятся на «хрущевскую оттепель» и «период застоя». Как и во времена Сталина, первую скрипку в том идеологическом оркестре играли лидеры государства. В ноябре 1961 г. новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев назвал цифру 20 миллионов человеческих жизней, неизвестно каким образом полученную. Его преемник Л. И. Брежнев через четыре года сообщил,

что страна потеряла более 20 миллионов человек, и в течение 25 лет это оставалось официальной цифрой наших потерь в войне.

Третья стадия связана с так называемым процессом перестройки. На читателей обрушилась буквально лавина публикаций, посвященных этой проблематике. Однако диапазон приводимых данных слишком широк: от 26—27 до 50 миллионов. Демограф А. Я. Кваша считает, что прямые потери СССР составили 26—27 миллионов, косвенные 22—23 миллиона; историк Л. Е. Поляков — общие потери — 46 миллионов, В. И. Козлов — 50 миллионов, при этом косвенные потери — 10 миллионов, т.е. советские женщины «недородили», а прямые — 40 миллионов (преждевременная смерть от недоедания, от напряженного труда, на поле брани...). Резкий «разрыв» в экстремальных показателях, которые с завидным упорством «штамповались» средствами массовой информации, свидетельствовал не о стремлении выявить реальную картину трагедии советского народа в годы войны. Он выражал накал политических страстей, бушевавших в разбуженном обществе. Причем авторов «максималистов» не смущало, по мнению историка В. А. Пронько, то обстоятельство, что приводимые ими цифры о числе безвозвратных потерь Красной Армии намного превышают и общее количество служивших в вооруженных силах за все годы войны, и численность трудоспособного населения СССР к ее началу. Чтобы решить эту актуальную историческую и социально-политическую задачу, в течение нескольких лет под эгидой МО СССР работала специально созданная для этой цели комиссия.

8 мая 1990 г. Президент СССР М. С. Горбачев в докладе, посвященном 45-летию Победы, сославшись на результаты работы комиссии, подчеркнул, что война унесла 27 миллионов человеческих жизней. Этой цифры придерживается большинство российских исследователей.

Новый подход к учету безвозвратных потерь в годы Великой Отечественной войны предложили в 1990 г. ученые ЛГУ Конасов, Терещук на страницах журнала «Вопросы истории» (№ 6), которые предложили создать Всесоюзную книгу Памяти, куда планировалось внести всех погибших солдат и офице-

ров. Но, к сожалению, с развалом СССР эта работа не везде была проделана.

Исключительно велики оказались и безвозвратные людские потери Вооруженных сил СССР — 11 млн. 944,1 тыс. человек. Если говорить о возрасте павших воинов, то в основном это самые молодые и дееспособные люди. Так, 74% умерших от ран и болезней, не вернувшихся из плена — это военнослужащие от 19 до 35 лет.

Безвозвратные людские потери СССР в войне — это не только убитые в бою и умершие от ран в госпиталях, пропавшие без вести, не вернувшиеся из плена военнослужащие, партизаны и ополченцы. Этот скорбный список включает имена мирных граждан, умерших от голода и болезней, погибших при бомбардировках и артобстрелах, сложивших свои головы в ходе карательных акций оккупантов, всех расстрелянных подпольщиков, замученных в лагерях, а также угнанных в Германию и не возвратившихся оттуда.

Всего на советской земле враг истребил более 7,4 млн. человек гражданского населения.

Из 5 269 513 человек, угнанных в Германию, более 40% умерли на чужбине (2 164 313 человек). К общим потерям СССР надо отнести 451,1 тыс. так называемых невозвращенцев. Эта та часть освобожденных из неволи союзными войсками восточных рабочих и военнопленных, которая, боясь ответственности за сотрудничество с врагом, по идейным или другим мотивам не желала возвращаться на Родину.

С учетом погибших на принудительных работах в Германии итоговая величина жертв гражданского населения СССР составляет свыше 13 млн. 684 тыс. человек. Следовательно, более половины всех людских потерь СССР — это мирные жители, оказавшиеся на оккупированной противником территории, превращенной в огромный полигон смерти.

Страшная панорама цены войны не может быть всесторонней без учета косвенных людских потерь. А это, как известно, разница между динамикой изменения количества населения в годы войны и теми темпами его роста, которые могли бы иметь место в мирное время. По подсчетам ученых, величина

косвенных потерь России составила 14 млн., а для СССР — 23 млн. человек.

На сегодняшний день точно определить истинные масштабы безвозвратных военных потерь не представляется возможным, так как Всесоюзная перепись населения была проведена только в 1959 г.

3.4. Судьба советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны

Война без пленных не бывает. В годы Второй мировой войны плен стал жесточайшим физическим, психологическим и нравственным испытанием для миллионов советских военнопленных, большинству стоил жизни.

В отечественной историографии вопросы плена длительное время в широком спектре не были исследованы и освещены. Историографию проблемы советских военнопленных Великой Отечественной войны можно условно разделить на два основных этапа.

Первый — 1941—1945 гг. характерен относительной закрытостью. В годы войны на страницах печати освещались лишь отдельные проблемы советских военнопленных. В их числе крайне тяжелые условия их содержания, жестокое обращение с ними немецких военнослужащих, несоблюдение вермахтом международных обязательств в соответствии с Гаагскими (1907 г.) и Женевской (1929 г.) конвенциями. Однако нет сведений, что делало советское военно-политическое руководство по облегчению судьбы советских граждан, томящихся в фашистских застенках.

В послевоенное время, до 1949 г., о советских военнопленных на страницах печати старались не говорить. Лишь в начале 1950-х годов были проведены исследования советских юристов А. Б. Амелина, А. И. Полторака, П. С. Ромашкина, которые рассмотрели категории международного военного права с юридической точки зрения, в частности, такие понятия, как вооруженные силы, преступления против законов и обычаев войны.

Второй этап — с 1956 г. и до наших дней начался с Постановления ЦК КПСС и

Совета Министров СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей» от 29 июля 1956 г. и XX съезда КПСС. В это время проведены научные исследования Н. М. Лемещуком, В. Д. Петровым, К. М. Петуховым, А. И. Полтораком, В. Ф. Романовским и другими, где в той или иной форме рассмотрены вопросы плена. Существенно отражена проблема советских военнопленных в ряде сборников материалов Нюрнбергского процесса.

Характерным для второго этапа является появление историко-документальных, художественных произведений, монографий. К ним следует отнести труды Н. С. Алексеева, В. И. Бондарца, Е. А. Бродского, В. П. Галицкого, Е. А. Долматовского, П. С. Ромашкина, М. И. Семиряги, М. Е. Ерина и др. В 1990-е годы вышло в свет множество публикаций по вопросу военного сотрудничества советских граждан, включая военнопленных, с фашистами. Об этом писали А. Колесник, Н. Раманичев, Л. Решин, М. Семиряга, Б. Соколов, Ф. Титов и др. Появился ряд исследований, посвященных репатриации бывших советских военнопленных. К ним следует отнести материалы, подготовленные В. Н. Земсковым, П. М. Поляном, А. И. Шевяковым и другими.

Следует отметить, что значительно раньше проблемой советских военнопленных стали заниматься зарубежные историки. В их числе Е. Андреева, А. Верг, Д. Гернс, А. Даллин, Ш. Датнер, Н. Толстой, И. Хоффман, У. Ширер, К. Штрайт и др.

В целом же рассматриваемая тематика обширна и ждет обстоятельных исследований. Углубление знаний по данной проблеме — задача восстановления исторической справедливости в отношении миллионов соотечественников, на долю которых выпала страшная судьба.

С началом боевых действий на советско-германском фронте огромные массы бойцов и командиров Красной Армии по различным причинам попали в окружение. После ожесточенных боев многие из них погибли, незначительные группы вышли к своим, часть стали партизанами, но немало из них ввиду ранений, болезни, отсутствия боеприпасов, горячего и провианта были захвачены про-

тивником в плен. Добровольно сдавались немногие. По поводу общей численности советских военнопленных до сих пор идут споры. Й. Хоффман утверждает, что их насчитывалось 5,24 млн. человек. Американский историк А. Даллин и немецкий историк К. Штрайт называли цифру в 5,7 млн. В последние годы немецкие историки твердо придерживаются цифры в 5,7 млн. человек. Основанием для них являются документы штабов немецких войск. С ними можно было бы согласиться, считает Н. П. Дембицкий, но известны факты, когда немецкое командование относилось к военнопленным гражданских лиц мужского пола (призывного возраста). Он считает, что в действительности последняя цифра завышена по крайней мере на 450 тысяч.

В публикациях наших историков приводятся другие данные. М. А. Гареев и В. В. Гуркин утверждают, что в немецком плену было около 4 млн. человек.

В основном советские воины попадали в плен в 1941—1942 гг., но случалось и позднее: по данным Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий, в 1943 г. — 487 тыс., в 1944 г. — 203 тыс., в 1945 г. — 40,6 тыс. человек.

По мнению Н. П. Дембицкого, публикуемые в зарубежной и отечественной печати сведения о числе советских военнопленных не могут быть принципиально окончательными и нуждаются в дальнейшем уточнении.

Запутанным остается вопрос о смертности находившихся в немецкой неволе бойцов и командиров Красной Армии. Если в Первую мировую войну смертность среди русских военнопленных в Германии составляла 5,4%, то смертность среди советских военнопленных в гитлеровских лагерях, по немецким данным, составила уже 57,8% (3,3 млн. погибших).

Огромными массами советские воины попадали в плен в первые месяцы войны. К концу 1941 г. вермахтом пленено, по различным данным, от 2,5 млн. до 3,3 млн. человек. Из них к январю 1942 г. умерло 2 млн. человек. В то же время из 232 тыс. английских и американских солдат, оказавшихся в плену у немцев, умерло только 8348 (3,5%).

По немецким данным, в советский плен, в подавляющей части при капитуляции в

1945 г., попало 3,2 млн. человек, из них 1185 тыс. (37,5%) умерло в плену.

В отличие от Германии в СССР с иностранными военнопленными обращались по-иному. Принимаемые советским военнополитическим руководством решения в основном совпадали с требованиями международного гуманитарного права. Ни один приказ, директива или устное распоряжение не призывали бойцов и командиров Красной Армии беспощадно относиться к немецким военнопленным. В то же время ожесточенность боевых действий нередко вызывала ответную реакцию советских воинов. Однако командованием пресекались все попытки расправы над военнопленными.

Советские военнопленные были разбросаны не только по всей Германии, но и по странам Центральной, Восточной, Западной и Северной Европы. Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, говоря о славянах, называл их «человекоподобными животными».

В 1941—1942 гг. на оккупированной территории СССР немцами создавались лагеря для советских военнопленных. На всем протяжении фронта от Балтики до Черного моря позднее обнаруживались трупы убитых советских военнопленных. Огромные лагеря для уничтожения военнопленных были созданы на территории Прибалтики. В «Шталаге-340» в Даугавпилсе (Латвия) ежедневно погибали 400—800 человек. Всего на территории Латвии было истреблено 327 тыс. военнопленных. В печально известном «Шталаге-350» в Риге и в его отделениях фашисты замучили и расстреляли более 130 тыс. советских военнопленных. Тысячи пленных погибли в Саласпилсе, в Панцерских казармах.

Во всех лагерях на территории Литвы гитлеровцы уничтожили 165 тыс. человек.

Десятки, если не сотни тысяч пленных умирали во время транспортировки от фронта до лагеря. Большинство пленных в 1941 г. должны были проделать этот путь пешком. Переходы длились до 4-х недель. Ежесуточный переход составлял иногда до 40 км, причем в колоннах находились раненые, больные, истощенные. Часто эти переходы назывались «маршами смерти». При этом тысячи обессилевших пленных расстреливались сразу. Об этом свидетельствуют от-

рывки из письма рейхсминистра восточных территорий А. Розенберга 28 февраля 1942 г. начальнику штаба ОКВ генерал-фельдмаршалу В. Кейтелю, приведенные главным обвинителем от США Р. Х. Джексоном на Нюрнбергском процессе 21 ноября 1945 г.: «Судьба советских военнопленных, находящихся в Германии, является трагедией величайших размеров... Значительная часть из них умерла от голода или от климатических условий. Тысячи погибли от сыпного тифа. Коменданты лагерей запретили гражданскому населению давать продовольствие заключенным и предпочитали, чтобы они умирали голодной смертью. Во многих случаях, когда военнопленные не могли продолжать пешие переходы вследствие голода и истощения, их расстреливали на глазах приведенного в ужас гражданского населения, а трупы оставляли непогребенными. Во многих лагерях совершенно не было крова для военнопленных. Они лежали под открытым небом во время дождей и снегопада. Им не давали даже инструмента для того, чтобы вырыть ямы или землянки»¹.

Для транспортировки пленных по железной дороге разрешалось использовать только открытые товарные вагоны или вагоны для перевозки скота. Их, как скот, загоняли в вагон по 80—100 человек (при вместимости 40—50). Вагоны не оборудовались нарами, печами, бачками с питьевой водой, умывальниками и отхожими местами. В пути следования, как правило, кормили очень редко, чаще люди оставались голодными от 3 до 5 суток. В группе армий «Центр» использование закрытых, но не отапливаемых товарных вагонов было разрешено только 22 ноября 1941 г., когда стояли уже сильные морозы. Поводом для изменения правил транспортировки послужил случай, когда во время перевозки из 5 тыс. пленных 1 тыс. замерзла. В начале декабря 1941 г. во время транспортировки умирало от 25 до 70% военнопленных.

Преодолев сотни, а иногда и тысячи километров, оставшиеся в живых поступали в стационарные лагеря для военнопленных, где их ждали новые испытания. Жизнь здесь во многом зависела от действий охраны.

Многочисленные архивные документы и свидетельские показания говорят о том,

¹ Нюрнбергский процесс. М., 1952. Т. 1. С. 131.

что сотни тысяч советских военнопленных были подвергнуты самому страшному испытанию — голоду. Немецкий полковник Маршалл, инспектировавший «дулаги» (пересыльные лагеря) группы армий «Центр», в своих донесениях признавал, что питание пленных ненормально — 150 г хлеба и 50 г сухого пшена в сутки на одного человека. Этот рацион имел максимально от 200 до 700 калорий, что составляло меньше половины жизненно необходимого уровня. Аналогичное положение было и в лагерях других групп армий. Голод, разразившийся в конце 1941 — начале 1942 г. в немецких лагерях для военнопленных, заставлял людей есть траву, сухие листья, кору деревьев, падаль, прибегать к унижениям, предательству и даже к каннибализму. 14 декабря 1941 г. рейхсминистр оккупированных восточных территорий А. Розенберг докладывал Гитлеру, что в лагерях на Украине «в результате истощения ежедневно умирает до 2500 пленных».

Лишение военнопленных одежды, особенно теплой, производилось в порядке систематического и поощряемого германским командованием мародерства. В зимних условиях для военнопленных оно было равносильно смерти от замерзания. Все это делалось по приказам германского командования. Еще до вероломного нападения на СССР германское командование предусматривало использование такого порядка снабжения своих частей. В делах 234-го пехотного полка 56-й дивизии найден циркуляр за № 121/4 от 6 июня 1941 г. «О принципах снабжения в восточном пространстве», в котором сказано: «На снабжение одеждой не рассчитывать. Поэтому особенно важно снимать с военнопленных годную обувь и немедленно использовать всю пригодную одежду, белье, носки и т.д.»².

Как свидетельствует генерал-лейтенант германской армии в отставке Курт фон Остеррайх, бывший начальник отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа, допрошенный на предварительном следствии 28 декабря 1945 г.: «Русские военнопленные содержались в лагерях в тяжелых условиях, питались плохо, терпели моральные унижения и умирали от холода и забо-

² Нюрнбергский процесс. С. 425.

леваний. Так, в Шталагах Данцигского военного округа только вследствие истощения и болезней умерло свыше 4 тысяч человек, а в подчиненных мне Шталагах на Украине — 8—9 тысяч русских военнопленных, трупы которых зарывались в ямах в районах расположения лагерей. Особенно велика была смертность военнопленных, взятых на работу из лагеря в районе г. Острогжск. Из этих военнопленных вследствие содержания их в окопах и ямах (октябрь 1942 г.), истощения и развития тяжелых желудочных и инфекционных заболеваний ежедневно умирали десятки и сотни людей»¹.

Организованного медицинского обслуживания раненых бойцов и командиров Красной Армии, захваченных немецкими войсками в плен, как такового, не было. Помощь получал, как правило, тот, кто мог быть в дальнейшем использован в Германии. Например, тяжелораненому плененному командующему 19-й армией генерал-лейтенанту М. Ф. Лукину, в надежде на сотрудничество с немецкими властями, ампутировали правую ногу выше колена.

Со временем немецкими властями создавались лагерь-лазареты. Привлекаемые немцами советские медики всячески помогали мученикам. Но в большинстве лазаретов отсутствовали медикаменты, перевязочные средства, необходимый инструмент. По свидетельству того же Курта фон Остеррайха, «при посещении Харьковского лазарета для русских военнопленных я видел, что тяжело больные были размещены в помещениях, где не было отопления и все окна выбиты, а больные не имели одежды и обуви. В результате в этом госпитале ежедневно умирало от истощения и эпидемических заболеваний 200—300 человек»². Военврач 3-го ранга А. П. Розенберг из медсанбата 177-й стрелковой дивизии свидетельствовал, что советские врачи делали ампутацию конечностей раненым военнопленным стамеской, молотком и ножовкой. После таких операций у многих начиналось заражение крови, и они умирали.

По воспоминаниям узника Дахау С. Тазетдинова: «Немцы никакой медицинской помощи нам не оказывали. До сих пор в моих ушах стоят стоны раненых, их мольба о

¹ Нюрнбергский процесс. С. 432.

² Там же. С. 432.

воде, просьбы перевязать раны, сменить загноившиеся повязки. Многие тяжело больные бредили. В предсмертных судорогах стонали истекающие кровью бойцы с оторванными руками и ногами. В страданиях и муках умирали они на грязном полу».

В Смоленске существовал госпиталь для военнопленных. Советские врачи, работавшие в этом госпитале, сообщили: «До июля 1942 г. больные лежали на полу без перевязок, одежда и подстилка у них были покрыты не только грязью, но и гноем. Помещение не отапливалось, в коридорах пол покрывался ледяной коркой»³.

К числу зверств в отношении советских военнопленных нужно отнести проведение клеймения их особыми опознавательными знаками, которые были установлены специальным распоряжением германского верховного командования от 20 июля 1942 г.

Гагская конвенция 1907 г. о военнопленных предписывает не только обращаться с пленными гуманно, но и уважать их патристические чувства, не использовать их силы в борьбе против своего же Отечества. Гитлеровцы попрали и этот элементарный принцип международного права. Избиениями и угрозами расстрела они заставляли пленных работать в качестве ездовых на повозках, на машинах и на транспорте, перевозящем боеприпасы и другие военные грузы на фронт, в качестве подносчиков боеприпасов на огневые позиции и т.д. В Ленинградской области, в районе Ельни Смоленской области, в Гомельской области Белорусской ССР, в Полтавской области и в других были зарегистрированы случаи, когда германское командование во время атак гнало под угрозой расстрела пленных красноармейцев впереди своих наступающих колонн⁴.

Известно, что с первых месяцев войны немецкое военное руководство практиковало использование советских военнопленных не только в качестве рабочей силы, но и в составе воинских формирований вермахта, СС и полиции. По мнению зарубежных исследователей, таковых было 1—1,7 млн. граждан СССР, по подсчетам отечественных — от 0,2 до 1,5 млн. человек⁵.

³ Нюрнбергский процесс. С. 437.

⁴ Там же. С. 270.

⁵ Гриф секретности снят... С. 385, 392; Гареев М. А. О цифрах старых и новых // Военно-историче-

Использовали советских военнопленных на очистке минных полей и для других опасных для жизни работ. Так, в районе деревень Большая и Малая Влоя десятки пленных, построены в сомкнутые ряды, в течение четырех суток гонялись гитлеровцами по заминированному полю. Ежедневно на минах взрывалось несколько пленных. Этот способ убийства военнопленных предусмотрен приказами германского командования. В приказе по 203-му пехотному полку за № 109 сказано: «Главкомандующий армией генерал-фельдмаршал Рундштедт приказал, чтобы вне боевых действий, в целях сохранения германской крови, поиски мин и очистку минных полей производить русским пленным. Это относится также и к германским минам¹.

Оказавшись в плену, люди попадали в необычные для повседневной жизни условия (голод, издевательства, массовые казни, горы трупов). И взгляды, и поведение их могли меняться. Поэтому адекватной оценки поведения пленных быть не может. Оно зависело от психики человека, окружающих обстоятельств, а также правовых основ, определявших положение пленных.

И не удивительно, что часть пленных, не выдержав испытаний, шла на верную гибель, на самоубийство. Например, как следует из показаний коменданта концлагеря Заксенхаузен полковника СС Кайндля и командира охранного батальона СС Вегнера, находившийся в плену с июля 1941 г. сын И. В. Сталина старший лейтенант Яков Джугашвили в 1943 г. не перенес психологического напряжения, сложившегося вокруг него, бросился на проволочное ограждение с высоким напряжением, в результате чего погиб.

Тяжелые условия лагерной жизни, строгая изоляция от внешнего мира, активная пропагандистская работа среди военнопленных существенно влияли на подавление духа и достоинства людей, вызывая чувство безысходности. Многие в результате увиденного и пережитого, поддавшись вражеской пропаганде, человеческим эмоциям, различным посулам и угрозам, ломались и становились на путь сотрудничества с врагом, тем самым сохраняя себе жизнь, но при этом пе-

ский журнал. 1991. № 4. С. 49; Раманичев Н. М. Кто не с нами, тот... // Российские вести. 1995. 11 апр.; Дембицкий Н. П. Судьба пленных. С. 247.

¹ Нюрнбергский процесс. С. 424.

реходили в разряд изменников Родины. К их числу можно отнести генералов Красной Армии А. А. Власова, Ф. К. Трухина, В. Ф. Малышкина, Д. Е. Закутного, И. А. Благовещенского, бригадного комиссара Г. Н. Жиленкова, М. Б. Салихова, Б. С. Рихтера, после пленения активно сотрудничавших с нацистами, создававших антисоветские воинские формирования. Генералом Власовым в 1944 г. был создан «Комитет для освобождения народов России», а его Русская освободительная армия к апрелю 1945 г. насчитывала около 50 тыс. человек. В годы войны германским командованием по национальному признаку формировались из числа военнопленных части (батальоны), которые использовались им в качестве вспомогательной силы для обслуживания тыла действующей армии. Таких формирований оказалось более 180, в том числе русских — 75.

По данным историка М. Е. Ерина, в плену оказалось 80 советских генералов. Из них 23 погибли, бежали из плена 5, на сторону противника перешли 12, остались на Западе — 3, на Родину вернулось 37 генералов, из них восстановлены в правах только 26. Все эти генералы попали в плен в 1941—1943 гг., в основном в 1941 г., были заочно осуждены к расстрелу, а их жены и родители решением Особого совещания при НКВД СССР, как члены семей изменников Родины, осуждались на разные сроки исправительно-трудовых лагерей или ссылались в Сибирь. По данным Н. П. Дембицкого, в плен попало 83 генерала, среди них 7 командующих армиями, 2 члена военного совета, 4 начальника штаба армий и т.д. По его данным, шести генералам удалось бежать; за подготовку побегов и советскую агитацию среди военнопленных в лагерях были казнены 15 человек, в их числе генерал-лейтенант Д. М. Карбышев², генерал-майоры И. С. Никитин, Г. И. Тхор, Герой Советского Союза И. М. Шепетов; 10 умерли от голода, холода, болезней, побоев и тяжелого физического труда. За

² 18 февраля 1945 г. в 65-летнем возрасте принял мученическую смерть в Маутхаузене с другими советскими военнопленными. В сильный мороз догола раздетых военнопленных немцы привязали к столбам и стали обливать холодной водой до тех пор, пока они не превратились в глыбу льда. Имя генерала Карбышева вошло в историю нашей страны как символ преданности Родине и негибамости человеческого духа.

мужество и героизм, проявленные на фронтах и в плену, были удостоены звания Героя Советского Союза генералы Д. М. Карбышев — одним из первых (1946 г.), Г. И. Тхор (1990 г.) и Героя РФ — М. Ф. Лукин (1999 г.). Все посмертно.

После окончания войны из плена на родину вернулось 57 советских генералов. Все они прошли спецпроверку в органах НКВД, затем часть из них была освобождена и направлена в войска или на преподавательскую работу, большинство получили правительственные награды и продолжали службу в армии. Так, например, бывший командующий 5-й армией генерал М. И. Потапов после плена в конце 1945 г. был восстановлен в кадрах Советской Армии, дослужился до заместителя командующего Одесского военного округа, а в 1961 г. ему было присвоено звание генерал-полковника. Некоторые генералы длительный срок находились под следствием, после этого ряд из них в 1950 г. были казнены (в их числе командующий 12-й армией генерал-майор П. Г. Понеделин, командир 15-го стрелкового корпуса 5-й армии генерал-майор П. Ф. Привалов и др.). Из 57 генералов 23 были приговорены к высшей мере наказания (из них 8 за измену Родине), осуждены на 10—25 лет — 5, умерли в тюрьме — 2, продолжили службу в армии — 30, награждены после войны орденами — 29 человек.

Значительное число военнопленных приспособлялось к лагерной жизни и занимало выжидательную позицию.

Вместе с тем в лагере находились и те, кто имел крепкие нервы и огромную силу воли. Именно вокруг них группировались единомышленники. Они совершали побег, саботировали производство и совершали диверсии, оказывали помощь нуждающимся, верили в Победу и возможность выжить. В их числе генералы Х. Н. Алавердов, А. С. Зотов, Д. М. Карбышев, П. Г. Макаров, И. С. Никитин и многие другие.

Нельзя не отметить деятельность подпольной организации в международном офицерском лагере «Офлаг XIII-Д» (близ Хаммельбурга). Общее руководство подпольной работой осуществлял комитет. В нем в различное время активно действовали советские военнопленные генералы И. С.

Никитин, Х. Н. Алавердов, Д. М. Карбышев, С. А. Ткаченко, Г. И. Тхор, Н. Ф. Михайлов, И. И. Мельников. Находясь в плену, советские генералы и офицеры призывали пленных оставаться верными Родине.

Когда в «Офлаг XIII-Д» прибыли эмиссары Власова, чтобы пополнить ряды РОА за счет военнопленных, генерал И. С. Никитин, бывший командир 6-го кавалерийского корпуса, руководитель подпольной организации в этом лагере, воспользовавшись тем, что немцы явно рассчитывали на успех и доверили ему выступить перед тысячами военнопленных, обратился со словами, зная о последствиях: «Я советский генерал, коммунист, гражданин Советского Союза, своей Родине не изменю ни при каких обстоятельствах. Твердо уверен, что моему примеру последуют все». Генерал Никитин был расстрелян.

Для поддержания морального духа узников подпольщики немецких концлагерей на оберточной бумаге выпускали не только листовки, но и газеты. В Бухенвальде военнопленные издавали газету «Правда пленных», в Освенциме — «Эхо Освенцима», в Эйсе — «Патриот в кандалах».

По разным данным, из 4 тыс. концлагерей и тюрем, расположенных на территории Германии, ее союзников и оккупированных стран Европы, за годы войны бежало до 500 тыс. заключенных. Из них свыше 40 тыс. вступили в партизанские формирования и подпольные диверсионные группы в Польше, Чехословакии, Франции, Италии и других странах Европы. Каждый побег из плена сам по себе являлся подвигом, убедительным проявлением личного мужества и отваги. Бежали в одиночку и группами. Чтобы опять занять свое место среди товарищей по оружию, требовалось делом доказать свою верность Родине, поэтому очень часто путь к реабилитации сбежавших из плена проходил через партизанские отряды, где они могли продолжить борьбу с врагом.

Очень часто побег из лагерного ада давал пленнику шанс на продолжение жизни. Но если пойманный англичанин или американец подвергался только дисциплинарному наказанию, то советских военнопленных после поимки либо расстреливали, либо отправляли в лагеря уничтожения.

Самый крупный побег за всю Вторую мировую войну совершили советские военнопленные, которые были собраны в лагере Сухожебры (Польша). В августе 1941 г. тысячи военнопленных по сигналу бросились на заграждения из колючей проволоки, прорвали их и вырвались на свободу. Большинство из них было скошено пулеметными очередями, однако немало людей смогло уйти. Совершались побеги и из Освенцима. Только за май-июнь 1944 г., по официальным данным комендатуры, бежали 25 советских военнопленных и 2 поляка. По немецким данным, из Дахау за июль 1943 г. бежало более 40 советских военнопленных.

В августе 1943 г. из Майданека бежали 13 советских военнопленных-доходяг, занятых на жатве. Они умудрились косами зарезать четверых вооруженных упитанных эсэсовцев.

Более 700 истощенных заключенных, находившихся в 20-м изолированном блоке смертников концлагеря Маутхаузен, решились на побег в феврале 1945 г. Проволочные заграждения они завалили арестантскими матрасами, а часовых на сторожевых вышках отогнали от пулеметов булыжниками. Из всех бежавших в живых осталось 19 человек.

Восстание в Бухенвальде 11 апреля 1945 г. отмечается как Международный день освобождения узников из немецких концлагерей. Правда, Бухенвальд никто не освобождал. Его заключенные освободились сами. В плен было взято 220 немцев, еще больше уничтожено в бою. Американские войска подошли к лагерю 13 апреля. 5 мая 1945 г. до подхода американских войск освободили себя в результате вооруженного восстания узники Маутхаузена.

Широкую известность получил побег из плена старшего лейтенанта М. П. Девятаева и 9 человек. Летчик Михаил Петрович Девятаев совершил 180 боевых вылетов, сбил 9 самолетов до 13 июля 1944 г., когда был сбит и попал в плен. 8 февраля 1945 г. он сумел угнать новейший немецкий самолет «Хейнкель-111» с секретной базы (ракетный центр называли «заповедником Геринга»), которая находилась на острове Узедом в Балтийском море к северу от Берлина, где располагался один из филиалов ракетного центра фон Брауна и откуда стартовали ракеты

ФАУ. Базу, где военнопленные вели строительные работы, строго охраняли. Фашисты испытывали бомбардировщики «Хейнкель», специально подготовленные для запуска ракет, намереваясь достать до Москвы и даже до Нью-Йорка. Советским военнопленным удалось «дотянуть» до своих и посадить самолет в расположении наступающей 331-й стрелковой дивизии.

Таким образом, героизм и честность, малодушие и предательство иногда были совсем рядом, в одном лагере, на одних нарах, а порой и в одном человеке, пишет историк Н. П. Дембицкий.

С конца 1944 и до середины 1950-х годов освобожденные из плена советские граждане были возвращены на Родину. Парадокс состоял в том, что советское руководство относилось более гуманно к военнопленным противника, нежели к собственным гражданам, вернувшимся из вражеского плена. Плен рассматривался как уголовное преступление. Так, еще в декабре 1941 г. приказом наркома обороны было установлено, что все освобожденные военнопленные проходят через армейские пересыльные пункты и направляются в специальные лагеря НКВД, а раненые размещаются в специальные госпитали. В Чкаловской области находился один из таких спецлагерей НКВД — Колтубановский, начальником которого являлся старший лейтенант Соколов. Лагерь находился в 5 км от ст. Колтубанка Бузулукского района. На 27 февраля 1942 г. в лагере числилось 7500 заключенных, которые ютились в 187 летних палатках и 5 земляных бараках. Контингент лагеря состоял из лиц, вышедших из окружения, бывших в плену и возвратившихся при разных обстоятельствах, а также ранее дезертировавших из воинских частей и пребывавших на территории, временно занятой фашистскими оккупантами, бывших старост, полицейских и других лиц, личность которых подлежала выяснению. Проверкой освобожденных из плена занимались особые отделы НКВД — органы контрразведки. В апреле 1943 г. эти органы были возвращены в систему наркомата обороны и ВМФ (в которых состояли до 1 июля 1941 г.) под названием «Смерш».

Судьба многих военнопленных и после возвращения на Родину была трагической.

Так, генерал П. Г. Понеделин, командующий 12-й армией, в августе 1941 г. был тяжело ранен и в бессознательном состоянии под Уманью попал в плен. Заочно его приговорили к расстрелу. В мае 1945 г. оказался в лагере ГУЛАГа. Написал ходатайство о помиловании. Но в 1950 г. его вновь судили и расстреляли.

Михаил Девятаев стал узником советского лагеря. Лишь спустя 12 лет подвиг был оценен. В 1957 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

По сведениям Управления уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации, на октябрь 1945 г. было учтено оставшихся в живых 2 016 480 освобожденных советских военнопленных. Имеются сведения, что к середине 1947 г. на Родину вернулось 1836 тыс., остальные остались за рубежом. По-разному сложилась их судьба. Одни были арестованы и осуждены, другие направлены на 6-летнее спецпоселение, третьи зачислены в рабочие батальоны НКВД. Около 300 тыс. военнопленных (данные на 1 августа 1946 г.) было отпущено домой. Подробные сведения о результатах проверки и фильтрации репатриантов, а также о судьбе отдельных их категорий, в том числе и военнопленных, приводит историк В. Н. Земсков.

Длительное время возвратившиеся из военного плена советские граждане сталкивались с ущемлением своих прав. На местах к ним относились как к предателям. Они отстранялись от участия в политической жизни, при поступлении в высшие учебные заведения на них смотрели с опаской, их не считали участниками войны. И лишь в 1956 г. сделана попытка изменить отношение к тем из них, которые не совершали никаких преступлений. Особенно ярко судьбу советского военнопленного, бывшего летчика, вернувшегося домой, сумел показать фронтовик режиссер Григорий Чухрай в художественном фильме «Чистое небо».

29 июня 1956 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об устранении грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и их семей», в которых была осуждена практика огульного политического недоверия, применения репрессивных мер, а также лишения льгот и пособий в отношении бывших со-

ветских военнопленных и членов их семей. Предлагалось распространить Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии от 17 сентября 1955 г. и на бывших советских военнопленных, осужденных за сдачу в плен. С 1957 г. дела бывших военнопленных были в основном пересмотрены. Большинство из них реабилитированы. Им восстановили воинские звания и пенсии, вернули награды. Получившие ранения и совершившие побег из плена награждены орденами и медалями. Однако в данном постановлении многим вопросам не была дана соответствующая оценка, а намеченные меры в основном остались на бумаге. И лишь спустя 50 лет после окончания Великой Отечественной войны, в январе 1995 г., президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин подписал Указ «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период», по которому бывшие военнопленные получили статус участника Великой Отечественной войны, за исключением бывших военнопленных, служивших в армиях противника, изменнических формированиях, полиции и т.д.

3.5. Коллаборационизм

Проблема коллаборационизма ввиду ее мрачной, угнетающей сущности и болезненной реакции общественности занимает особое место в исследовании истории Великой Отечественной войны. Первые, исключительно негативные, оценки сотрудничества советских граждан с оккупантами прозвучали еще во время войны. Они отражали как официальную советскую позицию, так и реальное отношение значительной части советского общества к коллаборационизму. Уже после войны один из представителей «фронтового поколения» советской литературы В. Некрасов, вспоминая свои представления военных лет, писал: «Будем говорить прямо — для нас, советских офицеров и солдат, «власовец» был враг. К тому же изменник. Мы его ненавидели и презирали хуже немца, фашиста». В общих трудах о войне коллаборационизм обычно упоминался в

связи с описанием фашистской оккупации: «Верными лакеями фашистов в проведении всех мероприятий по порабощению народа и уничтожению советских патриотов были буржуазные националисты...». Подчеркивалась незначительная численность. В результате масштаб коллаборационизма преуменьшался. При оценке коллаборационистов использовались понятия из судебной практики или морально-этические категории. Лица, сотрудничавшие в той или иной форме с противником, именовались «предателями», «изменниками Родины», «пособниками фашистов», «фашистскими холуями», а их наказание рассматривалось как справедливое во всем мире.

Причины коллаборационизма в советской историографии сводились исключительно к субъективным факторам, к низким качествам отдельных лиц — от страха и тщеславия до жадности наживы и ненависти к советской власти.

Если в изображении советских историков коллаборационисты были «антигероями войны», то в эмигрантской литературе они получили прямо противоположную характеристику. Часть эмигрантов, включая бывших коллаборационистов, стремилась представить свою роль в войне как борьбу за освобождение России от сталинского гнета (Донсков П. Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. Нью-Йорк, 1960; Китаев М. Как это началось. Нью-Йорк, 1970 и др.). Широкое распространение в эмиграции получила теория «третьей силы», согласно которой Русское освободительное движение генерала Власова рассматривалось как альтернатива и Сталину, и Гитлеру, а целью сотрудничества коллаборационистов с немцами провозглашалось создание вооруженных сил, способных разгромить сталинский режим и создать независимое Российское государство. Эту позицию выразили в своих работах член НТС А. Казанцев, выходец из Прибалтики, бывший офицер вермахта С. Фрелих и др.

Существенный вклад в изучение коллаборационизма внесли зарубежные историки, в частности германский исследователь Й. Хоффман. Однако высказанные им положения носили явно политический характер. В частности, это касается его утверждения,

что каждый попавший в плен красноармеец становился «антибольшевиком» и «стремился к изменению политической ситуации в СССР». В подобных оценках и выводах, нашедших отражение и в работах других зарубежных историков, сказалось противостояние, присущее времени холодной войны, вследствие которого все противники советского строя рассматривались как борцы за свободу, потенциальные союзники западных демократий. Советский коллаборационизм изображался как движение, основанное на высоких идейных помыслах.

В последнее десятилетие проблема коллаборационизма стала предметом специального научного анализа в отечественной историографии. Работы на данную тему, опубликованные в начале 1990-х годов, отличались фрагментарностью, противоречивостью и полемической заостренностью, присущей публицистической литературе. Если в отдельных работах «требование реабилитации Власова» рассматривалось как «возрождение гитлеризма», то другие авторы, напротив, прямо использовали оценки, сложившиеся в эмигрантской и зарубежной литературе. В целом можно признать, что в этот период произошло «пробуждение» научного внимания к проблеме, введены в научный оборот новые сведения, предпринят первый опыт систематизации фактов.

Пересмотр прежних положений сказывается в использовании терминологии, менее «заряженной» негативной предубежденностью — выражения «сотрудничество с врагом» и французского понятия «коллаборационизм». Во Франции данный термин имел сугубо негативное значение, но его иностранное происхождение придает ему в русском языке нейтральный характер по сравнению с такими оценочными категориями, как «предатели» или «изменники». Следует отметить, что вплоть до 1990-х годов данный термин практически не использовался для обозначения сотрудничества с врагом на советской территории ни в отечественной, ни в зарубежной историографии и применялся только для характеристики подобных явлений в оккупированных странах Европы и Азии. Правда, не все российские исследователи и сейчас готовы отказаться от прежних категорий, считая их наиболее

уместными именно потому, что они наиболее точно выражают правовую оценку коллаборационизма.

Среди первых обобщающих работ о коллаборационизме выделяется фундаментальный труд М. И. Семиряги, впервые в отечественной науке объединившего в одной работе вопросы сотрудничества с противником жителей стран с разным политическим строем [186]. Он предложил следующее определение: «Коллаборационизм — это содействие в военное время агрессору со стороны граждан его жертвы в ущерб своей родине и народу. В условиях оккупации деятельность коллаборационистов представляет собой измену родине и, в соответствии с международным правом, они совершают военное преступление». Заслуживает внимания предложенное автором разграничение понятий. «Коллаборационизм» он рассматривает как синоним «осознанного предательства и измены», «сотрудничество» — как вынужденные и неизбежные в условиях оккупации контакты и связи между местным населением и оккупантами. Впрочем, подобное употребление терминов самим автором также оказалось не лишенным противоречий, ниже он отмечал, что грань между понятиями «предатель», «изменник родины» и «коллаборационист» «весьма подвижна, тонка и трудно уловима. Но она все же существует».

Другой исследователь, С. В. Кудряшов, отмечал, что переход от нейтрального взаимодействия к более тесному сотрудничеству происходил достаточно просто: «Иногда очень сложно, а то и почти невозможно выявить ту грань, которая отделяет простое взаимодействие с оккупационными властями от сотрудничества с ними». Б. Н. Ковалев по-прежнему не видит разницы между коллаборационизмом и изменой: «Коллаборационизм — это содействие в военное время агрессору со стороны граждан обороняющихся государств в ущерб своей Родине и народу. В условиях оккупации ряда районов нашей страны деятельность коллаборационистов должна быть охарактеризована как измена Родине как в нравственном, так и в уголовно-правовом смысле этого понятия» [94].

В современной историографии мотивы коллаборационизма получили более слож-

ную характеристику. Большинство исследователей склонны считать, что причины «сотрудничества различны — от неприятия советского строя и активного участия в войне на стороне противника до элементарного стремления как-то выжить в жестких условиях оккупации или плена. Политические мотивы сотрудничества с врагом, если таковые присутствовали, носили либо классовый, либо националистический характер, либо возникали под влиянием немецко-власовской пропаганды» [30, с. 153—154].

Д. А. Волкогонов считал, что власовщина как политическое явление стало результатом целого ряда причин: крупных неудач на фронтах, национализма и социальной неудовлетворенности некоторых представителей (и их детей) привилегированных классов, страха перед возмездием после того, как некоторые не по своей воле оказались в плену. «По мере роста отпора захватчикам случаев добровольного перехода на сторону врага становилось все меньше, а в конце 1942 г. и 1943 г. фактически не стало».

Заслуживают внимания выводы ряда зарубежных авторов, которые считали, что в коллаборационизме советских граждан сознательный политический выбор играл очень незначительную роль. Итальянский историк Дж. Боффа пишет: «После войны среди западных историков нашлись такие, которые усмотрели в подобных формированиях разновидность «антисоветской и антисталинской оппозиции. На самом же деле речь шла о куда более элементарном явлении, в котором сознательный политический выбор играл очень незначительную роль... Если немцам и удалось на вербовать некоторое количество людей, согласившихся сотрудничать с ними, то результат этот был достигнут не столько с помощью политических средств, сколько с помощью самого элементарного шантажа голодом» [25, с. 108].

Ряд российских историков (Н. А. Кирсанов, С. И. Дробязко) также начинают рассматривать коллаборационизм как «способ выживания под пятой оккупантов». Они обращают внимание на такие факторы, как силовое и моральное давление оккупационного режима, в условиях которого часть советских граждан теряла привычные политические и моральные ориентиры, добро-

вольно или по принуждению становясь на путь сотрудничества. Свою роль сыграли нацистская пропаганда, националистические настроения, карьерные побуждения, соображения материальной выгоды и другие обстоятельства. Все это создает возможности для осмысления коллаборационизма как более сложного явления, нежели это представлялось в советской и зарубежной историографии эпохи холодной войны.

Накопление значительного фактического материала по данной проблеме позволило предложить различные варианты типологии коллаборационизма. Большинство исследователей предлагают выделять формы коллаборационизма в зависимости от того, в какой сфере осуществлялось сотрудничество с противником. Одним из первых С. В. Кудряшов выделил военное, политическое и экономическое (гражданское) сотрудничество. Кроме того, считая, что «между работой в военных частях и участием в боевых действиях с оружием в руках существовала большая разница», он предложил разграничить пассивный и активный (с оружием в руках) военный коллаборационизм. Н. М. Раманичев охарактеризовал четыре основные формы сотрудничества с оккупантами. Политическое сотрудничество — деятельность национальных комитетов (русских, украинских, белорусских, туркестанских, азербайджанских и др.), претендовавших на роль правительств; административное — участие в работе местных административных органов, созданных оккупационными властями; хозяйственное — работа в промышленности и сельском хозяйстве; военное — служба с оружием в руках на стороне третьего рейха. Указав, что диапазон форм проявления коллаборационизма весьма обширен, Семиряга выделил бытовой, административный, экономический и военно-политический коллаборационизм, считая, что не все данные действия «можно квалифицировать как измену родине. Разве только за исключением последнего типа, т.е. военно-политического коллаборационизма».

Другую типологию предложил В. В. Малиновский, отметивший, что коллаборационизм различался в зависимости от мотива и масштаба. По его словам, в Прибалтике и Западной Украине коллаборационизм «имел

определенную националистическую окраску — местные коллаборационисты надеялись при помощи фашистских войск воссоздать свои национальные государства». Напротив, в «коренных районах СССР коллаборационизм имел в основном социальный характер: «На сотрудничество с оккупантами чаще шли выходцы из «обиженных» Советской властью слоев населения: бывших кулаков, нэпманов и др., а также асоциальные элементы, за те или иные проступки наказанные советским государством».

По мотивам коллаборационизма историки выделяют: «сознательный» коллаборационизм, связанный с неприятием советского государства и осознанным желанием содействовать оккупантам, и коллаборационизм «вынужденный», порожденный внешними по отношению к субъекту обстоятельствами (иными словами, коллаборационизм «сердца и желудка»). От этих двух типов следует отделять «псевдоколлаборационизм» — выполнение тех или иных функций в оккупационной администрации или полиции участниками народного сопротивления.

Наиболее полно в современной историографии раскрыты вопросы военно-политического коллаборационизма как самой активной формы сотрудничества советских граждан с противником. В литературе нашли отражение создание и действия различных частей из советских граждан. Отечественные историки подчеркивают, что в них преобладали военнопленные красноармейцы, содержащиеся в невыносимых условиях.

Серьезные разногласия исследователей вызывает численность данных формирований и частей. Советские историки не указывали общее количество коллаборационистов, подчеркивая его незначительность. По мнению ряда западных историков, общее число советских граждан, сотрудничавших с оккупантами, составляло около 1 миллиона человек. Дж. Боффа пишет, что «в целом на протяжении всей войны число коллаборационистов разного происхождения и разных национальностей составило почти миллион человек. Из них сколачивались банды наемников, которым было нечего терять, и во многих случаях эти банды дрались как бешеные. Но при первом же случае их бойцы стремились дезертировать или перейти к партизанам в на-

дежде искупить свою вину и заслужить снисхождение. Вот почему немцы в конце концов стали выводить их с советской территории и применять в качестве оккупационных войск в других странах. Лишь в конце 1944 г., окончательно проиграв войну, гитлеровцы додумались до того, чтобы придать им — для «солидности» — видимость армии, «Русской освободительной армии», поставленной под команду перебежчика генерала Власова и многих других советских офицеров, примкнувших к нему в плену» [25].

Историк М. А. Гареев определил общее количество коллаборационистов в 200 тыс. человек; С. В. Кудряшов — долю активного военного сотрудничества в 250—300 тыс. человек, а общее количество коллаборационистов в 1 млн. человек. По мнению С. И. Дробязко, коллаборационисты составляли 1,3—1,5 млн. человек. Ссылаясь на данные западных историков, Н. М. Раманичев указывает цифру в 1—1,5 млн. человек. Следует добавить, что в составе рассматриваемых частей находились и эмигранты из России, не являвшиеся советскими гражданами и формально не подпадавшие под определение коллаборационистов. В частности, из эмигрантов состоял Русский корпус, сформированный на Балканах, немалое их количество насчитывалось и в казачьих частях.

Значительное внимание исследователи в последние годы уделяли Русской освободительной армии генерал-лейтенанта А. А. Власова. В советской исторической литературе она рассматривалась в качестве символа предательства и измены.

Одним из первых серьезных исследований по этой проблеме стала книга А. Н. Колесника [97]. В 1990-е годы наблюдается всплеск интереса к личности и деятельности генерала Власова. Авторы целого ряда работ пытались решить «проблему Власова» в рамках морально-этической дилеммы: кем был на самом деле генерал — предателем или героем? В целом большинство российских историков достигли согласия в том, что Власов не был идейным борцом со Сталиным вплоть до самой своей сдачи в плен и перешел на сторону врага, спасая свою шкуру.

В конце 1942 г. была организована встреча Власова с пленными генералами. Все они отказались стать изменника-

ми. Генерал-майор П. Г. Понеделин (бывший командующий 12-й армией) в ответ на предложение Власова плюнул ему в лицо. Генерал-лейтенант М. Ф. Лукин просто отвернулся и передал через немецкого офицера, что предпочитает оставаться в лагере для военнопленных. Отвергли предложение бывший командующий 5-й армией М. И. Потапов, генерал-лейтенант Д. М. Карбышев, генерал-майор Н. К. Кириллов и др. Даже в лагерях смерти они создавали организации, связывались с местными антифашистами, организовывали побег. Под руководством этих организаций бежало из плена 450 тыс. военнопленных.

В середине мая 1945 г. в Западной Чехии американцы передали Красной Армии около 20 тыс. солдат и офицеров РОА. Одновременно в южных районах Австрии английские власти передали Красной Армии 15 тыс. казаков, в том числе немецкого генерала Панвица, атаманов Краснова, Шкуро и 6500 человек из числа их жен и детей.

Всех их ждала одна судьба — расстрел на месте или 25 лет каторги. С 30 июля по 2 августа 1946 г. состоялся закрытый судебный процесс над ними. Руководители РОА приговорены к повешению.

В государствах, образовавшихся после распада СССР, особенно в Прибалтике и Украине, произошла политическая и юридическая реабилитация коллаборационистов, которые теперь рассматриваются в качестве главных борцов за национальную независимость. Героями национальной историографии в Украине стали, например, С. Бандера, Роман Шухевич. Сотрудничество националистов с германскими властями получает позитивную оценку — как одно из средств борьбы против большевистской оккупации, за национальную независимость.

3.6. Психология солдата на войне

Великая Отечественная война была такой долгой, мучительной, страшной, что родила свой быт, психологию, особые чувства. Только в последние годы российские историки начинают глубже рассматривать проблемы, которым раньше не уделялось достаточного внимания. К их числу относится

психология солдата на войне, повседневная жизнь фронтовиков, создание историко-психологического портрета советского воина. В этом направлении весьма успешно работает Е. С. Сенявская [187; 188].

Война против фашистской Германии для Советского Союза являлась войной справедливой, Отечественной, народной, так как речь шла о выживании государства и нации.

Ключевым для формирования морально-психологического состояния войск в условиях войны является наличие определенных ценностных установок (любовь к Родине, долг перед Родиной, ответственность за судьбу страны), представлений о справедливом характере и целях войны, убеждений в правоте и силе своей армии. В конкретных боевых условиях решающее значение приобретают такие идеолого-психологические аспекты, как отношение к врагу, к своей армии и к товарищам по оружию, к опасностям и тяготам войны, к союзникам, к гражданскому населению собственной страны и других стран и т.д.

Массовое сознание — явление чрезвычайно сложное и противоречивое, в нем переплетаются элементы социальной психологии, нравственные и мировоззренческие установки, уходящие корнями в национальные традиции, в обыденную жизнь людей, с идеологическими установками, целенаправленно формируемыми структурами власти. В годы войны идеологический фактор не только смыкался и переплетался с психологическим, но нередко оказывался ведущим: от сильной, «грамотной», идеологической мотивации войны, от интенсивности и точности «политико-воспитательной работы» напрямую зависело морально-психологическое состояние народа и особенно действующей армии [188, с. 267]. Советско-партийная пропаганда, имевшая единые идеологические установки и направлявшаяся Коммунистической партией, носила массовый, целенаправленный характер, доходила до каждого отдельного человека, побуждала мысль, что именно от его конкретных действий зависит судьба Родины, и играла консолидирующую роль в защите Отечества.

Можно выделить три характерных этапа пропаганды в среде Вооруженных сил СССР,

в которой, кроме партийно-идеологической работы, были задействованы все виды искусства: для первого периода характерны мобилизация бойцов на защиту Отечества (песня «Вставай, страна, огромная, Вставай на смертный бой!», сл. Лебедева-Кумача, муз. А. Александрова; «Родина-мать зовет!», плакат И. Тоидзе, 1941), вселение уверенности в Победе (плакат «Наполеон потерпел поражение. То же будет и с зазнавшимся Гитлером!», Кукрыниксы, 1941), создание «образа врага», воспитание ненависти к нему, для последующего — объяснение необходимости продолжения боевых действий за пределами СССР для освобождения братских народов от захватчиков («Освободим Европу от цепей фашистского рабства», плакат И. Тоидзе, 1945) и достижения окончательной победы над фашизмом («Зверь ранен. Добьем фашистского зверя!», плакат Д. Моор, 1943); для заключительного этапа — сдерживание ненависти к военным служащим и гражданскому населению противника.

Наличие достаточного «запаса прочности» в идейно-психологической сфере оказывалось одним из решающих факторов в способности государства и народа переломить даже крайне неблагоприятный ход событий в первый год войны. Об этом емко сказала поэт Юлия Друнина, которая в 18-летнем возрасте в 1942 г. из десятого класса ушла добровольцем на фронт, ушла в самое драматическое время, в самое пекло войны, в самый беспокойный род войск — в пехоту:

Запас прочности

До сих пор не совсем понимаю.
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.
И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?..
Что гадать! Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.

Огромное моральное и физическое напряжение советский народ смог выдержать в течение почти четырех лет войны только благодаря наличию «духовного стержня», позволившего ему «не сломиться» при всех масштабах людских, территориальных, эко-

номических потерь, переломить ход войны и собственными силами освободить не только родную землю, но и оккупированные европейские страны от коричневой чумы XX столетия.

Основная масса населения страны понимала справедливый, освободительный характер войны и готова была к самопожертвованию, длительным тяготам и лишениям во имя Победы. В этот период действительно можно говорить о морально-психологическом единстве всего советского общества, несмотря на то, что на территории Советского Союза проживали представители более ста наций и народностей. Советский народ как один встал на защиту своей родной земли. Воины разных национальностей своей грудью заслонили путь врагу в глубь советской территории, остановили его и повернули ход войны в свою пользу.

Отрицательное влияние в начале войны оказывала приверженность традиционным мифам, согласно которым народные массы капиталистических стран при всех обстоятельствах глубоко враждебны своим правительствам и в случае войны с СССР немедленно перейдут на его сторону. Даже 6 ноября 1941 г., когда гитлеровцы стояли у стен Москвы, Сталин заявил о том, что в германском народе произошел «глубокий перелом против продолжения войны, за ликвидацию войны», что «германский тыл немецких войск представляет вулкан, готовый взорваться и похоронить гитлеровских авантюристов» [198, с. 32]. Все это не только не способствовало мобилизации всех сил народа, но и поддерживало у тех, кто далеко от фронта, настроение мирного времени, веру в фатальную предопределенность победы. Вредно сказывались, особенно в первое время, такие установки и на моральном духе войск. Только осознание смертельной опасности, нависшей над СССР, над каждым народом, каждым советским человеком, сплотило всех перед лицом врага. И только через год после начала войны, 6 июля 1942 г., на заседании Совета военно-политической пропаганды отмечалось, что «бойцы и командиры стали беспощаднее и злее. Нет того благодущия, какое было в начале войны».

Ожесточенность схватки с фашистской Германией предопределила чувство нена-

висти как основную психологическую доминанту в отношении к врагу на всех этапах войны. И здесь вступили в действие глубинные психологические механизмы, которые не раз в российской истории спасали страну, находившуюся на краю гибели. Произошел подъем всех моральных сил народа, оказались задействованы его вековые традиции, готовность к подвигу, самоотречению и самопожертвованию во имя спасения своей страны. Война действительно становилась Отечественной и национально-освободительной. Большую роль в воспитании патриотизма и ненависти к врагу играли советские писатели и поэты (А. Толстой, И. Эренбург, К. Симонов и др.), художники (Кукрыниксы, А. Дейнека, С. Герасимов, П. Корин, А. Пластов и др.) и другие деятели искусства.

Решающую роль в разгроме германского фашизма сыграла Красная Армия, при этом главной силой, вынесшей на своих плечах все тяготы войны, был советский солдат. Если учесть, что кадровая армия была уничтожена во время отступления и оборонительных боев 1941 г. (более 3 млн. человек попало в плен в первый год войны), основную часть вооруженных сил, освобождавших страну и дошедших до Берлина, составили гражданские люди, одетые в солдатские шинели. По мнению историка-аграрника В. Т. Анискова, Красная Армия на 80% состояла из сельских жителей. До конца 1943 г. советская деревня, будучи полностью «разбронированной» от военных призывов, без всяких ограничений направляла на фронт всех — председателей и бригадиров, полеводов и животноводов, механизаторов и специалистов, тем более рядовых крестьян. Именно историческое самосознание помогло советскому человеку, в первую голову российскому крестьянину, решительно превозмочь и стать выше социальных обид на советскую власть [9, с. 8].

На войне существуют и тесно переплетаются две стороны действительности — опасность боя и повседневность быта, которые непосредственно воздействуют на сознание людей, участвующих в боевых действиях. Как отмечал К. Симонов: «Война не есть сплошная опасность, ожидание смерти и мысли о ней. Если бы это было так, то ни один человек не выдержал бы тяжести ее... даже месяц. Война есть совокуп-

ность смертельной опасности, постоянной возможности быть убитым, случайности и всех особенностей и деталей повседневного быта, которые всегда присутствуют в нашей жизни... Человек на фронте занят бесконечным количеством дел, о которых ему постоянно нужно думать и из-за которых он часто совершенно не успевает думать о своей безопасности. Именно поэтому чувство страха притупляется на фронте, а вовсе не потому, что люди вдруг становятся бесстрашными».

«Только в бою испытываются все качества человека, — говорил в одном из своих выступлений легендарный комбат Великой Отечественной войны Б. Момыш-Улы. — ...В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Бой срывает маску, напускную храбрость. Фальшь не держится под огнем. Мужество или совсем покидает человека или проявляется во всей полноте только в бою» [131, с. 39—40].

Наряду с экстремальной боевой обстановкой важнейшее влияние на психологию солдат и офицеров оказывали специфические условия фронтового быта, чрезвычайно ощутимые жизненные неудобства. Зимой — это стужа, мороз, летом — изнуряющая жара (участники Сталинградской битвы рассказывали, что в июле-августе 1942 г. гимнастерка была белой от соли), недостаток воды, душливая пыль, весной, осенью — холодные дожди, грязь, слякоть, размытые дороги. Часто на войне человек недосыпает, недоедает, живет в неудовлетворительных санитарно-гигиенических условиях, не имеет нормального жилья и уюта, по несколько месяцев не ходит в баню. Защитники Сталинграда говорили о том, что по 2—4 месяца не мылись в бане, так как возможности не было, поэтому многие завшивели¹. По словам одного из фронтовиков, «вшей не стало только в 1945 г.».

Сырой окоп — солдатская постель,
А одеяло — волглая шинель.
Укрылся, как положено, солдат:
Пола шинели — под,
Пола шинели — над.
Куда уж тут ее перешивать!

Юлия Друнина, 1964

¹ Демин Г. Г., фронтовой разведчик; Хрупачев Г. И., связист-разведчик, участники Сталинградской битвы. Интервью взято автором 1—2 февраля 2008 г. в Волгограде во время празднования 65-летия победы в Сталинградской битве.

Участник войны П. П. Лебедев, на вопрос «Что самое страшное на войне?» ответил: «Ее бесконечность»². Особенно в начале войны не было видно ее конца. Это тоже отрицательно действовало на психологическое состояние солдат и офицеров. По словам участника Сталинградской битвы Георгия Григорьевича Демина, «дом солдата на войне — это окоп, траншея. Мины, бомбы, снаряды поднимают пыль столбом, и запах пороха и тола долго держится в воздухе. И так изо дня в день, до тех пор, пока ты живой».

Все эти особенности военного быта неизбежно влияли на внутреннее состояние воина, которое сказывалось на его поведении в бою.

Существовало множество факторов, влиявших на специфику фронтового быта. Немалое значение имел театр боевых действий с точки зрения климатических условий и времени года. Существенно отличался военный быт в период наступления, обороны и отступления. Бытовые условия зависели также от близости к переднему краю, принадлежности к рядовому или командному составу, родам войск и военным профессиям и т.д.

Множество и других факторов влияло на психологическое состояние армии и отдельных воинов. Сильное влияние на солдат и офицеров оказывала их длительная оторванность от семьи, родных и близких, поэтому с таким нетерпением они ждали писем из дома. Для каждого воина очень важно было знать, ждет ли любимая его возвращения домой и как ждет. В связи с этим большой популярностью среди солдат и офицеров пользовалось стихотворение К. Симонова «Жди меня», которое солдаты вырезали из газет и отправляли своим любимым.

На психологию солдат оказывало влияние то, наступают они или отступают, поэтому в начальный период войны психологическое состояние солдата оставляло желать лучшего: боязнь окружения, плена не лучшим способом влияла на него. В этих условиях, чтобы поднять моральный дух армии и в какой-то мере помочь преодолеть тяготы военного времени, устраивались концерты

² Интервью взято автором 18 апреля 2003 г. в Москве на Международной научной конференции, посвященной Великой Отечественной войне.

фронтных бригад, что являлось большим событием для воинов. Устраивались танцы, отмечали по-разному и праздники, приезжали делегации рабочих и колхозников и привозили подарки на фронт, и т.д. Чтобы фронтовики не ощущали свою оторванность от дома, велась переписка со своим колхозом, заводом, фабрикой, школьниками и т.д.

Наиболее существенные психологические различия обуславливались в первую очередь и степенью ответственности, возложенной на каждого в зависимости от служебного положения. Рядовой отвечает только за себя, выполняя приказы всех вышестоящих начальников. Его инициатива предельно ограничена рамками этих приказов. Командир любого ранга несет ответственность не только за себя, но и за своих людей, званием и должностью ему дано право посылать их на смерть, и в этом самое трудное его испытание — испытание властью. Чем выше должность, тем большее число людей зависит от его воли, деловых и человеческих качеств. Но над каждым есть другой командир, чья власть еще больше. Однако его инициатива тоже ограничена рамками приказов, хотя возможность ее проявить шире, чем у простого солдата. Случалось, что страх перед начальством оказывался сильнее, чем перед врагом. И самой отвратительной трусостью была не боязнь смерти, а боязнь доложить правду о сложившейся ситуации на позиции: за такой трусостью на войне всегда стоят чьи-то жизни [155, с. 154].

Следует учитывать, что кадровые военные приняли на себя первый удар в начале войны, большинство их погибло еще в 1941 г., а на смену им пришли командиры запаса, люди по своему сознанию и основному роду занятий глубоко гражданские, но именно они довели войну до победного конца. Да еще мальчишки-лейтенанты, вчерашние курсанты ускоренного военного выпуска. Это среди них, самой многочисленной и близкой к солдатской массе категории офицеров, были и самые массовые потери.

Психологически особенно трудно командовать людьми именно молодым офицерам, они должны были прежде всего завоевать у солдат авторитет, подтверждающий их право (не уставное, но моральное) рас-

поряжаться чужими жизнями, несмотря на собственную молодость. А авторитет в бою можно было завоевать только личным примером, подвергая свою жизнь той же степени риска, которую собираешься требовать от других. «Не по возрасту тяжкая и страшная ответственность легла на их плечи, — говорил Григорий Бакланов. — И вот им, восемнадцатидевятнадцатилетним, нередко приходилось вести в бой людей, которые были вдвое старше их, и строго требовать, и даже посылать на смерть. А это для молодых и совестливых гораздо трудней, чем самому пойти» [192, с. 124]. Для офицеров постарше эта проблема была не такой острой: собственный опыт уравнивал их с подчиненными, лишая, таким образом, ситуацию психологической двойственности [188, с. 272].

При огромном количестве случайностей, неизбежных на войне, каждому роду войск соответствовал свой собственный, наиболее вероятный «вид смерти». Для летчика и танкиста самой реальной была опасность сгореть в подбитой машине, для моряка — утонуть вместе с кораблем вдали от берега, для сапера — подорваться на mine, для пехотинца — погибнуть в атаке или под обстрелом и т.д.

На войне каждый видел жизнь через то дело, которым занимался, имея свой собственный «радиус обзора»: пехотинец — окоп, танкист — смотровую щель танка, летчик — кабину самолета, артиллерист — прицел орудия, врач — операционный стол. Но разница в их восприятии войны была обусловлена также тем, что, выполняя каждый по-своему тяжелую солдатскую работу, связанную на войне с необходимостью убивать, представители разных видов войск осуществляли это по-разному: кто-то вблизи, встречаясь с противником лицом к лицу, успевая увидеть его глаза, а кто-то на расстоянии, посылая снаряд или бомбу в намеченную цель и не всегда представляя размеры разрушений и количество смертей, вызванных этим снарядом. Для последних враг не был «очеловечен», представляясь, скорее, безликой фигурой на мишени. Убивать вблизи было труднее и страшнее. «Тяжело воевать и летчикам, и танкистам, и артиллеристам, — всем тяжело, но пехоту ни с чем нельзя сравнить», — писала бывшая санин-

структор О. Я. Омельченко [4, с. 164]. Перечитаем знаменитое классическое, навсегда вписанное в русскую поэзию, словно на медали отчеканенное четверостишие девятнадцатилетней Ю. Друниной, написанное на фронте в 1943 г.:

Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И сотни раз — во сне...
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Впрочем, в бою выбора не было, все сводилось к простой дилемме: либо ты успеваешь убить первым, либо убьют тебя. Танкистам психологически трудно было «ехать по живому». Но в других родах войск это происходило не так заметно и менее болезненно для человеческой психики.

Военная техника объединяла такое количество людей, какое было необходимо для ее функционирования в бою, создавая тем самым особый вид коллектива с особыми внутренними связями: пулеметный и оружейный расчет, танковый и летный экипаж, команду корабля и подводной лодки и т.д. Возник и такой феномен человеческих отношений, как «экипажное братство», наиболее ярко проявлявшееся у танкистов, летчиков, моряков, подводников. Несколько человек, заключенных в один стальной или летающий «гроб», в одинаковой степени рисковали жизнью, и жизнь каждого члена экипажа в бою зависела от четкости и слаженности действий каждого, от глубины эмоционального контакта между ними, понимания друг друга не только с полуслова, но и с полувзгляда. Чем сильнее были подобные связи, тем больше была вероятность уцелеть. Поэтому вполне закономерным является тот факт, что командир танка всегда делился своим офицерским дополнительным пайком со всем экипажем. Покидая горящую машину, уцелевшие танкисты вытаскивали из нее не только раненых, но и убитых. Боевая действительность определяла кодекс поведения и взаимоотношения людей.

В Великой Отечественной войне существовали элитарные войска не по принципу подбора кадров, а по стратегическому значению, и это способствовало формированию особой психологии личного состава. Таким особым сознанием своей значимости отличались бронетанковые войска, авиация и флот,

причем военно-воздушные и военно-морские силы — наиболее ярко. В психологическом плане у летчиков, моряков и подводников было много общего. В бою и для тех, и для других гибель боевой техники почти всегда означала собственную гибель — самолет, подбитый на территории врага, оставлял экипажу, даже успевшему выпрыгнуть с парашютом, мало шансов на спасение; у моряков с потопленного корабля также было мало вероятности доплыть до берега или быть подобранным судном. Не приходится говорить о подводниках, для которых гибель подводной лодки означала их собственную смерть. Поэтому у других родов войск те и другие слыли за отчаянных храбрецов.

В летной среде, по воспоминаниям летчика-фронтовика А. П. Чубарова, участника Сталинградской битвы, «отношение между нами было даже на уровне инстинкта: сегодня ты поможешь товарищу, а завтра он тебе. Тут дело не в личных симпатиях. Ведь мы в бою. Мгновенно кто-то тебя предупреждает, заходит, принимает удар. А ведь за каждым таким мгновением может быть смерть. И тех, кто не понимал нашего братства, мы открыто презирали. Случаи были необычайные. Под Ростовом сбили самолет Миши Степанищева. Внизу земля, занятая немцами. Один из наших летчиков — Павлов решил спасти Мишу и его воздушного стрелка. Риск был такой, что в случае неудачи он сам или в плену, или перед своим трибуналом. Павлов посадил самолет в поле, вчетвером они прилетели домой... А вообще в нашей среде были весьма тонкие понятия о том, что такое долг, достоинство, бесчестие. Летчик попадал в такие переделки, что никто не мог его проверить или хотя бы упрекнуть. Только совесть побуждала тебя действовать так, а не иначе. А самым оскорбительным у нас было: «Шкуру свою спасаешь?». Объединяло всех острое чувство тревоги за судьбу страны».

Время было суровое, но никаким приказом невозможно было бы заставить летчика сделать то, что он делал. Летчика Василия Миронова в воздухе ранило: осколок вошел над лопаткой. По всем человеческим нормам ему оставалось только спасать себя. Но он стал спасать самолет — ведь их у нас не хватало. Работая одной рукой, прилетел

к аэродрому, шасси не выпускались. Летчик потерял много крови. Но чтобы не поранить самолет, не стал садиться «на брюхо», он сделал еще три круга над аэродромом, выпускная шасси аварийно. И сумел приземлиться. Или летчик Василий Бакутин. Несмотря на то, что его кровью залило кабину, он привел самолет, вылез на плоскость и упал без сознания [142].

Впрочем, моряки и летчики и сами старались поддерживать подобную репутацию. Это они доказывали и в фашистском плену. Летчик М. Девятаев, оказавшись в фашистском плену, нашел выход в безысходной ситуации, когда 8 февраля 1945 г. сумел угнать новейший немецкий самолет «Хейнкель-111» с секретной военной базы с острова Узедом на Балтийском море. Летчик В. Д. Лавриненков 23 августа 1943 г. в районе Таганрога таранным ударом сбил немецкого корректировщика. Из поврежденной машины выбросился с парашютом. Приземлился на оккупированной врагом территории. Был захвачен в плен, бежал. «Плен — страшное бедствие, — размышлял летчик через много лет. — Оно способно сломить слабых духом. Но я не относил себя к этой категории. В самые тяжкие моменты выпавшего на мою долю испытания у меня было одно-единственное стремление — бежать! Вернуться к своим и продолжать бить фашистских гадов, пока ни одного не останется на нашей священной земле. Ради этого стоит вести игру с врагом...» [73, с. 367, 378].

Летный состав, состоявший преимущественно из офицеров, имел ряд льгот и особые традиции. Незначительные преимущества в быту, которыми пользовались моряки и летчики, были ничтожной компенсацией за те труднейшие условия, в которых им приходилось сражаться. Летчики испытывали особый риск и особые нагрузки. Бывший летчик-истребитель, единственный в мире безрукий летчик И. А. Леонов вспоминал: «Воздушный бой длится мгновения. И бывали у нас в полку случаи, когда за эти несколько минут у молодых летчиков появлялась седина... В бою, как говорится, приходится вертеть головой на все 360 градусов. Бросаешь самолет в такие фигуры, которые в мирное время, может быть, и не сделал бы. Камнем направляешь машину

вниз и круто выходишь из пике. В такие моменты испытываешь большие перегрузки: веки сами закрываются, щеки обвисают от натуги, все тело будто налито свинцом. И даже в таком состоянии ты должен в секунды принять единственно верное решение. От него зависит — выйдешь ли ты победителем в воздушном бою или погибнешь. Случалось, кто-нибудь из ребят приведет самолет на аэродром и вдруг ткнется головой в приборы. Что такое? Ранен? Нет, потерял сознание от переутомления. А нам приходилось вылетать по четыре-пять раз в день».

«Вы воюете не по правилам! — возмущались пленные фашистские офицеры. — Этого нет в уставах». В своем письме сыну-призывнику финский летчик описывает бой, в котором советский летчик (как выяснилось — Николай Репин) лобовым тараном сбил ведущего группы бомбардировщиков, сорвав бомбовый удар по нашим войскам, и заканчивает словами: «Обо мне, мой сын, не беспокойся! Удар в лоб, таран, самопожертвование — такая форма боя неприемлема для нас». В воинских уставах действительно не предусмотрены ни подвиги матросовцев и гаселловцев, ни воздушные тараны. А у русского солдата, кроме воинского устава, был свой устав — устав сердца, устав любви к Отчизне.

Они не рождались бесстрашными — они стали бесстрашными в те дни, когда над Родиной нависла смертельная опасность, когда от доблести, благородства, отваги и самоотверженности защитников зависела ее судьба.

Страх перед тараном заставлял подавляющее большинство фашистских асов сворачивать с курса перед идущим в лобовую атаку советским самолетом и в панике сбрасывать бомбы куда попало, даже на собственные войска. За годы войны советские летчики совершили 636 воздушных и 503 наземных тарана. «Русский феномен» — такое определение тарану дали западные историки. Действительно, трудно понять психологию летчика, идущего на таран, трудно представить миг, в который он решается на смертельный риск. «Когда советский самолет догнал меня и врезался в мой «мессер», мне показалось, что на меня обрушилось небо!» — признался на допро-

се пленный немецкий ас. Ощущение «обрушившегося неба» испытывали и атакующие советские летчики, но при этом дважды на таран шли десятки наших летчиков, трижды — Алексей Хлобыстов, четырежды — Борис Ковзан. Большинство воздушных таранов совершено в небе на подступах к Москве, Ленинграду, Сталинграду, врага нужно было остановить любой ценой.

Считалось, что таран вызывают лишь две причины — отказ бортового оружия и иссякший боезапас. Но, защищая товарища в бою, спасая эвакуированных от бомбежки, наши летчики шли, бывало, в таранную атаку с полным комплектом боеприпасов и исправным оружием — если дело решали секунды и на необходимый для истребителя разворот для новой атаки не было времени. Спасая своего командира, у которого молчал пулемет, наперерез врагу бросился 19-летний В. Н. Захаров и протаранил немецкий самолет. За краткий миг, что он несся на перехват, он не мог рассчитать удар, уравнять скорости, подумать о собственной безопасности. Он просто, как ведомый, обязан был спасти командира — и спас ценою своей жизни. Алексей Хлобыстов в одном бою вслед за своим командиром Алексеем Поздняковым (который, прикрывая молодых, таранил немецкий самолет и погиб) сбил два немецких самолета таранными ударами. За несколько минут боя три тарана увидели враги. Психологический фактор сработал на все сто: армада из оставшихся четырнадцати бомбардировщиков со смертоносным грузом и десяти истребителей сопровождения повернула вспять и тем самым была сорвана бомбежка подходившего к Мурманску каравана судов союзников. Наблюдавшие неравный бой в бинокль английские моряки просили познакомиться их с героями-летчиками.

Екатерина Зеленко была единственной летчицей, совершившей воздушный таран в бою. 12 сентября 1941 г., оставшись одна против семи «мессершмиттов», она не вышла из боя, не дрогнула. Бомбардировщик против истребителей. Сбила один из них огнем, а затем направила свой подбитый самолет в лобовую атаку на другой.

«Воздушный таран — это не только виртуозное владение машиной, исключительная храбрость и самообладание, это

одна из форм проявления героизма, того самого морального фактора, который не учел враг, да и не мог учесть, так как имел о нашем народе... весьма смутное представление», — сказал дважды Герой Советского Союза Главный маршал авиации А. А. Новиков. Спартак Маковский, сбивший за войну 18 самолетов врага, один из них — таранным ударом, на вопрос, думал ли он о своей жизни, идя на таран, ответил: «Нет, не думал. Я просто знал, что внизу бьются мои друзья, что им тяжело и, если гитлеровцы прорвутся туда, им еще тяжелее станет. Значит, надо уничтожить врага. А уж каким способом — значения не имеет».

Советские летчики превратили этот сопряженный с риском для жизни подвиг в прием воздушного боя. За годы войны были выработаны своеобразные методики ударов и их классификации.

Летчик Борис Ковзан спустя много лет после окончания войны говорил: «Хватит уже талдычить, что только мы такие храбрецы, на тараны шли, воюя «не по правилам». А тот немец, что при моем четвертом таране в лобовой атаке не свернул с курса — разве не таранщик? Погиб, скорее всего, чертяка! Известны и другие случаи, когда германские асы не сворачивали, несмотря на геринговский циркуляр — избегать таранов с «сумасшедшими русскими». Были, были и у них отчаянные храбрецы! Уважаю! У нас был сильный противник, закаленный в воздушных боях. И если мы его, необстрелянные юнцы, победили, а к 1943 году выбили, как пишут сами немцы, «цвет люфтваффе», значит, в наших ВВС было просто побольше, чем у противника, храбрецов и дух наш боевой был крепче вражеского». Советские летчики умели побеждать свой страх. Борис Ковзан после войны признался: «Честно говоря, я всегда, когда принимал решение идти на таран, глаза зажмуривал. Тряхнет после удара — первая мысль: жив! Значит, воюем дальше... В этот миг кажется, будто кусок льда проглотил — холодеет внутри. Это, конечно, тот самый страх, который свойственен всему живому. Но мы же люди, мы перебарываем его в себе! Мне пришлось пройти через этот «холодок» четырежды. Но что интересно: потом, на земле, я обычно мог вспомнить почти весь бой по порядку, слов-

но разум фотографировал каждое мгновение» [73, с. 259].

Если морскую пехоту в тельняшках и черных бушлатах, отчаянно кидающуюся в прорыв, немцы называли «черной смертью», то морских летчиков в такой же приметной форме асы люфтваффе прозвали смертниками. Когда наши летчики в воздушной схватке зло шли в лобовую атаку или разили тараном врага, в радиозфире раздавался панический вопль: «Ахтунг! Ахтунг! В небе — русские смертники!». И угроза тарана пугала асов не только отборной элитной немецкой авиагруппы с кокетливым названием «Букет роз», но и прибывшей в район Новороссийска позже для усиления поредевшего «Букета» группы «Удет», подчинявшейся лично Герингу.

Если многие наши летчики решали для себя, что таран — это крайнее средство в безвыходной ситуации, то морской летчик М. А. Борисов, по свидетельству его однополчан, считал, что при серьезном овладении техникой этого разящего удара его можно сделать рядовым приемом воздушного боя. 10 августа 1942 г. он подбил один самолет противника огнем, но его истребитель загорелся. Из боя не вышел и своим горящим самолетом за считанные секунды таранил двух «хейнкелей», то есть совершил два тарана в одном бою, но и сам погиб, оказавшись в водах Черного моря под Новороссийском. Нет, они не были смертниками, наши летчики в матросских тельняшках. Они очень любили жизнь. Их ждали матери, невесты, жены, дети. И было им всего от девятнадцати до тридцати лет.

Тараны к концу войны явно пошли на убыль. За первые полгода войны этим рискованным приемом преградили путь врагу более 200 летчиков. За полный 1942 г. — около 200, в 1943 г. — около 160, в 1944 г. — при освобождении западных областей СССР и выходе на территорию европейских стран — около 40, а за четыре месяца победного 1945 г. — чуть более 20. Сравним — в первый день войны таран совершили 18 наших летчиков. Угроза судьбе Родины миновала. Но наши летчики продолжали сражаться на таком же высоком накале, хотя 23 сентября 1944 г. в авиачастях распространили приказ, который должен был возродить у наших лет-

чиков чувство самосохранения: «Разъяснить всему летному составу ВВС Красной Армии, что наши истребители имеют отличное мощное современное вооружение и превосходят в летно-тактических данных все существующие типы немецких истребителей.

Применение «тарана» в воздушном бою с самолетами противника, имеющими низкие летные качества, нецелесообразно, поэтому «таран» надо применять только в исключительных случаях, как крайнюю меру».

За таран, даже совершенный как «крайняя мера», все реже следовали высокие награды. Этой мерой командование тоже пыталось повысить чувство самосохранения у летчиков.

Но какие же крайние меры заставляли наших летчиков идти на таран с риском для жизни даже в последние месяцы, недели и даже дни войны?

За несколько дней до капитуляции фашистской Германии на подступах к Берлину, в районе железнодорожного узла Вурцен, командир звена 66-го истребительного авиаполка старший лейтенант Ф. С. Петров метким огнем с ближней дистанции поджег два вражеских истребителя. Израсходовав боезапас, догнал уходящий третий самолет противника и снял с неба тараном. Приземлился на парашюте. На земле героя-таранщика ждал представитель союзных войск и через переводчика спросил: «Вы сбили двух немецких асов в честном бою. Третий предпочел бежать с поля боя. Зачем вы догоняли его и сбили смертельно опасным для вас приемом? Война практически кончается. Вам что, не хочется жить?». «Очень хочется! — ответил двадцатичетырехлетний летчик. — Невеста ждет, мать. Просто я не мог допустить, чтобы фашист ушел, понимаете? Он ведь еще может успеть сбить кого-нибудь из моих товарищей или ваших летчиков! Да и вообще — азарт боя!». Представитель молча пожал ему руку.

Шестнадцать советских летчиков, получивших увечья в боях, продолжали громить врага. Многие из них летали без ног — Алексей Маресьев и др. Захар Сорокин, который 25 октября 1941 г. в сумеречном небе Заполярья, сбив один самолет в бою и, раненый в ногу, протаранил второй. Посадил машину в тундре, но два пилота протаранен-

ного «мессера» тоже сумели посадить свой самолет. В завязавшейся перестрелке Сорокин сразил врагов, затем шесть суток добирался по тундре до своих. Он обморозил ноги, и ему ампутировали обе ступни. Однако он добился возвращения в строй и сбил еще шесть самолетов врага, в том числе одного аса из «Гордости Германии», потребовавшего показать ему «опытного русского аса», сразившего его. В комнату, на плохо гнущихся ногах, вошел молодой летчик — Сорокин. Переводчик объяснил, что парень воюет на протезах. А двадцатилетний орловский парень Иван Леонов стал первым в мире безруким летчиком. С искусственным правым глазом продолжал летать Борис Ковзан — единственный в мире летчик, который до тяжелого ранения провел четыре воздушных тарана (первый свой таран в 19-летнем возрасте, остальные три — в 20-летнем).

У моряков, особенно у подводников, были не менее чудовищные физические и нервные нагрузки. «Вражеские катера обнаруживают гвардейскую подводную лодку “Щ-303” и начинают бомбежку. Лодка оказалась в кольце противолодочных кораблей. Сорок пять часов она уже под водой. Тяжело дышать. У многих началось кислородное голодание. Чтобы меньше был расход кислорода, люди лежат — таков приказ командира. Слипаются глаза, клонит ко сну... Лодку сильно бомбят, и она ложится на грунт. Почти два часа продолжается бомбежка. “Два часа ада”, — напишет потом командир в своих воспоминаниях. Чтобы уменьшить шумы на лодке, краснофлотцы сняли обувь, обмотали ветошью ноги и двигаются по палубе неслышно. Обстановка тяжелая. Люди задыхаются. Немеют пальцы, деревенеют подошвы ног, тело покалывает иголками... “Мы не знаем, когда наступит смерть от удушья. По теоретическим расчетам, нам полагалось задохнуться после трех суток пребывания под водой...” — вспоминает командир лодки капитан 3-го ранга И. В. Травкин» [44, с. 64—65]. Лодке удалось вырваться из блокады, пройдя под водой через минное поле. Выдержать подобное колоссальное напряжение мог не каждый. Для этого надо было иметь железные нервы, выдержку, сильную волю и сильный характер.

Наибольшая нагрузка приходилась на долю пехоты, «царицы полей». Пехотинцам

после преследования противника приходилось окапываться. Сколько земли саперной лопатой выкопал солдат-пехотинец, невозможно подсчитать. Не меньшая, чем у пехотинцев, нагрузка приходилась и на долю артиллеристов, которым приходилось тащить на себе тяжелые пушки по размытым фронтовым дорогам, переносить за десятки километров на руках снаряды, особенно когда освобождали Правобережную Украину, потому что внезапно наступила оттепель. Достаточно тяжелое психологическое напряжение испытывали они и в бою. По воспоминаниям генерал-майора С. А. Круковского, который в 19-летнем возрасте стал командиром орудия, в 20-летнем возрасте командиром артдивизиона провел все 200 дней Сталинградской битвы: «Орудие имеет преимущество перед танком до первого выстрела. После первого выстрела артиллеристы становятся прямой мишенью для немецких танков, особенно командир орудия, поэтому средняя продолжительность жизни лейтенанта-противотанкиста в годы войны составляла 10—12 дней»¹.

Для составления психологического портрета советского солдата важны воспоминания детей, которые в условиях войны контактировали с нашими солдатами. На вопрос: «Что больше смерти тебя, девочку, поразило на войне?» Журналист Людмила Овчинникова, которая в 12 лет попала в самое пекло Сталинградской битвы, ответила: «Солдатская доброта, человечность. До сих пор меня это поражает. Как можно было среди такого огня, такой опасности сохранить сострадание к слабому, способность пожалеть голодного, поделиться едой? Мимо нашего подвала бойцы шли из оврага к переднему краю. Вперед шли крепкие, здоровые, назад ползли раненые, искалеченные. Наши матери кричали: «Сюда, сюда!» Рвали, что можно, перевязывали раненых. Запомнился мне один боец, еле живой. Увидев детей, слабеющей рукой достал из кармана два замусоленных кусочка сахара. Молча придвинул к нам... Бойцы делились с нами едой. Потому мы и остались живы. Я часто об этом думаю. Однажды я поползла в овраг,

¹ Интервью взято автором 2 февраля 2008 г. в Волгограде во время празднования 65-летия Сталинградской битвы.

туда переместилась солдатская кухня. Неудобно было просить — стала собирать картофельные очистки в ведро. Передо мной появился военный, он все понял. Поставил передо мной котелок, я взяла ложку и стала захлебываться слезами. Хлеб голодному человеку можно давать по-разному. Военный так участливо смотрел на меня, что все у меня затрепетало от благодарности. Это был капитан Павел Михайлович Корженко. Через много лет я нашла его семью и узнала, что он погиб под Котовском» [19].

Самоотверженность, жертвенность во имя Победы — эти черты характеризуют фронтовое поколение. На войну шли разные люди, но именно война всех сблизила, объединила — общей бедой, перед лицом общего врага. Без такого духовного, нравственного единения победить было бы невозможно. Советский солдат оказался нравственно выше своего врага. В этом его главная сила. Пройдут годы, но люди будут искать нравственную опору в судьбах тех, кто одолел беду и выстоял.

3.7. Ленд-лиз: миф и реальность

«Ленд-лиз» (в пер. с англ. «давать взаймы, сдавать в аренду») — это система передачи США займы или в аренду вооружения, боеприпасов и других материальных ресурсов странам антигитлеровской коалиции в период Второй мировой войны. Закон о ленд-лизе, принятый американским конгрессом 11 марта 1941 г., предоставлял президенту полномочия продавать, передавать, обменивать, сдавать в аренду, давать займы или поставлять иным способом военные материалы и военную информацию правительству любой страны, если ее оборона против фашистской агрессии признавалась жизненно важной для США.

Вопрос о распространении действия закона о ленд-лизе на СССР был поднят Рузвельтом в конце октября 1941 г., когда в конгрессе завершились дебаты о втором ассигновании на осуществление этого закона. В послании Сталину он сообщал, что одобрил Московский протокол и отдал распоряжение о поставках по ленд-лизу на сумму 1 млрд. долларов на условиях беспроцентно-

го займа с выплатой платежей через пять лет после войны в течение десятилетнего срока. Усилиями советских и американских дипломатов с 7 ноября 1941 г. решением президента США на СССР был распространен закон о ленд-лизе. Были также установлены основные принципы расчетов по ленд-лизу:

- материалы, уничтоженные, утраченные во время войны и оказавшиеся негодными для дальнейшего потребления, не подлежат никакой оплате;

- материалы, оставшиеся после окончания войны и пригодные для гражданских потребностей, оплачиваются полностью или частично в порядке долгосрочного кредита;

- военные материалы остаются в странах-получателях, но правительство США сохраняет за собой право истребовать их (правда, оно заявило, что не воспользуется им);

- оборудование, не законченное производством к концу войны, и ленд-лизированные материалы, находящиеся на складах правительственных учреждений США, могут быть приобретены государствами-заказчиками, причем американское правительство предоставляет кредит на их оплату.

Официально решение президента было зафиксировано в «Соглашении о принципах, применяемых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии», подписанном 11 июня 1942 г. во время визита В. М. Молотова в Вашингтон. Это соглашение было аналогично тем, что США заключали со всеми странами-получателями помощи по ленд-лизу.

На основании «Соглашения между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии», подписанного 12 июля 1941 г., Англия предоставила СССР кредит в 10 млн. ф. ст. сроком на 5 лет. Но вскоре поставки с Британских островов стали осуществляться также на условиях ленд-лиза.

1 августа 1941 г. население Архангельска явилось свидетелем необычной картины: в порт в сопровождении советского эсминца «Сокрушительный» входил английский минный заградитель «Адвенчур». Он прибыл с грузом глубинных бомб и магнитных мин. Так было положено начало союзническими поставкам в СССР (а в дальнейшем из СССР в США и Англию) военной техники,

оружия, многих других материалов по программе ленд-лиза.

Союзнические поставки в Советский Союз осуществлялись по четырем маршрутам. По *северному* — из США и Англии через арктические моря шли транспортные конвои, отбиваясь от «волчьих стай» (свыше 100) немецких подводных лодок, они следовали в Мурманск и Архангельск (северные конвои). *Южный* маршрут проходил через Южную Атлантику, Персидский залив, Иран, Ирак по железной дороге, по воздуху, автомагистралям в Советское Закавказье. *Тихоокеанский*, или *дальневосточный*, — из Калифорнии на Дальний Восток (был самым стабильным и безопасным, по нему прибыло 50% грузов. По *воздушному* маршруту из Аляски (Фербэнкс) в Восточную Сибирь (сокращенно АЛСИБ) перегоняли самолеты (доставлено 50% самолетов). Конечный пункт авиатрассы — Красноярск, откуда прибывшие самолеты переправлялись группами по воздуху на фронт.

Арктическим конвоям в СССР присваивалось условное наименование (например, PQ-12) по инициалам английского морского офицера Питера Квилаина (Peter Quellen) Робертса, занимавшегося в то время в оперативном управлении адмиралтейства Великобритании конвойными операциями. Возвращавшиеся домой конвои обозначались буквами QR. Постоянная опасность заставляла принимать меры защиты. В августе на смежных позициях у побережья Норвегии вместе с советскими подводными лодками были развернуты две английские — «Тайгрис» и «Трайидент», базировавшиеся в Полярном. Планы их использования, разработанные штабом британской миссии, согласовывались со штабом Северного флота. С 24 августа по 18 октября 1941 г. небо над Кольским заливом совместно с североморскими летчиками защищали две эскадрильи английских летчиков. Англичане в 365 боевых вылетах сбили 12 самолетов противника, потеряв всего один свой. За боевые успехи в небе Заполярья майор Э. Миллер и сержант Ч. Хоу были награждены орденом Ленина. К весне 1942 г. в 12 конвоях из 103 судов, входивших в их состав, погибло одно.

Примером боевого взаимодействия военно-морских флотов можно назвать провод-

ку конвоя PQ-18. Для его сопровождения английское командование выделило 35 боевых кораблей, а советская сторона — около 300 самолетов, основные силы надводных кораблей и подводных лодок Северного флота и Беломорской военной флотилии. Несмотря на то, что германская авиация и подводные лодки совершали многократные нападения на него, 27 судов из 40 достигли конечного пункта. Противник понес ощутимые потери: было сбито 24 самолета из 100 и потоплены 3 фашистские подводные лодки из 12.

Ряд советских моряков военного и торгового флота были награждены орденами Великобритании, а значительная группа английских моряков — орденами СССР.

Англо-американские и советские корабли и самолеты, действовавшие в Арктике, потопили 27 подводных лодок, 2 линкора, 3 эсминца. Но и потери были немалые: из 1530 транспортов, входивших в состав 78 конвоев (42 — в СССР, 36 — из СССР) 85 было потоплено на переходе, а 41 транспорту по разным причинам пришлось возвратиться с маршрута на свою базу.

Грузы доставлялись в Мурманск, Архангельск, Молотовск (Северодвинск) и другие порты, так как северный путь был самым коротким маршрутом — караваны проходили его за 10—12 дней, но и самым рискованным. Именно там погибло больше всего моряков из Англии и США, судов и импортных грузов.

Через южное направление в СССР переправлялись самолеты, танки, автомобили, взрывчатые вещества, порох, а также авиационный бензин и другие необходимые фронту материалы. Силами английских и американских войск здесь в короткие сроки были капитально реконструированы иранские и иракские порты, улучшены железные и автомобильные дороги, построены авто- и авиасборочные заводы и площадки.

Для приемки собираемых в Иране и Ираке самолетов, а также перегонки их по воздуху в Советский Союз была создана авиабаза в Абадане, где совместно с советскими офицерами, сержантами и рядовыми работали иностранные военные и гражданские авиаспециалисты. Командиром авиабазы был назначен полковник И. Муравьев, а после его гибели в авиакатастрофе — гене-

рал-майор И. Образков. Транзитом грузов через Иран руководил генерал-майор Л. Зорин.

Для технического осмотра самолетов и подготовки их к перелету в СССР в Тегеране создали промежуточную авиабазу. В Азербайджанской ССР были оборудованы аэродромы, организованы занятия по обучению советских летчиков, инженеров, техников боевому использованию американских и английских самолетов, налаживалось техническое обслуживание.

Вначале самолеты в Абадане собирали англичане. Правда, первоначально самолеты собирались недостаточно качественно, задерживались сроки перегонки, в управлении авиабазой царил неразбериха. С 1 апреля 1943 г. организацией доставки, сборки и передачи Советскому Союзу самолетов всех типов стало заниматься военное командование США.

К осени 1943 г. на сборке и приемке самолетов в Абадане работали 165 советских авиаспециалистов: сборщики, электрики, радисты, вооруженцы, техники, летчики. Количество собираемых машин возросло, улучшилась технология сборки. При приемке советские специалисты предъявляли довольно высокие требования. Так, из доставленных в течение второй недели марта 1943 г. в Абадан 90 самолетов в связи с дефектами было принято только 18.

Качество боевой техники было различным. Если самолет-истребитель «Эркраб» отвечал основным требованиям, то аналогичный ему по типу «Китихаук» имел слабые тактико-технические данные. По этому поводу Сталин писал Рузвельту: «...следует иметь в виду, что самолеты “Китихаук” не выдерживают борьбы с нынешними немецкими истребителями».

Да и танки часто доставлялись не полностью укомплектованными: без прицелов, без монтажно-ремонтного инструмента, ощущалась острая нехватка запасных частей. Наши танкисты не любили американские танки, называли их «горящие свечки», так как работали они на высокосортном бензине, отчего быстро возгорались, танкисты в результате не успевали выбраться из танков. Наши танки работали на дизельном топливе. Об этом писал Сталин Рузвельту и подчеркивал, что «наиболее подходящим

мотором для танков наши специалисты считают дизель».

Серьезные недостатки имели и боеприпасы, поставляемые с танками. В феврале 1943 г. в результате претензий советской стороны поставки большинства танков из США и Англии были прекращены. СССР согласился получать из США средние танки М4-А2 («Шерман»). Они были намного лучше по боевым качествам. Американцы отказались от высокооктанового топлива и перешли на дизельные двигатели.

Летом 1942 г. на переговорах, инициатором которых выступил Советский Союз, главы правительств антигитлеровской коалиции одобрили новую трассу доставки самолетов по воздуху через Аляску и Восточную Сибирь. В общей сложности они должны были лететь примерно 14 тыс. км. Авиатрассу предстояло проложить заново: в труднодоступных местах изыскивать площадки для аэродромов, доставлять строительные материалы, оборудовать жилые и служебные помещения, организовывать питание летного и технического состава (более 3 тыс. человек), завезти на аэродромы большое количество бензина, создать различные вспомогательные службы. Многие вопросы приходилось решать в короткие сроки. С 7 октября 1942 г. авиатрасса уже использовалась по своему назначению, началась перегонка боевых самолетов с Аляски.

Летчики США пилотировали до Фэрбенкса. На этой авиабазе находилась советская военная миссия по приемке самолетов под руководством полковника М. Мачина. Ее летный и технический персонал с помощью специалистов с обеих сторон осваивал передаваемые самолеты. Большие осложнения возникали из-за языкового барьера, однако советские летчики и техники, движимые желанием максимально помочь фронту, быстро справлялись с порученным делом. Инструкторы-американцы только удивлялись их способностям. Перегонку самолетов осуществляли эстафетным методом.

Из-за того что зимой в Сибири морозы достигали 60 градусов, а в районе Оймякона доходили до 70, самолеты на аэродромах покрывались ледяной коркой. Масло и смазка становились твердыми как камень, резина — хрупкой, лопались шланги, выводя из строя

тормоза и гидравлику. Ангаров не было, поэтому все работы выполнялись под открытым небом. Часто в качестве подогревателей использовали большие примусы и бочки изпод бензина. В короткое летнее время возникали иные трудности: туманы, облачность, москиты, лесные пожары заволакивали густым дымом большие пространства.

Вначале американцы поставляли самолеты, резина на которых не выдерживала даже слабых морозов. Наркомат внешней торговли СССР направил в США рецептуры отечественной морозостойкой резины. Рекомендации советской стороны были учтены.

За время войны по трассе Фэрбенкс — Красноярск было переправлено 7925 самолетов. Это более 50% из 14 203 самолетов, поставленных из США в СССР. По мнению многих фронтовиков, лучшим из этих самолетов был истребитель «Эркобра». После разгрома Японии через некоторое время авиатрасса прекратила свое существование.

Наиболее стабильным путем доставки военных грузов на всем протяжении Великой Отечественной войны являлось дальневосточное направление, по которому поступило более 8 млн. т, т.е. почти половина общего количества грузов. Грузы поступали во Владивосток, Петропавловск-Камчатский, Нагаево (Магадан), Комсомольск-на-Амуре, Находку, Хабаровск и другие порты.

Из портов Калифорнии грузы через Тихий океан доставлялись, как правило, транспортом, укомплектованными советскими гражданскими экипажами. Они шли под государственным флагом СССР. Опасностей было немало. В нейтральных и советских территориальных водах японскими кораблями было потоплено три транспорта и один рыболовный траулер по ошибке — американскими подлодками. Транспорты шли без охраны, поодиночке.

Через Тихий океан в 1944—1945 гг. приходили и американские корабли, переданные по ленд-лизу ВМФ СССР. За годы войны по этой программе в состав Тихоокеанского флота поступило 277 боевых кораблей и судов. Кроме того, за это же время в местные морские и речные пароходства и предприятия Главсевморпути прибыло по ленд-лизу около 150 судов.

Количество и порядок доставки вооружения и материалов по ленд-лизу уста-

навливались специальными протоколами, принятыми представителями США, СССР, Великобритании и Канады на совместных конференциях. Кроме Московского протокола квоты ленд-лиза на определенные сроки определялись Вашингтонским от 6 октября 1942 г., Лондонским от 19 октября 1943 г. и Оттавским от 17 апреля 1945 г. протоколами.

По этим направлениям в 1941—1945 гг. в СССР из США, Англии, Канады поступило 18 300 самолетов, 11 900 танков, 13 тыс. зенитных и противотанковых орудий, 427 тыс. автомобилей. Кроме вооружения СССР получил по ленд-лизу 345 тыс. т горюче-смазочных материалов, взрывчатых веществ, 842 тыс. т химического сырья, 4,3 млн. т продовольствия, столь необходимых для успешного ведения войны. Каков вклад вооружений и других материалов, присланных союзниками, в достижение победы над врагом? Эти вопросы сохраняют актуальность и ныне. Какое место занимали поставки по ленд-лизу в экономике СССР военных лет? И это не случайно. Холодная война наложила отпечаток на освещение роли ленд-лиза как в СССР, так и на Западе. В 60—80-е годы многие западные историки придерживались версии, в соответствии с которой решающую роль в победе СССР над Германией сыграл именно ленд-лиз, хотя в их трудах содержалось немало сведений, раскрывавших истинную картину поставок западных держав в СССР.

В свою очередь, многие советские историки указывали на то, что поставки по ленд-лизу составляли лишь 4% по отношению к продукции отечественной промышленности и сельского хозяйства. В качестве доказательства они сравнивали производимую в СССР военную технику и оружие с поступлениями из США, Англии и Канады.

Чтобы объективно оценить роль ленд-лиза для СССР, важное значение имеют не только количественные показатели, но и такие критерии, как качество материалов и оборудования, своевременность доставки на фронт, их значимость и т.д. Тем более недопустимо измерять по одной и той же шкале ценностей поставки военных материалов и жертвы советского народа, который прокладывал путь к победе над общим врагом. В годы войны и после нее эту мысль

не раз подчеркивали крупные государственные деятели США. «Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на восточном фронте, — отмечал Гарри Гопкинс, ближайший советник президента Рузвельта. — Она была достигнута героизмом и кровью русской армии». Государственный секретарь Э. Стеттиниус, оценивая роль ленд-лиза, писал: «За эту помощь русские уже заплатили цену, которая не поддается измерению в долларах или тоннах. Это — миллионы нацистских солдат, убитых или взятых в плен, нацистские танки, превращенные в груды железного лома на поле боя, пушки и грузовики, брошенные отступающими германскими армиями». Президенту США Трумэну принадлежат слова: «Ленд-лиз для США выгоден, так как он позволяет спасти жизни миллионов американцев», президенту Рузвельту: «Ленд-лиз работает на Америку на русском фронте».

Документы и свидетельства, ставшие доступными в последние годы, дают возможность более объективно оценить роль ленд-лиза. Если общий объем поставок составлял 4% валового продукта народного хозяйства СССР, то по отдельным видам вооружений и оборудования, порой весьма ценного, он был намного выше. Так, в годы войны советская авиационная промышленность выпустила 122,1 тыс. самолетов всех типов, а по ленд-лизу поступило 18 300, т.е. 15% всего самолетного парка. Поставленные союзниками танки составили 12% от объема выпуска советских танковых заводов. И хотя по своим боевым качествам даже лучшие из них (например, М4-А2 «Шерман») уступали таким советским танкам, как Т-34, КВ-1, ИС, первые партии, прибывшие в конце 1941 г. (501 танк), сыграли немалую роль. То было время, когда каждый танк был на счету. Важными для Красной Армии и народного хозяйства стали поставки автомобилей. По мнению историка А. С. Орлова, 427 тыс. машин (в СССР за войну произведено 219 тыс., многие машиностроительные заводы переключились на выпуск другой военной техники) придали Красной Армии мобильность и подвижность, столь необходимые в наступательных операциях 1943—1945 гг. Они составили 70% всех автомобилей, которыми распола-

гала Красная Армия. По американским данным, используемым и в нашей исторической литературе, они составили 401,4 тыс. Бывший начальник Тыла Красной Армии генерал армии А. В. Хрулев называл цифру 378 тыс., а остальные были потоплены противником во время морских перевозок. Такого же мнения придерживался и А. И. Микоян.

В военные годы существенную помощь по ленд-лизу получил и советский ВМФ — 596 боевых кораблей и судов, или 22% от общего количества кораблей и судов, произведенных тогда отечественной промышленностью.

Немалое значение для ведения вооруженной борьбы имели поставленные союзниками мотоциклы, средства радио- и телефонной связи, автоматическое оружие и противотанковые ружья и т.д.

Наращивание собственного производства оружия и военной техники с использованием сырья и материалов, станков и оборудования, поступавших по ленд-лизу, сыграло, пожалуй, не меньшую роль, чем готовая американская и английская техника и оружие. Свою роль играл и обмен военно-технической информацией с союзниками в соответствии с американским законом о ленд-лизе.

Ухудшение отношений между западными державами и СССР, которое все явственнее просматривалось в конце войны в Европе, особенно после смерти Рузвельта (12 апреля 1945 г.), отразилось и на программе ленд-лиза. 11 мая 1945 г. президент США Трумэн распорядился приостановить эти поставки в СССР. После разгрома Японии поставки по ленд-лизу прекратились.

По признанию американцев, ленд-лиз приносил немалые выгоды самим США. «Поставками из СССР, — отмечал бывший министр торговли США Дж. Джонс, — мы не только возвращали свои деньги, но и извлекали прибыль, что было далеко не частным случаем в торговых отношениях, регулируемых нашими государственными органами». Ленд-лиз оказался источником обогащения американских монополий. Подводя итоги в своей книге, посвященной помощи СССР в годы войны, американский историк Дж. Херринг пишет: «Ленд-лиз не был... самым бескорыстным актом в истории человечества... Это был акт расчетливого эгоизма, и американцы всегда ясно пред-

ставляли себе выгоды, которые они могут из него извлечь»¹.

Выгоды, очевидно, были немалые. И не только от ленд-лиза. Ведь единственной страной антигитлеровской коалиции, получившей весомый экономический выигрыш от войны, были США. Недаром в Соединенных Штатах минувшую войну называют хорошей войной. И, видимо, не случайно автор труда «Хорошая война: устная история второй мировой войны» по этому поводу отмечает: «Почти весь мир во время войны испытал страшные потрясения, ужасы и был почти уничтожен. Мы же вышли из войны, имея в наличии невероятную технику, орудия труда, рабочую силу и деньги. Для большинства американцев война оказалась забавой...

Я не говорю о тех несчастных, которые потеряли своих сыновей и дочерей. Однако для всех остальных это было чертовски хорошее время»².

Нужно отметить, что и Советский Союз по мере сил помогал своим партнерам по антигитлеровской коалиции. США получили из СССР 300 тыс. т хромовой руды, 32 тыс. т марганцевой руды, значительное количество платины, золота и т.д. на общую сумму 2,2 млн. долларов.

3.8. Основные направления фальсификации истории Великой Отечественной войны

3.8.1. Миф о «превентивной войне».

У истоков мифа о «превентивной войне» стоял сам Гитлер. Стремясь обнажить корни этого мифа, западногерманский историк Ю. Ферстер опубликовал обнаруженный им в архиве документ — директиву верховного командования вермахта от 21 июня 1941 г., предназначенную отделу пропаганды. Названному отделу предписывалось исходить из того, что якобы «русские наступают, изготавившись к прыжку», и поэтому-де немецкое наступление является «абсолютной военной необходимостью». Именно отсюда, восклицает Ферстер, «ведут свое происхож-

¹Herring J. Aid to Russia, 1941—1946. New York ; London, 1973. P. 293.

²Terkel S. «The Good war». An oral history of World war two. New York, 1984.

дение все установки о превентивной войне Германии против Советского Союза».

Миф о «превентивной войне» появился сразу после окончания войны в работах бывших генералов и офицеров вермахта, а также чиновников третьего рейха, стремившихся оправдать свое участие, часто активное, в подготовке и осуществлении плана «Барбаросса». Они заявляли, что Сталин был намерен завоевать всю Европу. И если бы Сталин не напал на Германию в 1941 г., то непременно сделал бы это позднее, поэтому они поддержали «решение Гитлера начать превентивную войну с целью сдерживания советской экспансии». Германия в выступлениях этих авторов рисовалась как «хранительница Европы», «барьер против распространения коммунистического панславизма».

В 1950-е годы неонацисты в ФРГ пытались возродить этот тезис, однако цели они не достигли. В течение 30 лет об этом мифе не вспоминали. Реанимация гитлеровского тезиса о «превентивной войне» в 80-х годах XX века связана с именем бывшего капитана ГРУ СССР В. Б. Резуна (псевдоним «Виктор Суворов»), сбежавшего в 1978 г. в Великобританию. Весной 1985 г. дискуссия приняла неожиданное направление, когда мало известный до той поры Виктор Суворов поместил в издаваемой в Париже газете русских эмигрантов «Русская мысль» сенсационную статью. Израильский исследователь Г. Городецкий считает, что «Суворов избрал интеллектуальный орган белоэмигрантов, чтобы начать крестовый поход против святая святых русской истории — Великой Отечественной войны». Автор изобразил Советский Союз не жертвой, а виновником войны, утверждая, что в июле 1941 г. Сталин был готов к неожиданному нападению на нацистскую Германию, а Гитлер лишь опередил его.

Опубликованная затем в английском журнале статья не вызвала здесь большого интереса и была забыта. Вряд ли выступление Суворова было бы серьезно воспринято в академических кругах, если бы оно не совпало по времени со «спором историков» — бурными дебатами о характере и ходе развития немецкой истории и природе германского национализма. Признание в Германии его взглядов — в основном по политическим соображениям — вдохновило автора на изложение их в виде книги.

Повторяя измышления геббельсовской пропаганды, автор без приведения новых источников утверждает, будто СССР планировал напасть на Германию 6 июля 1941 г. (операция «Гроза»). В следующей своей книге «День-М» он возлагает ответственность на Советский Союз не только за вторжение немцев в Россию, но и за развязывание Второй мировой войны. Война, по его мнению, была вызвана советскими мероприятиями по мобилизации, систематически проводившимися с лета 1939 г. Он пишет, что 19 августа 1939 г. Сталин начал Вторую мировую войну, когда отдал приказ о тайной мобилизации.

Российские и зарубежные ученые неоднократно отмечали, что В. Суворов слабо использует документальную базу, тенденциозно цитирует мемуарную литературу, искажает факты, произвольно трактует события. Тем не менее сочинения Суворова в нашей стране издаются миллионными тиражами. Вряд ли справедливо объяснить это обстоятельство только читательским спросом и относительной дешевизной книг В. Суворова. Историк Б. А. Томан считает, что «шумиха, поднятая в нашей стране вокруг «творчества» В. Суворова, чрезмерна. Впрочем, «суворовский бум» — лишь часть широкого потока «разоблачительной» поверхностной литературы, связанной с острой нехваткой научных и вместе с тем популярных и занимательно написанных исторических трудов». По мнению Дж. Эриксона, «издание этой книги в России — недостойное дело».

В. Суворов — не историк, не мемуарист, а изменник. Израильский историк Г. Городецкий пишет, что «стало знаменем времени, что такие люди, как Резун, ранее пользовавшиеся привилегиями, полагающимися «номенклатуре», стремятся в заново родившейся России быть приравненными к истинным диссидентам и критикам режима, как, например, Андрей Сахаров, — людям, дорого заплатившим за свои убеждения. Суворов предал систему, и его действия заставляют поставить вопрос о моральной чистоплотности личности. Чтобы опровергнуть какие-либо обвинения в предательстве, Суворов рассказывает о себе в приукрашенных тонах». По заданной схеме подобраны многочисленные повторяющиеся друг друга све-

дения, давно опубликованные в СССР и за рубежом, но представленные тенденциозно, сенсационно. Например, Гитлер изображен как инструмент в руках Сталина — «Ледокол» мировой революции. Из книги выпали Гитлер, фашизм, нацистская партия, их цели, программа нападения на европейские страны, потом СССР, сами походы.

В книге Резуна сознательно преувеличиваются боевые возможности РККА в 1941 г. и способности военно-политического руководства СССР, по вине которого советские войска оказались неспособными ни наступать, ни обороняться.

В этой работе использован совершенно ненаучный прием, когда деятельность Сталина оценивается не по его реально совершенным делам и даже не по его планам (документально никто их не установил), а по тому, что он мог совершить.

Источниковая база книг ничтожна. По собственному признанию автора, он не пользуется архивными материалами. В США, Англии, ФРГ, Израиле еще в 1990—1991 гг. вышли уничтожающие рецензии на «Ледокол». Серьезные западные исследователи — израильский историк Г. Городецкий, авторитетные германские специалисты по Второй мировой войне Дейст, Мессершмидт, Ферстер, Мюллер, Якобсен и другие отвергают подобные версии. Много сделал для опровержения абсурдных идей В. Суворова крупный специалист по международным вопросам Г. Городецкий. Он пишет, что «восторженный прием «Ледокола» в России и нежелание российских военных историков и специалистов по истории дипломатии ответить ему заставили меня опубликовать в Москве развернутое опровержение под названием «Миф “Ледокола”» (1995). Вторая его серьезная монография, посвященная освещению политики Сталина накануне войны, была опубликована в Москве в 1999 г. под названием «Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз». По мнению Г. Городецкого, «как проза, книга Суворова, бесспорно, интересна. Но это значит, что, будучи чем-то средним между художественным и научно-популярным произведением, эта книга не представляет важности для историков... Если говорить о «вкладе» Суворова в историю Второй мировой войны,

то чем скорее историки откажутся от его нелепых аргументов и перейдут к исторически обоснованной дискуссии, тем лучше». Германский историк Г. А. Якобсен отмечает, что «в конце концов, согласно версии Суворова, получается, что Гитлер ни в чем не виновен, поскольку он якобы нанес Советскому Союзу лишь «превентивный удар» и притом в наиболее подходящий момент».

На нацистское происхождение постулата о «превентивной войне» обращает внимание В. Ветте: «С помощью этого тезиса гитлеровский режим надеялся избавиться от обвинений в агрессивной политике в глазах мирового сообщества и, в особенности, в глазах собственного народа».

После выхода книги В. Суворова «Ледокол» весной 1989 г. в ФРГ, затем в других странах его версия была тщательно рассмотрена ведущими историками ФРГ. Профессор Б. Бонвеч (Бохумский университет), известный специалист по истории России и стран Восточной Европы, писал, что «указанное сочинение, претендующее на документальность, на деле относится к вполне определенному жанру литературы, стремящейся снять с Германии вину за агрессивную войну». В политике Сталина накануне 22 июня 1941 г. многое, отмечает Бонвеч, «заслуживает критики и резких оценок, но план нападения СССР на Германию не принадлежит к списку его прегрешений». Б. Вегнер (Фрайбург) считает, что проблема «превентивной войны» давно уже решена в научном отношении и имеет ныне смысл «политико-идеологического спора».

В современных научных публикациях Германии последовательно опровергается тезис нацистской пропаганды о превентивном характере войны нацистской Германии против Советского Союза. Примерами могут служить книга В. Бенца о гитлеровской «войне на уничтожение» и работа Б. Пиетров-Эннкер о советской внешней политике 1940—1941 гг., в которых неопровержимо доказывается неприемлемость конструкций Топича, Хоффмана и Суворова. Австрийский философ Топич в книге «Война Сталина» (Мюнхен, 1985) пишет, что «политический смысл Второй мировой войны сводится к агрессии Советского Союза против западных демократий, а роль Германии и

Японии состояла в том, что они служили военным инструментом Кремля». По мнению западногерманского историка Г. Юбершера, Топич приходит к абсурдному выводу, что советское руководство якобы «само спровоцировало Гитлера на нападение, дабы предстать перед всем миром в качестве жертвы агрессии». Юбершер считает, что «модифицированные версии» о «превентивной войне» не имеют никакой научной ценности, они лишены документальной основы и не нашли поддержки в серьезной исторической литературе по проблематике Второй мировой войны».

В Западной Германии идеи Суворова поддерживают четыре исследователя: Хоффман, Пост, Мазер и философ Нольте. Только Хоффман знает русский язык и работал в российских архивах. По мнению Г. Городецкого, в Германии «Ледокол» помог профессорам Нольте, Хоффману, Мазеру и Посту «простить» Гитлеру поход на Восток как упреждающий удар. Война оправдывается германскими геополитическими интересами и угрозой, которую ненавистный сталинский режим представлял для Германии и цивилизованного западного мира.

В России взглядов В. Суворова придерживаются частично или полностью М. И. Мельтюхов, В. Д. Данилов, П. Н. Бобылев, В. А. Небезин, которые утверждают, что в 1941 г. Красная Армия готовилась нанести упреждающий удар по вооруженным силам Германии и ее союзников в соответствии с планом, разработанным Генеральным штабом РККА не позднее 15 мая 1941 г., одобренным И. В. Сталину и в принципе им одобренным. Их взгляды были подвергнуты резкой критике со стороны отечественных исследователей. Д. А. Волкогонов, М. А. Гарева, Ю. А. Горьков, В. А. Анфилов, О. В. Вишнев и другие утверждают, что в 1941 г. Советский Союз не готовил нападение на Германию. А планы, которые разрабатывались в Генштабе накануне войны, были исключительно оборонительными. Майский же вариант плана, в котором предлагалось атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск, являлся всего лишь черновиком и не был утвержден со-

ветским руководством, так как в нем нет никаких подписей. Более того, сторонниками этой точки зрения высказывались суждения о том, что в 1941 г. Красная Армия не смогла должным образом подготовиться не только к наступлению, но даже к обороне.

Большинство российских историков обращают внимание на неоправданное отождествление в работах сторонников «ледокольной» концепции понятий «наступление» и «агрессия». Например, А. Н. и Л. А. Мерцаловы подчеркнули, что в военной науке принято различать эти понятия. Еще в начале XIX века крупнейшими европейскими военными теоретиками А. Жомини и К. Клаузевицем было показано, что характер войны определяется целями воюющих сторон, а не способами действий их армий. В справедливой и несправедливой, захватнической или освободительной войне армия может и наступать, и обороняться. А любой Генеральный штаб обязан разрабатывать всевозможные варианты военных действий. В частности, К. Клаузевиц писал и о «прекрасном использовании упреждения в готовности» как «преимущество наступления». Так что наступательное — не значит агрессивное. «Действия государства по отражению агрессии или по пресечению агрессии, даже если они являются наступательными, не могут рассматриваться как нарушение норм международного права», — пишут авторы «Военной энциклопедии».

М. А. Гареев, генерал армии, профессор, пишет, что «многие обстоятельства кануна 22 июня свидетельствуют о том, что упреждающий удар со стороны СССР в 1941 г. был практически исключен и не мог быть реализован, если даже какие-то проработки такого способа действий были в Генштабе».

3.8.2. Миф о решающем вкладе США в разгром Германии и ее союзников. Американские историки Хогген, Цимке и ряд других утверждают, что США воевали на ряде фронтов, поэтому их вклад в победу является преобладающим.

В дни празднования 50-летия Победы во Второй мировой войне 67% респондентов в шести европейских странах, не задумываясь, ответили, что решающую роль в разгроме нацистской Германии сыграли Соединенные Штаты Америки. Умаление вклада

да СССР и непомерное преувеличение роли союзных держав во Второй мировой войне — одно из последствий холодной войны. Ведь в течение почти полувека политики, а вслед за ними публицисты и историки Запада преднамеренно искажали истинное положение вещей, принижая вклад Советского Союза в общую Победу.

Когда третий рейх угрожал всему миру, многие видные государственные деятели Западной Европы и Америки подчеркивали ведущую роль СССР в борьбе с агрессором. Так, Президент США Ф. Рузвельт в апреле 1942 г., выступая по радио, заявил: «Русские войска уничтожили и уничтожают больше вооруженных сил наших врагов... чем все остальные Объединенные Нации вместе взятые». А верховный главнокомандующий вооруженными экспедиционными силами союзников в Западной Европе генерал Д. Эйзенхауэр в феврале 1944 г. подчеркнул, что «мир стал свидетелем одного из самых доблестных в истории подвигов оборонительной войны, когда солдаты русской армии приняли на себя всю мощь ударов нацистской военной машины и окончательно остановили ее».

Советско-германский фронт в четыре раза превосходил общие размеры североафриканского, итальянского и западного. Общая протяженность советско-германского фронта в отдельные периоды достигала 2,2—6,0 тыс. км, в то время как протяженность североафриканского и итальянского фронтов — 300—350 км, фронта в Западной Европе — до 800 км. Если англо-американские войска нанесли поражение 176 соединениям вермахта, причем большинство из них на завершающем этапе войны, когда судьба нацистской Германии была предрешена, то Красная Армия и ВМФ разгромили 607 дивизий, составлявших главные силы третьего рейха. И не случайно из общего количества убитых, пленных и раненых, потерянных Германией во Второй мировой войне, 73% приходится именно на советско-германский фронт. Германия потеряла в войне против СССР 10 млн. человек от своих общих потерь в 13,6 млн. человек. Если против Красной Армии одновременно действовало от 190 до 270 самых боеспособных дивизий фашистского блока, то войскам за-

падных союзников противостояло в Северной Африке от 9 до 26 дивизий, в Италии — от 7 до 26, в Западной Европе — от 56 до 75.

На советско-германском фронте была уничтожена и основная часть военной техники вермахта: до 75% танков и штурмовых орудий, более 75% авиации, 74% артиллерийских орудий. По подсчетам историка из Кембриджского университета Д. Рейнольдса, между июнем 1941 и июнем 1944 г., т.е. до высадки англо-американских войск во Франции, 93% общих потерь немецкие войска понесли в боях с Красной Армией. Именно на советско-германском фронте потерпела крах немецкая стратегия молниеносной войны, именно здесь в 1942—1943 гг. произошел коренной перелом в ходе военных действий в пользу всей антигитлеровской коалиции государств.

О том, как различалось сопротивление немецких войск на западе и востоке на заключительном этапе войны, свидетельствует запись в дневнике, сделанная министром пропаганды Й. Геббельсом 27 марта 1945 г.: «В настоящий момент военные действия на западе являются для противника более чем детской забавой. Ни войска, ни гражданское население не оказывают ему организованного и мужественного сопротивления, так что американцы — они особенно — имеют возможность разъезжать повсюду... население выходит навстречу американцам с белыми флагами; некоторые женщины опускаются до того, что приветствуют и даже обнима-

ют американцев. При таких обстоятельствах войска не хотят больше сражаться и отходят назад без сопротивления или сдаются».

Об ожесточенности боевых действий на советско-германском фронте говорит и тот факт, что только сухопутные войска и ВВС Красной Армии израсходовали свыше 10 млн. т боеприпасов, 13,4 млн. т горючего, около 40 млн. т продовольствия и фуража. В среднем в советских войсках ежедневно выбывало из строя 11 тыс. единиц стрелкового оружия, 68 танков, 224 орудия и миномета, 30 самолетов. Эти огромнейшие объемы произведенных, а затем брошенных во всепоглощающую топку войны материальных средств более чем красноречиво свидетельствуют о непрерывном напряжении, которое испытал в годы нацистского нашествия тыл страны, о великом подвиге советских людей, совершенном им еще на одном фронте — трудовом.

После подписания Акта о капитуляции Германии Маршал Советского Союза Г. К. Жуков обратился к высшим авиационным начальникам американского и английского командования — генералу К. Спаатсу и маршалу авиации А. Теддеру с таким тостом: «Пью за ваше здоровье от имени наших солдат, которым для того, чтобы увидеть результаты вашей работы, пришлось дойти до Берлина своими ногами». За этими словами стоял истинный смысл, определивший реальный вклад в победу советских вооруженных сил.

4. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рекомендуемые источники: 70; 71; 87; 173; 191.

Рекомендуемая литература: 10; 14; 15; 29; 31; 32; 35; 40; 82; 112; 110; 111; 119; 136; 139; 169; 232.

4.1. Нападение фашистской Германии на Советский Союз

На рассвете 22 июня 1941 г. фашистская Германия, вероломно нарушив договор о ненападении, вместе со своими союзниками по плану «Барбаросса» (директива № 21) совершила акт вооруженной агрессии против СССР, получив в результате весьма значительные преимущества.

Гитлеровское руководство приступило к разработке плана нападения на СССР в июле 1940 г. 18 декабря 1940 г. план молниеносной войны против Советского Союза (план «блицкриг») был подписан Гитлером. В переводе на русский язык «Барбаросса» означает «Рыжая борода». «Рыжебородый» — такое прозвище имел воинственный германский император Фридрих I, живший в XII веке и прославившийся своими походами на восток. Гитлеровское командование планировало 15 августа овладеть советской столицей, 1 октября завершить войну против СССР. Основное содержание плана «Барбаросса» стало известно советскому политическому и военному руководству через 11 дней после утверждения его Гитлером. План «Барбаросса» был изготовлен лишь в девяти экземплярах: из них 3 вручены командованию сухопутных войск, ВВС, ВМФ, а 6 — закрыты в сейфах ОКВ (верховного главнокомандования вермахта).

Армия вторжения насчитывала 5,5 миллиона человек, 4,3 тыс. танков и штурмовых орудий, 4980 боевых самолетов, 47,2 тыс. орудий и минометов. Ей противостояли силы пяти советских западных пригранич-

ных военных округов и трех флотов. Они в 1,7 раза уступали противнику в людях, имели несколько меньшее количество артиллерии. Однако Красная Армия располагала значительным количественным перевесом в танках и самолетах, правда, устаревших образцов (табл. 1).

Таблица 1
Соотношение сил на 22 июня 1941 г. на западной границе

	Люди, млн. человек	Орудия и минометы, тыс. шт.	Танки и САУ, тыс. шт.	Самолеты, тыс. ед.	Дивизии
СССР	3,0	39,4	11,0 (исправные) 1475 новых	9,1 (1540 новых)	186
Германия	5,5	47,2	4,3	4,98	190

По плану «Барбаросса» группа армий «Север» (командующий — генерал-фельдмаршал В. Лееб) в составе 16-й и 18-й полевых армий и 4-х танковых групп (всего 29 дивизий) при поддержке 1-го воздушного флота наступала из территории Восточной Пруссии в направлении Прибалтики, Ленинграда. Цель — разгром советских войск в Прибалтике. В полосе группы армий «Север» немцы имели довольно значительное превосходство в живой силе и артиллерии, но уступали в танках и авиации.

Группа армий «Центр» (командующий — генерал-фельдмаршал Ф. Бок) в составе 4-й и 9-й полевых армий, 2-й и 3-й танковых групп (всего 50 дивизий и 2 бригады) при поддержке 2-го воздушного флота наступала из территории Польши и должна была рассечь фронт советской армии, окружить и

уничтожить войска Красной Армии в Белоруссии и развивать наступление на Москву (Минск — Смоленск — Москва). Группа эта была сильнейшей на всем фронте. Здесь было сосредоточено 40,2% всех дивизий, развернутых от Баренцева до Черного моря (в том числе 42,8% моторизованных и 52,9% танковых). Немцы имели значительное превосходство в живой силе и некоторое в артиллерии, но уступали в танках и самолетах.

Группа армий «Юг» (командующий — генерал-фельдмаршал Г. Рундштедт) — всего 57 немецких, румынских и венгерских дивизий и 13 бригад — наступала при поддержке 4-го воздушного флота и румынской авиации. Цель — захват Украины, Крыма и Кавказа. В полосе группы армий «Юг» соотношение сил было менее благоприятным для немцев. По личному составу оно составляло 1,2 : 1; по орудиям и минометам 1,4 : 1; по средним (Т-34) и тяжелым (КВ) танкам 3,5 : 1; по легким танкам (Т-26, БТ-7) — 5 : 1; по самолетам — 2,5 : 1 в нашу пользу. Уже одно это сопоставление показывает, что причины поражений крылись не столько в соотношении сил, сколько в способности распорядиться ими.

На территории Норвегии и Финляндии были развернуты немецкая армия «Норвегия» (командующий — генерал фон Дитл) и 2 финские армии под командованием фельдмаршала Маннергейма¹ (всего 21 дивизия и 2 бригады), поддерживаемые немецким воздушным флотом и финской авиацией. Армия «Норвегия» должна была овладеть Мурманском и Полярным, а финские войска — содействовать группе «Север» в захвате Ленинграда.

Однако наши войска были рассредоточены на большой территории вдоль границы и до 400 км в глубину. Вследствие этого части 1-го эшелона войск прикрытия значительно уступали противнику, войска которо-

¹ Фельдмаршал Маннергейм (1867—1951) прошел путь от офицера лейб-гвардии императора России Николая II до главнокомандующего вооруженными силами Финляндии. В этом качестве он дважды возглавлял армию Финляндии в войне против России в течение Второй мировой войны, а после ее окончания, будучи главой государства, составил первый проект договора о дружбе и взаимоотношениях между двумя странами. Пост президента Финляндской Республики занимал дважды — в 1919 и в 1944 гг. (в 77 лет).

го были развернуты непосредственно у границы. Подобное расположение наших войск позволяло громить их по частям. На направлениях главных ударов немецкое командование смогло создать значительное превосходство над нашими войсками, особенно в полосе «Центр».

В значительной мере это объясняется общими представлениями нашего политического и военного руководства о характере будущей войны. Оно считало, что война начнется так же, как и в 1914 г.: сначала в дело вступят войска прикрытия, а лишь затем главные силы. В рамках такой концепции начало войны не должно было совпасть с началом военных действий основных сил сторон. По предвоенным оценкам, у нас в запасе должно было быть от 10 до 15 дней. Однако к июню 1941 г. этот взгляд уже устарел, но не был пересмотрен.

В первом эшелоне армий гитлеровское командование развернуло 103 дивизии, в том числе 10 танковых. В первом же эшелоне наших армий прикрытия имелось только 56 стрелковых и кавалерийских дивизий. Во втором эшелоне — 52, в резерве — 62 дивизии. Подавляющим оказалось превосходство немецко-фашистских войск на направлениях главных ударов. К исходу первого дня войны их мощные танковые группировки на многих участках фронта вклинились в глубь советской территории от 25 до 35, а местами даже до 50 км.

Директива о приведении войск в боевую готовность поступила по телеграфу в 23 часа 45 минут 21 июня, т.е. за 4 часа 15 минут до начала войны. В ней указывалось, что 22—23 июня возможно нападение немецкой армии, которое, по всей вероятности, начнется с провокационных действий. Руководство Наркомата обороны, приказав привести в боевую готовность все части приграничных округов, в то же время потребовало не поддаваться ни на какие провокации, «могущие вызвать крупные осложнения».

Директива № 1, подписанная С. К. Тимошенко, Г. К. Жуковым и Г. М. Маленковым, отличалась многословием, но в ней отсутствовало главное — конкретность. Через полтора часа после получения директивы командующие округами направили свои приказы армиям. Но во многие соединения

и части они поступили с большим опозданием, уже после начала боевых действий. Немецкая группа армий «Центр» перехватила тревожный запрос советского военного передатчика: «Нас обстреливают, что мы должны делать?» В ответ из штаба последовал ответ: «Вы, должно быть, нездоровы. И почему ваше сообщение не закодировано?».

В 3 часа по местному (в 4 часа по московскому) времени 22 июня 1941 г. сотни германских самолетов вторглись в безоблачное небо над западными районами Советского Союза, неся смертоносный груз на наши города, села и военные объекты. Первые сообщения о вторжении германских войск на советскую территорию поступили от пограничников. В Москве, в Генеральном штабе, информация о перелете вражеских самолетов через западную границу СССР была принята в 3 часа 7 минут. Немецкие самолеты устремились на бомбардировку важных объектов по всей приграничной полосе — от Баренцева моря до Черного. Воздушным налетам подверглись многие города, в их числе Мурманск, Рига, Каунас, Минск, Смоленск, Киев, а также военно-морские базы Кронштадт, Измаил, Севастополь. В 3 часа 15 минут тысячи орудий и минометов германской армии открыли огонь по пограничным заставам и расположению советских войск. Около 4 часов утра начальник Генерального штаба Г. К. Жуков позвонил Сталину и доложил о случившемся. Одновременно, уже открытым текстом, Генеральный штаб сообщил в штабы военных округов, объединений и крупных соединений о нападении Германии. Узнав о нападении, Сталин созвал на совещание высших военных, партийных и государственных деятелей. В 5 часов 45 минут к нему в кабинет прибыли В. М. Молотов, Л. П. Берия, С. К. Тимошенко, Л. З. Мехлис и Г. К. Жуков. К 7 часам 15 минутам была выработана директива Главного военного совета № 2, которая от имени наркома обороны требовала: «... войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения границу не переходить».

Первыми удары фашистской армии приняли на себя пограничники. События в полосе Западного фронта разворачивались

самым трагическим образом. Еще в ходе артиллерийской подготовки немцы захватили мосты через Западный Буг, в том числе и в районе Бреста. Первыми пересекли границу штурмовые группы с задачей буквально в течение получаса захватить пограничные заставы. Однако пограничники сорвали эти планы. Они проявили необычайную стойкость и мужество. Не нашлось ни одной пограничной заставы, которая не оказала бы врагу упорного сопротивления. Вооруженные только винтовками и пулеметами, пограничники стояли насмерть. Немцам пришлось вводить главные силы дивизий.

Вот уже 10 часов ведет бой с противником у с. Выбранка на берегу Западного Буга пограничная застава старшего лейтенанта Максимова. Немцы проводят артподготовку, потом переходят в наступление. Но пограничники не сдаются. Последний из оставшихся в живых старшина Пархоменко, уже раненый, бросает гранату в проезжающую мимо немецкую штабную машину. Взрыв. Вокруг разбитой машины валяются трупы немецких солдат и офицеров, среди них полковник и подполковник.

До 2 июля сражались с врагом пограничники 13-й заставы 90-го Владимир-Волынского отряда, которым командовал коммунист лейтенант А. В. Лопатин. Только после подкопа под здание комендатуры и взрыва его вместе с гарнизоном советских бойцов гитлеровцам удалось овладеть заставой.

До последнего патрона вели бой пограничники 17-й заставы Рава-Русского пограничного отряда; когда боеприпасы кончились, воины заставы во главе с лейтенантом Ф. В. Мориним с пением «Интернационала» бросились в последнюю штыковую атаку.

Все знают подвиг Брестской крепости, которая держалась месяц. Фронт в это время уже находился под Смоленском. Обороняли Брестскую крепость воины более 30 национальностей. Летом 1943 г. капитан Иоганн Вестман в Брестской крепости писал в дневнике: «Иногда ночью нас обстреливают русские, которые прячутся в казематах крепости. Говорят, их не больше пяти человек, но мы не можем их найти. Как им удается жить там два года без воды и питья? Я этого не знаю».

Замечательным примером мужества и героизма стала также оборона Лиепаи на

Балтике. Части 67-й дивизии под командованием генерал-майора Н. А. Дедаева, пограничники и моряки военно-морской базы, рабочие отряды, возглавляемые секретарями горкома ВКП(б) М. Я. Букой и Я. Т. Зарсом, вплоть до 1 июля сдерживали численно превосходящие силы врага. Гитлеровцы смогли захватить Лиенау лишь после того, как советские войска исчерпали все возможности для ее обороны.

Перемышль оставили после тяжелых боев по приказу командования к концу 1 дня войны. Но уже на следующее утро внезапным контрударом части 99-й стрелковой дивизии совместно с пограничниками освободили Перемышль и удерживали его в течение 5 дней.

Даже врага поразила сила сопротивления воинов Красной Армии. Так, начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Гальдер записал в своем дневнике 29 июня 1941 г.: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека...». 6 июля Гальдер сделал следующую запись: «Из частей сообщают, что на отдельных участках экипажи танков противника покидают свои машины, но в большинстве случаев запираются в танках и предпочитают сжечь себя вместе с машинами».

Уже в 1941 г. 5 воинов Красной Армии грудью закрыли огневую точку противника. Как свидетельствуют документы, первым, кто закрыл своим телом огневую точку, был политрук танковой роты 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии Александр Панкратов, бывший рабочий из Вологды. 24 августа 1941 г. в бою за Кирилловский монастырь под Новгородом он в ходе боя, израсходовав все патроны и гранаты, бросился на вражеский пулемет.

В 1942 г. 26 человек совершили аналогичный подвиг, в 1943 г. — до 27 февраля, до подвига А. Матросова, — 13. А всего за годы войны 204 человека, по данным историка А. Г. Куманева, совершили аналогичный подвиг. 133 из них удостоены звания Героя Советского Союза, остальные награждены различными государственными наградами.

Уже в первые часы бессмертные подвиги совершили советские летчики. На рассвете 22 июня в 4.05—4.15 Д. В. Кокорев со-

вершил один из первых в истории Великой Отечественной войны воздушных таранов в окрестностях города Замбрув (когда бортовое оружие новенького «мига» отказало, он крылом своего самолета срезал хвостовое оперение машины врага, приземлился на поврежденном самолете. Погиб 12 октября 1941 г. Награжден орденом Красного Знамени), в 4.20 — старший лейтенант И. И. Иванов близ Дубно (израсходовав боеприпасы, винтом своего И-16 срезал хвост у вражеского самолета. 2 августа удостоен звания Героя Советского Союза. Погиб в 1941 г.), Л. Г. Бутелин — в 5.15 над Галичем, П. С. Рябцев — в 10.00 над Брестом (спасая своего товарища, крылом своего И-153 подрезал крыло вражеского истребителя. Приземлился на парашюте. Погиб 31 июля 1941 г. под Ленинградом. Через 42 года награжден орденом Отечественной войны 1-й степени посмертно), С. М. Гудимов, А. С. Данилов, А. И. Мокляк, Е. М. Панфилов... 18 летчиков совершили таран в первый день войны.

Всего за годы войны было совершено 636 воздушных, 503 наземных тарана, более 60 танковых таранов, 14 раз командиры бронекатеров таранили немецкие подводные лодки, самоходные баржи с живой силой и техникой врага.

Однако, несмотря на беспримерный героизм советских солдат и офицеров, лавина немецких танков при поддержке авиации продвигалась на восток. В первый же день войны Советский Союз потерял к полудню 1200 самолетов, из них 800 самолетов на аэродроме. К вечеру было уничтожено 1811 самолетов, из них 1489 — на земле (82%). Военно-воздушные силы ЗапОВО потеряли 22 июня все истребители новых типов, а новейших пикировщиков ПЕ-2 уцелело всего 9 единиц.

Командующий ВВС Западного округа генерал И. И. Копец, человек храбрый, воевавший в Испании, застрелился, узнав об уничтожении за день боев 738 боевых машин, что составляло почти 40% численности самолетного парка подчиненных ему частей.

Три немецких «хейнкеля» фактически менее чем за две минуты уничтожили все самолеты 23-й дивизии ВВС ЗапОВО. Она как боевая часть перестала существовать, не успев сделать ни одного выстрела в свою защиту.

Немцы в первый день войны потеряли свыше 200 самолетов. Захватив господство в воздухе, противник наносил методичные удары по аэродромам, штабам войск, узлам связи и железных дорог, что полностью нарушило управление войсками, работу транспорта, доставку боеприпасов, горючего, переброску сил.

Положение советских войск серьезно осложняла неопределенность задач, поставленных директивой НКО № 1. Дело в том, что командующие фронтами и армиями должны были сами определить: являются ли провокацией начавшиеся боевые действия? Над командующими довлело указание центра — не поддаваться ни на какие провокации. Вот почему, подняв по тревоге войска, они медлили с приказами о решительном отпоре. Только в 6 часов 4-я армия получила, наконец, от Военного совета Западного фронта задачу: «Поднять войска и действовать по-боевому». Бывший начальник штаба 4-й армии Л. М. Сандалов писал после войны: «...первые сообщения о боях на границе были восприняты в округе как вооруженная провокация со стороны немцев. И лишь через 1,5 часа там убедились, что началась война».

Запоздалый выход навстречу наступавшему противнику вынуждал советские войска вступать в бой с ходу, по частям. Положение усугубляли выброшенные на парашютах диверсионные группы численностью от нескольких десятков до двухсот человек, а также устремившиеся в тыл автоматчики на мотоциклах, которые выводили из строя линии связи, захватывали мосты, аэродромы, другие военные объекты. Мелкие группы мотоциклистов вели беспорядочную стрельбу из автоматов, чтобы создать у обороняющихся видимость окружения. При незнании общей обстановки и потере управления их действия нарушали устойчивость обороны советских войск, вызывая панику.

В результате внезапного удара противника многие стрелковые дивизии первого эшелона армий с первых же часов были расчленены, некоторые оказались в окружении.

Несколько в лучшем положении оказался ВМФ. Адмирал Н. Г. Кузнецов вовремя сумел привести в боевую готовность ВМФ (он отдал приказ о приведении в боевую готовность в 10 часов 50 минут 21 июня, т.е. за

час до принятия директивы № 1), поэтому в первый день войны не потерял ни одного корабля. Другой причиной историки называют то, что немцы в первый день войны основной упор делали на разгром ВВС и сухопутных войск.

Противник систематически нарушал связь, и командование советских фронтов, армий и даже корпусов теряло управление войсками. К 7 часам штаб Западного фронта не имел проводной связи даже с армиями. За первый день войны командование Западным фронтом не получило ни одного донесения из армий. Поэтому ни штабы фронтов, ни Генштаб не имели полного представления о событиях в приграничной полосе. В этих условиях Главный Военный Совет в 21 час 15 минут 22 июня принял директиву № 3, предписывающую переход советских войск к контрнаступательным действиям на Сувалкском и Люблинском направлениях с целью перенести военные действия на территорию противника. А огненный вал войны уже катился по западным областям нашей страны. К вечеру 23 июня немецкие танковые соединения расширили прорыв на стыке Северо-Западного и Западного фронтов до 130 км.

Таким образом, Главный Военный Совет и Ставка, созданная 23 июня, в первые дни войны брали на себя функции командующих фронтами и даже армиями, принимали за них решения, требуя лишь исполнять их приказы. Нередко эти решения опаздывали на 7—8 часов и больше и практически не могли быть выполнены из-за изменения обстановки.

Стратегические решения и позже принимались подчас исходя из устаревших представлений, без знания обстановки.

Война же с первых дней потребовала от командиров всех ступеней самостоятельных решений и действий в сложных и быстро меняющихся условиях, гибкого сочетания форм вооруженной борьбы — обороны, наступления, отходов и контрударов, маневрирования по фронту и в глубину. Центральному руководству невозможно было охватить и оптимально учесть все особенности на каждом участке войны.

В условиях начавшейся войны была необходима быстрая перестройка руководства

Вооруженными силами. Прибалтийский, Западный и Киевский особые округа 22 июня были преобразованы соответственно в Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты, Одесский военный округ — в 9-ю армию, а Ленинградский военный округ 24 июня — в Северный фронт. На третий день войны (25 июня) Ставка сформировала Южный фронт из 9-й и 18-й армий. Фронты возглавили командующие: Северный — генерал М. М. Попов, Северо-Западный — генерал Ф. И. Кузнецов, Западный — генерал Д. Г. Павлов, Юго-Западный — генерал М. П. Кирпонос, Южный — генерал И. В. Тюленев.

Для стратегического руководства вооруженной борьбой постановлением ЦК партии и Совнаркома 23 июня была образована Ставка Главного Командования Вооруженных сил СССР в составе наркома обороны маршала Тимошенко (председатель), начальника Генштаба генерала Жукова, Сталина, Молотова, маршалов Ворошилова и Буденного, наркома ВМФ адмирала Кузнецова. При Ставке создавалась группа постоянных советников. Однако в условиях режима личной власти Сталина Тимошенко фактически ничего не мог решить без санкции вождя. С 10 июля Ставку, переименованную в Ставку Верховного командования, возглавил Сталин.

Наконец, 30 июня, когда стали очевидны размеры катастрофы, Политбюро образовало ГКО, который сосредоточил всю полноту власти в государстве. В прифронтовой полосе создавались местные чрезвычайные органы — городские комитеты обороны.

В состав ГКО вошли Сталин (председатель), Молотов (зам.), Ворошилов, Маленков, Берия. Таким образом, ГКО являл собой узкий состав Политбюро ЦК ВКП(б): пятеро из 14 членов и кандидатов. В 1942 г. в него были включены Вознесенский, Каганович, Микоян, в 1944 г. — член ЦК ВКП(б) Булганин, а Ворошилов выведен из состава ГКО.

Когда маршалу Жукову после войны задавали вопрос, чем отличался ГКО от Ставки, то он говорил: Ставка — это Сталин, ГКО — это тоже Сталин, он «командовал всем, он дирижировал, его слово было окончательным и обжалованию не подлежало». В период Великой Отечественной войны Сталин занимал очень много постов: Гене-

ральный секретарь ЦК ВКП(б), председатель СНК, Верховный Главнокомандующий Вооруженными силами, нарком обороны СССР, возглавлял Транспортный комитет. Фактически Сталин был всем, все вопросы решал он. Его решения практически никем не оспаривались. Заседания ГКО проходили во время, удобное Сталину, протоколы не велись.

Самыми страшными были первые три недели войны, которые по утвердившимся к настоящему времени взглядам называются начальным периодом Великой Отечественной войны. Именно в это время сложилась катастрофическая обстановка для СССР. 23 июня 1941 г. в районе Ровно — Луцк — Броды развернулось самое крупное в начале войны танковое сражение. В ожесточенных боях наземные войска при поддержке авиации нанесли противнику большой урон и задержали его на целую неделю. Замысел врага окружить главные силы фронта в районе Львова был сорван. Однако и советские войска понесли большие потери. К тому же они были крайне утомлены непрерывными тяжелыми боями. Поэтому 30 июня Ставка приказала отвести войска фронта на 70—90 км на рубеж Коростень — Новгород-Волынский — Проскуров.

28 июня враг захватил Минск. Под Минском было окружено около 30 дивизий из 44, имевшихся на Западном фронте. По немецким данным, взято в плен 329 тыс. советских солдат и офицеров, 3332 танка, 1809 орудий. Лишенные централизованного управления и снабжения, они, однако, бились до 8 июля. Немецкая авиация наносила массированные удары по окруженным войскам. Из-за сухой погоды начались лесные пожары. Непрерывная бомбежка, артиллерийские обстрелы, гарь от пожаров вынуждали людей метаться из стороны в сторону. Они предпринимали отчаянные попытки вырваться из этого ада, но снова и снова натывались на плотный артиллерийско-пулеметный огонь. И все-таки, как вынужден признать Гальдер, «часть окруженной группировки противника прорвалась между Минском и Слонимом через фронт танковой группы Гудериана». Одну из групп, которая объединяла несколько тысяч человек, возглавил командир 8-й артиллерийской противотанковой бригады И. С. Стрельбицкий.

До 10 сентября выходили из окружения воины Западного фронта. В конце месяца к реке Сож вышли остатки 13-го механизированного корпуса во главе со своим командиром генералом П. Н. Ахлюстиным. 1667 человек, из них 103 раненых, вывел заместитель командующего фронтом генерал Болдин. Многие, кому не удалось выйти из окружения, стали сражаться с врагом в рядах партизан и подпольщиков.

3 июля Гальдер, начальник генерального штаба германской армии, записал в своем дневнике: «Не будет преувеличением, если я скажу, что поход против России был выигран в течение 14 дней». 16 июля под председательством Гитлера состоялось совещание военных и гражданских руководителей Германии, на котором в связи с тем, что с СССР, как считалось, покончено, обсуждались конкретные вопросы присоединения к третьему рейху советских территорий — Украины, Белоруссии, Прибалтики, Крыма, других районов. Были назначены губернаторы этих районов.

Враг торжествовал. На это были основания. Уже к 10 июля немецко-фашистские войска продвинулись на северо-западном направлении на 500 км, на западном — на 600 км, на юго-западном — на 350 км. Они захватили Прибалтику, Белоруссию, Молдавию, значительную часть Украины. По данным историка Виктора Анфилова, до середины июля Красная Армия потеряла около миллиона солдат и офицеров, из них 724 тыс. были пленены. В. Анфилов считает, что пресловутая внезапность, о которой все еще спорят, слишком дорого стоила армии и народу. Внезапность, конечно, была не только для войск, но и для Сталина. Для него, уверовавшего в невозможность нападения Германии в тот момент, удар противника, да еще такой огромной силы, был совершенно неожиданным.

За три недели войны советские войска потеряли 3500 самолетов, 6000 танков, более 20 тыс. орудий и минометов. Потери немцев составили в людях 100 тыс., в танках 1700, в самолетах 950, т.е. потери Красной Армии превосходили потери врага в людях в 10 раз, в танках в 3,5 раза, в самолетах в 3,7 раза. К этому времени значительный урон понес и ВМФ, который к 10 июля лишился

3-х эсминцев, 1 лидера, 11 подводных лодок, 5 тральщиков, 5 торпедных катеров и ряда других судов. Враг потерял 4 минных заградителя, 2 торпедных катера и 1 «охотника».

На оккупированной противником территории размещалось 200 складов, что составляло 52% окружных складов и складов наркомата обороны, находившихся в приграничных округах. Все они были либо уничтожены, либо захвачены врагом.

Тяжелое поражение понесли более 100 дивизий (три пятых войск, находившихся в западных приграничных округах). За три недели войны врагу удалось разгромить 28 советских дивизий (12 стрелковых, 10 танковых, 4 моторизованных и 2 кавалерийских). Кроме того, более 72 дивизий понесли потери в людях и боевой технике от 50% и выше.

Чтобы не подорвать свой авторитет, нужно было найти виновников случившегося. С Западного фронта 30 июня был отозван командующий генерал Павлов. На его место назначен маршал С. К. Тимошенко. Вместе с ним членом Военного совета Сталин направил Л. З. Мехлиса. В течение четырех дней тот установил преступную деятельность ряда должностных лиц, в результате чего Западный фронт потерпел тяжелое поражение. Телеграфируя Сталину, 6 июля Мехлис сообщил, что Военный совет фронта решил арестовать и предать суду руководящий состав Западного фронта. На эту телеграмму Сталин в тот же день ответил: «ГКО одобряет ваши мероприятия по аресту и приветствует эти мероприятия как один из верных способов оздоровления фронта». 4 июля Д. Г. Павлов был арестован. Были арестованы также генералы Климовских, Григорьев, Клыч, Коробков. 22 июля 1941 г. Военная коллегия приговорила к расстрелу с конфискацией имущества и лишением воинских званий Героя Советского Союза генерала армии Павлова, начальника штаба генерал-майора Климовских, начальника войск связи генерал-майора Григорьева, командующего 4-й армией генерал-майора А. А. Коробкова. Генерал-лейтенант Н. А. Клыч также был приговорен к расстрелу, затем был сослан на Колыму, умер в 1957 г. Арестованы также зам. командующего ВВС Западного фронта А. И. Таюрский, командир 9-й авиационной дивизии С. А. Черных, командир 42-й стрел-

ковой дивизии И. С. Лазаренко, командир 14-го механизированного корпуса С. И. Оборин. Все они тоже были приговорены к расстрелу. В приговоре говорилось: «Признаны виновными в том, что в начальный период военных действий проявили трусость, бездействие, нераспорядительность, допустили развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций частями фронта, чем дезорганизовали оборону страны и создали противнику возможность прорвать фронт Красной Армии на одном из главных направлений».

С похожей миссией Мехлис направлялся и на другие фронты. В сентябре 1941 г. в качестве уполномоченного Ставки ВГК он был направлен на Северо-Западный фронт, где вместе с заместителем председателя СНК СССР Н. А. Булганиным и генералом армии К. А. Мерецковым разбирался в причинах поражения 34-й армии. И «разобрался». Пожалуй, в ту войну никто больше не решился без суда расстрелять перед строем генерала. Мехлис решил. Начальник артиллерии генерал-майор В. С. Гончаров, обвиненный в трусости и пьянстве, был «на основании приказа Ставки № 270» расстрелян перед строем командиров штаба 34-й армии. Посмертно был реабилитирован. Мехлис дал указание — осудить к расстрелу и командующего 34-й армией генерал-майора К. М. Качанова за самовольный уход с огневых позиций. Военный трибунал не посмел послушаться и вынес смертный приговор в присутствии Мехлиса. Реабилитирован посмертно.

Многое сделала для реабилитации своего мужа А. Ф. Павлова. 20 апреля 1956 г. она послала письмо на имя Хрущева по вопросу реабилитации кандидата в члены ЦК КПСС Д. Г. Павлова. Тщательное изучение обстоятельств обвинения Д. Г. Павлова показало его необоснованность. 31 июля 1957 г. все осужденные были реабилитированы. Это были мужественные люди. Генерал армии Павлов проявил храбрость еще в освободительной войне испанского народа, за что был удостоен звания Героя Советского Союза. Маршал Советского Союза Жуков говорил историку Виктору Анфилову: «Конечно, серьезные ошибки в управлении войсками он допустил, а у кого из нас их не было в

той сложной обстановке, когда из-за отсутствия необходимых данных из войск мы не знали, где и в каком состоянии они находятся, а следовательно, и не могли принимать правильные решения».

Поражение Западного фронта — это беда, а не вина сорокачетырехлетнего генерала Павлова, тем более что в командовании войсками фронта ему помогали посланные в первые же дни войны три Маршала Советского Союза — Шапошников, Кулик и Ворошилов. После окружения под Минском Сталин послал на Западный фронт еще двух маршалов — Тимошенко и Буденного, к которым вскоре присоединился начальник Главного политуправления Красной Армии Мехлис. Все вместе существенных изменений к лучшему в обстановке они добились не сразу, даже получив необходимые для этого силы. И тем не менее, Сталин отдал генерала Павлова под суд военного трибунала, который приговорил его к расстрелу. Эти жертвы нужны были Сталину для того, чтобы показать народу «виновников» катастрофы, постигшей Красную Армию в начале войны.

Солдаты и офицеры Красной Армии, несмотря на катастрофическое начало войны, оказывали врагу упорное сопротивление. Жуков указывал на моральный фактор как на первое условие, которое не дало военным неудачам начального периода превратиться в непоправимую катастрофу.

Высочайшую оценку действиям советских войск в оборонительных боях 1941 г. давали многие руководители западных стран. Через две недели после начала войны, 8 июля 1941 г., У. Черчилль в личном послании И. Сталину писал: «Мы все здесь очень рады тому, что русские армии оказывают такое сильное, смелое и мужественное сопротивление. Храбрость и упорство советских солдат и народа вызывают всеобщее восхищение».

К концу третьего месяца войны против СССР враг потерял 500 тыс. солдат и офицеров, а за весь предшествующий период 2-й мировой войны — 300 тыс. человек. Самый серьезный просчет был допущен немецким руководством при оценке способности противника к сопротивлению. Даже окруженные войска упорно сопротивлялись.

4.2. Мобилизация всех сил страны на разгром врага

Навязанная Советскому Союзу германским фашизмом война была тягчайшим испытанием из всех, когда-либо выпадавших на долю страны. Утром 22 июня в Москве как будто все обычно. В газетах обсуждаются насущные дела. В газете «Правда», например, напечатаны передовая «Народная забота о школе» и статья Ираклия Андроникова к 100-летию со дня гибели М. Ю. Лермонтова. И тут же знаменитое стихотворение поэта «Бородино»: «Недаром помнит вся Россия про день Бородина».

Утром 22 июня берлинское радио оповестило весь мир о начале войны Германии против СССР. За океаном газеты печатают под огромными аншлагами — «Германия напала на Советский Союз», но Москва хранила упорное молчание. Только к полудню члены Политбюро ЦК ВКП(б) — Молотов, Маленков, Ворошилов, Берия — подготовили текст заявления советского правительства. Сталин, который постоянно твердил, что войны с Германией в ближайшее время не будет, который неделю назад дал указание опубликовать заявление ТАСС, не нашел в себе сил выступить по радио. Сталин находился в состоянии психологического шока. Ему нечего было сказать советскому народу. Поэтому в 12 часов 15 минут по радио выступил первый заместитель председателя СНК, нарком иностранных дел В. Молотов. Обращение заканчивалось словами: «Враг будет разбит. Победа будет за нами!».

Эта неожиданная весть глубоко потрясла людей, вызвала тревогу за судьбу Родины. По указанию партийных органов на предприятиях, в учреждениях, колхозах, воинских частях проводились митинги и собрания. Многие тут же подавали заявления о добровольном зачислении их в армию и просили немедленно отправить на фронт.

Но и в такой момент патриотизм и чувство долга перед Родиной зачастую уживались с благодушием и беспечностью. Предвоенная пропаганда постаралась воспитать в народе уверенность в превосходстве Красной Армии. Вначале почти никто не сомневался, что понадобится всего-навсего каких-нибудь три-четыре недели для того, чтобы

враг был разбит. Все, вспоминал генерал К. Ф. Телегин, служивший тогда в управлении политпропаганды пограничных войск СССР, «с нетерпением ждали с границы сообщений, что враг не прошел, а там, где провалился, разгромлен и отброшен назад».

В тот же день Президиум Верховного Совета СССР принял указ о введении в ряде республик и областей страны военного положения и о мобилизации военнообязанных граждан 1905—1918 годов рождения, а в августе выходит постановление ГКО о мобилизации мужчин 1890—1904 годов рождения и призывников 1922—1923 годов рождения (всего за годы войны призваны военнообязанные 1890—1927 годов рождения, т.е. 38 возрастов).

Из-за гигантских потерь на фронте только в 1941 г. было досрочно освобождено и направлено в армию 420 тыс. заключенных. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1941 г. освобождались от наказания осужденные за малозначимые преступления. В декабре того же года к ним были добавлены еще некоторые категории заключенных. Специальным постановлением ГКО в 1942 г. было освобождено и отправлено в штрафбаты 157 тыс. узников ГУЛАГа. Всего за три года войны отправлено 975 тыс. заключенных.

23 июня приняты важнейшие решения об образовании Ставки Главного Командования Вооруженных Сил и введении мобилизационного плана по производству боеприпасов.

В целях сосредоточения руководства всей работой по освещению положения в мире, внутренней жизни страны и военных событий СНК СССР и ЦК ВКП(б) 24 июня образовали Советское Информбюро во главе с кандидатом в члены Политбюро, секретарем ЦК партии А. С. Щербаковым.

26 июня принят указ Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». Вводились обязательные сверхурочные работы продолжительностью от одного до трех часов, а для лиц, не достигших 16-летнего возраста, не более двух часов в день. Отменялись очередные и дополнительные отпуска.

Развернутой программой борьбы с врагом явилась директива СНК СССР и ЦК

ВКП(б) от 29 июня 1941 г. партийным и советским организациям прифронтовых областей. Главную идею этого важнейшего документа составляло требование: «Все для фронта, все для победы!». В директиве разоблачался преступный, захватнический характер войны со стороны фашистской Германии, формулировались освободительные цели Великой Отечественной войны и задачи партии и народа.

Поднимая народ на священную войну, партия и правительство указывали на важность глубоко осознать величайшую опасность, нависшую над социалистической Родиной. В директиве были четко определены задачи партизанского движения на временно оккупированной советской земле: «...создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников...». В тылу врага создавались подпольные партийные организации.

30 июня образован чрезвычайный орган — Государственный комитет обороны, который сосредоточил в своих руках всю полноту власти в стране. За 50 месяцев своего существования ГКО принял 9971 постановление, из которых $\frac{2}{3}$ касались проблем военной экономики и организации военного производства, а остальные — политических, кадровых, военных и иных вопросов.

Программа, разработанная ЦК партии и СНК, была изложена и развита в речи Сталина 3 июля 1941 г. В ней подчеркивалась смертельная опасность, нависшая над страной, содержался призыв оказывать всемерную поддержку Красной Армии. Впервые была сказана страшная правда о территориальных потерях СССР, об опасности, нависшей над страной. Как пишет итальянский историк Дж. Боффа, «в этот день он произнес самую сильную из речей за свою долгую политическую карьеру». Его обращение начиналось совершенно непривычными для него словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота. К вам обращаюсь я, друзья мои!». Вся страна слушала его, затаив дыхание.

Первоочередной задачей стало развертывание Красной Армии, создание новых формирований. В стране развернулась мобилизация и массовое добровольческое движение. Советский народ поднялся на защиту Отечества. К 1 июля в Красную Армию бы-

ло призвано 5,3 млн. человек. Всего за годы войны через фронт прошли 30 млн. человек.

Однако было бы ошибочно утверждать, будто бы всю страну охватил патристический порыв. Наблюдались настроения иного рода, прежде всего в республиках и областях, включенных в состав СССР. Многие жители Прибалтики, западных областей Белоруссии и Украины, а также Бессарабии не воспринимали проводимые там политические и социально-экономические преобразования, сопровождаемые массовыми репрессиями. Их недовольство, подогреваемое антисоветским подпольем, с началом войны выплеснулось наружу. Оно выражалось в невыполнении распоряжений местных органов власти, уклонении военнообязанных от прибытия на призывные пункты, поддержке антисоветских подпольщиков. Многие местные жители, взятые на учет военкоматами, разбежались. В ряде населенных пунктов местное население приветствовало вступление германских войск.

Редко когда война начиналась более катастрофически, чем для СССР в 1941 г. Английские и американские военные эксперты предсказывали, что сопротивление Советского Союза продлится от одного максимум до трех месяцев. Военный министр США Генри Стимсон полагал, что «Германия будет основательно занята минимум месяц, а максимально, возможно, три месяца задачей разгрома России». Такую же позицию занимали морской министр Фрэнк Нокс, министр внутренних дел Гарольд Икес, начальник штаба генерал Джордж Маршалл, министр финансов Ганс Моргентау, который писал, что «в лучшем случае капитуляция русских последует самое большее через шесть месяцев». Руководитель администрации ленд-лиза Эдуард Стеттиниус считал, что «германская армия пройдет сквозь Россию как нож сквозь масло».

Нападение Германии на СССР явилось не только новым этапом в жизни советского народа, в той или иной мере оно отразилось на народах других стран, прежде всего тех, которым вскоре предстояло стать его основными союзниками или противниками.

Правительство и народ Великобритании сразу же вздохнули с облегчением: война на востоке по крайней мере на какое-то время

отодвинет германское вторжение на Британские острова. Итак, у Германии появился еще один, к тому же довольно серьезный противник; и это ее неминуемо ослабит, а потому, рассуждали британцы, следует сразу рассматривать СССР как своего союзника в борьбе против агрессора. Именно это и выразил премьер-министр Черчилль, который уже вечером 22 июня выступил по радио по поводу очередного нападения Германии. «Любой человек или государство, которые борются против нацизма, — сказал он, — получают нашу помощь. Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем... Гитлер хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров». Выступление Черчилля произвело на британцев сильное впечатление. В подавляющем большинстве они разделяли точку зрения своего премьер-министра. Тут же неизмеримо возрос их интерес ко всему русскому и советскому. В печати и по радио подробно освещалось положение на советско-германском фронте, рассказывалось об СССР, особенностях его политического и общественного строя. По радио все чаще звучала русская и советская музыка.

Реакция американского руководства была значительно сдержаннее. За сутки до нападения Германии на СССР госдепартаментом был подготовлен меморандум, в котором определялись основные принципы политики США «на ранних стадиях возможной войны между СССР и Германией». США не должны были ничего предлагать по своей инициативе. Выступление Черчилля 22 июня произвело в США огромное впечатление, ибо многие американцы расценивали британского лидера как смелого и дальновидного политика, возглавившего борьбу против гитлеризма. Они привыкли считать Черчилля непримиримым противником коммунизма. Впрочем, он и сам не скрывал этого в своем выступлении: «За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова,

которое я сказал о нем. Но все это меркнет перед тем, что открывается сейчас». Эти слова особенно импонировали американцам. Вместе с тем они были абсолютно согласны с выводами Черчилля, что опасность, угрожающая России, может обернуться несчастьем и для Англии, и для США.

Руководство США сделало официальное заявление 23 июня. В нем подчеркивалось, что любое сплочение сил против гитлеризма независимо от их происхождения ускорит падение германских руководителей, а гитлеровская армия представляет собой сейчас главную опасность для Американского континента.

24 июня президент Рузвельт сказал на пресс-конференции, что США рады приветствовать еще одного противника нацизма и намерены предоставить Советскому Союзу помощь, но заметил, что еще неизвестно, в какую форму она выльется.

По сравнению с выступлением Черчилля заявление Рузвельта не получило большого резонанса среди общественности США. Это, видимо, вполне устраивало и самих американских руководителей. Они ожидали дальнейшего развития событий на советско-германском фронте. Учитывалось и наличие в США сильной изоляционистской группировки, выступавшей против любой помощи Советскому Союзу.

С 22 июня информация о событиях на советско-германском фронте и советско-американских отношениях заняла ведущее место в передачах более тысячи радиостанций и публикациях почти всех газет США. По данным американских социологов, в конце июня советской теме отводилось более 70% места на первых полосах ежедневных газет. Так продолжалось вплоть до нападения японцев на Перл-Харбор, когда тема войны на Тихом океане стала ведущей.

Таким образом, в условиях начавшейся войны советское политическое и военное руководство сумело провести мобилизационные мероприятия за короткий срок, чтобы дать отпор врагу. Нападение Германии на Советский Союз дало толчок Великобритании и США к оказанию помощи СССР.

5. ТРАГИЧЕСКОЕ ЛЕТО И ОСЕНЬ 1941 ГОДА

Рекомендуемые источники: 70; 71; 87; 191.

Рекомендуемая литература: 10; 14; 15; 25; 29; 31; 32; 39; 41; 82; 109; 110; 111; 112; 136; 162; 178; 193; 205; 228.

5.1. Летне-осенние оборонительные сражения Красной Армии

5.1.1. Бои на Западном фронте. В результате ожесточенных многодневных боёв Красной Армии ценой огромных усилий удалось замедлить темпы продвижения немецко-фашистских войск, а на ряде участков временно стабилизировать положение. Если в первые три недели Великой Отечественной войны враг продвигался в среднем на 20—30 км в сутки, то с середины июля по 7 августа — со скоростью 3,5—8 км, в октябре — ноябре — 2,5—3 км, в декабре враг вынужден был прекратить наступление.

К 10 июля фронт вооруженной борьбы проходил: на северо-западном направлении — по линии Пярну — Тарту — восточнее Пскова, Острова и по реке Великая; в центре советско-германского фронта — по Днепру; на юго-западном направлении бои велись на подступах к Киеву, а на крайнем юге — вблизи границ Молдавии. Наиболее опасным направлением по-прежнему оставалось смоленское, где действовала главная группировка вражеских войск, предназначенная для захвата Москвы. Это направление прикрывали войска Западного фронта под командованием Тимошенко (со 2 июля). По существу, это был новый фронт, образованный из армий резерва Ставки.

Против Западного фронта действовала группа армий «Центр» и часть сил 16-й армии из группы армий «Север». В первом вражеском эшелоне наступали 29 дивизий, в том числе 9 танковых и 7 моторизованных. Войска второго эшелона (34 дивизии

и 2 бригады) после боев западнее Минска выдвигались к среднему течению Западной Двины и к Днепру.

К началу Смоленского сражения соотношение сил и средств сторон на рубеже Западная Двина — Днепр по-прежнему было в пользу фашистских войск. Противник превосходил советские войска в людях почти в 2 раза, в орудиях и минометах — в 2,4 раза, в самолетах — в 4 раза и только в танках с учетом всех типов несколько уступал советским войскам (1 : 1,3).

При подготовке дальнейшего наступления на этом направлении немецко-фашистское командование считало, что Западный фронт сможет противопоставить группе армий «Центр» не более 11 боеспособных дивизий. Это был серьезный просчет врага: Западный фронт имел значительно больше сил. За его войсками советское командование развернуло несколько резервных армий. Они сыграли большую роль в исходе Смоленского сражения, преградив путь фашистским полчищам, рвавшимся к Москве.

Смоленское сражение развернулось на фронте до 650 км и в глубину до 250 км. Хронологические рамки Смоленского сражения — 10 июля — 10 сентября 1941 г.

10 июля 2-я и 3-я танковые группы противника перешли в наступление. Они наносили удары из района Витебска в сторону Духовщины и из района южнее Орши на Ельню. Левифланговые соединения 3-й танковой группы — из района южнее Могилева в направлении Кричев, Рославль. Гитлеровцы стремились рассечь войска Западного фронта на части, окружить прикрывавшие

Смоленск 19, 20 и 16-ю армии и овладеть городом.

Сражение приобрело исключительно напряженный характер. Немецко-фашистские соединения, сосредоточенные на узких участках, осуществили глубокие прорывы в районах Полоцка, Витебска, севернее и южнее Могилева.

Большую помощь сухопутным войскам оказывала фронтовая авиация, пополненная самолетами резерва Ставки, а также авиация дальнего действия.

Значительную роль в успешном отражении ударов врага играла советская артиллерия. В начале Смоленского сражения Красная Армия получила замечательное оружие — установки реактивных минометов, которые впервые были применены 14 июля в районе Орши экспериментальной батареей капитана И. А. Флерова. Маршал Еременко вспоминал: «Эффект одновременного разрыва 320 мин в течение 10 секунд превзошел все ожидания. Солдаты противника в панике бросились бежать». Один попавший в плен немецкий офицер, испытывавший на себе действие советской реактивной артиллерии, спрашивал на допросе: «Я ранен и скоро умру. Я никому не смогу передать ваших секретов. Но скажите мне перед смертью — что это? Что это страшное, наваливающееся на нас сверху, как гнев божий?».

В ночь на 30 июня 1941 г. семь тщательно зачехленных установок и грузовики с 3 тысячами 132-мм реактивных снарядов отбыли на фронт. В момент отъезда ни один человек в подразделении, включая и его командира капитана И. Флерова, не имел ни малейшего представления об устройстве и боевом использовании вверенного им оружия. Колонне было приказано двигаться только ночью. Лишь постепенно во время дней в придорожных лесах два конструктора из РНИИ, А. С. Попов и Д. А. Шитов, обучали личный состав управлять новым оружием. Два сокрушительных удара, произведенных по скоплениям фашистских войск в районе Орши, произвели огромный эффект. Солдаты с любовью называли это новое оружие «Катюшей».

Реактивные снаряды (мины) этих систем эффективно поражали открытую

живую силу и огневые средства противника на дальности 5,5 км (БМ-8 — калибр снаряда 82 мм) и 7,9 км (БМ-13 — калибр снаряда 132 мм).

Но судьба первой артиллерийской батареи была трагической. Она попала в окружение в ходе Московской битвы. Немцы, пытаясь разгадать тайну нового советского оружия, двигались фактически по пятам колонны. Развязка наступила 7 октября 1941 г. у деревни Богатырь в 50 км от Вязьмы. В деревне Богатырь немцы устроили западню для батареи Флерова. Вечером, нагрянув в деревню, они загнали всех жителей в дома, заставили погасить огни. Едва первая «катюша» въехала в село, как перед кабиной взметнулась ракета. Танки, показавшись из укрытий, перегородили дорогу. Завязался бой. Мы не раз слышали рассказы фронтовиков, в которые трудно поверить. Люди с увечьями еще бежали в горячке в атаку. Так было и здесь. Смертельно раненый капитан Флеров смог взорвать артиллерийские установки. У него оставалось всего несколько минут жизни, и он успел нажать на кнопку, чтобы взорвать секретное оружие. Долг человека перед Родиной оказался выше, чем страх за свою собственную жизнь. Из 170 человек батареи вышли из окружения только 46 минометчиков.

Поисковики долгое время после войны искали могилу артиллеристов, погибших в грозную октябрьскую ночь 1941 г. Жители села не смогли точно указать место захоронения. Они показывали на большое поле, где похоронили погибших. И только в октябре 1995 г. поисковикам удалось найти останки капитана Ивана Флерова и еще 17 артиллеристов, погибших вместе с первыми «катюшами». Флерова опознали по знакам различия. По черепу и скелету можно было определить даже, какие он получил ранения. Нашли сплюсненную записную книжку. Все трагично в этой истории. Однако недаром древние видели в трагедии очищение души. Есть что-то светлое в известии из прошлого о капитане Флерове. Он не предал и не продал. Немцы так и не сумели в годы войны разгадать тайну «катюш»¹.

Танковые дивизии упорно продвигались вперед. 16 июля противник ворвался в юж-

¹ Комсомольская правда. 1995. Окт.

ную часть города и овладел им. Смоленск пал. По воспоминаниям маршала Г. К. Жукова, «Сталин был вне себя. Мы, руководящие военные работники, испытали всю тяжесть сталинского гнева». Разъяренный Сталин потребовал вернуть Смоленск любой ценой. Он запретил сообщать «до особого распоряжения» о сдаче Смоленска.

23 июля войска Западного фронта нанесли сильный удар по противнику из района Рославля в северо-западном направлении на Починок. 24 и 25 июля последовали удары советских войск из районов южнее городов Белый и Ярцево. К 27 июля 16-я армия при содействии 20-й отбросила гитлеровцев к Смоленску и овладела северной частью города. Противник в свою очередь предпринял фланговые удары и окружил эти армии. Советские войска были вынуждены прекратить наступление на Смоленск. Многим соединениям удалось с тяжелыми боями вырваться из окружения и соединиться с главными силами фронта. В районе Смоленска, по немецким данным, было взято в плен 310 тыс. человек, свыше 3000 танков, 858 орудий.

Наступление группы армий «Центр» сопровождалось налетами авиации на Москву. 19 июля 1941 г. Гитлер подписал директиву № 33, в которой поставил задачу начать масштабные воздушные налеты на Москву. Гитлеровцы стремились ударами с воздуха вывести из строя промышленные предприятия столицы, парализовать ее жизнь, подорвать моральный дух населения и руководства страны, помочь танковым дивизиям овладеть городом. Первый налет на Москву фашистская авиация произвела в ночь на 22 июля, он продолжался 5,5 часов. В результате было повреждено 37 зданий, возникло 1166 пожаров, пострадало 792 человека, из которых 130 убито. Бомбардировке подверглась и территория Кремля.

Необходимо было дать достойный ответ. Именно тогда и родился дерзкий план ночных бомбардировок силами морской авиации Балтийского флота и 81-й дивизии. Было решено нанести ряд последовательных бомбовых ударов по ключевым военно-промышленным объектам Берлина. Первую авиагруппу сформировали из 20 экипажей Первого минно-торпедного полка ВВС Краснознаменного Балтийского флота, которым

командовал полковник Евгений Преображенский.

Базировался этот полк под Ленинградом. Тактический радиус действия самолетов ДБ-3 был меньше расстояния до гитлеровской столицы. Чтобы членам экипажей не оказаться в положении смертников, группу перебазировали на полевой аэродром Кагул на острове Эзель, расположенный в тылу противника (бои уже тогда шли под Таллином и Ленинградом).

В ночь на 5 августа пять ДБ-3 под командованием капитана А. Ефремова (будущий Герой Советского Союза) произвели разведку. Враг явно не был готов к появлению советских самолетов в небе Берлина. Его зенитки обстреляли их только на отходе от города, который был практически не затемнен.

После этого в ночь с 7 на 8 августа 1941 г. лучшие экипажи полка тремя группами во главе с Е. Преображенским (15 самолетов) после взлета с набором высоты взяли курс на юго-запад. На борту бомбардировщиков было около 10 000 кг фугасных и зажигательных бомб. На максимальной высоте миновали Штеттин. Впереди показались огни Берлина. Немцы еще и в мыслях не допускали, что кто-либо дерзнет добраться до их столицы. Экипажи вернулись без потерь. Как отмечалось в приказе Сталина: «Группа самолетов Балтийского флота произвела разведывательный полет в Германию и бомбила город Берлин. 5 самолетов сбросили бомбы над центром Берлина, а остальные на предместья города». Личному составу группы была объявлена благодарность, а каждому члену экипажа выдано по 2 тыс. рублей.

Успех первого удара они повторили в следующую ночь. На этой дистанции хорошо себя зарекомендовали дальние бомбардировщики ДБ-3Ф. Задача морских летчиков облегчалась тем, что базировались они намного ближе к цели, чем 81-я дивизия.

81-й дивизии предстояло выполнить боевое задание в более сложных условиях: была утрачена внезапность, теперь немцы были не столь беспечны, их противовоздушная оборона была приведена в боевую готовность не только на подступах к Берлину, но и другим крупным центрам Германии, соз-

даны несколько заградительных заслонов; дивизия еще не закончила процесс формирования; многие летчики не имели боевого опыта и не владели тактикой уклонения от зенитного огня, выхода из лучей прожекторов, не было надежной связи, да и навыков управления группой самолетов в воздухе у командира дивизии М. В. Водопьянова не было. По этим и другим причинам ставить боевую задачу командиру 81-й авиадивизии М. В. Водопьянову (учитывая огромный летный опыт М. В. Водопьянова, с началом войны его сразу назначили командиром авиационной дивизии тяжелых бомбардировщиков), Герою Советского Союза, получившему это высокое звание за спасение челюскинцев, гражданскому летчику, бомбить Берлин было преждевременным и ошибочным. В ночь с 9 на 10 августа группа полярного летчика М. В. Водопьянова бомбила Берлин, но менее удачно.

До 4 сентября самолеты 1-го минного торпедного полка и 81-й авиадивизии нанесли 9 ударов по Берлину¹.

С 22 июля по 1 октября противовоздушная оборона Москвы 36 раз отбила налеты немецкой авиации. По данным командующего войсками ПВО страны генерал-лейтенанта М. С. Громадина, только с 26 июня 1941 г. по 10 марта 1942 г. в налетах на Москву участвовало 7202 самолета противника, из которых удалось прорваться к столице 338 самолетам. За этот период средствами ПВО на подступах к столице было уничтожено 1086 воздушных стервятников.

Для укрепления положения на западном направлении и создания более глубокой обороны Ставка приказом от 30 июля сформировала Резервный фронт, командующим был назначен генерал Жуков, который в тот же день приступил к исполнению своих обязанностей. Начальником Генерального штаба вместо Г. К. Жукова был назначен Б. М. Шапошников.

Резервный фронт занял ржевско-вяземскую линию обороны.

Непрерывно нараставшее сопротивление советских войск, их высокая активность и систематические контрудары снизили темп наступления врага на центральном участке

советско-германского фронта: в июле он составлял в сутки 6—7 км против 30 км в первые дни войны. Врагу пришлось рассредоточить свои войска на фронте от Великих Лук до Мозыря.

Гитлеровское командование после долгих колебаний было вынуждено 30 июля приказать группе армий «Центр» прекратить наступление на Москву и перейти к обороне. Теперь главные усилия немецко-фашистских войск переносились с центрального участка фронта на фланги. 2-я танковая группа и 2-я армия были повернуты с восточного направления на южное. Они получили задачу нанести удар в тыл основным силам Юго-Западного направления, которые удерживали рубеж по Днепру. Вопреки мнению некоторых генералов Гитлер принял это решение. Он хотел во что бы то ни стало овладеть промышленными и сельскохозяйственными ресурсами Украины. Генералы, с мнением которых не посчитались, а также некоторые историки многие годы спустя заявили, что это решение было роковой ошибкой, предопределившей судьбу всей войны для Германии.

Между тем Ставка Верховного Главнокомандования (с 8 августа Ставка Верховного командования преобразована в Ставку Верховного Главнокомандования) в начале августа продолжала считать, что основные силы противника будут использованы для овладения Москвой. Ожидалось, что после провалившегося лобового удара враг попытается обойти главные силы Западного фронта с флангов. Поэтому Ставка приказала войскам Западного направления прочно удерживать великолукский и гомельский выступы и, сохраняя охватывающее положение по отношению к группе «Центр», продолжать наносить удары по главным ее силам.

Чтобы отразить возможные удары 2-й танковой группы противника через Брянск на северо-восток, на Москву, или на юго-восток, в тыл киевской группировке Юго-Западного фронта, Ставка 14 августа приняла решение создать Брянский фронт (куда вошли и части расформированного Центрального фронта) под командованием генерала А. И. Еременко.

Обстановка на фронте была тревожной. В начале августа на Украине в районе

¹ Березнев А. Т., Поляков В. Б., Селезнев Н. П., Чурилов Ю. И. Высоты Водопьянова. Липецк, 2009.

Умани, Новоархангельска и Первомайска были пленены 6-я (ком. — генерал Музыченко) и 12-я армии (командующий — генерал Понеделин) Юго-Западного фронта. По немецким данным, попало в плен 103 тыс. советских солдат и офицеров, 317 танков и 858 орудий. В этих условиях 16 августа 1941 г. был принят один из одиозных приказов периода Великой Отечественной войны — приказ № 270, в котором говорилось: «1. Командиров и политработников, сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту. 2. Семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи». Сталин заявил: «У нас нет пленных, есть — предатели». Хотя в их числе оказался и старший сын Сталина Яков Джугашвили, который прошел весь страшный ад и погиб в Заксенхаузене.

8 августа 2-я танковая группа и 2-я полевая армия противника повернули с московского направления на юг, на Украину, наступая во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта.

Тем временем главные силы Западного фронта и войска Резервного фронта продолжали вести тяжелые бои, пытаясь наступательными действиями вырвать стратегическую инициативу из рук врага и нанести решительное поражение группе армий «Центр». Однако соотношение сил в пользу гитлеровцев не позволило выполнить эту задачу. Сражения велись с переменным успехом.

В начале сентября войска Западного, Резервного и Брянского фронтов по указанию Ставки предприняли еще один удар с целью разгромить группу армий «Центр» и сорвать начатое немецким командованием наступление во фланг и в тыл Юго-Западного фронта. Особенно упорные бои развернулись в районах Ярцева и Ельни. Противник пытался любой ценой удержать ельнинский выступ и позиции в районе Духовщины. Однако он не выдержал стремительного натиска советских войск и начал поспешное отступление, оставив в районе Духовщины до 130 танков, 100 автомашин, много орудий и складов боеприпасов. Еще больший урон немецко-фашистские войска понесли в районе Ельни. 6 сентября над городом снова взвился крас-

ный флаг, а к 8 сентября от врага был полностью очищен ельнинский выступ. Это была первая пусть небольшая, но очень радостная победа. Ельнинскую наступательную операцию провел генерал Жуков.

В целом же наступление Западного, Резервного и Брянского фронтов не получило широкого развития. 10 сентября переходом войск Западного, Резервного и Брянского фронтов к обороне закончилось огромное по своему размаху и напряжению Смоленское сражение, длившееся два месяца. Важнейшим его результатом был срыв стратегических расчетов гитлеровского командования на безостановочное продвижение к Москве. Широко разрекламированный план «молниеносной войны» дал первую крупную трещину. Врагу пришлось топтаться на месте ровно столько, сколько по плану «Барбаросса» отводилось на весь «восточный поход». Гитлер заявил своим генералам, что если бы до нападения на СССР он знал, сколько у русских сил, то не начал бы войну. Однако этот результат дорого стоил Красной Армии. Советские войска за два месяца кровопролитных сражений под Смоленском потеряли убитыми и пропавшими без вести, по официальным данным, 486 171 человека, получили ранения 273 803 человека.

Успех Смоленского сражения был обеспечен в первую очередь исключительным массовым героизмом советских солдат и офицеров. В ходе сражения родилась Советская гвардия — 4 стрелковые дивизии Западного направления — 100, 127, 153, 161-я — 18 сентября преобразованы в 1, 2, 3, 4-ю гвардейские дивизии. 14 воинам было присвоено звание Героя Советского Союза.

Успеху войск Западного фронта во многом способствовали трудящиеся Смоленщины. В июле и августе на строительство укреплений ежедневно выходили свыше 50 тыс. колхозников, рабочих и служащих.

В течение июля в области сформировано 54 партизанских отряда общей численностью 1160 человек.

5.1.2. Бои на Юго-Западном фронте. В середине июля Юго-Западный фронт вел тяжелые оборонительные бои южнее Полясья, на подступах к Коростеню и Киеву. Южный фронт сдерживал вражеские войска в Молдавии.

В полосе Юго-Западного и Южного фронтов действовали группы армий «Юг». В целом на Юго-Западном театре военных действий противник имел двойное превосходство в людях, орудиях и минометах и полоторное — в самолетах. На направлениях главных ударов это превосходство было еще значительнее.

Ожесточенные бои шли во всей полосе Юго-Западного и Южного фронтов. Очень опасная обстановка сложилась на подступах к Киеву.

7 июля Президиум Верховного Совета УССР, Совнарком и ЦК КП(б) Украины обратились к украинскому народу с призывом самоотверженно защищать честь, свободу и независимость Советской Родины. В те дни усилился приток добровольцев в ряды Красной Армии и народного ополчения. Свыше 200 тыс. киевлян пополнили действующие войска. Партийные организации города и области направили в Вооруженные силы более 30 тыс. коммунистов. Ополчение Киева к середине июля насчитывало 29 тыс. человек, а области — свыше 60 тыс. Во всех районах города и области созданы истребительные группы численностью свыше 200 тыс. человек.

Одновременно велась подготовка к развертыванию борьбы в тылу врага. 5 июля ЦК КП(б) Украины принял постановление о создании партизанских отрядов и организации большевистского подполья в районах, которым угрожала фашистская оккупация. Только в одном Киеве сформировано 11 партизанских отрядов общей численностью 1800 человек.

Активно включилась в борьбу с врагом молодежь Киева. Свыше 13 тыс. юношей и девушек встали в ряды защитников города. 1500 вступили в партизанские отряды. Около 2500 девушек отправились на фронт медсестрами, почти 3500 человек стали донорами.

11 июля моторизованные войска противника прорвались на подступы к Киеву. В 15—20 км от города они были остановлены на заранее подготовленных оборонительных рубежах по реке Ирпень. 72 дня героически обороняли Киев.

Академик А. М. Самсонов пишет, что 29 июля 1941 г. начальник Генштаба Жуков рекомендовал Сталину отвести наши вой-

ска с днепровского рубежа, когда стало ясно, что битва за Киев проиграна. Надо было спасти армию. Сталин раздраженно отверг предложения Жукова, назвав их «чепухой». Генерал попросил освободить его от занимаемой должности, что и было сделано. 30 июля Сталин назначил Жукова командующим вновь созданным Резервным фронтом. Сталин требовал ни в коем случае не оставлять Киев. Историк В. Анфилов пишет, что 19 августа Жуков предупредил Сталина о вероятности окружения киевской группировки. Сталин не прислушался. Командующий фронтом М. П. Кирпонос и главком Юго-Западного направления С. М. Буденный обратили внимание Сталина на опасность, грозившую Юго-Западному фронту, и просили разрешить отвести войска хотя бы из Киева, где удерживался плацдарм на правом берегу Днепра. Сталин потребовал 11 сентября от Кирпоноса: «Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки».

15 сентября вражеские войска соединились в Лохвице, в 200 км к востоку от Киева. В огромном котле оказалась полумиллионная группировка советских войск. Разрешение дали только тогда, когда вражеское кольцо сомкнулось, а с Кирпоносом была утеряна связь. Лишь во второй половине 17 сентября Кирпонос отдал приказ о выходе из окружения. Но было слишком поздно. Окруженные продолжали вести ожесточенные бои до 27 сентября. Из окружения удалось выйти лишь 20 тыс. человек. В бою пали при выходе из окружения в рощице Шумейково командующий Юго-Западным фронтом генерал М. П. Кирпонос, член Военного совета Е. П. Рыков, начальник штаба генерал В. И. Тупиков и большая часть состава штаба и политуправления. Огромное количество солдат и офицеров (по немецким данным 665 тыс.) оказалось в плену, и среди них командующий 5-й армией М. И. Потапов, справедливо считавшийся у немцев одним из наиболее талантливых генералов Красной Армии, чья заслуга заключалась в том, что не только 6-я армия немцев, но и 1-я танковая группа не смогли взять Киев.

На 1 сентября войска Юго-Западного фронта без фронтовых резервов, запасных частей и тылов насчитывали более 750 тыс. человек, около 4 тыс. орудий и минометов,

более 100 танков и свыше 150 боевых самолетов. Гибель этого самого сильного в начале войны фронта явилась подлинной катастрофой для Красной Армии.

Главным виновником трагедии является Верховный главнокомандующий Сталин, который до самого последнего момента не разрешал войскам фронта оставить Киев и отойти на более выгодный рубеж. Виноват и командующий Брянским фронтом генерал А. И. Еременко, обещавший Сталину разбить соединения Г. Гудериана, наступавшие с севера в тыл войскам Юго-Западного фронта. Еременко имел достаточно сил и средств, но не смог ими как следует распорядиться, пытаясь свою полководческую несостоятельность компенсировать репрессиями. В начале сентября он обратился к Сталину с жалобой на нестойкость войск и с просьбой разрешить создание в наименее устойчивых дивизиях заградительных отрядов, предоставив им право любыми средствами, вплоть до применения оружия, останавливать бегущие с фронта части. 5 сентября Сталин дал указание начальнику Генштаба Шапошникову передать Еременко, что его просьба удовлетворена. Виноват и начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников, который объективно оценивал обстановку, правильно прогнозировал развитие событий и выдвигал рациональные предложения, но не отстаивал их перед Сталиным, не согласившись с его выводами и предложениями.

Почему же Сталин так упорно не хотел оставить Киев? Историки считают, в первую очередь — по политическим соображениям. Именно в конце июля Сталин, несколько приободренный приостановкой немецкого наступления, заверил специального помощника президента США Рузвельта Гарри Гопкинса (который прибыл с трехдневным визитом в Москву, чтобы собственными глазами убедиться, что советское правительство и советский народ готовы бороться с врагом), что рассчитывает задержать врага до зимы примерно на тех рубежах, которых он достиг, и, во всяком случае, не допустить его в Ленинград, Москву и Киев.

Однако и враг понес большие потери. На Киевском направлении Красная Армия разгромила свыше 10 кадровых дивизий группы армий «Центр». Противник потерял более 100 тыс. солдат и офицеров.

Одновременно с Киевским сражением разгорелись бои в районе Одессы. Завязались они еще в августе на дальних подступах к городу. Под натиском превосходящих сил противника советские войска были вынуждены к 10 августа отойти на ближние подступы к городу.

Были построены оборонительные сооружения.

С 10 августа 4-я румынская армия (18 дивизий), обладавшая пятикратным превосходством, предпринимала неоднократные атаки, стремясь овладеть Одессой с ходу, но существенных успехов не добилась. После 15 августа противник перешел от наступления по всему фронту к нанесению ударов на флангах. Советские войска ответили контр-ударами и снова сорвали планы фашистского командования.

20 августа противник возобновил штурм города. В течение месяца советские войска отбивали яростные атаки румынских войск. Враг понес значительные потери и был остановлен в 8—15 км от города.

К концу сентября положение войск Южного фронта еще более осложнилось. Противник, захватив плацдарм на левом берегу Днепра, у Каховки, 9 сентября нанес сильный удар с него в сторону Крыма. Вскоре Крым был отрезан от страны. В связи с ухудшением обстановки на южном участке фронта Ставка Верховного Главнокомандования 30 сентября разрешила эвакуировать Одесский оборонительный район. Эта операция была проведена скрытно и организовано. В 9 часов утра 16 октября из порта вышел последний корабль. Разведывательные части врага лишь к вечеру прорвались в Одессу. Эвакуированные оттуда войска направлены на усиление защиты Крымского полуострова.

Оборона Одессы имела большое военное-политическое и стратегическое значение. Советские войска длительное время сковывали здесь свыше 18 дивизий противника (почти половину румынской армии) и нанесли значительные потери. Это облегчило отход войск Южного фронта за Днепр и организацию там обороны.

5.1.3. Бои на северо-западном направлении. Одновременно с ожесточенными боями на центральном и южном участках совет-

ско-германского фронта не менее упорная борьба развернулась на северо-западном направлении. Руководители фашистской Германии стремились овладеть Ленинградом по нескольким причинам: 1. Они полагали, что захват Ленинграда, Кронштадта и Мурманской железной дороги повлечет за собой потерю Советским Союзом Прибалтики и Крайнего Севера, приведет к гибели Балтийского флота. 2. Гитлеровцы рассчитывали также захватить наиболее удобные морские и сухопутные коммуникации для снабжения групп армий «Север» и «Центр» и выгодный исходный район для удара в тыл войскам Красной Армии, прикрывавшим Москву. 3. Это был крупный промышленный центр СССР. 4. Ленинград — это северная столица СССР — носил имя основателя советского государства, поэтому они рассчитывали, что падение Ленинграда приведет к упадку морального духа всего советского народа.

Ленинградцы за короткий срок сформировали 10 дивизий народного ополчения. Десятки партизанских отрядов, организованных из ленинградцев, включились в активную борьбу с врагом в его тылу. На заводах и фабриках города ковалось оружие для фронта. Создавались истребительные отряды, батальоны.

Бои на дальних подступах к Ленинграду развернулись в первых числах июля. Северо-Западный фронт, действовавший в полосе 455 км, имел в составе 8, 11 и 27-ю армии (33 дивизии). Причем в 22 дивизиях потери в людях и материальной части составляли свыше 50%. Против этих ослабленных сил наступала крупная группировка врага в составе 21 дивизии из группы армий «Север».

5 сентября командующим Ленинградским фронтом был назначен маршал Ворошилов, но он не сумел добиться какого бы то ни было улучшения обстановки под Ленинградом. Не найдя ничего лучшего, главнокомандующий дал указание об изготовлении на ленинградских заводах пик и сабель для «баррикадных боев».

8 сентября враг овладел Шлиссельбургом, вышел к Ладожскому озеру, блокировав Ленинград с суши. В кольце блокады оказались 42, 55 и 23-я армии и силы Балтийского флота. Сообщение с Ленинградом поддерживалось только по Ладожскому озеру и по

воздуху. Это произвело на Сталина сильное впечатление. Он даже допускал, что Ленинград будет потерян в ближайшие дни.

Выйдя к Шлиссельбургу, немецко-фашистские войска предприняли попытку форсировать Неву и соединиться с финскими войсками на Карельском перешейке, но получили отпор Невской оперативной группы, которая при поддержке кораблей стойко обороняла правый берег реки.

9 сентября гитлеровцы возобновили наступление на Ленинград. Главный удар наносился с юга в северном направлении, из района западнее Красногвардейска. Сталин направил в Ленинград генерала Жукова, который 10 сентября прибыл в город и сменил основательно растерявшегося Ворошилова. Посылая сюда Жукова, Сталин оценивал положение города как «катастрофическое» и «безнадежное». В связи с этим он даже был намерен осуществить взрыв и потопление кораблей Балтийского флота (по сигналу «Хризантема»). В результате напряженных боев противник прорвался на ближние подступы к Ленинграду. 12 сентября враг овладел Красным селом. До Ленинграда оставалось 10 км. Пришлось срочно готовить к взрыву заводы и фабрики, а корабли Балтийского флота к затоплению. 16 сентября, выйдя к Финскому заливу, немецкие войска отрезали 8-ю армию в районе Ораниенбаума от главных сил. Ситуация казалась столь безнадежной, что 17 сентября Военный совет фронта решил прибегнуть к последнему средству. Войска получили приказ, согласно которому за оставление без письменного распоряжения занимаемого рубежа все командиры, политработники и бойцы подвергались немедленному расстрелу. Захват противником в этот день г. Пушкина оказался последним достижением немецких войск на пути к Ленинграду. Трудно сказать, что здесь сыграло главную роль, то ли упомянутый выше приказ, то ли начало подготовки немецким командованием наступления на Москву, но именно 17 сентября получен приказ о переброске 4-й танковой группы из-под Ленинграда на московское направление.

В связи с тяжелым положением командование Ленинградского фронта (с 13 сентября фронтом командовал генерал Жуков) разработало новый план усиления оборо-

ны. На наиболее угрожаемые участки были переброшены некоторые соединения с Карельского перешейка. Резервные части пополнялись отрядами народного ополчения, немало моряков сошло с кораблей на сушу. Часть зенитных орудий, прикрывавших город, сняли для борьбы с танками. Сильная оборона создана в полосе 42-й армии. Она опиралась на огневую мощь войск, кораблей и береговой охраны. Здесь планировалось сорвать наступление немецко-фашистских войск. В полосе 8-й армии намечалось осуществить смелый маневр в целях нанесения мощного контрудара.

К концу сентября фронт на подступах к Ленинграду окончательно стабилизировался. Фланги фашистских войск, блокировавших город, упирались в Финский залив и Ладожское озеро. Немцы решили овладеть городом путем осады. Немецкое командование считало город обреченным, поэтому предложение о его капитуляции приказано было не принимать, даже если оно будет сделано. Жители должны были погибнуть в самом городе от голодной смерти и от бомбежек. По замыслам врага, лишь весной немцы должны были войти в пустой город и сровнять с землей все уцелевшие строения. Но овладеть городом враг так и не смог.

Попытки деблокировать город не удались, несмотря на то, что для этого была создана отдельная (54-я) армия, подчиненная непосредственно Ставке, а во главе ее поставлен один из пяти имевшихся маршалов — Г. И. Кулик. Кстати, неудачи на фронте разочаровали Сталина в тех, кого он считал до войны лучшими из лучших в военной элите. В один день — 11 сентября были сняты и отозваны в Москву К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный, а 25 сентября освобожден от занимаемой должности Г. И. Кулик. Продолжали еще держаться на плаву С. К. Тимошенко, сменивший С. М. Буденного на посту главкома войсками Юго-Западного направления, и Б. М. Шапошников, возглавивший Генштаб после Г. К. Жукова.

Таким образом, советские войска в ходе летних боев и сражений нанесли врагу тяжелые потери, обескровили его лучшие дивизии. Гитлеровское командование оказалось вынужденным внести существенные поправки в план «Барбаросса». В то время

когда немецко-фашистские войска вели наступление на ленинградском и киевском направлениях, группа армий «Центр» была вынуждена перейти к обороне. А в сентябре Красная Армия остановила врага на Крайнем Севере, под Ленинградом, на реках Свирь и Волхов.

И все же обстановка на советско-германском фронте оставалась тяжелой. Блокирование Ленинграда, а главное, окружение мощной советской группировки на юге позволили немецкому командованию начать высвобождение оттуда подвижных соединений и сосредоточение их на западном направлении с целью возобновления наступления на Москву.

5.2. Причины поражений Красной Армии в 1941 году

Причины поражений надо видеть не в слабости СССР, обусловленной уровнем социально-экономического развития, а в негативных явлениях 1930-х годов, просчетах военного и предвоенного времени.

Были ли мы готовы к войне? В литературе времен застоя главную причину поражений в первый период войны видели в неподготовленности страны к войне, так как история отвела нам слишком ограниченное время для реорганизации и перевооружения Красной Армии. Из этого делался вывод о закономерности поражений в первый период войны.

Исторические реалии говорят о другом. Советская страна накануне войны обладала объективными предпосылками для того, чтобы дать отпор любому агрессору. Советский народ успел сделать многое, чтобы подготовиться к вражескому нападению.

Только с 1939 г. по июнь 1941 г. было сформировано 125 новых дивизий. Ассигнования на оборону, составлявшие в 1939 г. 25,6% государственного бюджета, возросли в 1940 г. до 32,6%. В начале 1941 г. они достигли уже 43,4%. Ускоренными темпами развивалась оборонная промышленность. Прирост ее продукции за три года 3-й пятилетки втрое превысил общий прирост промышленной продукции в стране. С января 1939 г. по 22 июня 1941 г. в советские войска

поступило более 7000 танков, 17 745 боевых самолетов, 29 637 полевых орудий, 52 407 минометов. За первую половину 1941 г. производство боеприпасов по важнейшим видам увеличилось на 66%.

Причины поражений Красной Армии в 1941 г. можно разделить на объективные и субъективные. К объективным факторам, которые оказали влияние на неудачи советских войск в начальный период войны на советско-германском фронте, можно отнести:

1. К моменту нападения на СССР фашистская Германия завоевала почти все страны Западной Европы. Их экономика работала на Германию, кроме того, она захватила вооружение более 200 дивизий разгромленных или капитулировавших армий европейских стран. Только во Франции агрессор захватил 4930 танков и бронетранспортеров, 3000 самолетов. Гитлеровское командование оснастило французским автотранспортом 92 дивизии.

2. Экономика Германии была полностью переведена на военные рельсы, создано слаженное военное хозяйство.

3. Фашистские войска имели двухлетний опыт ведения современной войны.

4. СССР был вынужден держать на границе с Китаем 40 дивизий, так как в течение всей войны сохранялась угроза со стороны Японии. Держали войска также на границе с Турцией. 25 августа 1941 г. введены войска в Северный Иран в соответствии с договором от 26 февраля 1921 г. В ст. 6 оговаривались условия осуществления права ввода советских войск в Иран: во-первых, попытки со стороны третьих государств «путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Ирана «захватническую политику» или превратить территорию Ирана в базу для военных выступлений против России; во-вторых, если при этом «будет угрожать опасность границам России»; в-третьих, если иранское правительство «после предупреждения» со стороны Советского правительства само «не окажется в силе предотвратить эту опасность». Кроме того, Советское правительство обязывалось после устранения данной опасности «немедленно вывести свои войска из Ирана».

Наличие этой статьи договора спасло иранский народ от фашистского порабоще-

ния во время Второй мировой войны. Всего СССР держал на границе с Китаем, Турцией и в Северном Иране 63 дивизии.

5. Фашистская Германия имела сателлитов в лице Финляндии, Италии, Венгрии, Румынии и Болгарии, кроме того, большую экономическую помощь и поддержку оказывали ей Япония, Испания, Турция. СССР же вступил в войну, не имея ни одного союзника, кроме полуфеодальной Монголии.

За годы войны Красная Армия и народное хозяйство СССР получили от братской Монголии более 500 тыс. лошадей. Говоря о значении монгольских лошадей, используемых на фронте, один из выдающихся советских полководцев-кавалеристов генерал И. А. Плиев вспоминал: «...Монгольские друзья безотказно обеспечивали нас, и неприхотливая монгольская лошадка рядом с советским танком дошла до Берлина»¹. На собранные трудящимися МНР средства были созданы танковая колонна «Революционная Монголия» и авиационная эскадрилья «Монгольский арат», прошедшие славный боевой путь.

6. Отсутствие второго фронта, который был открыт союзниками только 6 июня 1944 г. До этого момента СССР воевал один против фашистского блока.

Субъективными причинами поражения Красной Армии являются:

1. Репрессии, которые обрушились на советское общество в 1930-е годы.

Историк Г. А. Куманев считает, что используемая в наши дни цифра 44 тыс. репрессированных из числа офицерского корпуса Красной Армии не отражает действительных размеров сталинских преступлений. По архивным сведениям, только с 27 февраля 1937 года по 12 ноября 1938 г. НКВД получил от Сталина, Молотова и Кагановича санкции на расстрел 38 679 военнослужащих. Если же к этим данным прибавить более 3 тыс. уничтоженных командиров ВМФ и учесть, что истребление военных кадров имело место и до 27 февраля 1937 г. и после 12 ноября 1938 г., то число безвинно погибших одних лишь военнослужащих командного состава приблизится к 50 тыс., а общее количество репрессированных в

¹ История Монгольской Народной Республики. М., 1967. С. 375.

армии и на флоте, несомненно, превысит и это число. К 1941 г. только в сухопутных войсках не хватало по штатам 66 900 командиров. Некомплект в летно-техническом составе ВВС достиг 32,3%. Растущая армия нуждалась в большом количестве квалифицированных командных кадров, которых катастрофически не хватало. С 1937 по 1941 г. погибло 9 заместителей народного комиссара обороны, 4 наркома Военно-Морского флота, 4 командующих ВВС, 5 начальников разведуправления Генерального штаба, все командующие флотов и военных округов и т.д. В общей сложности в предвоенные годы уничтожено около 600 лиц высшего начальствующего состава. История не знает таких примеров, когда в преддверии большой войны с таким ожесточением истреблялся бы цвет армии. Даже в самой кровопролитной войне потери высшего состава не достигали таких размеров. На фронтах Великой Отечественной войны за 4 года погибли и умерли от ран 294 генерала и адмирала, т.е. вдвое меньше, чем уничтожено в застенках НКВД. Военный Совет при наркоме обороны, образованный из 85 наиболее авторитетных военачальников, был практически разгромлен в период репрессий: 68 человек погибли, еще двое умерли в тюрьме, 4 арестовывались на различные сроки. Совнарком утвердил новый состав Военного совета из 111 человек, при этом более 90% были новичками. Нарком обороны К. Е. Ворошилов с пафосом докладывал о результатах борьбы с врагами народа в армии: «Чистка была проведена радикальная и всесторонняя. Чистили мы, как и подобает большевикам, все, что подлежало очищению, начиная с самых верхов и кончая низами... Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше 4-х десятков тысяч человек».

Были приняты экстренные меры, чтобы обеспечить армию военными кадрами. Открывались училища, организовывались краткосрочные курсы, осуществлялись досрочные выпуски курсантов.

Разрушительные последствия происходивших в армии процессов выявила советско-финская война (продолжалась 105 дней), хотя были шапкозакидательские настроения.

Обороноспособность страны и боеспособность Вооруженных сил накануне испы-

таний были существенно ослаблены. Можно ли было ликвидировать такое положение за короткий срок? Нет, конечно. Считается, например, что для подготовки майора генштаба, который мог бы организовать снабжение дивизии или руководить боевыми действиями, требуется от 8 до 10 лет. Между тем была арестована и казнена почти половина персонала Генерального штаба Красной Армии. Времени для восполнения такого опустошительного урона просто не было.

Массовые репрессии породили в обществе, в том числе и в армии, гнетущую атмосферу тотальной подозрительности, болезненного недоверия. Это сковывало инициативу командиров, некоторые из них боялись самостоятельно принимать решения, так как в случае неудачи их могли обвинить в умышленном вредительстве. Возникло самое пагубное для военного организма — недоверие к составу. Оно незамедлительно сказывалось на уровне воинской дисциплины, боеготовности частей и соединений.

Маршал Василевский в своих воспоминаниях пишет: «Без тридцать седьмого года, возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом году...». Как показал на Нюрнбергском процессе генерал-фельдмаршал Кейтель, многие немецкие генералы предостерегали фюрера от нападения на СССР, считая Красную Армию весьма сильным противником. Однако Гитлер в этом отношении с конца 30-х годов придерживался иного мнения. «Первоклассный состав высших советских военных кадров, — заявил он тому же Кейтелю, — истреблен Сталиным в 1937 г. Таким образом, необходимые умы в подрастающей смене еще пока отсутствуют».

Мало того, незаконным репрессиям подверглись десятки и сотни тысяч работников промышленности, сельского хозяйства, транспорта, а также деятели науки и культуры. Репрессии пагубно повлияли на экономику страны, замедлив темпы ее развития.

2. Новейшая военная техника медленно внедрялась в производство.

Хотя темпы роста оборонной промышленности поддерживались на высоком уровне, аресты многих конструкторов, инженеров, техников имели серьезные последствия. К концу 30-х — началу 40-х годов обозна-

чило существенное отставание ряда важнейших видов вооружения от вооружения потенциального противника. Новейшие достижения в этой области медленно внедрялись в серийное производство, поскольку без одобрения Сталина ни один из образцов новейшего вооружения не утверждался к производству. Например, самолетный парк страны был значительным, но большую его часть составляли машины устаревших образцов, которые по своим летно-техническим данным значительно уступали самолетам немецко-фашистской авиации. Например, в общем парке боевых самолетов 82,7% составляли старые типы. К сожалению, и новые типы самолетов, принятые на вооружение в 1940 г. и в первой половине 1941 г., по ряду тактико-технических данных уступали германским. Главный недостаток заключался в слабом вооружении и низкой живучести. На 1 июля 1941 г., к примеру, только 9,8% общего числа истребителей имели пушечное вооружение. Было ли неизбежным качественное отставание наших машин? Едва ли, если бы в период 1937—1939 гг. не пострадала элита нашей авиации, руководившая подготовкой летчиков, самое главное, изобретавшая и внедрявшая новые самолеты. В 1937 г. разгромлено лучшее в стране и, вероятно, даже в мире конструкторское бюро (КБ) А. Н. Туполева, способное выпустить самолет любого типа.

Вина также лежит на заместителях наркома обороны Г. И. Кулике, Л. З. Мехлисе и Е. А. Щаденко. Снимая старое вооружение, они долго прикидывали, как отнесется к новым образцам Сталин, не решались их одобрить. По настоянию Кулика перед самой войной сняли с производства 76- и 45-мм пушки, которые должны были служить главным средством борьбы с немецкими танками. Вместо них он с одобрения Сталина навязал выпуск 107-мм орудия, которое будто бы хорошо зарекомендовало себя в обороне Царицына в 1918 г.

Вообще в этом плане ошибок сделано немало. В ноябре 1939 г. расформировали танковые корпуса. Тогдашнее руководство Наркомата обороны не видело перспектив в использовании на театре военных действий танков КВ и Т-34, опытные образцы которых появились еще в 1936—1939 гг. Если бы

не вмешательство Политбюро ЦК ВКП(б), новые танки так и не начали бы поступать в приграничные округа до начала войны. К июню 1941 г. их насчитывалось в войсках 1,5 тыс. Однако освоить их танкисты не успели. «Но, несмотря на это, Советский Союз обладал таким материальным и духовным потенциалом, что мог оказать отпор фашистской агрессии при умелом использовании имеющихся сил и средств», — считает академик Самсонов.

3. Просчеты и ошибки политического и военного руководства страны во внутренней и внешней политике привели к наихудшему варианту первого периода войны.

Договор 23 августа 1939 г. — необходимый договор, который не выходил за рамки международного права (такие договоры с Германией о ненападении имели Англия, Франция, страны Прибалтики и Польша и т.д.). Однако к этому договору имелись секретные протоколы о разделе сфер влияния между Германией и СССР, поэтому действия Советского правительства после его подписания шокировали мировое общественное движение. Договор 28 сентября 1939 г. «О дружбе и границах» остался черной страницей в нашей истории. Со страниц нашей прессы исчезло осуждение фашизма — создавалось впечатление примирения с ним. В высказываниях наркома иностранных дел Молотова содержались оскорбительные выпады против Польши, устраивались совместные парады победы по случаю поражения Польши в Бресте, Гродно, Львове. Обязывали ли советско-германские договоры советское руководство поздравлять Гитлера с взятием Варшавы, Парижа или желать успехов в агрессии против Дании и Норвегии и т.д.? Вся эта политика «умиротворения Гитлера» сыграла отрицательную роль не только для собственной страны, но и для международного коммунистического движения.

В соответствии с целым рядом экономических соглашений, подписанных с Германией, СССР вплоть до начала войны поставлял ей стратегические материалы и сырье, постоянно сталкиваясь с невыполнением гитлеровцами их собственных экономических обязательств в отношении нашей страны. Так, к началу войны на территории

Германии оказалась большая группа моряков советского торгового флота. Судьба этих моряков была трагической.

Главное, считал Сталин, не спровоцировать, так как он боялся Германии. Ведь прекрасно понимал, к чему он привел страну. Был уверен, что пока Германия не расчисляется с Англией, на это уйдет два года, не пойдет на нарушение договора от 23 августа 1939 г. Хотя последние месяцы перед войной ясно давали знать, что Германия начнет войну против СССР. Ведь происходила концентрация немецких войск вблизи границ советской территории. Перед самым началом войны, как пишет Жуков в своих «Неопубликованных воспоминаниях», Сталин разрешил немцам искать трупы солдат, захороненных на территории нашей страны (направления Брест, Гродно, Броды). На возражения Жукова, что это — «неприкрытая разведка», Сталин заявил: «Не стоит ссориться из-за мелочей!». 10—12 групп немцев ходили по тылам, характерно то, что потом на этих направлениях проникала авиационная разведка. Группы искали на глубине 10 км, авиация — до 50 км.

Только за первую половину 1941 г. германские самолеты 324 раза вторгались в воздушное пространство СССР, производя разведку и аэрофотосъемку. Причем в ряде случаев они пролетали над советской территорией до 100 и более километров. Однако было строжайшее указание Сталина: огня не открывать, ограничиваясь только составлением акта о нарушении государственной границы. За 11 предвоенных месяцев наши пограничники задержали около 5 тыс. лазутчиков.

14 июня 1941 г. в советских газетах опубликовано Сообщение ТАСС, в котором опровергались появившиеся в западной печати слухи о предстоящей войне и утверждалось, что «Германия также неуклонно соблюдают условия советско-германского договора о ненападении, как и Советский Союз», ввиду чего, «по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы».

Со стороны Сталина это была попытка любой ценой «умиротворить Гитлера», чтобы избежать войны в 1941 г. и оттянуть ее начало хотя бы до 1942 г., поскольку Сталин

как никто другой понимал, что страна не готова к войне. Израильский историк Г. Городецкий называет эту политику Сталина «роковым самообманом».

Конечно же, сообщение неправильно ориентировало советских людей, притупляло бдительность войск, породив уверенность, что правительство располагает какими-то данными, позволяющими ему оставаться спокойным за безопасность западных границ.

4. Своевременно не были приведены в боевую готовность наши войска в западных приграничных военных округах, как предлагали нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Жуков.

В соответствии со строжайшими указаниями Сталина всякая инициатива со стороны командующих войсками округов, армиями и флотами по приведению в боевую готовность частей и соединений стала немедленно пресекаться руководством Наркомата обороны и Генерального штаба. 10 июня Генштабом направлена телеграмма в адрес командующего Киевским особым военным округом генерала Кирпоноса; 20 июня подобное предупреждение направлено командующему Прибалтийским военным округом генералу Кузнецову за то, что отдал распоряжение о приведении в боевую готовность системы ПВО округа.

За десять дней до фашистского нападения всем командующим приграничными округами приказано во избежание могущих быть провокаций запретить полеты нашей авиации в десятикилометровой пограничной полосе. И это в то время, когда война уже стучала у порога.

17 июня немецкие суда начали уходить из советских портов.

18 июня было установлено, что немецкие войска занимают исходное положение.

С утра 21 июня в Берлине руководство министерства иностранных дел не желало встречаться с советскими дипломатами.

5. Маршал Шапошников, еще в бытность начальником Генштаба, на основе анализа исторических, географических и оперативно-стратегических факторов сделал вывод, что в случае войны с Германией главный удар надо ожидать на смоленско-московском направлении, а Сталин счи-

тал — на Украину, так как Германии нужен украинский хлеб. Мнение Сталина стало директивным для нашего военного командования, поэтому советские войска прикрывали юго-западное направление. Соотношение сил и средств советских войск и войск противника в полосе Киевского особого военного округа на 22 июня 1941 г. составляло: в живой силе 1,2 : 1; по орудиям и минометам 1,4 : 1; по средним танкам (Т-34) и тяжелым (КВ) танкам 3,5 : 1; по легким танкам (Т-26, БТ-7) — 5 : 1; по самолетам — 2,5 : 1 в нашу пользу. Причины неудач и поражений крылись не столько в соотношении сил, сколько в неспособности распорядиться ими.

6. Красная Армия была приучена только наступать, но не обороняться: господствовало мнение, что если будет война, то на чужой территории и с малой кровью.

7. Утвердилось мнение, что врага можно «шапками закидать», так как «Красная Армия всех сильнее».

8. Кадровая чехарда в высших звеньях командования. Только за 1 год (с лета 1940 до лета 1941 г.) трижды менялись начальники Генштаба: Шапошникова сменил Мерецков, его Жуков, опять Шапошников.

9. Репрессии в начале войны: казнен полностью весь командный состав Западного фронта во главе с генералом Павловым. Такие же репрессии имели место и на других фронтах.

10. По мнению историка Б. А. Тома-на, отрицательное влияние в начале войны

оказывала приверженность традиционным мифам, согласно которым народные массы капиталистических стран при всех обстоятельствах глубоко враждебны своим правительствам и в случае войны с СССР немедленно перейдут на его сторону. Даже 6 ноября 1941 г., когда гитлеровцы стояли у стен Москвы, Сталин заявил о том, что в германском народе произошел «глубокий перелом против продолжения войны, за ликвидацию войны», что германский тыл немецких войск представляет вулкан, готовый взорваться и похоронить гитлеровских авантюристов». Все это не только не способствовало мобилизации всех сил народа, но и поддерживало у тех, кто далеко от фронта, настроение мирного времени, веру в фатальную предопределенность победы.

Вредно сказывались, особенно в первое время, такие установки и на моральном духе войск. Только осознание смертельной опасности, нависшей над СССР, над каждым народом, каждым советским человеком, сплотило всех перед лицом врага. Только через год, отмечалось на заседании Совета военно-политической пропаганды 6 июля 1942 г., «бойцы и командиры стали беспощаднее и злее. Нет того благодушия, какое было в начале войны».

Все эти объективные и субъективные причины привели к поражениям Красной Армии летом и осенью 1941 г.

6. КРУШЕНИЕ ГИТЛЕРОВСКОГО «БЛИЦКРИГА»

Рекомендуемые источники: 71; 191.

Рекомендуемая литература: 10; 12; 14; 15; 25; 28; 29; 31; 33; 39; 55; 56; 86; 109; 111; 112; 136; 168; 179; 189.

6.1. Героическая оборона столицы (30 сентября — 5 декабря 1941 г.)

В конце сентября 1941 г. началась Московская битва — одна из крупнейших битв Второй мировой войны.

Планируя так называемый «блицкриг», гитлеровское руководство рассчитывало с ходу через Смоленск прорваться к советской столице и овладеть ею. Гитлер мечтал 15 августа захватить Москву, а 1 октября закончить войну с Россией. 24 июля 1941 г. генерал-фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий «Центр», внес последние коррективы в план операции «Тайфун». Однако войска Красной Армии в летних оборонительных боях сорвали его замысел.

В ходе Смоленского сражения «блицкриг» дал первую крупную трещину, когда враг был вынужден впервые перейти к обороне. Несмотря на это, немецко-фашистское командование не отказалось от своего намерения. 6 сентября (директива № 35) оно снова принимает решение захватить Москву. Гитлеровцам казалось, что с выполнением этой задачи будет достигнута конечная цель блицкрига — разгром СССР.

Ставка делалась на сокрушение советской обороны мощными стремительными ударами. Поэтому и сама готовившаяся операция получила крикливое название — «Тайфун». Нацистский фюрер определил ее как «решающее сражение года», а значит, и всего Восточного похода.

Московская битва развернулась на огромном пространстве. Она делится на два периода: период оборонительных действий

(30 сентября — 5 декабря 1941 г.) и период контрнаступления (5—6 декабря 1941 г. — 20 апреля 1942 г.). Период контрнаступления делится, в свою очередь, на два этапа: с 5—6 декабря по 7—8 января 1942 г. — наступление советских войск на западном направлении; с 8—10 января по 20 апреля — наступление на всем советско-германском фронте. Битва велась на огромном фронте, протянувшимся с севера на юг на 600—800 км и доходившем временами до 1000 км, имевшем глубину свыше 400 км. Московская битва длилась 203 дня.

С захватом Москвы Гитлер связывал судьбу развязанной им войны и свои притязания на мировое господство. Как свидетельствует проект директивы № 32, агрессоры уже в 1941 г. намеревались приступить к завоеванию Среднего Востока, а затем Индии, где предполагалась встреча германских и японских войск. Другие документы указывают, что вслед за решением «английской проблемы» фашисты намеревались устранить влияние англосаксов в Северной Америке.

К концу сентября на западном направлении действовали три фронта: Западный, Резервный и Брянский. Еще летом враг был остановлен на рубеже озеро Ильмень — Ярцево — Жуковка. 27 сентября Ставка отдала приказ о переходе войск в жесткую оборону, потребовав от командования фронтов срочно подготовить оборонительные рубежи. Но времени было слишком мало, и войска не смогли надежно оборудовать их.

Еще перед началом наступления на Москву гитлеровское командование обратилось

к своим войскам со следующим призывом: «Солдаты! Перед вами Москва! За 2 года войны все столицы континента склонились перед вами, вы промаршировали по улицам лучших городов. Вам осталась Москва! Заставьте ее склониться, покажите ей силу нашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва — это конец войны. Москва — это отдых».

Но гитлеровцы стремились не только захватить Москву, но и уничтожить ее вместе с жителями. Сохранился текст выступления Гитлера в штабе армий «Центр» перед началом наступления на Москву. «Там, — говорил Гитлер, — где стоит сегодня Москва, будет создано огромное озеро, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского государства».

Фашистское командование замышляло прорвать оборону советских войск ударами мощных танковых группировок из районов Духовщины, Рославля, Шостки, окружить в районах Вязьмы и Брянска основные силы Западного, Резервного и Брянского фронтов. После этого пехотным соединениям предписывалось фронтальное наступление на Москву с запада, а танковым и моторизованным — нанести удары в обход города с севера и юга. Москву гитлеровцы рассчитывали блокировать, а ее население уморить голодом. На совещании в штабе группы армий «Центр» осенью 1941 г. Гитлер заявил, что город должен быть окружен так, чтобы «ни один русский солдат, ни один житель — будь то мужчина, женщина или ребенок — не могли его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой».

Во время подготовки операции «Тайфун» гитлеровское командование провело перегруппировку сил. На московское направление из группы армий «Север» были переброшены 4-я танковая группа (4 танковые и 2 моторизованные дивизии) и авиационный корпус; из группы армий «Юг» — 2 танковые и 2 моторизованные дивизии; из резерва — 2 танковых соединения.

Никогда ранее немцы не использовали столь огромных сил в составе одной группы армий и не развертывали на одном стратегическом направлении три танковые группы из четырех. Всего было задействовало 75 немецких дивизий, в том числе 14 танковых и

8 моторизованных. На Москву враг бросил танковых и моторизованных дивизий больше, чем в мае 1940 г. против Франции, Бельгии и Нидерландов вместе взятых. На советскую столицу было нацелено 42% личного состава, 75% танков, 50% самолетов, 33% орудий и минометов из общего количества вражеских сил, находящихся на восточном фронте. Соотношение сил представлено в таблице 2.

Таблица 2

Соотношение сил на московском направлении

	Живая сила	Орудия и минометы	Танки	Самолеты
Германия	1800 тыс.	св. 14 тыс.	1700	1390
СССР	1250 тыс.	7600	990	677
Превосходство	1,4 раза	1,8 раза	1,7 раза	2 раза

В общей сложности на полях Подмосковья в сражении участвовало с обеих сторон 7035 тыс. человек (в начале битвы 3179 тыс.), более 53 тыс. орудий и минометов, 6,5 тыс. танков, 3 тыс. самолетов.

Основные силы гитлеровцев были развернуты в трех компактных группировках. Это обеспечило им многократное превосходство на направлениях главных ударов. Так, например, в полосе обороны 30-й и 19-й армий Западного фронта противник превосходил советские войска: в людях — в 3 раза, в танках — в 1,7 раза, в орудиях и минометах — в 3,8; в полосе 13-й армии Брянского фронта: в людях — в 2,6 раза; в артиллерии — в 4,5 раза.

К сожалению, ни нашему Генеральному штабу, ни штабам фронтов не удалось своевременно обнаружить сосредоточение столь мощной группировки противника, раскрыть его замысел и начало (день и время) операции «Тайфун».

Наступление немцев на Москву началось 30 сентября ударом 2-й танковой группы на Брянском направлении в районе Шостки, а 2 октября на Вяземском направлении обрушились основные силы группы армий «Центр».

Развернулись тяжелые бои. Советские войска стойко отражали удары врага. Однако слабость их оборонительных рубежей и многократное превосходство противника в живой силе и технике позволили ему в первый же день вклиниться в полосы обо-

роны фронтов. Врагу на московском направлении противостояли 3 фронта: Западный (с 10 сентября командующим стал генерал Конев, ему было 43 года), Резервный (вместо Жукова, когда он был направлен в Ленинград, был назначен маршал Буденный), Брянский (командующий — сорокадевятилетний генерал Еременко).

Ставка потребовала от командующих фронтами энергичными мерами восстановить положение. Но обстановка становилась угрожающей. На стыке между 30-й и 19-й армиями Западного фронта враг прорвал оборону наших войск и уже в первые дни наступления на Москву значительно продвинулся вперед — в полосе Западного фронта до 50 км, Резервного — до 80 км. В полосе Брянского фронта части врага, преодолев почти 200 км, ворвались в Орел. По словам Гудериана, «захват города произошел для противника настолько неожиданно, что когда наши танки ворвались в Орел, в городе еще ходили трамваи». Захватив Орел (3 октября), Ярцево, Дорогобуж, Ельню, Спас-Деменск (4 октября), 5 октября он овладел Юхновым. Дорога на Москву через Малоярославец оказалась открытой.

5 октября враг прорвал первую линию обороны — между Ржевом и Вязьмой. В боях под Вязьмой оказались в окружении дивизии народного ополчения города Москвы (в июле в Москве было сформировано 12 дивизий народного ополчения, всего 16 дивизий).

У той идеи был маститый автор — секретарь ЦК, МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербаков. Именно он, выступая на заседании ГКО, предложил: оборонять подступы к Москве, кроме кадровых частей, должны и сами москвичи. 4 июля ГКО принял постановление «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения». В соответствии с ним намечалось формирование 12 дивизий народного ополчения. В каждой дивизии предусматривалось иметь 11,6 тыс. бойцов и командиров. К 10 июля в основном укомплектованы 12 дивизий народного ополчения.

«В ополчение записывались просто, — рассказывали ветераны. — В институте по рядам ходил листок бумаги. И кто хотел,

вписывал свою фамилию. Тех, кто не записался, мы презирали». Дело добровольное, а это значит — в ополчение записывались самые совестливые, честные, мужественные. Вглядимся в их лица. На сборный пункт торопится Сергей Кудашев, потомок старинного рода. Одному его прадеду Державин посвятил поэтические строки в стихотворении «Певец во стане русских воинов», другому — Кутузов вручил именную шпагу «За храбрость». Сергей Кудашев, став артиллеристом, погибнет под гусеницами танков. С вещевым мешком идет профессор Московской консерватории А. Б. Дьяков, выдающийся пианист, лауреат международного конкурса. Он не выйдет из окружения и погибнет в концлагере. Актер театра Виктор Розов, будущий драматург. Он будет тяжело ранен. Ему, истекающему кровью, скажет его друг, актер Сергей Шумов, предчувствуя свою гибель: «Завидую тебе, Витя...». Все они уходили рядовыми бойцами — студенты и преподаватели МГУ, МГПИ им. Ленина, консерватории, юридического института, писательская рота, рабочие «Трехгорки», ученые, конструкторы в гражданской одежде. Вместо мисок брали с собой тетради с формулами и проектами, томики стихов...

С вещевыми мешками уходили тысячи тех, с кем связывали надежды в науке, искусстве. Им долго махали вслед. Никто еще не знал, что с ними будто душа отлетала от Москвы. Такой страшной будет потеря. Писатель Юрий Лебединский записывает в своем дневнике: «Идти мне трудно, в глотке горит, на ногах лопаются пузыри. Идешь будто по стеклу. Так идем мы на запад. За околицей начинаем рыть окопы. Все глубже уходишь в землю. Не только руки болят, не только плечи и поясница, ноют кости, тянет внутренности. Может быть, завтра здесь нам придется сражаться». Пешим ходом шли к фронту. Триста километров, если считать по прямой.

В сентябре 1996 г. двое поисковиков братья Акимовы нашли под Вязьмой около деревни Панфилово железный сейф, в котором хранились документы политотдела 22-го полка 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения. Почти в каждом документе, идущим под грифом «секретно», ощущаешь будущую трагедию. Политруки пишут в донесениях: многие ополченцы не умеют

стрелять, не хватает винтовок и гранат. «На 90 бойцов получили 50 учебных патронов. Ждем гранаты. Пока склад полка не дает их». «Наши бойцы совершенно не обучены. И в таком состоянии они представляют собой хорошую мишень или пушечное мясо». « $\frac{2}{3}$ бойцов никогда не стреляли из винтовки, не умеют вести штыковой бой, метание гранат и т.д. Ополченцы учатся военному делу на привалах...».

Рассказ, который записала журналист Людмила Овчинникова в Москве: «Мы выкопали окопы рядом с шоссе на дороге. Никто из нас до этого не был в боях. Мы замерли, услышав грохот танковых моторов. Нас охватило оцепенение. Все, что было в наших руках — бутылки с зажигательной смесью и гранаты, — стали бросать по танкам. Сколько мгновений это длилось? Немцы стали буквально расстреливать нас. Кругом стонут раненые». Многие из них попали в плен и погибли в немецком плену. Один из ополченцев сказал: «Под Вязьмой погибла московская интеллигенция. Ее лучшая часть — элита. Мы-то знаем об этом».

7 октября враг вышел в район Вязьмы, где в окружении оказались 5 советских армий Западного и Резервного фронтов и 12 дивизий народного ополчения, которые сковали 28 немецких дивизий, а позднее 14. Военный Совет Западного фронта подчинил все окруженные под Вязьмой войска командующему 19-й армией генерал-лейтенанту М. Ф. Лукину и приказал организовать прорыв. Окруженные войска в течение двух недель вели упорные бои. Все это позволило выиграть время для подготовки обороны.

Враг рвался вперед и на других направлениях. 6 октября он захватил Карачев и Брянск и 9 октября замкнул кольцо в районе Брянска. Войска Брянского фронта оказались рассеянными на 3 части, а пути их отхода — перехваченными. Таким образом, в результате немецкого наступления значительная часть соединений Западного, Брянского и Резервного фронтов попали в окружение в районе Вязьмы и Брянска. Лишь небольшой части окруженных удалось осуществить прорыв и с тяжелыми боями выйти на Можайскую линию обороны. Из вяземского котла вышло до 85 тыс. человек, из Брянского — 23 тыс. человек. Историк

В. Анфилов, опираясь на немецкие источники, приводит данные, что попали в плен 663 тыс. советских солдат и офицеров. По немецким данным, за 2—3 недели боев под Москвой Красная Армия потеряла 1 млн. человек, из них 688,3 тыс. пленными.

В нашей обороне образовалась огромная брешь шириной в 500 км, открывавшая врагу чуть ли не беспрепятственный путь к советской столице. Сплошной линии обороны не было, резервами для закрытия брешей командующие фронтами не располагали. Возникла реальная угроза прорыва противника на Москву.

Успех под Вязьмой и Брянском вызвал бурю ликования в третьем рейхе. Впервые после начала «восточного похода» публично выступил Гитлер, который заявил о том, что «противник разгромлен и больше никогда не поднимется».

5 октября ГКО принял специальное постановление о мерах по защите Москвы. Главным рубежом войск Западного фронта была определена Можайская линия обороны в 120—130 км от Москвы (2-я линия обороны). 6 октября Ставка дала директивные указания о приведении этого участка в боевую готовность и выделении для этого из ее резерва шести стрелковых дивизий, шести танковых бригад, более десяти противотанковых артиллерийских полков и пулеметных батальонов. Сюда спешно перебрасывались также несколько дивизий Северо-Западного и Юго-Западного фронтов. Всего в течение недели к Можайскому рубежу было подтянуто 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, более 40 артиллерийских полков и ряд других частей. Но эти соединения не были полностью укомплектованы, их общая численность не превышала 90 тыс. человек.

8 октября для проведения специальных мероприятий по предприятиям г. Москвы и Московской области ГКО организовал специальную комиссию (пятерку) в составе заместителя наркома внутренних дел И. Я. Серова, начальника управления НКВД Н. А. Журавлева, секретаря МГК ВКП(б) Г. М. Попова, секретаря МК ВКП(б) Б. Н. Черноусова и начальника Главного военного инженерного управления НКО СССР Л. З. Котляра. Комиссии было предписано в односторонний срок определить и представить

в ГКО список предприятий, «на которых должны быть проведены специальные мероприятия». 9 октября комиссия представила этот список, куда вошли 1119 предприятий, которые подлежали уничтожению, из них 412 предприятий, имеющих оборонное или частично оборонное значение, путем взрыва, а 707 предприятий — путем механической порчи и поджога. В районах города Москвы и Московской области были созданы тройки в составе первого секретаря райкома ВКП(б), начальника РО НКВД и представителя инженерных войск.

В условиях резкого ухудшения обстановки на фронтах не состоялся Пленум ЦК, намеченный Политбюро на 10 октября 1941 г. Решение о созыве принято 2 октября. Повестка: 1. Военное положение. 2. Партийная и государственная работа для обороны страны.

За день до его открытия, когда в Москву прибыла большая часть членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), последовало новое решение: «Ввиду создавшегося недавно тяжелого положения на фронтах и нецелесообразности отвлечения с фронтов руководящих товарищей... отложить Пленум ЦК на месяц».

Однако Пленум так и не был созван без каких-либо оснований до января 1944 г. Действительно, обстановка обострилась. Но вряд ли это должно было стать главной причиной отмены столь важного мероприятия. Не исключено, что на какое-то время Сталин вновь оказался в состоянии глубочайшей подавленности и растерянности, как это с ним уже было в первые часы войны и в конце июня. Возможно, как и 22 июня, когда Сталин отказался выступать по радио, у него не хватило мужества, чтобы прямо и четко объяснить членам Пленума, почему страна оказалась на краю гибели. Сталин не пожелал встретиться с прибывшими на Пленум членами и кандидатами в члены ЦК партии, сославшись на большую занятость, и поручил это сделать секретарю ЦК Андрееву и Маленкову. По свидетельству бывшего управляющего делами СНК СССР Я. Е. Чадаева, в этот период поступали многочисленные письма в адрес правительства и лично Сталина. Авторы некоторых из них требовали объяснений, «почему наша армия терпит по-

ражения; спрашивали, что намерено делать правительство, чтобы остановить врага; высказывали критику в адрес Сталина. Многие из этих писем читал сам Сталин».

В связи с нависшей над столицей угрозой 7 октября в Москву из Ленинграда срочно был вызван Жуков.

В целях объединения руководства войсками западного направления и организации более четкого управления ими ГКО и Ставка 10 октября передали армии Резервного фронта в состав Западного фронта, а командующим назначили генерала Жукова. Прежний командующий Западным фронтом Конев стал заместителем Жукова. Этому фронту были переданы и войска Можайской линии обороны. 2 ноября 1941 г. Жуков пишет письмо члену Военного Совета Ленинградского фронта А. А. Жданову: «Сейчас действуем на западе — на подступах к Москве. Основное это то, что Конев и Буденный проспали все свои вооруженные силы. Принял от них одно воспоминание: от Буденного штаб и 98 человек, от Конева — штаб и два запасных полка». Жуков остановил врага, который в 7—9 раз превосходил силы Западного фронта. «Вскоре после того, как я вступил в командование Западным фронтом, — вспоминал маршал Жуков впоследствии, — мне позвонил В. М. Молотов, заместитель председателя Государственного комитета обороны, член Ставки, и пригрозил расстрелом в том случае, если мне не удастся остановить продвижение немецко-фашистских войск к Москве».

7 октября внезапно и резко изменилась погода: осень превратилась в раннюю зиму, затяжные дожди сменились снегопадом и метелями.

12 октября ГКО принял решение о создании оборонительных рубежей непосредственно в районе столицы. Главный из них строился в 15—20 км от Москвы в форме полукольца. В самом городе возводились три пояса укреплений: по его окраинам, по окружной железной дороге и по Садовому кольцу. Вся система рубежей на ближних подступах к столице получила наименование Московской зоны обороны, которую возглавил командующий Московским военным округом генерал-лейтенант П. А. Артемьев. В нее вошли части столичного гарни-

зона, формирования народного ополчения и дивизии, прибывшие из резерва Ставки. Москва была разбита на два сектора обороны: Северный и Южный. За короткий срок Москва покрылась сетью баррикад, противотанковых препятствий и др. Общая протяженность противотанковых препятствий превышала 113 погонных км, противопехотных препятствий — 46 км, количество огневых точек — 1400 штук, установлено было свыше 24 000 металлических ежей.

Тем временем обстановка на фронте все более осложнялась. 10 октября фашисты возобновили наступление на калининском направлении. 14 октября ворвались в Калинин. Северо-западную часть города советские воины удерживали до 17 октября. Враг рвался к столице, предвкушая скорую победу. В приказе по группе армий «Центр», направленном в войска 15 октября, падение Москвы преподносилось как неизбежный факт. «Капитуляция Москвы не должна быть принята, если она будет предложена противником. До захвата она должна быть измотана артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а ее население обращено в бегство».

15 октября ГКО принял постановление об эвакуации столицы под грифом «совершенно секретно»: «Ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонительной линии, ГКО постановил: 1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев... 2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также правительство во главе с заместителем Председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке). 3. Немедленно эвакуироваться органам Наркомата обороны и Наркомвоенмора в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба — в г. Арзамас. 4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД — т. Берия и т. Щербакову — произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также всего электрооборудования метро (исключая водопровод и канализацию). Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин».

А. Микоян так описывал ту критическую обстановку: 15 октября в 8 часов вдруг

меня будит сотрудник охраны и сообщает, что Сталин просит в 9 часов зайти к нему. Пришли Молотов, Маленков, Берия, Вознесенский, Щербаков, Каганович. Сталин внешне держался спокойно. Коротко изложил обстановку, сказав при этом, что до подхода наших войск немцы попытаются раньше подбросить свои резервы, и фронт под Москвой может быть прорван. Он предложил срочно, сегодня же эвакуировать правительство и важнейшие управления, видных политических и государственных деятелей, подготовить город на случай прорыва фронта противником и вторжения его в Москву. Сталин приказал заминировать важнейшие машиностроительные заводы и другие предприятия, которые в случае занятия столицы могут быть использованы неприятелем для военных нужд и производства боеприпасов. Сталин предложил всем членам Политбюро и ГКО выехать сегодня, «а я выеду завтра утром, — сказал он».

Эти документы красноречиво свидетельствуют о том, что в середине октября страна оказалась на волоске от гибели и твердой уверенности в неприступности Москвы в октябре 1941 г. у Сталина не было.

16 октября, когда уже шла массовая эвакуация населения, московских предприятий и учреждений, в городе возникла довольно напряженная обстановка.

В ночь с 15 на 16 октября после принятия постановления ГКО от 15 октября «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы» началась поспешная эвакуация в глубь страны ряда организаций и учреждений (правительства, управлений Генштаба, военных академий, наркоматов, посольств, заводов и др.). Осуществлялось минирование крупнейших заводов, электростанций, мостов, метро. 16 октября в Москве не открылись двери метро, продукты во многих магазинах, к удивлению покупателей, не продавались, а раздавались бесплатно. Было принято решение о продаже рабочим и служащим сверх нормы по одному пуду муки и зерна, о выдаче вперед месячной оплаты. Из-за массового бегства руководителей предприятий и организаций, остановки метро и отсутствия информации предпринятые действия властей вызвали недоумение, недовольство, растерянность, смятение части населения.

В самом деле, как отмечалось в немецком документе, многие представители советских органов власти «спасали себя, бросив население на произвол судьбы». Думается, этот факт во многом объяснялся кадровым ослаблением Московской партийной организации в первые месяцы войны, когда многие добровольцами и по мобилизации ушли на фронт. За 16—18 октября, по неполным данным, из 438 предприятий, учреждений и организаций сбежало 779 руководящих работников. Бегство отдельных руководителей предприятий и учреждений сопровождалось крупными хищениями материальных ценностей и разбазариванием имущества. За эти дни было похищено наличными деньгами 1 484 000 рублей, ценностей и имущества — на сумму 1 051 000 рублей. Угнано сотни легковых и грузовых автомашин.

Свидетельствует чекист Б. Я. Чмелев: «Единственная дорога, которая еще связывала Москву с другими городами страны, — это была дорога на Рязань. Все другие были либо перекрыты немцами, либо обстреливались. Уже стали грабить магазины, прежде всего ювелирные, а наши группы уже задерживали этих негодяев. Я помню, что мы отправили в трибунал одного из таких воругов, который пытался вывезти на детской коляске два чемодана с бриллиантами и золотом. <...> Два полных чемодана! У людей уже появилось неверие в то, что Москву удастся удержать, народ побежал из города. Кто в чем. Хватали какие-то чемоданчики, портфельчики, сумочки, набивали каким-то барахлишком. Народ шел валом по Рязанскому шоссе. Начинался исход из Москвы. <...> Так продолжалось дня три, не больше — с 16 по 20 октября».

Журналист Н. К. Вержбицкий в своем дневнике записал: «Да, 16 октября 1941 г. войдет позорнейшей датой, датой трусости, растерянности и предательства в историю Москвы. И кто навязал нам эту дату, этот позор? Люди, которые первые трубили о героизме, несгибаемости, долге, чести... Опозорено шоссе Энтузиастов, по которому в этот день неслись автомобили вчерашних «энтузиастов» (на словах), груженные никелированными кроватями, кожаными чемоданами, коврами, шкатулками, пузатыми бумажниками и жирным мясом хозяев всего

этого барахла. А сейчас мне сообщают, что у Абельманской заставы толпа сама задерживала бегущих и выволакивала их из машин. Толпа всегда честная, в плохом и хорошем.

17 октября. Сняли и уничтожили у всех парадных список жильцов. Уничтожены все домовые книги. Никто теперь не должен прописываться, ни выписываться. Пенсионерам выдали на руки все документы... Сегодня метро работает нормально. Вчера было закрыто».

В архиве сохранилась и другая, не менее красноречивая запись, в ней художественный редактор москвич Г. В. Решетин так вспоминал об октябрьских днях 41-го года: «16 октября 1941 г. Шоссе Энтузиастов заполнилось бегущими людьми. Шум, крик, гам. Люди двинулись на восток, в сторону Горького... Застава Ильича. Отсюда начинается шоссе Энтузиастов. По площади летают листы и обрывки бумаги, мусор, пахнет гарью. Какие-то люди то там, то здесь останавливают направляющиеся к шоссе автомашины. Стаскивают ехавших, бьют их, сбрасывают вещи, расшвыривая их по земле. <...>

В ночь с 16 на 17 октября 1941 г. Все шоссе — сплошной поток людей, идущих на восток. Коляски, тачки, тележки. Большинство несет пожитки на своих плечах» [18, с. 191, 194, 196; 56].

Поступали сообщения о попытках грабежей квартир, магазинов, складов. Но решительными мерами органов НКВД беспорядки были пресечены. К 18 октября порядок в Москве был восстановлен.

Многие москвичи были убеждены, что враг не пройдет, продолжался выпуск продукции, необходимой для фронта, формировались рабочие батальоны.

17 октября секретарь ЦК Щербаков по радио сообщил, что Сталин остался в городе. «За Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови», — заявил он.

В этот же день на базе войск правого крыла Западного фронта был создан Калининский фронт (командующий — генерал-полковник Конев). Чуть позже под Москву прибыли с Дальнего Востока несколько стрелковых и танковых дивизий, что стало возможным после поступившего из Токио

сообщения советского разведчика Рихарда Зорге о том, что японское правительство решило не вступать в 1941 г. в войну с Советским Союзом.

Ожесточенные бои разыгрались на подступах к Можайску. Подоженный фашистскими бомбардировщиками город пылал. 18 октября под мощным натиском противника советские войска вынуждены были оставить его.

18 октября танки противника ворвались и в Малоярославец.

Гитлеровцы прорвались на нескольких участках, и бои шли уже в 80—100 км от Москвы. Она стала прифронтовым городом. Участились воздушные бомбардировки. Первый налет произошел в ночь с 21 на 22 июля 1941 г. За время войны в Москве 141 раз объявлялась воздушная тревога. Прорывы немецкой авиации к городу имели место в 1941—1942 гг. (попытка налета в 1943 г. не увенчалась успехом). Но Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и Ставка ВГК во главе со Сталиным на протяжении всей битвы оставались в столице, организуя отсюда силы и средства страны на разгром врага. Несмотря на уговоры Берии, Маленкова, Кагановича покинуть Москву, Сталин остался в столице.

Документом огромной мобилизующей силы явилось постановление ГКО от 19 октября о защите Москвы. Ответственность за защиту рубежей в 100—120 км западнее столицы возлагалась на командующего Западным фронтом Жукова, а за оборону ближайших подступов — на командующего Московским военным округом генерал-лейтенанта П. А. Артемьева.

С 20 октября в Москве и прилегающих к ней районах вводилось осадное положение. ГКО призвал всех жителей столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии всякое содействие.

Грудью встали москвичи на защиту города. В июле было сформировано 12 дивизий народного ополчения, 56 истребительных батальонов, 25 рабочих и коммунистических батальонов. Сотни тысяч жителей столицы в осеннюю стужу и распутицу возводили оборонительные сооружения. В короткий срок были построены внешний оборонительный пояс и укрепле-

ния внутри города. Противотанковые рвы, лесные завалы, металлические ежи опоясали Москву с северо-запада, запада и юго-востока. Москве помогала вся страна.

Соединения второй танковой немецкой армии 30 октября подошли к Туле, к оружейной кузнице Советского Союза и южным воротам Москвы. Но ворваться с ходу они не смогли. Их остановили ослабленные в тяжелых боях, но крепкие духом войска 50-й армии. На защиту Тулы вместе с войсками поднялось все население города. Все коммунисты и комсомольцы, способные носить оружие, встали в ряды бойцов. Их примеру последовали многие беспартийные. В то время как вооруженные отряды рабочих вместе с воинскими частями отражали яростные атаки гитлеровцев, тысячи туляков под огнем противника возводили баррикады, рыли окопы и противотанковые рвы, строили дзоты. В защите Тулы большую роль сыграл городской комитет обороны во главе с секретарем областного комитета партии В. Г. Жаворонковым.

Героическая оборона Тулы явилась заключительным этапом октябрьских оборонительных боев на южных подступах к столице. Эти бои сыграли огромную роль в стабилизации Брянского фронта и обеспечении устойчивости левого крыла Западного фронта.

В первых числах ноября наступление противника на Москву было остановлено почти на всех направлениях. Такой исход октябрьских боев был явно неожиданным для фашистского командования. Свои неудачи оно стало объяснять осенними дождями и распутицей, якобы затормозившими продвижение немецких войск. Не распутица, не холодные осенние дожди, а величайшая стойкость и выдержка советских воинов, беспримерное мужество и неисчерпаемые силы народа, глубоко верившего в победу своего правого дела, остановили врага у ворот Москвы.

Однако затишье на подступах к столице было тревожным. Разведка доносила, что немецкое командование лихорадочно перегруппировывает силы, спешно подбрасывает резервы.

В такой трудной и сложной обстановке советские люди встречали 24-ю годовщи-

ну Октябрьской социалистической революции. 31 октября ЦК ВКП(б) опубликовал свои призывы, нашедшие широкий отклик у советских людей, выразивших свою решимость самоотверженно защищать любимую Родину. Как и в мирные годы, в канун праздника 6 ноября в Москве было проведено торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся совместно с партийными и общественными организациями столицы в подземном зале станции метро «Площадь Маяковского». По поручению Политбюро ЦК ВКП(б) с докладом выступил Председатель ГКО И. В. Сталин. Прямую радиотрансляцию вел диктор Юрий Левитан.

Закрепили перелом массовых настроений — от неуверенности, подавленности к стойкости, убежденности в победе — исторический парад на Красной площади 7 ноября 1941 г., выступления И. В. Сталина 6 и 7 ноября.

7 ноября на Красной площади состоялся традиционный парад войск, на котором с речью выступил Сталин. Еще 28 октября Сталин принял решение провести парад войск. Командующим парадом был назначен генерал-лейтенант Артемьев (командующий Московской зоной обороны), принимать парад должен был С. М. Буденный. Подготовка парада шла в глубокой тайне. Парад 7 ноября начали на 2 часа раньше, чем до войны. Погода была холодной; небо пасмурным, шел снег. В целях маскировки осенью 1941 г. Мавзолей Ленина прятали под макетом двухэтажного фанерного дома с мансардой; перед парадом макет разобрали. У входа в Мавзолей, как и в мирное время, стояли часовые, хотя гроб с телом Ленина в июле — после первой бомбежки — эвакуировали в Тюмень. Вопреки традиции выступил не принимающий парад, а председатель ГКО Сталин. Парад продолжался 1 час 20 минут; он стал одновременно и проводами на фронт, так как воины прямо с парада уходили в бой. Получив сообщение о параде советских войск на Красной площади, Гитлер пришел в ярость. Он позвонил командующему военно-воздушными силами группы армий «Центр» и приказал немедленно нанести бомбовый удар по Москве. Однако нелетная погода помешала выполнить этот

приказ. Гитлер рассчитывал сам 7 ноября провести парад Победы вооруженных сил Германии. Во время контрнаступления советские войска обнаружили целые вагоны с парадной формой и белыми перчатками, пригласительными билетами, которые немцы, будучи уверены в своем успехе, подготовили заранее.

Сохранилось множество свидетельств мобилизующего, вдохновляющего воздействия парада на население. Маршал Жуков в своих воспоминаниях, рассказывая о торжественном заседании Московского Совета и ноябрьском параде 1941 г., отмечал, что «это событие сыграло огромную роль в укреплении морального духа армии, советского народа и имело большое международное значение. В выступлениях Сталина прозвучала уверенность партии и правительства в неизбежном разгроме захватчиков». По словам Маршала Советского Союза, Героя Советского Союза В. Г. Куликова, «... тот парад был особым исключением из правил, проходил не в день торжества, а в пору всенародной беды. В нем таилась огромная мобилизующая сила. Тогда, после парада, мы твердо поверили, что устоим». Несмотря на то что с того памятного дня прошло более 70 лет, ежегодно в день 7 ноября оставшиеся в живых участники военного парада 1941 г. приходят на Красную площадь и проходят по ней мимо Мавзолея.

Беспрецедентным было и воздействие речей Сталина. Из сочинения Эли Расикас (15 лет) «Мой день 6 ноября 1941 г. и утро 7 ноября»: «... По радио объявили, что будет выступать т. Сталин. Вот чего не хватало москвичам, бурным, встревоженным. Только начал говорить И. В. Сталин, загрохотали зенитки. Но теперь не до этого. Жадно все ловят слова вождя под грохот тяжелых орудий, и совсем не страшно, и на душе светло и легко. Приподнялось настроение, и поэтому кажется, что слова вождя не простые, а магические. И хочется закричать, сама не знаю почему, громко-громко, насколько хватит голоса, «ура!»».

Сосредоточив большие силы (выделена 51 дивизия, в том числе 13 танковых и 7 моторизованных), немецкое командование 15—16 ноября начало новое наступление после двухнедельной паузы. Соотношение

сил на московском направлении было по-прежнему в пользу противника. Оно составляло: в живой силе в 1,9 раза, по орудиям и минометам — в 2,5 раза, по танкам — в 1,5 раза. Советские войска имели небольшое преимущество только в авиации.

Враг стремился обойти Москву с севера — через Клин, Солнечногорск, и с юга — через Тулу и Каширу.

Всю свою злобу, всю ярость гитлеровцы вложили в удар огромной силы, обрушенный на советские войска. Советские войска оказали упорное сопротивление. Фашисты несли большие потери. Наступая, они шли буквально по трупам своих солдат и офицеров. Красноречиво высказался на этот счет один фашистский ефрейтор в своем письме родным из-под Москвы: «Мы шагаем по немецким трупам и оставляем в снежных сугробах своих раненых. Сегодня мы шагаем по трупам тех, кто пал впереди; завтра мы станем трупами, и нас также раздавят орудия и гусеницы».

О характере боев, о стойкости советских воинов, о потерях врага можно судить по героическим действиям 316-й дивизии. В течение 16 ноября она отразила несколько бешеных танковых атак гитлеровцев, рвавшихся к Москве по Волоколамскому шоссе. У железнодорожного разъезда Дубосеково беспримерный подвиг совершила группа истребителей танков в составе 28 воинов из 1075-го полка. «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва», — эти слова политрука В. Г. Ключкова прозвучали клятвой. Четыре часа длился легендарный бой. Враг потерял 18 танков, множество солдат, но так и не смог пробиться вперед. Шестеро из 28 панфиловцев остались живыми.

Мужественно, стойко, умело дрались и другие части 316-й дивизии. За героические действия это соединение было награждено орденом Красного Знамени и преобразовано в 8-ю гвардейскую, а ее командир генерал И. В. Панфилов удостоен звания Героя Советского Союза. Ему не посчастливилось быть свидетелем полного разгрома врага под Москвой. 18 ноября у деревни Гусенево он пал смертью храбрых. Стойко сдерживали натиск противника защитники Тулы. В тылу вражеских войск чувствительные удары оккупантам наносили партизанские отряды.

Символом несгибаемой стойкости является подвиг 18-летней московской школьницы партизанки Зои Космодемьянской, которая была схвачена фашистами в конце ноября 1941 г. в деревне Петрищево и повешена, при этом она выдержала страшные фашистские пытки, но не сказала ни слова.

В ходе упорных боев в ночь на 28 ноября небольшими моторизованными силами противнику удалось выйти к каналу Москва — Волга и форсировать его в районе города Яхромы. 5 декабря один отряд вражеской мотопехоты вышел к московскому пригороду Химки. Однако направлявшаяся на фронт колонна советских танков разгромила этот отряд. Дальнейшее продвижение противника северо-западнее Москвы было сорвано контрударными 1-й ударной и 20-й армий, и враг оказался отброшенным на западный берег канала. Немцам удалось подойти к Кашире с юга.

Между тем бои под Москвой по-прежнему были упорными и напряженными. Противник, потерпев неудачу на ее северных и южных подступах, пытался прорвать оборону в центре Западного фронта. 1 декабря ему удалось добиться этого на участке севернее Наро-Фоминска. Потеряв при этом почти половину танков, гитлеровцы повернули на восток, в район станции Голицыно. Здесь на них обрушили контрудары 33-я и 5-я армии. Попытка врага прорваться к Москве была сорвана. 4 декабря соединения этих армий в ожесточенных боях разгромили немецко-фашистскую группировку и восстановили фронт на реке Нара.

Так закончилось наступление немецко-фашистских полчищ на Москву.

6.2. Контрнаступление Красной Армии (5—6 декабря 1941 г. — 20 апреля 1942 г.)

5—6 декабря начинается второй этап Московской битвы, этап контрнаступления. Вопрос о контрнаступлении является весьма запутанным и неясным. Г. К. Жуков в своих неопубликованных воспоминаниях пишет, что такого приказа, где заранее, допустим, 30 января, 1—2 декабря, отдали бы

директиву на контрнаступление не было. Такая задача не стояла, потому что у нас ни сил не было, ни средств. Такого в классическом понимании начала контрнаступления, как это было, допустим, под Сталинградом, не было. Оно пошло, как развитие контрударов и только к 8 декабря вылилось в более широкое контрнаступление. Если бы противник оказал серьезное сопротивление нашим контрударам, никакого контрнаступления не состоялось бы. Ставке пришлось бы сосредотачивать новые силы и производить новые перегруппировки для того, чтобы сломить сопротивление противника. Тогда бы речь шла о подготовке к контрнаступлению. Об этом же говорил маршал А. М. Василевский: «Общие замыслы контрнаступления были первоначально достаточно скромными: снять самую непосредственную угрозу столице, контрударами отбросить врага от Москвы хотя бы на 20—30, а в случае удачи — на 40 километров. Но успех контрнаступления превзошел все наши ожидания».

На рассвете 5 декабря сильный удар по врагу нанесли войска левого крыла Калининского фронта, а утром следующего дня в контрнаступление перешли ударные группы Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов. С 7 декабря контрнаступление Красной Армии развивалось все более нарастающими темпами.

8 декабря Гитлер подписал директиву № 39 о переходе к обороне на всем советско-германском фронте «из-за внезапно наступивших сильных морозов».

В последнее время в некоторых отечественных публикациях, в выступлениях на конференциях высказываются суждения о том, что якобы 5—6 декабря 1941 г. командование вермахта само отдало приказ об отступлении своих войск. Подобная трактовка событий, по меньшей мере, противоречит историческим фактам. Как утверждают источники, в начале декабря фашистское военное руководство все еще не хотело примириться с провалом своих планов.

Фашистские войска превосходили советские по всем видам, за исключением авиации. Важно то, что победа была одержана в этой битве при соотношении сил в пользу врага (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение сил накануне контрнаступления

	Живая сила	Орудия и минометы	Танки	Самолеты	Реактивные артиллерийские установки
СССР	1100 тыс.	7652	774	1000	415
Германия	1708 тыс.	13 500	1170	615	
Превосходство	1,5 раза	1,4 раза	1,6 раза	1,6 раза в пользу СССР	

В этих боях многие воины совершили героические подвиги. Так, при взятии деревни Рябинки сержант В. В. Васильковский своим телом закрыл амбразуру дзота. Он был посмертно награжден орденом Ленина. Его героический подвиг 25 декабря повторил командир взвода 1174-го полка 348-й стрелковой дивизии Н. С. Шевляков, а 27 декабря боец 1186-го полка 355-й стрелковой дивизии Я. Н. Падерин.

В первые же дни контрнаступления советские войска, нанеся врагу сильные удары, освободили несколько крупных населенных пунктов. Гитлер потребовал от группы армий «Центр» любой ценой удержать районы, имевшие важное оперативное и военно-хозяйственное значение. Немецко-фашистское командование, пополнив войска людьми и вооружением, всячески стремилось отразить контрнаступление Красной Армии. Однако этому не суждено было осуществиться.

12 декабря освобожден Солнечногорск, 15 декабря — Клин, 16 декабря — Калинин, 20 декабря — Волоколамск, 30 декабря — Калуга, после 10-дневных упорных боев 2 января — Малоярославец.

В начале января 1942 г. войска Калининского (генерал-полковник Конев), Западного (генерал Жуков), Юго-Западного (маршал Тимошенко, а с 18 декабря генерал-лейтенант Костенко) и Брянского фронтов, действуя в условиях численного превосходства противника, успешно завершили первую в ходе Великой Отечественной войны крупную наступательную операцию. Под Москвой были разгромлены 38 немецких дивизий. Особенно большие потери понесли танковые армии врага, которым, как известно, в планах захвата советской столицы

фашистское командование отводило решающую роль.

В ходе наступательных действий советские войска освободили от захватчиков свыше 11 тыс. населенных пунктов, 60 городов, ликвидировали опасность окружения Тулы. Враг был отброшен от Москвы на 100—250 км, а на некоторых участках и до 400 км, был полностью изгнан с территории Московской, Рязанской, Тульской, частично Калининской (ныне Тверской), Смоленской, Орловской и некоторых других областей.

Серьезные успехи, достигнутые Красной Армией под Москвой и на западном направлении, Сталин решил использовать для развития общего наступления на многих направлениях советско-германского фронта, считая, что для такого наступления имеется самый подходящий момент.

5 января в Ставке Верховного Главнокомандования состоялось совещание по поводу развертывания общего стратегического наступления зимой 1942 г. Доклад сделал начальник Генерального штаба Шапошников. Сталин считал необходимым наступать на всех направлениях, на всех фронтах, Жуков возражал, предлагая наступать только на западном направлении, усилив здесь советские войска резервами. Его поддержал председатель Госплана Н. Вознесенский, доказывая, что средств, необходимых для наступления на всех фронтах, нет. Однако Сталин навязал Ставке свое мнение и настоял наступать. По-видимому, не последнюю роль в принятии Ставкой ВГК решения о проведении наступательных операций одновременно на всех направлениях сыграли данные о потерях врага, которые сообщило Главное разведывательное управление РККА. По его сведениям, вооруженные силы Германии с 22 июня 1941 г. по февраль 1942 г. включительно потеряли 6,5 млн. человек, в том числе сухопутная армия — 5,8 млн. человек. По данным же генерального штаба сухопутных сил противника, общие потери его сухопутных войск за это время составили немногим более 1 млн. человек.

Войскам Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов предстояло при содействии Балтийского флота разгромить главные силы группы армий «Север» и освободить Ленинград от

блокады. Калининский и Западный фронты, наносившие главный удар, должны были окружить и разгромить главные силы группы армий «Центр». Южный и Юго-Западный фронты получили задачу нанести поражение группе армий «Юг» и освободить Донбасс. Кавказскому фронту и Черноморскому фронту предписывалось изгнать врага из Крыма. Задачи стояли большие.

Перешедшие в наступление на различных участках фронта советские войска не смогли достичь таких крупных результатов, какие были первоначально намечены в ходе контрнаступления под Москвой, так как не было возможности.

«Сталин требовал от нас наступать, — вспоминал Г. К. Жуков. — Он говорил: если у вас сегодня нет результата, завтра будет, тем более вы будете сковывать противника, а в это время результат будет на других участках. Конечно, эти рассуждения — младенческие... Были дни, когда разрешали один выстрел на орудие, две-три мины. Вы сами понимаете, если пушка сделает один выстрел, то какой может быть результат. В итоге жертв было много, расход материальных средств большой, а общестратегического результата — никакого. А если бы имевшиеся у нас в то время силы и средства были использованы на западном направлении, то итог был бы иной».

В силу этих причин Ржевско-Вяземская наступательная операция (10 января — 20 апреля 1942 г.), проведенная силами Калининского, Западного и Северо-Западного фронтов, превратилась в одну из самых кровопролитных операций Великой Отечественной войны. В ходе ее Красная Армия потеряла 776 889 человек (272 300 — безвозвратно), 957 танков, 7296 орудий и минометов, 550 самолетов.

Начиная с марта Ставка осталась без резервов. В частности, указ Президиума Верховного Совета от 13 февраля 1942 г. узаконил мобилизацию женщин, которые могли заменить призываемых в армию военнообязанных мужчин, до того служивших в милиции и военизированной охране. На основании Постановления ГКО от 13 апреля 1942 г. во фронтовых, армейских и запасных частях связи, а также в тыловых узлах связи началась замена красноармейцев-мужчин женщинами.

Следует при этом же учесть, что советская экономика, которая только перестраивалась на военный лад, еще далеко не полностью обеспечивала потребности фронта. В конце 1941 — начале 1942 г. оборонная промышленность СССР не справлялась с устанавливаемыми ГКО месячными и квартальными заданиями. Так, план 1 квартала по производству танков был выполнен лишь на 45%, а по боевым самолетам — на 65%. Особенно тяжелое положение создалось с выпуском боеприпасов, в результате чего войска испытывали острый недостаток в минах и снарядах. К началу 1942 г. укомплектованность вооружением только Западного и Калининского фронтов составляла: по винтовкам — 66,7%, по пистолетам и пулеметам — 35, станковым пулеметам — 36, минометам — 45, ручным пулеметам — 60,6% и т.д.

Свою первую зимнюю наступательную операцию, начавшуюся в декабре 1941 г., Красная Армия проводила в условиях недостаточной обеспеченности войск материальными средствами. Это в значительной мере помешало ей добиться в Московской битве более внушительных результатов. Но и достигнутое в сражениях у стен советской столицы трудно переоценить.

Битва под Москвой — одна из страшных человеческих трагедий. Общие потери советских войск составили 1 805 923, из них безвозвратных — 926 244 человека (51,3%), танков — 4171, орудий и минометов — 21 478, самолетов — 983. Из строя выбыли навсегда 7 командующих армиями, из них 4 погибли, 3 попали в плен. Генерал Ефремов — командующий 33-й армией, получив тяжелые ранения, застрелился.

6.3. Историческое значение Московской битвы

1. Впервые в ходе Второй мировой войны немецко-фашистские захватчики потерпели жестокое поражение, был развеян миф об их непобедимости. «Разбит миф о непобедимости немецкой армии, — писал Гальдер. — С наступлением лета немецкая армия добьется в России новых побед, но это уже не восстановит миф о ее непобедимости.

Поэтому 6 декабря 1941 г. можно считать поворотным моментом, причем одним из самых роковых моментов в краткой истории третьего рейха. Сила и могущество Гитлера достигли своего апогея, начиная с этого момента они пошли на убыль».

2. Советские войска временно вырвали из рук фашистского командования стратегическую инициативу.

3. План «молниеносной войны» против СССР полностью провалился, и война приняла затяжной характер. В бессильной ярости Гитлер буквально «рвал и метал» в своей Ставке, обвиняя в бездарности еще недавно осыпавших наградами и почестями генералов и фельдмаршалов вермахта. Вслед за Бокком, Рундштедтом, Леебом, Браухичем и Гудерианом были сняты со своих постов Штраус, Вейхс, Гепнер, всего до 40 высших военных чинов третьего рейха. Сместив главнокомандующего сухопутными войсками фельдмаршала В. Браухича, фюрер взял на себя командование сухопутными войсками Германии, и таким образом во главе основного рода войск оказался отнюдь не профессионал в военном деле и к тому же авантюрист по своей натуре.

3. Враг отброшен далеко от столицы (на 100—250 км, а на некоторых участках и на 400 км). Снята непосредственная угроза Москве.

4. За месяцы зимнего наступления Красная Армия разгромила десятки вражеских дивизий, причем, по немецким данным, их потери за 7 месяцев составили 615 тыс. солдат и офицеров, по данным историка Г. А. Куманева, — 832 тыс. человек. Мощь германской военной машины оказалась подорванной, что имело далеко идущие последствия. Для сравнения можно напомнить, что при захвате Польши фашисты потеряли 11 тыс., а Франции — 27 тыс. солдат и офицеров.

5. Усилилось национально-освободительное движение и в оккупированных вермахтом странах Европы. Отвлекая на себя десятки тысяч вражеских солдат, активную партизанскую борьбу против захватчиков вели патриоты Югославии, Греции, Албании, Польши, Чехословакии, Франции, Бельгии, Норвегии и других государств.

В антифашистское движение активно включилась патриотично настроенная часть

белой эмиграции. Генерал А. И. Деникин заявил, что «судьба России важнее судьбы эмиграции», главный редактор влиятельного парижского журнала П. Н. Милуков выступил с призывом к русской эмиграции перейти на позиции поддержки СССР. В движении Сопротивления принимали участие поэт и историк Борис Вильде (расстрелян фашистами), дочь великого композитора Скрябина Ариадна, княгиня Вера Оболенская (обезглавлена в тюрьме) и многие другие эмигранты.

6. Поражение вражеских войск под Москвой подняло дух народов СССР, вселило в них веру в неминуемый разгром немецко-фашистских захватчиков. Через горечь неудач, потерь и отступлений пришли советские воины, труженики тыла к этой первой и столь желанной исторической победе. Предельно сконцентрировав свои материальные и духовные силы, Советский Союз развеял миф о непобедимости гитлеровской армии.

7. Был нанесен моральный урон врагу. «Для дальнейшего ведения боевых действий, — с горечью отмечал гитлеровский

генерал К. Типпельскирх, — исход этой зимней кампании имел гибельные последствия...». Поражение под Москвой Гальдер назвал «катастрофой» и «началом трагедии на востоке». Во время допроса в июне 1945 г. фельдмаршал Кейтель заявил, что после Московской битвы не представлял себе «военного решения всей восточной кампании». В ходе зимней кампании немецкие военные трибуналы осудили 62 тыс. солдат и офицеров за дезертирство.

8. Усилилось партизанское движение на оккупированной врагом территории.

9. Япония и Турция отказались от своих намерений начать военные действия против СССР в случае удачи немцев под Москвой.

10. Большое международное значение. 1 января 1942 г. 26 государств подписали «Декларацию Объединенных Наций». Ее участники обязались использовать все свои военные и экономические ресурсы для борьбы против фашистского блока, сотрудничать друг с другом и не заключать со странами этого блока сепаратного перемирия или мира.

7. НАЧАЛО КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Рекомендуемые источники: 27; 70; 71; 157; 171; 200; 201; 202.

Рекомендуемая литература: 23; 25; 31; 33; 35; 30; 41; 82; 91; 109; 111; 112; 113; 136; 159; 179; 180; 189; 199; 203; 218.

7.1. Оборонительный этап Сталинградской битвы (17 июля — 18 ноября 1942 г.)

После окончания Московской битвы советское военное командование весной 1942 г. предприняло ряд неудачных наступательных операций в районе Харькова и в Крыму (Керченская операция), которые закончились тяжелым поражением Красной Армии. Так, под Харьковом попали в плен 240 тыс. советских солдат и офицеров, в Крыму — 149 тыс. После Харьковской операции, овладев стратегической инициативой, 28 июня немцы начали крупное наступление восточнее Курска, стремясь окружить и уничтожить войска Брянского, а затем Юго-Западного и Южного фронтов и тем самым расчистить себе путь к кавказской нефти. 2 июля советская оборона была прорвана на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов на глубине до 80 км. 12 июля немцы заняли Воронежскую область, а 19 июля вошли в Ворошиловград.

Если в 1941 г. немецкая армия наступала по всему фронту, то в 1942 г. наступательные возможности немного иссякли. Летом 1942 г. Германия наносила главный удар на юго-западном направлении, нужна была кавказская нефть, так как Вторая мировая война являлась войной моторов: на Кавказ была нацелена группа армий «А» (операция «Блау»), на Сталинград — группа армий «Б».

С прорывом ударной группировки врага в большую излучину Дона боевые действия на юго-западном направлении вступили в новый этап. Развернулось величайшее сра-

жение Второй мировой войны — знаменитая Сталинградская битва.

Летом 1942 г. наше отступление на Юго-Западном направлении к Волге и на Кавказ не было неизбежным. Но Сталин считал, что гитлеровские войска главный удар нанесут на западном направлении, как это было в 1941 г.: соответственно были расположены и наши резервы. Ошибка, которая была допущена Сталиным при оценке намерений противника, была в определенной мере спровоцирована. Гитлеровцы разработали план дезинформации нашего руководства под кодовым названием «Кремль», который во многом удался, хотя в официальных источниках, например в многотомной «Истории Второй мировой войны», говорится, что план «Кремль» своей цели не достиг.

Это противоречит историческим фактам. Гитлеровскому командованию удалось дезинформировать наше руководство, так же как в свое время ему удалось подбросить дезинформацию о том, что Тухачевский, Якир, Уборевич, другие крупнейшие военачальники были шпионами и предателями.

Разработка и проведение операции по дезинформации советского командования под кодовым названием «Кремль» были возложены на штаб группы армий «Центр», которой командовал фельдмаршал Ханс Гюнтер фон Клюге. Это был опытный и хитрый вояка.

В Первой мировой войне он заслужил два Железных креста и орден дома Гогенцоллернов. Генералом стал сразу после прихода Гитлера к власти в 1933 г. и служил ему верой и правдой. Пользовался доверием фю-

рера. В армейской среде был известен под кличкой «Умный Ганс», которую получил не столько за фамилию, сколько за свои качества. Под стать «умному Гансу» был и главный исполнитель и разработчик операции «Кремль», не менее умный генерал Велер, начальник штаба группы армий «Центр».

Нужно отдать должное нашим противникам: фон Клюге, Велер и офицеры их штаба работали профессионально. Начиная с марта все пополнения для группы армий «Юг», направлявшиеся из Германии, следовали на Днепропетровск северными маршрутами через Оршу или Брянск.

Партизаны и советская агентурная разведка докладывали о многочисленных эшелонах с живой силой и военной техникой, прибывавших в состав войск группы армий «Центр». Но та же агентура просмотрела или недооценила тот факт, что многие из этих эшелонов скрытно, маскируясь от наблюдения под порожняк или неисправную технику, прибывали в район Днепропетровска. Применялись различные способы создания видимости подготовки наступления на западном направлении: усилилась переброска агентов через линию фронта на западном направлении; размножены планы столицы и крупных городов в полосе наступления и с 10 июля разосланы во все штабы, вплоть до полков; проводилась аэрофотосъемка московских оборонительных позиций и т.д.

Еще больше заставил поверить Верховного и представителей Ставки в подготовку крупного наступления немцев на Москву текст приказа командующего группой армий «Центр» генерал-полковника фон Клюге. Генералу Велеру пришлось проявить фантазию и дьявольскую изворотливость для того, чтобы текст фиктивного «Приказа о наступлении на Москву», подписанного фон Клюге 29 мая 1942 г., стал известен советскому командованию. Как это было сделано — осталось тайной, но он своего добился. Через несколько дней после его подписания текст лжеприказа фон Клюге уже лежал на столе Сталина. Бросается в глаза, что совершенно секретный приказ был составлен в 22 экземплярах, в то время как приказы по другим операциям составлялись в 10, максимум в 16 экземплярах. Часть этих документов специально подбрасывали советскому

командованию, используя для этого самые различные приемы: «заблудившийся» самолет, убитых немецких офицеров и др.

Когда в июне в Ставке решался вопрос о том, где ожидать наступление немцев летом, был принят в расчет и приказ фон Клюге о наступлении на Москву, и учитывался тот факт, что «Вяземский балкон» нависал над Москвой всего в 130 км, поэтому было принято решение прикрывать Москву.

Уже к середине июля советскому командованию стало ясно, что противник стремится прорваться к Волге в районе Сталинграда, захватить важный стратегический пункт и крупнейший промышленный район, тем самым гитлеровцы рассчитывали перерезать коммуникации, связывающие центр страны с Кавказом. Неудача с захватом Москвы рассматривалась как временный момент, и все-таки в 1942 г. в Германии еще сохранялась победная эйфория, ощущение непобедимости немецкой армии. Немцы очень рассчитывали на взятие Сталинграда, считая, что это не просто город на Волге, а город, носящий имя руководителя страны, и ворота на Кавказ, а кроме того, глубоко символическая цель: овладение Сталинградом будет воспринято всеми как доказательство несокрушимости германской военной машины. Огромные силы были брошены Гитлером на данное направление. Сам командующий Паулюс был любим фюрером, вхож в гитлеровское окружение. На карту было поставлено очень многое. И во всем мире пристально следили за исходом небывалой схватки.

Положение Красной Армии в этот период было крайне тяжелым. Отступавшие войска Юго-Западного и Южного фронтов были не в состоянии остановить фашистских захватчиков.

В этой обстановке ЦК ВКП(б) и Советское правительство принимали срочные меры по организации отпора врагу. 12 июля был создан Сталинградский фронт под командованием Тимошенко, членом Военного совета был назначен Хрущев.

К 20 июля Сталинградский фронт располагал всего 38 дивизиями. Из них только 18 были укомплектованы, 6 имели от 2,5 тыс. до 4 тыс. человек (т.е. от 25 до 40% штатного состава), а 14 оказались совершенно небоеспособными (насчитывали от 300

до 1000 человек, т.е. были укомплектованы от 3 до 10% штатного состава).

Фронту, имевшему сравнительно незначительные силы, предстояло принять на себя главный удар врага. Ему пришлось прикрывать полосу до 530 км от Павловска по левому берегу Дона до Клетской и далее на юг. Основной удар на себя приняли 62-я и 64-я армии, которыми командовали разные офицеры: например, 62-й — генералы Колпакчи (до 3 августа), Лопатин (с 3 августа до 10 сентября), Чуйков (с 10 сентября 1942 г.); 64-й — генерал Чуйков (с 10 июля по 4 августа), Шумилов (с 4 августа).

Перед войсками фронта стояла задача быстро организовать прочную оборону в большой излучине Дона и не допустить прорыва немецко-фашистских войск к Волге.

На подступах к Сталинграду развернулось строительство оборонительных рубежей, в котором принимало участие 225 тыс. человек мирного населения.

Как показали события, гитлеровское командование переоценило свои успехи на юге. Оно полагало, что советские войска там находятся на грани катастрофы, и решило захватить Нижневолжский промышленный район и выйти к Волге силами только 6-й армии. Эта армия прошла победным маршем по Европе, оставляя всюду кровавый след (с января 1942 г. командующим стал генерал Паулюс).

17 июля враг начал наступление. Стойкость передовых отрядов советских войск на реке Чир заставила противника подтянуть дополнительные силы. Через 6 дней в 6-ю армию были переданы из групп армий «А» и из-под Воронежа 5 пехотных, 3 танковые и 2 моторизованные дивизии. В результате к 23 июля сложилось соотношение сил, показанное в таблице 4.

Таблица 4
Соотношение сил с 23 по 31 июля

	Живая сила	Танки	Самолеты	Орудия и минометы
Германия	270 тыс.	400	1200	3,4 тыс.
СССР (Сталинградский фронт)	300 тыс.	1000	454	5 тыс.
Превосходство СССР	в 1,1	2,5	более чем в 2 раза в пользу Германии	в 1,4

Враг в начале наступления даже уступал. К концу июля советские войска потеряли 450 танков, т.е. Сталинградский фронт лишился своего «бронированного кулака», который позволял уже тогда коренным образом изменить стратегическую обстановку на всем направлении. Это свидетельствует о том, что у командования фронта еще не было умения эффективно использовать имеющиеся силы и средства. Невысокой была и обученность экипажей танков.

Но и этих сил для выхода на Волгу врагу не хватило. Вскоре с воронежского направления были подтянуты 4-я танковая армия, а из резерва 8-я итальянская, 3-я румынская армии.

6 дней отражали атаки противника на рубеже реки Чир передовые отряды 62-й и 64-й армий, но затем, под натиском его превосходящих сил, вынуждены были отойти на главную полосу обороны.

23 июля гитлеровское командование приказало 6-й армии разгромить советские войска на правом берегу Дона. Оно рассчитывало окружить 62-ю армию, овладеть переправой через Дон и с ходу прорваться к Волге.

Однако план гитлеровцев с ходу прорваться к Волге потерпел крах. В то же время положение 62-й армии продолжало оставаться тяжелым: немецко-фашистские войска глубоко охватили ее фланги.

В большой излучине Дона ряд дивизий оказался в окружении, тысячи солдат попали в плен. В то же время в стране мало кто знал, насколько велика опасность, так как строки официальных сообщений были скупы. А народ ждал правды. И она была сказана. 28 июля 1942 г. был издан приказ № 227, известный в литературе как приказ «Ни шагу назад!». Приказ до крайности суровый, но объяснимый, считают многие историки и сами ветераны, в ту тяжелую пору. Крайнюю необходимость, а не жестокость увидели в нем войска действующей армии. В этом приказе обнаженно и прямо говорилось, что страна оказалась в отчаянном положении, что дальше отступать нельзя и все, кто без приказа отойдет со своих позиций, хотя бы и в безвыходных обстоятельствах, будут преданы суду военного трибунала. Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Приказом вводились заградотряды, штрафные роты, штрафные батальоны (29 октября 1944 г. вышел приказ: заградотряды расформировать к 13 ноября).

Приказом НКО СССР № 227 от 28 июля 1942 г. предусматривалось формирование двух видов штрафных частей: штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлялись средние и старшие командиры и соответствующие политработники, провинившиеся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда за те же провинности направлялись рядовые бойцы и младшие командиры. При направлении в штрафбат офицеры, а в штрафную роту — сержанты подлежали разжалованию в рядовые.

Штрафбаты были частями фронтового подчинения (от одного до трех в составе фронта), а штрафные роты — армейского (от пяти до десяти на армию в зависимости от обстановки). Формирование штрафных батальонов и рот началось уже в августе 1942 г.

В постоянный состав рот приказом по армии направлялись волевые и наиболее отличившиеся в боях командиры и политработники. Командир и военный комиссар штрафной роты по отношению к штрафникам пользовались властью командира и военкома дивизии. Срок выслуги в званиях для офицеров штрафной роты сокращался вдвое, а денежное содержание вдвое увеличивалось. При назначении пенсии месяц службы в штрафной роте засчитывался за шесть. Никогда за всю войну не было и не могло быть случая, чтобы штрафной ротой либо взводом в ее составе командовал штрафник. Тех, кто командовал штрафными частями, постоянно служил в их составе, в дни войны, да и после Победы по известным причинам упоминали в печати редко. Между тем они осознанно и без всякой вины разделяли со штрафниками все опасности и риски особого положения. Больше того, штрафник, получив даже легкое ранение, отправлялся как искинувший вину в прежнюю, более спокойную часть. Офицеров же постоянного состава это не касалось: излечившись после ранения, они возвращались в роту на прежнюю

должность и, бывало, через месяц-другой погибали.

Согласно архивным отчетно-статистическим документам, через штрафные батальоны и штрафные роты с момента их создания в 1942 г. до расформирования в 1945 г. прошли 427 910 штрафников, или 1,24 процента от суммарной численности Красной Армии за весь период войны (34 496 700 человек)¹.

Итальянский историк Дж. Боффа пишет, что этот приказ сыграл роль хлыста, который остановил беспорядочно отступавшие советские войска. Ведь ситуация фактически напоминала лето 1941 г.

Сохранился протокол комсомольского собрания, где был задан вопрос: «Есть ли уважительные причины ухода с огневых позиций?». Ответ: «Из всех уважительных причин только одна будет принята во внимание — это смерть».

5 августа Ставка разделила Сталинградский фронт на два: Сталинградский и Юго-Восточный. Ход событий показал, что разделение фронта в момент напряженных боев было неправильным. Уже 9 августа Ставка приказала подчинить Сталинградский фронт командующему Юго-Восточным фронтом генералу Еременко.

Советские войска отступали под натиском превосходящих сил врага. Ценой огромных потерь гитлеровцы за месяц смогли продвинуться лишь на 60—80 км. Советские воины отразили натиск врага и сорвали его попытки прорваться к Волге. Однако враг располагал еще большими силами.

В середине августа немецко-фашистское командование решило нанести два одновременных удара по сходящимся направлениям силами 6-й армии и 4-й танковой армии.

6-й армии было приказано наступать из района Трехостровской на Вертячий, форсировать здесь Дон и прорваться к Волге, а частью сил продвигаться из района Калача в восточном направлении. 4-я танковая армия получила приказ развить удар на север из района Абганерово. К участию в наступлении привлекалась мощная группировка. К 15 августа враг превосходил советские войска на Сталинградском направлении:

¹ Красная звезда. 2007. 11 апр.

по орудиям и минометам в 2,2 раза, по танкам — в 4 раза, самолетам — в 2 раза. Его преимущество на направлениях главных ударов было еще большим.

Учитывая исключительную важность событий, развернувшихся у Сталинграда, Ставка в первой половине августа направила в этот район начальника Генерального штаба генерала Василевского, а в конце месяца — заместителя Верховного Главнокомандующего генерала Жукова (суровое лето и осень 1942 г. заставили Сталина назначить Жукова 26 августа своим первым заместителем, т.е. военный человек стал вторым лицом в государстве), который 29 августа прибыл в Сталинград.

После ожесточенных пятидневных боев утром 23 августа гитлеровцы преодолели сопротивление советских войск и к исходу дня вышли на узком участке к Волге в районе двух населенных пунктов — Латошинка и Рынок. 62-я армия была отрезана от основных сил фронта. В этот день фашистская авиация неоднократно подвергала бомбардировке Сталинград. Ее налеты продолжались и весь следующий день. За сутки она совершила до 2 тыс. самолетовылетов. Город пылал как гигантский костер. При отражении этих налетов было сбито 90 вражеских самолетов.

В боях за станцию Котлубань, у Самофаловки, отличились бойцы пулеметной роты 35-й гвардейской дивизии, которыми командовал Рубен Ибаррури, сын легендарной испанской коммунистки Долорес Ибаррури. Они преградили путь фашистским танкам к станции. Рубен был смертельно ранен. За отвагу и мужество ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Наиболее тяжелое положение создалось на северной окраине города, в районе Тракторного завода.

24—25 августа на передовую прибыло свыше 2 тыс. ополченцев, преимущественно коммунистов и комсомольцев. По призыву городского комитета обороны 8 тыс. новых добровольцев влились в войска. В район Тракторного завода с других участков Сталинградского фронта были переброшены новые силы. Получив подкрепления, войска боевого участка утром 29 августа перешли в наступление. Противник был выбит из насе-

ленного пункта Рынок и отброшен к северу на 8 км.

Боевые действия севернее Тракторного завода продолжались с небольшими перерывами до конца месяца. Разгромить прорвавшуюся к Волге группировку врага не удалось, но его замысел с ходу захватить город был сорван. Гитлеровцы несколько дней не могли возобновить наступление.

Однако положение оставалось напряженным. Днем и ночью немецкие самолеты бомбили город и переправы. Повсюду бушевали пожары. Полыхали нефтехранилища и нефтеналивные суда. Нефть стекала в Волгу и горела на ее поверхности. В городе не хватало воды, не было электричества. Население укрывалось в оврагах и подвалах. Но заводы работали, выпуская боевую технику. К концу августа в городе оставалось свыше 400 тыс. жителей. Чтобы избежать неоправданных потерь, городской комитет обороны организовал эвакуацию населения и государственных ценностей. С 24 августа по 14 сентября за Волгу было вывезено до 300 тыс. человек, а также большое количество заводского оборудования. К концу Сталинградской битвы на 2 февраля 1943 г. жителей оставалось 32 181 человек. По переписи 1939 г. в городе проживало 490 тыс. человек. Учитывая, что население города выросло за счет естественного прироста, за счет беженцев, можно считать, что численность населения составляла не менее 500 тыс. человек. Эти данные свидетельствуют о том, что достаточно много мирного населения пережило битву в самом городе и понесло достаточно большие потери.

Враг продолжал наносить удары. К исходу 12 сентября враг стоял почти у стен Тракторного завода и в 3—4 км от центра города. Чтобы овладеть его северным и центральными районами, противник решил двумя одновременными мощными ударами разгромить по частям 62-ю армию и прорваться к Волге сразу на двух направлениях. Для этого им сосредоточивались две группировки: одна, в составе 4-х дивизий, — в районе восточнее поселка Гумрак, другая, из трех дивизий, — в районе Верхней Ельшанки.

Прикрывавшие город с запада 62-я и 64-я армии в предыдущих боях были сильно ослаблены. 62-я армия, например, приняв-

шая на себя главный удар врага, имела к середине сентября всего около 50 тыс. человек. Противник же бросил против нее до 170 тыс. солдат и офицеров, около 3 тыс. орудий и минометов, 500 танков. Действия этих войск поддерживали до 1 тыс. самолетов.

13 сентября враг начал штурм Сталинграда. Основной удар наносился в направлении Мамаева кургана и вокзала. В первый день врагу удалось лишь несколько потеснить советские части. Но 14 сентября его натиск значительно усилился. К исходу дня враг захватил Сталинградский вокзал № 1 и Мамаев курган, а в районе Купоросного вышел к Волге. 62-я армия была отрезана от 64-й. По воспоминаниям маршала Жукова, самыми ужасными для защитников были дни 13, 14 и 15 сентября.

В этот критический момент в ночь на 15 сентября под ураганным огнем противника переправилась на правый берег Волги 13-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Родимцева, уроженца села Шарлык Оренбургской области, который принимал участие в боях в Испании, за героизм был удостоен звания Героя Советского Союза. 15 сентября все полки дивизии вели бои в Сталинграде. С ходу вступив в бой, они выбили врага из центра города. 16 сентября гитлеровцы были отброшены и с Мамаева кургана, который являлся господствующей высотой (102 м) и в зависимости от того, в чьих руках он находился, можно было держать город под артиллерийским обстрелом. Упорные бои за Мамаев курган продолжались 135 суток. После битвы на Мамаевом кургане металла оказалось больше, чем земли. Каждый метр кургана обильно полит солдатской кровью.

До 27 сентября яростная борьба шла за вокзал. 13 раз он переходил из рук в руки. Сохранилась надпись на стене вокзала: «Здесь насмерть стояли гвардейцы Родимцева». Попытки исследователей после войны найти живых защитников вокзала не увенчались успехом. Здесь, действительно, гвардейцы стояли насмерть. «Дом Павлова» — это тоже подвиг гвардейцев Родимцева, которые в течение 2 месяцев удерживали этот стратегически важный объект в своих руках. На подступах к «Дому Павлова» враг потерял больше солдат и офицеров, чем при взятии столицы Франции — Парижа.

За Сталинград Родимцев был награжден орденом Красной звезды. Он дважды Герой Советского Союза.

28 сентября Ставка образовала новый, Донской фронт. В его состав вошли почти все армии Сталинградского фронта (кроме 62-й армии). Командующим был назначен генерал Рокоссовский. Тогда же из состава Юго-Восточного фронта, войска которого сражались в городе и южнее его, был образован Сталинградский фронт. Оба фронта непосредственно подчинялись Ставке.

С 24 сентября по 4 октября активные боевые действия велись за поселки заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады», а с 4 октября — за сами эти предприятия. В середине октября гитлеровское командование сосредоточило в этом районе до восьми дивизий, чтобы нанести здесь главный удар.

Тяжелым для защитников города был день 14 октября, когда враг начал второй штурм Сталинграда. Утром после мощных налетов авиации вражеские войска перешли в наступление. Атаки следовали одна за другой. Основные силы противника рвались к Тракторному заводу, стремясь расчленив и уничтожить 62-ю армию. Бои разгорелись с невиданной силой. Нередко перерастая в рукопашные схватки, они не затихали ни днем, ни ночью. 15 октября врагу удалось овладеть Тракторным заводом и прорваться к Волге. Соединения фронта, действовавшие севернее завода, оказались отрезанными от основных сил 62-й армии. Они были объединены в группу под командованием полковника С. Ф. Горохова. Заняв круговую оборону в районе Рынок — Спартановка, группа отбивала атаки врага до конца битвы.

После захвата Тракторного завода гитлеровцы стремились разгромить главные силы 62-й армии. К этому времени ее соединения еще более ослабли. В 37-й гвардейской, 95-й и некоторых других дивизиях осталось всего по несколько десятков человек. Исчерпала армия и свои резервы. Чтобы несколько усилить ее, командование 17 октября передало ей 138-ю дивизию полковника И. И. Людникова. Переправившись на правый берег Волги, части дивизии сразу же вступили в бой. Кроме того, для облегчения положения 62-й армии 19 октября из района севернее города предприняли наступление войска Донского

фронта, противник вынужден был оттянуть часть сил на север и ослабить нажим на нее. Упорные бои продолжались здесь до 1 ноября. Враг бросался из одной атаки в другую, но добиться серьезного успеха уже не мог.

11 ноября враг предпринял третью попытку овладеть городом. На узком участке у завода «Баррикады» ему удалось выйти к Волге и отрезать 138-ю дивизию от основных сил армии, но это был последний успех врага в Сталинграде.

В середине ноября наступательные возможности 6-й армии окончательно иссякли. В ожесточенных боях на дальних и ближних подступах к Сталинграду и в самом городе гитлеровские войска потеряли около 700 тыс. убитыми и ранеными, свыше 2 тыс. орудий и минометов, более 1 тыс. танков и штурмовых орудий и свыше 1,4 тыс. боевых и транспортных самолетов. Обескровленные и измотанные, они уже не способны были наступать и повсеместно переходили к обороне.

Начинает падать моральный дух немецких солдат и офицеров. Об этом свидетельствуют их письма, написанные домой:

16.11.42. Россия

Дружище! Сталинград все еще не взят. Но он все-таки будет нашим и уж через несколько дней, хотя в это невозможно поверить. Ты пишешь о партизанах — я еще ни одного не видел. Особенно не возитесь с ними, самое лучшее — сразу расстреливать. Мы еще слишком гуманно обращаемся с этим свинским народом.

Твой Герман.

18.11.42. Россия

Дорогой Людвиг!

Вы, наверное, удивляетесь, что Сталинград до сих пор не взят. Мы-то нет, потому что находимся в самом пекле. Русский борется упорно и ожесточенно за каждый метр, Сталин ввел сюда отборные войска, наверняка почти все командиры и офицеры. Русские мастерски маскируются и защищаются в развалинах. Эти бои стоят многой крови.

Каждый из нас надеется снова увидеть Родину, и те, что лежат во вражеской земле, тоже надеялись.

Твой Эрнест.

19.11.42

Дорогая Хелена!

Сталинград все еще не взят. Иногда боюсь целыми днями за один дом... Мы все сыты Сталинградской бойней по горло, нас осталось совсем мало.

Франц.

За 125 суток обороны Красная Армия потеряла 643 842 человека (из них 323 856 безвозвратно).

К концу оборонительного периода Сталинградской битвы войска Сталинградского и Донского фронтов обескровили врага, остановили его и тем самым создали благоприятные условия для перехода Красной Армии в контрнаступление.

В ходе Сталинградской битвы советские солдаты и офицеры разных национальностей проявили массовый героизм. В составе группы сержанта Павлова были представители разных национальностей: русские Афанасьев, Воронов, Александров, украинцы Сабгайда и Глущенко, грузин Мосиашвили, узбек Турганов, казах Мурзаев, таджик Турдыев, татарин Рамазанов.

На Мамаевом кургане в одной большой братской могиле лежат более 32 тыс. солдат и офицеров разных национальностей.

Незабываемы подвиги связистов В. П. Титаева и М. М. Путилова, которые были смертельно ранены, но восстановили связь, зажав зубами оборванные концы телефонного провода; снайперов Зайцева, Медведева (русские), Гильфана Авзалова (татарин), Мурашова (башкир), Загира Насырова (узбек), Максима Пассара (нанаец).

Одно лишь упоминание имени снайпера Василия Зайцева вселяло ужас в фашистских солдат. Специально для охоты на него Гитлер направил в Сталинград суперстрелка третьего рейха майора Кенига, в Берлин уже не вернувшегося.

Знаменитая история о дуэли лучших стрелков 2-й мировой войны была положена в основу сюжета голливудской картины «Враг у ворот».

В. Зайцев родился 23 марта 1915 г. в селе Елино Челябинской области. На фронте — с сентября 1942 г. Более 300 немцев отправил на тот свет.

В январе 1943 г. был тяжело ранен. Умер в Киеве в 1992 г. Оставил завещание,

чтобы его похоронили на Мамаевом кургане. 31 января 2006 г. его 92-летняя жена исполнила последнее пожелание знаменитого снайпера благодаря договоренности между мэрами Киева и Волгограда.

Василий Зайцев целый месяц в Сталинграде стрелял из обычной винтовки, пока слухи не дошли до генерала Чуйкова — «Ну, ведите мне этого Зайцева» (вручил настоящую снайперскую винтовку).

Почти братские отношения установились между ним и Чуйковым.

Василий Григорьевич Зайцев до 75 лет стрелял так же мастерски, как и во время Сталинградской битвы. Как-то пригласили его оценить подготовку молодых снайперов и сказали: «Тряхни стариной». Зайцев из винтовки тремя пулями в яблочко попал и вместо солдат кубок получил он¹.

Наряду с именами известных русских снайперов Василия Зайцева, Медведева, сражавшихся в Сталинграде, стоят имена представителей малых народов Севера. Во время Великой Отечественной войны особым указом ГКО малочисленные народы Севера и Сибири в действующую армию не призывались, однако уже в первые дни войны появились сотни добровольцев из их числа. В 1942 г. на фронт ушли более 200 нанайцев. Среди них был 19-летний охотник из нанайской деревни Нижний Катар Максим Пассар, чье имя носит одна из улиц Волгограда. Провоевал нанайский паренек в Сталинграде всего полгода, но как! До своей гибели 17 января 1943 г. уничтожил 276 фашистских оккупантов. Сказался вековой опыт таежных охотников: умение сливаться с природой, часами неподвижно сидеть в засаде и стрелять без промаха. Выступая на одном из снайперских слетов перед однополчанами помимо горячих искренних призывов громить врага зафиксированы и его очень личные слова: «Мой Амур — большая река, очень сердит он в бурю. Пусть наша злость будет, как сердитый Амур».

Военный плакат тех лет призывал всех равняться на суперснайпера: «Учись стрелять как наш земляк Максим Пассар». Его имя знали не только в СССР, но и в Германии. За уничтожение молодого нанайца немецкое командование обещало 100 тыс.

рейхсмарок, по позициям раскидывали листовки с угрозами в адрес снайпера. Отделение Максима Пассара, состоящее в основном из охотников, представителей народов Севера и Сибири, только за сентябрь-октябрь 1942 г. положило под Сталинградом 3175 фашистов (в феврале 2010 г. указом Президента РФ Д. Медведева он удостоен звания Героя России). Вместе с именем Максима Пассара в летопись славы Вооруженных Сил нашей Родины навсегда вошли имена и других снайперов — северян и сибиряков: якута Ф. Охлопкова, буряты Арсентия Етобаева, эвенков Семена Номоконова и Ивана Кульбертинова и многих других².

Неувядаемой славой покрыл свое имя морской пехотинец комсомолец М. А. Паникаха. Когда он поднялся против фашистского танка с бутылкой с зажигательной смесью, пуля попала в бутылку, и Михаил Паникаха как огненный факел бросился под фашистский танк и подорвал его. Ему Указом президента СССР М. С. Горбачева в канун 45-летия Победы было присвоено звание Героя Советского Союза (май 1990 г.).

Сталинград стал ареной массового героизма целых частей и соединений, таких как 13-я и 37-я гвардейские, сводная группа полковника Горохова; многие дивизии и армии (62-я, 64-я) покрыли себя неувядаемой славой. В оборонительных боях доблестно сражались 100 тыс. морских пехотинцев, которых немцы называли «черной смертью», потому что они стояли насмерть и никогда в плен не сдавались и немцев в плен не брали. Огромный вклад в оборону Сталинграда внесли моряки Волжской военной флотилии под командованием контр-адмирала Д. Д. Рогачева и суда Нижне-Волжского пароходства.

Плечом к плечу с воинами Красной Армии отстаивали родной город жители Сталинграда. Под руководством городской партийной организации по главе с первым секретарем обкома партии, председателем городского комитета обороны, членом Военного совета Сталинградского фронта А. С. Чуяновым сталинградцы, не зная усталости, трудились, оказывая помощь фронту. Трудящиеся города и области участвовали в возведении оборонительных сооружений,

² Аргументы недели. 2009. 5 нояб. Интернет-ресурсы о присвоении ему звания Героя России.

¹ Аргументы и факты. 2006. Янв.

наладили выпуск военной продукции, а в критические моменты брались за оружие и сражались у стен своих предприятий.

В дни героической обороны славные ратные и трудовые подвиги совершили комсомольцы и молодежь города. Тысячи молодых людей влились в ряды воинов. Только в 64-ю армию добровольно вступили санитарками и связистками 800 девушек. Многие подростки-комсомольцы героически трудились на оборонных предприятиях.

7.2. Этап контрнаступления (19 ноября 1942 г. — 2 февраля 1943 г.)

Еще в ходе оборонительного сражения советское командование приступило к разработке плана разгрома врага под кодовым названием «Уран». Предварительное решение об этом было принято Ставкой 13 сентября. В подготовке плана контрнаступления помимо Сталина участвовали представители Ставки — заместитель Верховного Главнокомандующего генерал Жуков, начальник Генерального штаба генерал-полковник Василевский, командующий ВВС генерал-лейтенант Новиков, а также командующие фронтами и видами вооруженных сил. Главная роль в планировании контрнаступления принадлежала Ставке и Генштабу.

План был утвержден 13 ноября на заседании ГКО под председательством Сталина и предусматривал нанесение главного удара войсками Юго-Западного и Сталинградского фронтов. Юго-Западный фронт должен был прорвать вражескую оборону с плацдармов в районе Серафимовичи, Клетская и стремительно наступать в направлении Калач — хутор Советский. Войскам Сталинградского фронта предстояло нанести удар из района Сарпинских озер и тоже наступать в направлении Калач — хутор Советский. Сходящимися сильными ударами предполагалось окружить гитлеровские армии, находившиеся в междуречье Волги и Дона. Войска Донского фронта наносили два удара: один — из района Клетской на юго-восток, а другой — из района Качалинской вдоль левого берега Дона на юг. Координацию действий трех фронтов Ставка возложила на своего пред-

ставителя генерала Василевского. Контрнаступление на Волге было первой крупной военной операцией, спланированной и подготовленной советским командованием со всей необходимой тщательностью.

Приготовления делались в строжайшей тайне. Хотя немецкая разведка с середины октября стала замечать первые передвижения войск противника, командование вермахта так и не сумело оценить масштабы ожидающего его удара, ибо снова недооценило советские ресурсы.

К началу контрнаступления соотношение сил и средств было: по личному составу 1,1 : 1, по танкам и штурмовым орудиям 2,2 : 1, по орудиям и минометам 1,5 : 1, по самолетам 1,1 : 1 в нашу пользу, т.е. Красная Армия имела небольшое преимущество.

На направлениях же главных ударов советское командование смогло создать двойное и даже тройное превосходство над противником. Это был результат умелого массирования сил и средств, что свидетельствовало о возросшем уровне советского военного искусства. Об этом говорило также исключительно скрытное сосредоточение ударных группировок фронтов, обеспечивавшее внезапность перехода войск в контрнаступление.

В 7 часов 30 минут 19 ноября Юго-Западный (генерал-лейтенант Ватутин) и Донской (генерал-лейтенант Рокоссовский) фронты одновременно перешли в контрнаступление.

20 ноября перешли в наступление войска Сталинградского фронта (генерал-полковник Еременко). 23 ноября — выходом в районы Советского и Калача танковые и механизированные соединения Юго-Западного и Сталинградского фронтов замкнули кольцо окружения главной группировки фашистских войск в междуречье Волги и Дона. В котле оказались 6-я армия и 4-я танковая армия — 22 дивизии. Разные цифры приводят историки по количеству окруженных в районе Сталинграда немецких солдат и офицеров. В окружение попало: по данным советских историков — 330 тыс. немецких солдат и офицеров; немецких — от 250 тыс. до 280 тыс., Паулюса — 300 тыс.

После этого советские войска перешли ко второму этапу — к ликвидации котла, окруженной группировки.

Одновременно с внутренним создавался и внешний фронт окружения, однако оставалась почти 200 км брешь во внешнем фронте окружения. Была сделана попытка прикрыть эту брешь за счет внутреннего фронта окружения. Жуков и Василевский считали, что враг предпримет деблокирующий удар с целью помочь окруженной группировке и вероятный район удара может быть Котельниково. Одновременно разрабатывался и другой план — «Сатурн» с целью отодвинуть внешний фронт окружения на 150—200 км в середине декабря.

Чтобы враг не смог перебросить силы из района Вязьмы на помощь южной группировке, Жуков и Василевский предложили провести наступательную операцию под кодовым названием «Марс» (с 24 ноября по 15 декабря) в районе севернее Вязьмы, разгромить немцев в районе Ржевского выступа силами Западного и Калининского фронтов. Координацию сил этих фронтов взял на себя Жуков, а Василевский координировал действия 3-х фронтов под Сталинградом.

Активные действия наших войск осенью 1942 г. на западном направлении против немецкой группы армий «Центр», по расчетам Ставки, должны были дезориентировать противника, создать впечатление, что именно здесь советские войска готовят зимнюю операцию. Поэтому в октябре гитлеровское командование начало большое сосредоточение сил против наших западных фронтов. К началу ноября для усиления группы армий «Центр» было переброшено 12 дивизий, не считая других средств. Оперативные просчеты немцев усугубились плохой работой их разведки, которая не сумела вскрыть подготовку нами крупного контрнаступления в районе Сталинграда.

Попытки Донского и Сталинградского фронтов с ходу рассечь окруженную группировку на части и уничтожить их не увенчались успехом. Их войска, ослабленные в предыдущих наступательных боях, нуждались в значительном усилении. Для этого была переброшена из резерва 2-я гвардейская армия генерала Малиновского. Кроме того, советское командование полагало, что в мешок попало около 90 тыс. немцев, в действительности их оказалось втрое больше.

В первой половине декабря операция по уничтожению окруженного противника развивалась крайне медленно. Сталин нервничал и требовал быстрейшего завершения разгрома окруженной группировки врага.

Немецкие войска, ожидая обещанную лично Гитлером поддержку, дрались упорно за каждую позицию.

Немецкое командование, готовясь к деблокаде своих окруженных дивизий, создало новую группу армий — «Дон» под командованием фельдмаршала Манштейна. Он заверил Гитлера, что его войска сильным ударом извне прорвут кольцо окружения, соединятся с армией Паулюса и восстановят положение немецких войск на Волге и на Дону, которое они занимали до ноябрьского контрнаступления Красной Армии. Для осуществления этого замысла создавались две ударные группировки: одна — в районе Котельникова, другая — в районе Тормосина.

12 декабря враг перешел в наступление из района Котельникова на Сталинград. Ему удалось сломить сопротивление ослабленных в ходе ноябрьской операции дивизий 51-й армии и продвинуться на север. Враг форсировал реку Аксай Есауловский и завязал бои за хутор Верхне-Кумский, который переходил из рук в руки несколько раз. 14—15 декабря под хутором Верхне-Кумский состоялся встречный танковый бой, который продолжался более суток. С обеих сторон принимало участие 150—180 танков при поддержке авиации. Немцы потеряли 40 танков, русские — 32 танка. К исходу 15 декабря враг вынужден был оставить хутор.

Не считаясь с огромными потерями, враг приблизился к окруженным войскам на расстояние 35—40 км. С их выходом к реке Мышкова должна была нанести удар вторая группировка врага из района Тормосина, и должен был состояться встречный удар из котла — операция под кодовым названием «Удар грома». В план «Сатурн» срочно были внесены изменения, вызванные переходом в наступление котельниковской группировки врага, операция получила название «Малый Сатурн». Главный удар решили нанести не в южном направлении, как было решено раньше, а в юго-восточном.

16 декабря началась операция «Малый Сатурн» силами Юго-Западного фронта и

левого крыла Воронежского фронта. Операция началась успешно, однако к 24 декабря врагу удалось задержать наступление войск Юго-Западного фронта. Но как раз в это время на него обрушился новый неожиданный удар.

В связи с наступлением котельниковской группировки врага Ставка отложила операцию по ликвидации окруженных фашистских войск. Предназначавшаяся для ее проведения 2-я гвардейская армия была в срочном порядке направлена к реке Мышкова. За шесть дней в лютый мороз, достигавший 20—30 градусов, дивизия преодолела пешим маршем 200 км и вечером 18 декабря вышла к берегам реки Мышкова — последнему естественному препятствию на пути немцев, за которым лежали ровная степь и Сталинград. «Ночью, без отдыха бойцы по северному берегу реки начали занимать оборону, вгрызаться в мерзлую землю, твердую как железо», — вспоминал помощник командира взвода автоматчиков 4-го стрелкового полка 98-й стрелковой дивизии 2-й гвардейской армии П. П. Литвинов.

19 декабря немецкие танки при мощной поддержке авиации (1000 самолетовылетов) прорвали линию обороны наших войск у Верхне-Кумского и к 14.30 подошли к хутору Нижне-Кумский. У начальника штаба 2-й гвардейской армии С. С. Бирюзова сохранилась датированная 19 декабря 1942 г. лента телеграфных переговоров с командиром правофланговой 300-й стрелковой дивизии, текст которой он приводит в своих мемуарах: «Нижне-Кумский атакован 50 танками и мотопехотой. Двадцать танков подбиты, с остальными идет смертельный бой». По его словам, «бой за Нижне-Кумский продолжался без перерыва в течение 22 часов». Этот населенный пункт несколько раз переходил из рук в руки.

Во время этого боя 19 декабря под хутором Нижне-Кумским совершил свой подвиг двадцатичетырехлетний рядовой, стрелок-бронбойщик 4-го стрелкового полка 98-й стрелковой дивизии 2-й гвардейской армии, бывший моряк Тихоокеанского флота Илья Каплунов. При отражении атаки противника он подбил 5 немецких танков из противотанкового ружья и противотанковыми гранатами. Осколком снаряда ему

оторвало левую ногу, но он меткими выстрелами из ПТР подбил еще три танка. В это время ему оторвало левую руку. Истекая кровью, Илья Каплунов противотанковой гранатой подбил еще один, девятый танк. Он умер на следующий день после боя. Матери и племяннице о последних часах его жизни рассказала местная жительница хутора в 1959 г., которая ухаживала за вынесенным с поля боя, истекающим кровью, но еще живым героем. Она перевязала ему тяжелые раны, остановила кровотечение, но спасти Илью Каплунова не удалось. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1943 года за уничтожение в бою 9 танков противника¹.

Во взаимодействии с войсками 51-й армии 2-я гвардейская армия остановила врага, а 24 декабря советские войска перешли в наступление. 29 декабря овладели городом Котельниково. Котельниковская группировка врага была разгромлена, ее остатки отступали к Ростову.

Немецко-фашистские войска в Сталинграде оказались в исключительно тяжелом положении. Их систематически бомбардировала советская авиация, обстреливала советская артиллерия. Вскоре во вражеском стане начался голод, неудержимо росла смертность. Германское командование пыталось с помощью транспортной авиации наладить снабжение этих войск и эвакуировать хотя бы их часть. Но советские летчики срывали замысел врага. В конце декабря 1942 г. было доставлено 5 т конфет, 200 тыс. брошюр отдела пропаганды вермахта. За сутки перебрасывалось 100 т груза, требовалось не менее 1000 т. Норма дневного пайка составляла 100 г хлеба, 15 г жира. Окруженные немецкие войска испытывали большие трудности. Об этом свидетельствуют их письма домой:

31.12.42

Дорогая тетя!

Мы еще в Сталинградском котле, жрать нечего — того, что мы едим, слишком много, чтобы помереть, и слишком мало, чтобы жить. Нет ни сигарет, ни шнапса, даже хлеба не хватает. Мы питаемся в основном толь-

¹ Дмитриева О. Герой-бронбойщик Илья Каплунов // Родина. 2013. № 1.

ко кониной, несколько раз от голода я ел ее сырой. Главное, нет никаких перспектив, что скоро будет лучше.

Ваш Вальтер.

31.12.42

Мои дорогие! Сейчас канун Нового года, и, если я думаю о доме, у меня разрывается сердце. Так здесь все плохо и безнадежно. Уже четыре дня я не ел хлеба и живу только на супе в обед, а утром и вечером глоток кофе. Каждый день сто граммов мясных консервов или полбанки сардин в масле или немного плавленого сыра.

Везде голод, голод и к тому же вши и грязь. Днем и ночью нас бомбят советские летчики, и почти не прекращается артиллерийский огонь. Если в ближайшее время не свершится чудо, я здесь погибну. Мне очень плохо... Несмотря на то что я очень измучен, ночью я не могу уснуть, лежу с открытыми глазами и думаю непрерывно о пирожных, пирожных. Иногда молюсь, иногда думаю о своей судьбе. При этом все представляется мне бессмысленным и бесцельным. Когда и как придет избавление? И что это будет — смерть от бомбы или от гранаты? Или болезнь?

Если из-за этого письма меня поставят перед военным трибуналом и расстреляют, то для моего измученного тела это будет избавлением от страданий. У меня больше нет надежды.

С сердечной любовью Ваш Бруно.
Ефрейтор Бруно Калига, п/п 202196¹.

7.01.43. Восток.

Дорогой Хайни!

Положение до сих пор не улучшилось, с 21 ноября мы окружены, самое необходимое присылают самолетами, но многого не хватает.

Почта теперь приходит очень редко. Вообще этой зимой все совсем иначе, чем прошлой. Лошадей у нас почти нет, даже в пехотных дивизиях. Тех немногих, что уцелели, мы вынуждены съедать. Они старые и тощие. Двести граммов хлеба и кусок конины с водой составляют все наше дневное

¹ Нина Вашкау «...Но вышло совсем не так, как мы думали». Письма немецких солдат из Сталинграда // Родина. 2013. № 1. С. 67.

довольствие. Счастье еще, что зима не такая суровая, не сравнить с той, что была в прошлом году. А то бы нам точно каюк.

8 января во избежание напрасного кровопролития советское командование предложило им сдаться, но Гитлер вопреки здравому смыслу запретил капитуляцию. Среди условий ультиматума были и такие: «Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие. Всем сдавшимся будет установлено нормальное питание. Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь».

Ликвидация окруженной группировки была поручена Донскому фронту под командованием Рокоссовского (операция «Кольцо» с 10 января по 2 февраля 1943 г.).

10 января 1943 г. войска Донского фронта перешли в наступление с целью рассечь вражескую группировку и уничтожить ее по частям, но не достигли полного успеха.

22 января после дополнительной подготовки войска Донского фронта вновь перешли в наступление.

26 января в районе Мамаева кургана вражеская группировка была расчленена на две части.

30 января исполнилось десятилетие прихода Гитлера к власти в Германии. Для награждения обреченных на бесславную гибель воинов Гитлер направил в котел мешок с орденами. Сброшенный с самолета, он упал в лагерь военнопленных немцев. В этот день фюрер присвоил звание фельдмаршала сразу четырем генералам Восточного фронта, в том числе и Паулюсу. Этим Гитлер оказывал ему жестокую милость: по неписаной прусской традиции фельдмаршалы никогда в плен не сдаются, они стреляются. Возмущенный Паулюс вместе с южной группой отсеченных войск на следующий день сдался в плен, т.е. 31 января прекратила сопротивление южная группа войск во главе с фельдмаршалом Паулюсом. Гитлер рассчитывал, что Паулюс застрелится, однако холодный разум преобладал у Паулюса. Он предпочел смерти русский плен. Узнав об этом, Гитлер пришел в бешенство. Он всяче-

ски поносил новоиспеченного фельдмаршала, обвиняя его в малодушии.

Фельдмаршал Паулюс со своим штабом был пленен в подвале разрушенного здания универмага на площади Павших борцов. Подполковник Леонид Винокур, который вел переговоры до прибытия начальника штаба 64-й армии генерал-майора Ивана Ласкина, увидел Паулюса: «Он лежал на кровати, когда я вошел. Он был в шинели и в фуражке. У него была двухнедельная щетина, видно было, что он в отчаянии». Подвал, по словам пришедших вместе с Морозовым и Винокуром участников событий, был похож на отхожее место. «Там почти до пояса была грязь, человеческий кал и все такое прочее... Вонь неимоверная...». К вечеру 31 января соглашение о капитуляции было достигнуто. Началось разоружение немецких войск в Сталинграде. Паулюс и находившиеся с ним генералы были доставлены в село Бекетовку, в штаб командующего 64-й армией генерал-лейтенанта Михаила Шумилова.

В северную группу генерала К. Штрекера был передан приказ сражаться до последнего патрона, умереть, но в плен не сдаваться. Группа попыталась выполнить приказ. Советское командование предложило Паулюсу заставить северную группу сложить оружие. Фельдмаршал отказался, заявив, что пленные приказывать не имеют права.

На шестикилометровой участке северной группы было сосредоточено около тысячи орудий. Утром 1 февраля они обрушили на врага лавину огня. Показались белые флаги. 2 февраля капитулировала северная группа.

В ходе контрнаступления Красной Армии под Сталинградом враг потерял свыше 800 тыс. человек, 2 тыс. танков и штурмовых орудий, 10 тыс. орудий и минометов, около 3 тыс. самолетов, свыше 70 тыс. автомашин.

Враг полностью лишился 32-х дивизий и 3-х бригад, а 16 дивизий понесли такие потери, что их пришлось выводить с фронта на доукомплектование.

Потери СССР составили 485,5 тыс. человек, из них безвозвратно — 155 тыс.

За 200 дней и ночей Сталинградской битвы враг потерял 1,5 млн. человек, или ¼ всех сил, имевшихся на советско-герман-

ском фронте. В плен взято, по последним немецким данным, около 113 тыс. солдат и офицеров, в том числе 22 генерала.

Красная Армия потеряла 1 млн. 130 тыс. человек (из них 480 тыс. безвозвратно).

Родина высоко оценила подвиг защитников Сталинграда: 112 человек удостоены звания Героя Советского Союза; 700 тыс. человек награждены медалью «За оборону Сталинграда»; 183 части, соединения преобразованы в гвардейские; 55 частей, соединений награждены боевыми орденами; 44 частям, соединениям присвоены почетные наименования.

7.3. Историческое значение Сталинградской битвы. Спорные вопросы

Историческое значение

1. Сталинградская битва положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны. Красная Армия прочно захватила стратегическую инициативу и до конца войны уже не выпускала. «Ни один из союзников России в минувшей войне не может похвастаться такой победой. Победа Советского Союза под Сталинградом означала нечто большее, чем величайший военный успех в его истории», — писал генерал вермахта Г. Дерр, участник Сталинградской битвы.

2. Весь фашистский рейх оказался в состоянии глубокого морального шока. «Последние несколько недель, — записал в те дни в своем дневнике один из фашистских дипломатов У. Хассель, — характеризуются самым серьезным кризисом, какой мы еще не испытывали в войне. Этот кризис, к сожалению, поразил не только руководство и правящий режим, но и всю Германию. Он символизируется одним словом — «Сталинград». Погребальный звон церковных колоколов и объявленный трехдневный траур по случаю гибели германских войск под Сталинградом отрезвили миллионы немцев, заставили их взглянуть правде в лицо. Грозный призрак неизбежного поражения впервые возник в сознании населения Германии, одурманенного геббельсовской пропагандой. Поражение у стен Сталинграда стало

началом краха иллюзий, сигналом к переосмыслению происходящего. Начали все более активно пробуждаться оппозиционные по отношению к гитлеризму настроения.

3. Фашистские войска потеряли большое количество живой силы и техники.

4. Сокрушительный разгром фашистских полчищ под Сталинградом отрезвляюще подействовал на правящие круги Японии и Турции. Они отказались от своих намерений выступить войной против СССР. Японский посол в Берлине Осима 6 марта 1943 г. заявил Риббентропу: «Японское правительство... прекрасно понимает желание своего союзника — Германии, чтобы Япония также вступила в войну против России. Однако ввиду сложившейся в настоящее время военной обстановки японское правительство не может вступить в войну».

5. Победа под Сталинградом оказала огромное воздействие на антифашистское движение Сопротивления.

6. Возрос международный престиж Советского государства и его Вооруженных Сил. Победа советских войск под Сталинградом вдохновила наших союзников — достаточно вспомнить, в каких восторженных тонах выдержаны американские и английские поздравления Сталину. Подобного воодушевления у антигитлеровских сил на планете не было ни после Московской, ни после Курской битвы. Сталинград в понимании многих сил был не только военным успехом, но и символом грядущего поражения Германии и победы союзников, сигналом к более активной борьбе с врагом. Не случайно и то, что в Париже позднее появились площадь и станция метро «Сталинград»; улицы с таким же названием есть сегодня в Лионе, Брюсселе, Милане и многих других городах мира.

7. Исход Сталинградской битвы показал превосходство советского военного искусства. Паулюс, выступая в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками, заявил, что советская стратегия оказалась значительно выше немецкой, что «лучшее тому доказательство — исход битвы на Волге, в результате которой я оказался в плену, а также и то, что все эти господа сидят сейчас вот здесь, на скамье подсудимых».

8. Возрос моральный дух советских солдат и офицеров и всего советского народа.

Спорные вопросы

1. Вопрос о начале коренного перелома. Коренной перелом в войне рассматривается советскими и российскими историками как многосторонний процесс в целом необратимых изменений в пользу одной из воюющих сторон, а основным его показателем является захват и удержание стратегической инициативы. Основными показателями коренного перелома служат военный, экономический, политический, идеологический факторы. Точка зрения академика Самсонова и доктора исторических наук Ржевского, высказанная ими в № 4 журнала «Вопросы истории» за 1987 г., состоит в том, что Московская битва положила начало коренному перелому, Сталинградская битва внесла решающий вклад, а Курская битва и освобождение Левобережной Украины завершили коренной перелом.

Однако ряд авторитетных историков по Второй мировой войне (Страхов, Проэктор, Басов и др.) не согласны с данной точкой зрения и считают, что начало коренному перелому положила Сталинградская битва, а завершили Курская битва и освобождение Левобережной Украины. Они считают, что хотя после Московской битвы наши войска сумели перехватить стратегическую инициативу, но она была утеряна уже весной 1942 г. и началось 5-месячное отступление наших войск до Сталинграда и Кавказа. Экономический фактор отсутствовал, так как перелом в работе промышленности произошел только в 1943 г.

В ходе Московской битвы наша промышленность еще не могла в полной мере обеспечивать потребности Красной Армии в вооружении. Это было время, когда Сталин лично поштучно распределял между фронтами танки и самолеты, когда наши войска в ходе контрнаступления под Москвой делали в сутки один-два выстрела из орудия. О каком коренном переломе может идти речь? Да, политический фактор был, поскольку после Московской битвы повысился международный авторитет Советского Союза, возникло ядро антигитлеровской коалиции, когда 1 января 1942 г. 26 государств подписали «Декларацию объединенных наций». Идеологический фактор тоже присутствовал — поднялся моральный дух советского

народа, появилась уверенность в том, что победа будет за нами. Напротив, в немецкой армии начинает падать моральный дух. Но главными показателями коренного перелома являются военный и экономический фактор, а они как раз слабо присутствовали в ходе Московской битвы.

2. Вторым спорным вопросом являются декабрьские события 1942 г. Писатель Ключарев, участник боев в районе Верхне-Кумского, в своих статьях делает вывод о том, что судьба Сталинградской битвы решалась в этом районе.

12 декабря 57-й танковый корпус 4-й немецкой танковой армии с района Котельникова ринулся в брешь во внешнем фронте окружения советских войск. Начинается операция по деблокаде окруженной группировки Паулюса под кодовым названием «Зимняя гроза». Не за трое суток, а всего за сутки передовые части продвинулись на 45 км, форсировали приток Дона Аксай Есауловский и на рассвете без боя заняли хутор Верхне-Кумский. С выходом котельниковской группировки к реке Мышкова 19 декабря должен был состояться встречный удар из котла — операция «Удар грома». В этот же день должна была перейти в наступление тормосинская группировка противника. Остановила врага не 2-я гвардейская армия генерала Малиновского, а 51-я армия (ген. Труфанов). 2-я гвардейская армия вступила в бой лишь 18 декабря, а до этого 6 суток сдерживала врага 51-я армия, «пол-армии». А в книге Ю. Бондарева «Горячий снег» и кинофильме «Горячий снег» преувеличивается роль 2-й гвардейской армии генерала Малиновского и незаслуженно забыта роль 51-й армии.

Сталин не прислушивался к мнению Жукова и Василевского, которые считали необходимым создать сначала внешний фронт окружения, а затем уже приступить к ликвидации котла. Сталин выступал за немедленное уничтожение окруженной группировки.

Надо ли было вести «бои с большими синдромами непобедимости» солдатами Паулюса, которые напоминали «зайца на привязи», вместо того чтобы немного подождать? И трудно не согласиться с теми зарубежными авторами, которые пишут, что жертв, связанных с форсированием его ликвидации, могло и не быть.

В ответ на статьи Г. Ключарева вышла статья военного историка, кандидата военных наук Хорошилова, который считает, что Г. Ключарев

- преувеличивает значение отдельных событий Сталинградской битвы, участником которых он был. Предрешил исход Сталинградской битвы ряд важнейших операций, проведенных Советскими Вооруженными Силами в период с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г. К ним относятся героические оборонительные действия советских войск с июля по ноябрь 1942 г., внезапное поражение и окружение главных сил противника у стен города в ходе контрнаступления Красной Армии, срыв попытки деблокады, наконец, окончательный разгром окруженной группировки врага в ходе проведения советскими войсками операции «Кольцо»;

- Г. Ключарев, подвергая нападкам 2-ю гвардейскую армию, решительно отвергает ее роль в окончательном срыве контрудара группы «Гот». 2-я армия была главной силой с 24 декабря, когда войска Сталинградского фронта завершили разгром армейской группы «Гот». Если бы она не подошла к Мышкове к 19 декабря, трудно предсказать, как развернулись бы события;

- армия Паулюса не напоминала «зайца на привязи». Даже 8 января 1943 г. перед началом операции «Кольцо», когда советское командование предложило Паулюсу сдаться во избежание ненужного кровопролития, он отказался, считая свою армию боеспособной. Кроме того, Гитлер тешил его надеждами на скорую деблокаду.

7.4. Сталинградская битва глазами зарубежных историков

Сталинградской битве как одному из знаковых событий Второй мировой войны зарубежные историки уделяют большое внимание. Отношение зарубежных авторов к истории Сталинградской битвы не одинаково и не однозначно. Большинство из них основное внимание уделяют действиям немецкой стороны, пытаются выяснить прежде всего вопрос: почему она потерпела поражение на Волге? Другие же историки больше внимания уделяют советской стороне, стре-

мятся отразить в своих работах героизм и мастерство Красной Армии, проявленные как в обороне, так и в наступлении. Но такие историки, к сожалению, находятся в меньшинстве. В книге английского историка Дж. Джукса «Сталинград — поворотный пункт» (1968) отмечена «прочность советской стороны, смелость плана контр наступления» и на этом основании сделан вывод о том, что «именно превосходство полководческого мастерства, а не соотношение сил определило исход битвы». По мнению английского историка Б. Питта, «Сталинград стал символом великой победы, завоеванной разумной ценой».

Высокая оценка действий защитников Сталинграда приведена в книге германского историка М. Фройнда: «Сталинград показал прежде всего силу сопротивления советских солдат... Ни один немецкий город не боролся так, как Сталинград. Сталинград был почти уничтожен, но руины фабрик и военных заводов продолжали служить укрытием для советских бойцов. Это была жертва до последней капли крови, какой не видели почти никогда на Западе». Объективную оценку Сталинградской битвы дает также германский военный историк М. Кериг в исследовании «Сталинград: Анализ и документация битвы» (1974): «Для немецкой стороны эта битва превратилась в военное поражение величайшего масштаба, а для советской — в классическую операцию на окружение, в символ решительной обороны в трудное время». Примечательны выводы о том, что Сталинградская битва в значительной мере способствовала укреплению международных позиций Советского Союза. Английский историк Дж. Эрикссон писал: «Если победа под Полтавой в 1709 году вывела Россию в число европейских держав, то победа под Сталинградом показала, что СССР становится ведущей мировой державой» (1983).

«После Сталинграда стратегическая инициатива перешла в руки Советского Союза, — пишет Дж. Робертс, — и он уже не терял ее до самого конца войны. Но будет неправильно говорить о том, что дорога от Сталинграда до Берлина была усыпана для Красной Армии одними лавровыми венками. Советским войскам предстояло участво-

вать еще во многих сражениях и кампаниях. Однако после Сталинграда вопрос о том, кто одержит победу в войне, уже не стоял на повестке дня, оставалась только одна проблема — когда именно Германия потерпит поражение». Отмечая, что «советская победа под Сталинградом была коренным переломом в войне на Восточном фронте», этот историк вместе с тем подчеркивает, что «Восточный фронт являлся главным фронтом Второй мировой войны. На него пришлось 80% суммарного объема всех боевых действий Второй мировой войны и 90% потерь в них германских войск. Немцы лишились на Востоке 600 дивизий и 10 млн. убитых, раненых, пропавших без вести или попавших в плен солдат». Робертс в названии своей книги с полным на то правом подчеркнул, что с именем Сталинграда связана «битва, которая изменила историю» [171].

Наряду с этими объективными оценками в зарубежной литературе пропагандируется до сих пор выдвинутая по окончании войны гитлеровскими генералами версия, согласно которой победа Красной Армии в битве на Волге была обусловлена роковыми ошибками Гитлера (американский историк Э. Зимке, германский историк О. Цирер, немецкий военный историк Б. Вегнер, американский историк У. Керр, германский историк Г. А. Якобсен и многие другие) — разделением немецкой наступательной группировки на две части и началом их действий на двух расходящихся направлениях — сталинградском и кавказском. Английский историк М. Арнольд-Форстер считает, что еще более роковым решением Гитлера, «изменившим ход истории», явился его приказ от 31 июля 1942 г. о переброске с кавказского направления из группы армий «А» в группу армий «Б» 4-й танковой армии. Это якобы привело к крушению главной стратегической цели Германии в 1942 г., которая заключалась в захвате месторождений кавказской нефти. О том, что провал попыток немецкого командования лишить СССР доступа к его главным месторождениям нефти на Кавказе сказался на «судьбе всей войны», пишет и германский историк Б. Вегнер. Но эти историки не пишут о главной причине того, почему не сбылись расчеты Гитлера и его генералов. Она заключалась в том, что и

под Сталинградом, и в предгорьях Кавказа советские войска проявили непревзойденное мужество и мастерство в ведении как оборонительных, так и наступательных боев и сорвали замыслы агрессора.

Конечно, холодная война наложила отпечаток на многие работы историков США, Великобритании, ФРГ и других стран. Как правило, Сталинградская битва рассматривалась и рассматривается в них до сих пор как событие, оказавшее влияние лишь на ход войны СССР с Германией, предпринимаются попытки приуменьшить ее историческое значение, приравнять достигнутый в ее ходе блестящий успех Красной Армии к менее значительным военным успехам англо-американских войск на других театрах военных действий. Одни из них в своих трудах о Второй мировой войне ухитряются забывать о Сталинградской битве и ее исходе (например, американский профессор Р. Атиан), другие доказывают, что Сталинград не был переломным пунктом Второй мировой войны (С. Сульцбергер), третьи приравнивают битву на Волге к боевым действиям англо-американских войск в 1942—1943 гг., значительно меньшим по масштабам и происходившим на второстепенных фронтах. Особенно часто сравнивают Сталинградскую битву с победой англо-американских войск в Северной Африке под Эль-Аламейном. Нередко битву под Эль-Аламейном по своему влиянию на дальнейший ход войны ставят на первое место, оттесняя Сталинград. По мнению Г. А. Якобсена, равноценные Сталинграду поражения Германия понесла также в сражении под Эль-Аламейном в ноябре 1942 г. и при отступлении немецких войск в Тунисе, которое закончилось их капитуляцией весной 1943-го. «Эти три события — утверждает он, — и произошедший весной 1943 года крах германской подводной войны означали в военном отношении поворотный пункт войны».

Этот немецкий историк своими словами во многом пересказывает выдвинутую ранее американскими историками Э. Зимке и Дж. Шентоном версию, согласно которой победа англо-американских войск в Северной Африке в мае 1943 года была «вторым Сталинградом», что там они нанесли фашиз-

му «поражение, равное по своим масштабам Сталинграду». Эта версия затем перекочевала в некоторые немецкие издания о Второй мировой войне, а также в книги о Сталинграде. Так, Форстмайер, бывший начальник Военно-исторического научно-исследовательского управления бундесвера, в предисловии к книге М. Керига «Сталинградская битва» утверждал, что «ощутимый поворот в войне произошел в 1942 году в результате двух событий — высадки союзников в Северной Африке и советского наступления против южного крыла немецкого Восточного фронта». Но, по его мнению, «более убедительно поворот обозначился не на советско-германском фронте, а в Северной Африке».

Уже в наши дни начальник Военно-исторического научно-исследовательского управления бундесвера Г. Рот утверждал, что «Сталинградская битва, завершившаяся победой Красной Армии, не была сражением, решившим исход войны». Ему вторил и сотрудник этого управления Ю. Ферстер: «Сталинград не является вехой, означавшей поворот во Второй мировой войне».

В сражениях Сталинградской битвы, длившейся 200 дней и ночей, на территории, едва превышающей 100 тыс. кв. км, с обеих сторон участвовало свыше 3 млн. 600 тыс., более 60 200 орудий и минометов, 8850 танков и 7300 самолетов.

В битве под Эль-Аламейном (23 октября — 4 ноября 1942 г.), длившейся 12 дней, группировки обеих сторон насчитывали 300 тыс. человек, более 3500 орудий и минометов, 1940 танков и 1850 самолетов. К 22 октября войска немецкой танковой армии «Африка» под командованием генерал-фельдмаршала Э. Роммеля имели в своем составе 4 немецких, 8 итальянских дивизий — всего ок. 80 тыс. человек, 540 танков, свыше 1200 орудий и минометов, 350 самолетов. Они занимали оборону на фронте до 60 км. Ее глубина доходила до 15—20 км и была построена в виде системы опорных пунктов и узлов сопротивления. Британская 8-я армия под командованием генерала Монтгомери существенно превосходила группировку германо-итальянских войск. В своем составе она имела четыре армейских корпуса (12 дивизий) общей численно-

стью 230 тыс. человек, свыше 1400 танков, более 2300 орудий и минометов, 1500 самолетов.

По своим целям, размаху, напряженности, драматизму и результативности военных действий, по последствиям битва под Сталинградом превзошла все бывшие до нее сражения мировой истории. Общие потери врага за время битвы составили около 1,5 млн. человек, в том числе 460 тыс. безвозвратно. Германия лишилась и огромного количества военной техники. Потери Красной Армии — 1 млн. 130 тыс. человек, из них безвозвратные — 480 тыс. человек.

В ходе сражения у Эль-Аламейна итало-немецкие войска потеряли 53 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, 320 танков и около 1000 орудий и минометов. Потери британских войск составили 13,5 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, 77 самолетов, 500 танков, большинство из которых в последующем было восстановлено.

Гитлер был вынужден признать, что «возможность окончания войны на Востоке посредством наступления более не существует». Действительно, после Сталинграда стратегическая инициатива прочно и необратимо перешла в руки советского Верховного Главнокомандования. Отныне его воля, его наступательная стратегия стали определяющими. Сталинградская битва внесла решающий вклад в достижение коренного перелома в Великой Отечественной, да и во Второй мировой войне, оказала определяющее влияние на их дальнейший ход. Это признали все руководители и военные деятели стран антигитлеровской коалиции. В обобщенном виде это выразил западный историк Р. Сэт, заявив: «Что бы вы ни думали о коммунизме, но если вы честны, вы не можете не восхищаться русскими и их военными руководителями за то мужество, стойкость и мастерство, с которыми они удерживали немцев под Сталинградом в 1942 г., и Сталинградом как плацдармом, на котором в конечном счете они повернули ход войны в свою пользу и, кроме того, в пользу западных союзников».

Победа под Сталинградом оказала существенное влияние на развитие военных событий и стратегическую обстановку на

других театрах Второй мировой войны, в том числе и на военные события в Северной и Северо-Западной Африке. Достаточно сказать, что летом и осенью 1942 г. советско-германский фронт поглотил все имевшиеся в распоряжении верховного главнокомандования вермахта резервы сухопутных войск и авиации. Это позволило английской армии остановить наступление соединения генерал-фельдмаршала Э. Роммеля на Каир, а затем нанести им поражение в сражении под Эль-Аламейном.

Как считает военный историк М. А. Гареев, нет оснований, как это нередко делается в западной историографии, преувеличивать роль этой операции. Считать ее поворотным пунктом во Второй мировой войне и тем более сравнивать со Сталинградской битвой.

Во-первых, если говорить о военно-стратегической стороне дела, Сталинградская битва происходила на огромной территории, почти в 100 тыс. кв. километров, а операция под Эль-Аламейном — на сравнительно узком африканском побережье. Также несопоставимы потери врага в Сталинградской битве и в битве под Эль-Аламейном. Под Эль-Аламейном итало-немецким войскам удалось отступить, а под Сталинградом была окружена и ликвидирована немецкая группировка общей численностью более 330 тыс. человек, полностью разгромлено 32 дивизии и три бригады Германии и ее союзников.

Во-вторых, несопоставима военно-политическая значимость происшедших событий. Сталинградская битва происходила на главном европейском театре военных действий, где решалась судьба войны. Операция под Эль-Аламейном в Северной Африке — на второстепенном театре, влияние которого на ход событий могло быть косвенным. Под Сталинградом решался коренный вопрос: кто кого? Внимание всего мира тогда было приковано не к Эль-Аламейну, а именно к Сталинграду. Не только руководители государств, но и сотни миллионов людей в различных странах понимали, что наступил критический момент Второй мировой войны, что от исхода сражений в междуречье Волги и Дона во многом зависит судьба человечества. Далекое не так даже в западных

странах воспринималось сражение под Эль-Аламейном [51].

Было бы неверно к Сталинградской битве приравнивать и капитуляцию итало-немецких войск в Тунисе в мае 1943 г. Этот успех союзников во многом предопределило то, что с весны 1942 г. германское командование особое значение придавало ведению войны против СССР, а не в Северной Африке.

Бесспорно одно: германский вермахт не понес в Тунисе потерь, которые могли бы существенно подорвать его боеспособность. Командующий экспедиционными силами союзников в Северной Африке генерал Д. Эйзенхауэр в письме в Вашингтон в июне 1943 г. отмечал, что действия вверенных ему войск окажут «весьма ничтожное» влияние на ход борьбы Советского Союза.

8. ЗАВЕРШЕНИЕ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рекомендуемая литература: 5; 25; 30; 31; 33; 35; 38; 39; 66; 108; 109; 111; 112; 114; 136; 147; 148; 162; 170; 175; 194; 197; 210.

8.1. Оборонительный этап Курского сражения (5 июля — 12 июля 1943 г.)

После ожесточенных сражений зимой 1942—1943 гг. на советско-германском фронте наступило затишье. Воюющие стороны извлекали уроки из прошедших боев, намечали планы дальнейших действий. Войска пополнялись людьми, техникой, накапливали резервы, производили перегруппировки.

К лету 1943 г. военно-политическое положение СССР еще более укрепилось. Значительно возросла его боевая мощь. Это привело к дальнейшему изменению соотношения сил на фронте в пользу Красной Армии, еще больше укрепился моральный дух советских людей, советских воинов.

Иная обстановка складывалась в фашистской Германии. В результате поражений Германия была вынуждена оставить территории, захваченные в 1942 и частично в 1941 гг. Огромные потери в людях и боевой технике подрывали моральный дух армии и населения Германии. Чтобы улучшить моральное состояние своей армии и народа, предотвратить распад фашистского блока и восстановить военный и политический престиж Германии, гитлеровские политики и стратеги решили провести на советско-германском фронте большое летнее наступление. Летнее наступление 1943 г. должно было стать последним шансом для Германии одержать победу в войне: во-первых, летом немецкая армия всегда чувствовала себя увереннее; во-вторых, театр военных действий был благоприятен для действия крупных

моторизованных сил (безлесные районы Южной России и Украины); в-третьих, нанося молниеносное поражение двум советским фронтам (Юго-Западному и Южному) в конце февраля 1943 г., гитлеровское командование считало, что ему удалось преодолеть психологическую подавленность своих войск после Сталинграда. По его мнению, германская армия вырвала и в состоянии в дальнейшем вырывать стратегическую инициативу из рук советского командования.

С весны 1943 г. Германия и ее сателлиты развернули усиленную подготовку к наступлению. Проведена была тотальная мобилизация. Все мужчины в возрасте от 17 до 50 лет, способные носить оружие, брошены в огонь войны. Разбронировалось и призывалось в армию около 1 миллиона высококвалифицированных рабочих. В результате в вермахт было мобилизовано на 2 миллиона человек больше, чем в 1942 г. Недостаток рабочей силы в народном хозяйстве гитлеровское руководство пыталось восполнить привлечением более 2 миллионов иностранных рабочих и военнопленных.

К лету 1943 г. вермахт по-прежнему представлял собой большую силу. Германия держала на советско-германском фронте 232 дивизии (т.е. на 42 дивизии больше, чем к началу войны против СССР), из них 196 немецких и 36 дивизий стран-сателлитов. На советско-германском фронте находилось около 4880 тыс. человек, т.е. 72% всех военных сил Германии. Армии сателлитов составляли 525 тыс. Всего на советско-германском фронте гитлеровское командование держало 5405 тыс. человек. Однако соотно-

шение сил на фронте складывалось не в ее пользу. К июлю 1943 г. в советской действующей армии было 6612 тыс. бойцов, т.е. по людям она превосходила врага в 1,2 раза. Еще большее преимущество советские войска имели в боевой технике.

Немецко-фашистское командование пришло к выводу, что самым удобным участком для нанесения решительного удара является выступ в районе Курска. С севера над ним нависали войска группы армий «Центр», создавшие здесь сильно укрепленный орловский плацдарм. С юга выступ охватывали группы армий «Юг». Противник рассчитывал срезать выступ под основание и разгромить действовавшие там соединения Центрального и Воронежского фронтов. Немецко-фашистское командование учитывало также исключительно большое стратегическое значение выступа для Красной Армии. Занимая его, советские войска могли наносить удары по тылам и флангам как орловской, так и белгородско-харьковской группировок противника.

Разработку операции под кодовым названием «Цитадель» гитлеровское командование завершило уже в первой половине апреля. Общий замысел операции сводился к следующему: двумя одновременными встречными ударами в общем направлении на Курск — из района Орла на юг и из района Харькова на север — окружить и уничтожить на курском выступе войска Центрального и Воронежского фронтов. Последующие наступательные операции вермахта ставились в зависимость от результатов сражения на Курской дуге. Успех этих операций должен был послужить сигналом для наступления на Ленинград.

К проведению операции враг готовился тщательно. Пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, немецко-фашистское командование перебросило из Франции и Германии в район южнее Орла и севернее Харькова 5 пехотных дивизий. Особенно большое значение оно уделяло сосредоточению танковых соединений. Стягивались также крупные силы авиации.

Для операции «Цитадель» германское командование привлекло 50 дивизий (в том числе 16 танковых и моторизованных), 3 отдельных танковых батальона и 8 дивизионов

штурмовых орудий. Эта вражеская группировка насчитывала свыше 900 тыс. солдат и офицеров, до 10 тыс. орудий и минометов, до 2700 танков и штурмовых орудий, свыше 2 тыс. самолетов.

Активно готовились к наступательным операциям и советские войска. Ставка намечала в летне-осенней кампании разгромить группы армий «Центр» и «Юг», освободить Левобережную Украину, Донбасс, восточные районы Белоруссии и выйти на линию Смоленск — река Сож — среднее и нижнее течение Днепра. В этом большом наступлении должны были участвовать войска Брянского, Центрального, Воронежского, Степного фронтов, левого крыла Западного фронта и часть сил Юго-Западного фронта. При этом главные усилия намечалось сосредоточить на Курской дуге.

8 апреля Г. К. Жуков, находившийся в то время по заданию Ставки в районе Курского выступа, изложил Верховному Главнокомандующему свои соображения о возможных действиях противника. Он не только сумел предугадать узловые точки будущего наступления гитлеровцев, но и вычислил силы противника. Самое поразительное, что план операции «Цитадель» был подписан Гитлером лишь неделю спустя после доклада Жукова. Подтверждали соображения Жукова и сведения советских разведгрупп «Красная капелла» и «Женевская группа». Маршал Жуков предложил Сталину не упреждать наступление противника наступлением Красной Армии, а организовать жесткую оборону, а потом перейти в контрнаступление. А. М. Василевский разделял эту точку зрения. Сталин не сразу принял предложение Жукова. Он опасался, что наша оборона может не выдержать удара противника, как это не раз было в 1941 и 1942 гг.

12 апреля в Ставке состоялось совещание, на котором принято предварительное решение о преднамеренной обороне. Вопрос этот обсуждался не раз. Окончательное решение о преднамеренной обороне принято Сталиным в начале июня. Советское Верховное Главнокомандование заблаговременно обнаружило группировки немецко-фашистских войск и определило примерные сроки готовившегося ими наступления.

Отражение удара противника из района южнее Орла возлагалась на Центральный

фронт, оборонявший северную и северо-западную части Курского выступа, а наступление врага из района Белгорода должен был сорвать Воронежский фронт, оборонявший южную и юго-западную части дуги. Центральный и Воронежский фронты насчитывали свыше 1336 тыс. человек, 19 100 орудий и минометов, 3444 танка и САУ и 2900 самолетов. За ними в тылу располагались войска Степного военного округа (позже Степного фронта), находившиеся в резерве Ставки. Их задача состояла в том, чтобы в случае прорыва противником обороны на Курском выступе остановить и совместно с войсками Центрального и Воронежского фронтов решительным контрнаступлением разгромить его. Степной фронт насчитывал 573 тыс. человек, около 3400 орудий, 4000 минометов, 1550 танков. Координация действия фронтов возлагалась на месте на представителей Ставки маршалов Жукова и Василевского.

Командования Центрального (генерал Рокоссовский) и Воронежского (генерал Ватутин) фронтов, оценив обстановку и определив район возможного удара, прикрыли эти районы. На севере — полосу через Поньри на Курск, на юге — на Обоянь и Корочу.

Главное внимание уделялось созданию прочной обороны. Всего было подготовлено 8 полос и рубежей, связанных промежуточными и отсечными позициями. Общая глубина инженерного оборудования местности достигала 250—300 км. Она соответствовала общим замыслам советского командования: в упорных боях измотать и обескровить ударные группировки врага, подготовить условия для перехода в контрнаступление. Однако предусматривался и другой вариант: переход к активным действиям, если противник отложит операцию «Цитадель».

Неоценимую помощь войскам в сооружении оборонительных рубежей оказало население освобожденных прифронтовых районов Курской, Орловской, Харьковской и Воронежской областей — в апреле в этих работах принимало участие 105 тыс., в июне — 300 тыс. человек.

Особенностью построения обороны на Курской дуге явилось наличие во вторых эшелонах фронтов крупных танковых со-

единений и объединений, что, несомненно, сыграло в ходе сражения важную роль в осуществлении маневра силами и средствами как из глубины, так и вдоль фронта.

Наступило лето, а немецко-фашистское командование все откладывало начало операции. Дважды агентурная разведка сообщала «окончательную» дату — сначала 10 июня, потом 26 июня, но наступление все не начиналось. В чем же дело? Как выяснилось позже, враг готовился обрушиться на советские войска мощной танковой лавиной. Генерал Типпельскирх вспоминал, что Гитлеру хотелось применить в этой операции большое количество танков «тигр» и «пантера», которые незадолго перед тем были пущены в серийное производство. 1 июля Гитлер вызвал к себе основных руководителей операции и объявил окончательное решение начать ее 5 июля. 4 июля в фашистских войсках был зачитан приказ Гитлера о наступлении. «Мощный удар, который будет нанесен советским армиям, должен потрясти их до основания», — говорилось в этом приказе.

Курская битва делится на два периода: оборонительный (5—12 июля) и этап контрнаступления (12 июля — 23 августа) пяти советских фронтов (Западного, Брянского, Воронежского, Центрального и Степного), начавшийся 12 июля на орловском направлении (операция под кодовым названием «Полководец Кутузов») и 3 августа — на белгородско-харьковском направлении (операция под кодовым названием «Полководец Румянцев»). Продолжительность Курской битвы составила 50 дней.

В целом немецкое командование сосредоточило на Курской дуге 70% своих танковых, 60% авиационных, 30% моторизованных и 20% пехотных дивизий, действующих на Восточном фронте. Советское командование сосредоточило 37% пехоты, половину всей артиллерии и 70% танков. Решение стянуть в одно место такие силы выглядело бы, конечно, рискованным, если бы советское командование не было уверено, что именно здесь и нигде больше немцы предпримут попытку совершить прорыв.

Фашистское командование особенно заботилось о достижении внезапности и сокрушительности удара. Однако замысел врага не удался: советское командование

благодаря своей внешней разведке своевременно раскрыло намерения гитлеровцев и довольно точно установило дату начала операции «Цитадель». 2 июля Ставка сообщила командующим Центральным и Воронежским фронтами, что противник может перейти в наступление на Курской дуге в период с 3 по 6 июля. Это предположение подтвердили «языки». Они показали, что наступление назначено на 5 июля, на 3 часа. Советские войска решили провести заранее спланированную артподготовку, нанести врагу тяжелый урон еще до того, как он бросится в атаку. В ходе артиллерийской контрподготовки, в которой участвовало 2460 орудий, минометов и боевых машин реактивной артиллерии, враг понес серьезные потери, в его стане произошло замешательство. Немецко-фашистское командование для восстановления нарушенного управления войсками было вынуждено отложить начало наступления на 2,5—3 часа.

В 5 часов 30 минут после артподготовки противник перешел в наступление в полосе Центрального фронта и в 6 часов — в полосе Воронежского.

По войскам Центрального фронта в полосе 40 км гитлеровцы нанесли три удара. Главный удар был предпринят в направлении на Ольховатку. На направлении главного удара враг бросил в бой до 500 танков и штурмовых орудий, чтобы мощным ударом сломить оборону советских войск. Первыми в атаку пошли тяжелые танки «тигр» группами по 10—15 машин, их сопровождали штурмовые орудия «фердинанд». За ними спустя некоторое время двинулись на большой скорости группами по 50—100 машин средние танки. В боевых порядках на бронетранспортерах следовала пехота.

Противник был уверен, что ему удастся быстро вклиниться в боевые порядки советских войск. Но его главный удар пришелся по самому сильному участку обороны советских войск, а поэтому с первых же минут сражение стало разворачиваться не так, как планировали гитлеровцы.

Четырежды в течение дня немецко-фашистские войска пытались прорвать оборону советских войск и каждый раз были вынуждены откатываться назад. Фашистское командование бросало в бой новые танковые

и пехотные части. Лишь к исходу дня после пятой атаки гитлеровцам удалось вклиниться в оборону советских войск на 6—8 км на очень узком участке и выйти ко второй оборонительной полосе. Это было достигнуто ценой огромных потерь. Только артиллерия 13-й армии, которая держала этот участок (командующий — генерал-лейтенант Пухов), уничтожила до 15 тысяч фашистских солдат и офицеров и 110 танков.

Ночью войска 13-й армии закреплялись на своих позициях и готовились к очередной схватке. Прошли партийные собрания, на которых была принята резолюция — «Враг не должен пройти и не пройдет там, где сражаются коммунисты. Собрание обязывает каждого члена и кандидата партии личным примером воодушевлять личный состав на решительную борьбу с врагом, на героические подвиги».

Ранним утром 6 июля несколько дивизий нанесло контрудар по главной группировке противника. В результате двухчасовой схватки враг был отеснен к северу на 1,5—2 км.

7 июля, не сумев прорваться в районе Ольховатки, враг повторил попытку через Поныри. Здесь держала оборону 307-я дивизия генерала Еншина. Пять раз в течение дня враг предпринимал яростные атаки, но безуспешно. Лишь в конце дня ему удалось ворваться в северную часть Понирей. Но на следующий день он был выбит оттуда.

8 июля противник возобновил наступление на Ольховатку. Особенно сильным был натиск врага в стыке 13-й и 70-й армий в районе населенного пункта Самодуровка — по 15—16 атак отражали советские воины. И они выстояли. Немецкие войска, хотя и продвинулись ценой больших потерь еще на 3—4 км, прорвать советскую оборону не смогли. Этот натиск оказался последним. Всего враг продвинулся в полосе войск Центрального фронта шириной до 10 км и в глубину до 12 км. Потеряв 42 тыс. солдат и офицеров и 800 танков, противник вынужден был перейти к обороне.

Навстречу этой группировке, пытавшейся выйти к Курску с севера, стремились пробиться вражеские войска с юга. Оборонительные рубежи Воронежского фронта штурмовали 4-я танковая армия Гота и опе-

ративная группа «Кемпф». Общее руководство ими осуществлял командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн. Враг наступал на Обоянь и Грезное.

Бои на обоянском направлении вылились в крупнейшее танковое сражение, которое оказало существенное влияние на весь ход и исход событий на южном фазе Курского выступа.

С утра 5 июля, когда враг перешел в наступление, исключительно сильный натиск противника пришлось выдержать частям 52-й гвардейской дивизии полковника Некрасова и 67-й гвардейской дивизии полковника А. И. Баксова, которые входили в 6-ю гвардейскую армию. На их боевые порядки враг обрушил сначала огонь тысячи орудий и минометов, самолеты сбрасывали огромное количество бомб. Затем при поддержке артиллерии и авиации в атаку двинулись танки. Они шли группами от 70 до 100, с «тиграми» впереди, за ними следовала пехота. Уже в первый день участвовало до 700 танков. Но советские воины не дрогнули, оказали упорное сопротивление. Враг вклинился в первый день на двух узких участках на глубину 8—10 км. Во второй день сражение продолжалось с неослабевающим напряжением. Противник бросал все новые и новые силы. В этих боях в числе многих героев особенно отличился командир танкового взвода лейтенант Г. И. Бессарабов. Его танк Т-34 в течение одного дня уничтожил три фашистских «тигра».

Большую помощь оказали летчики, среди них Горовец — единственный в мире летчик, который в одном бою сбил 9 немецких самолетов. Но, к сожалению, когда он без боеприпасов возвращался домой, был сбит группой немецких самолетов. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. В составе советской авиации доблестно сражались летчики французской эскадрильи «Нормандия».

В марте 1942 г. Национальный комитет «Свободная Франция» обратился к представителям Советского правительства с предложением направить в СССР группу французских летчиков и авиамехаников для участия в боевых действиях против фашистской Германии. В конце ноября 1942 г. в Иваново началось формирование эскадрильи,

в которой первоначально насчитывалось 72 французских добровольца (14 французских летчиков и 58 авиамехаников-добровольцев) и 17 советских авиатехников. По желанию личного состава эскадрилье присвоили наименование «Нормандия». Летали на советских самолетах Як-1, Як-6, Як-3. 5 июля на базе эскадрильи сформирован 1-й истребительный авиаполк «Нормандия». Полк участвовал в Курской битве, Белорусской операции 1944 г., в боях по разгрому немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии в 1945 г. 28 ноября 1944 г. за боевые заслуги и мужество в боях при форсировании р. Неман полку присвоено почетное наименование «Неманский» и он стал называться «Нормандия — Неман».

За время боевых действий на советско-германском фронте летчики полка совершили свыше 5 тыс. боевых вылетов, провели 869 воздушных боев, сбили 273 и повредили 80 немецких самолетов. 96 французских летчиков, проходивших службу в полку, награждены советскими боевыми наградами, а четыре французских летчика удостоены звания Героя Советского Союза: старший лейтенант Марсель Альбер, старший лейтенант Ролан Де Ла Пуан, Марсель Лефевр, командир 3-й эскадрильи — лучший в полку (посмертно), младший лейтенант Жак Андрэ. После окончания войны советское правительство подарило им 30 самолетов «Як», на которых они улетели во Францию, так как по французской традиции воины всегда возвращались домой с оружием. Накануне 9 мая 2005 г. по ночным улицам Парижа везли уцелевший «Як-3», который установлен в одном из парков французской столицы [36, с. 495].

К исходу второго дня 2-й корпус СС, наступавший на правом фланге ударной группировки, вклинился на очень узком участке фронта во вторую полосу обороны. 7—8 июля враг предпринимал отчаянные попытки расширить прорыв в сторону флангов и углубить его в направлении Прохоровки.

9—10 июля на направлении главного удара враг по-прежнему прилагал отчаянные усилия, чтобы прорваться к Курску через Обоянь. Он ввел в бой все 6 танковых дивизий обоих действовавших здесь корпусов. Гитлеровское командование рассчиты-

вало совершить марш до Курска за 2 дня. На исходе был уже 7-й день, а враг продвинулся лишь до 35 км. Встретив столь упорное сопротивление, противник был вынужден повернуть на Прохоровку в обход Обояни.

К 11 июля немецкие войска, продвигнувшись на 30—35 км, вышли на рубеж Гостищево — Ржавец, но до цели было по-прежнему далеко.

Оценив обстановку, представитель Ставки А. М. Василевский и командование Воронежского фронта приняли решение предпринять мощный контрудар. К его нанесению привлекались прибывшие в распоряжение фронта 5-я гвардейская танковая армия генерала П. А. Ротмистрова и 5-я гвардейская армия генерала А. С. Жадова, а также 1-я танковая, 6-я гвардейская танковые армии и часть сил 40, 69 и 7-й гвардейской армий. 12 июля эти войска перешли в наступление. Борьба разгорелась на всем фронте. С обеих сторон в ней участвовала огромная масса танков. В Прохоровке произошло крупное встречное танковое сражение, в котором с обеих сторон принимало участие 1200 танков. Ожесточенная схватка длилась до позднего вечера. С танков летели башни, стволы пушек, на куски рвались гусеницы. Тучи дыма и пыли заволочли все кругом. Обе стороны понесли большие потери. По данным историка А. С. Орлова, СССР потерял 500 танков из 800, Германия — 300 из 400. 12 июля наступил перелом в битве под Курском.

8.2. Этап контрнаступления советских войск (12 июля — 23 августа 1943 г.)

В этот день по приказу Ставки перешли в наступление Брянский и Западный фронты. 15 июля начал наступление и Центральный фронт.

С 16 июля немецко-фашистское командование начало отводить свои войска на южном фланге выступа. Воронежский фронт и введенные в сражение 18 июля войска Степного фронта перешли к преследованию противника. К исходу 23 июля они в основном восстановили положение, которое занимали до начала оборонительного сражения.

Успешно продвигались к Орлу войска Брянского фронта, усиленные 3-й гвардей-

ской танковой армией генерала П. С. Рыбалко. С ними взаимодействовали войска Центрального фронта, наступавшие на Кромы. Сухопутным войскам содействовала авиация. Образец воинской доблести показал тогда безногий летчик А. Маресьев, который в воздушных боях в период контрнаступления сбил три самолета противника. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Положение гитлеровцев на орловском плацдарме с каждым днем становилось все более критическим.

В разгар Курской битвы партизаны Белоруссии, Ленинградской, Калининградской, Смоленской, Орловской областей по единому плану «Рельсовая война» (продолжалась с 3 августа до середины сентября) начали массовый вывод из строя железнодорожных коммуникаций врага. В этой операции принимало участие 100 тыс. партизан, во второй половине сентября операция «Рельсовая война» переросла в операцию «Концерт» (с 17 сентября по 30 октября). Дополнительно были привлечены партизаны Прибалтики, Карелии и Крыма — 120 тыс. человек.

Враг неистовствовал. На орловской земле бесчинствовал командующий 9-й армией Модель, которого называли «Генерал-разбойник».

В ходе контрнаступления под Курском произошло единственное за всю войну посещение Сталиным фронта. Район боевых действий он посетил между 3 и 5 августа в условиях полной секретности. Само командование фронта было предупреждено об этом лишь в самый последний момент, когда Сталин был уже на месте. Вспоминая об этом эпизоде много лет спустя, некоторые военачальники, например Воронов, отзывались о нем с едкой иронией — «странная, ненужная поездка». Другие об этом вспоминали с почтительным преклонением. Это был очень формальный визит. Не там, где кипело сражение, а севернее, где только шла подготовка к наступлению. С войсками никакого соприкосновения Сталин не имел. Короткая встреча произошла лишь с высшим фронтовым командованием, но и этот контакт не имел большого практического значения. Понятно, почему подобный опыт больше не повторялся — «никому это не было нужно», — говорил генерал Штеменко.

Фашистскому командованию не удалось стабилизировать фронт. Гитлеровцы отступали. 5 августа на рассвете Орел был освобожден. К 18 августа орловский плацдарм гитлеровцев перестал существовать. За 37 дней контрнаступления советские войска продвинулись на 150 км на запад. В ожесточенных боях было разгромлено 15 вражеских дивизий.

В то время как войска Центрального, Брянского и Западного фронтов «выпрямляли» северный фас Курской дуги, на южном фасе готовилась еще одна наступательная операция — Белгородско-Харьковская под кодовым названием «Полководец Румянцеv», в которой участвовали войска Воронежского и Степного фронтов. Она началась рано утром 3 августа.

Войска Степного фронта (ком. Конев), сломив сопротивление противника, вышли к Белгороду и с утра 5 августа завязали бой за город. В честь освобождения Орла и Белгорода 5 августа 1943 г. в Москве впервые прозвучал артиллерийский салют.

Очень тяжелые бои происходили за город Харьков. Вечером 17 августа завязались бои на северной окраине города. 22 августа состоялся ночной штурм Харькова. К полудню 23 августа город был целиком очищен от врага. Освобождением Харькова завершается Курская битва. В ходе успешных действий войска Воронежского и Степного фронтов полностью выполнили свои задачи в контрнаступлении. Они нанесли врагу большие потери и отбросили его на 140 км на запад. Тем самым открыли ворота в Левобережную Украину и Донбасс.

Курская битва по количеству привлекавшихся сил и средств превзошла контрнаступление советских войск как под Москвой, так и под Сталинградом. Если в первом из них советские войска численно уступали противнику, во втором имели с ним примерное равенство сил, то в третьем — уже превосходили его более чем в 2 раза. На линии фронта протяженностью 500 км сражалось около 4 млн. человек, свыше 13 тыс. танков, до 12 тыс. самолетов, 69 тыс. орудий и минометов с обеих сторон.

8.3. Значение Курской битвы

1. Завершился коренной перелом, т.е. стратегическая инициатива полностью перешла в руки советского командования. Враг окончательно отказался от наступательной стратегии и перешел к обороне на всем советско-германском фронте.

2. Врагу нанесен огромный урон. 30 немецких дивизий из 50 разгромлены, из них 7 танковых; советская авиация завоевала господство в воздухе; был сломлен танковый хребет германских войск.

3. Начался кризис гитлеровского блока. 25 июля 1943 г. в Италии рухнул фашистский режим Муссолини и к власти пришло правительство во главе с маршалом Бадольо, которое под давлением народных масс в сентябре вышло из войны, а в октябре 1943 г. объявило войну Германии.

4. Победа советских войск на Курской дуге способствовала дальнейшему укреплению антигитлеровской коалиции. В октябре 1943 г. состоялось Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Англии и первая встреча на высшем уровне в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 г.).

5. Победа на Курской дуге способствовала дальнейшему подъему антифашистской борьбы в оккупированных странах. Развернулось движение Сопротивления.

Победа над сильным противником была одержана благодаря массовому героизму советских солдат и офицеров. Родина высоко оценила подвиг своих сыновей и дочерей. 100 тыс. советских солдат и офицеров награждены медалями и орденами. Более 180 человек удостоены высокого звания Героя Советского Союза (Горовец, Кожедуб, Ломакин и др.).

По последним данным историков, потери Красной Армии составили 863 303 человека, в том числе 254 470 безвозвратных, 6064 танка, 5244 орудия и миномета, 1626 самолетов.

Данные по потерям вермахта отрывочные и неполные. В «Истории второй мировой войны» написано, что враг потерял 500 тыс. человек. Немецкие источники дают, что на всем советско-германском фронте в июле и в августе (за период на 12 дней больше, чем продолжалась Курская битва) потери

составили 474 702 человека. Потери с обеих сторон по последним данным российских историков представлены в таблице 5.

Таблица 5
Потери сторон в ходе Курской битвы

	Живая сила	Танки	Орудия	Самолеты
Германия	474 702	1300	3 тыс.	Ок. 1 тыс.
СССР	863 303	6064	5244	1626
Потери СССР превосходят	в 1,7 раза	в 4,6 раза	в 1,7 раза	в 1,6 раза

Огромные потери в танках объяснялись рядом причин. Недавно сформированные танковые армии, укомплектованные часто выпускниками ускоренных курсов танковых училищ, еще полностью не овладели танковой техникой и не имели необходимого для борьбы с опытным и сильным противником мастерства. Приобретенный в предыдущие годы боевой опыт из-за большой текучести кадров во всех звеньях бронетанковых войск использовался недостаточно творчески. Часто в целях окружения противника танковые удары и контратаки наносились вдоль фронта, на небольшой глубине в тактической зоне противника, насыщенной противотанковыми средствами. Это давало возможность немцам осуществлять широкий маневр в оперативной глубине, свободно занимать новые рубежи и наносить с них весьма эффективные контрудары. Не лучшим образом обстояло дело со взаимодействием между танковыми соединениями и авиацией, а также между пехотой, артиллерией и танками.

К причинам неблагоприятного для советских войск соотношения потерь в Курской битве относятся промахи в руководстве войсками на оперативно-стратегическом уровне: отказ от ведения операций на окружение (особенно в Орловской, а также в Белгородско-Харьковской стратегических наступательных операциях); нанесение фронтальных ударов по сильным группировкам противника; опоздание и не лучший выбор направлений ввода стратегических резервов на северном фланге Орловской дуги (11-й и 4-й танковой армии); неудачное применение советских танковых объединений — фронтальные атаки против танковых группировок противника (4-я гвардейская и 5-я гвардейская танковые армии), использование 3-й гвардейской танковой армии для

самостоятельного прорыва укреплений обороны противника в Орловской наступательной операции. Свою роль сыграло применение противником нового вооружения (88-мм пушка танка Т-VI «Тигр» и штурмового орудия «Фердинанд» против 76-мм пушки танков Т-34 и КВ). Не было также принято достаточных мер для нарушения сосредоточения и развертывания противника, укрепления стыков; группировка войск на направлении главного удара против группы армий «Юг» оказалась чрезмерно растянутой; не полностью использовались возможности «обороны», не все военачальники оказались на должной высоте.

Однако урон вермахта, особенно в бронетанковой технике, был гораздо более чувствительным. Как пишет английский историк М. Хили, «немцы признали тот факт, что их потери в Курской битве стали решающим фактором исхода войны на Востоке. А так как Восточный фронт был главным театром войны в Европе, то отсюда следует, что именно Курск означал для немцев проигрыш всей войны».

Курская битва привела к дальнейшему изменению соотношения сил на фронте, создала благоприятные условия для развертывания общего стратегического наступления советских войск, позволила перейти к более решительной стратегии, ускорить освобождение советской территории, оккупированной третьим рейхом. «Если психологический перелом в Красной Армии произошел после Сталинграда, — пишет английский историк Р. Кросс, — то после Курска советские войска не только овладели инициативой, чтобы уже не отдавать ее, но и продемонстрировали свое постоянно растущее материальное превосходство».

8.4. Форсирование Днепра

По директивам Ставки, разработанным еще в ходе Курской битвы, советским войскам предстояло сразу же после нее развернуть наступление на широком фронте — от Великих Лук до Азовского моря. Однако основные усилия сосредотачивались на юго-западном направлении. Центральный, Воронежский, Степной, Юго-Западный и

Южный фронты получили задачу разгромить главные силы врага на южном крыле, освободить Левобережную Украину и Донбасс, выйти к Днепру, форсировать его и захватить плацдармы на правом берегу.

Гитлеровское командование после провала операции «Цитадель» приняло решение перейти на всем восточном фронте к обороне и отдало приказ войскам прочно удерживать занимаемые позиции. Одновременно враг приступил к подготовке многочисленных рубежей в глубине оккупированной советской территории. При этом намечалось использовать крупные реки. Особое значение придавалось Днепру. Гитлер отдал приказ приступить к строительству Восточного вала 11 августа 1943 г. Восточный вал проходил по линии рек Нарва, восточнее Пскова и Орши, по реке Сож, среднему течению Днепра, реке Молочной. Главной частью вала служили оборонительные сооружения по Днепру, ширина которого в среднем и нижнем течении достигала местами 3,5 км, глубина — 12 м, скорость течения — 2 м/с. Река имела высокий правый берег, т.е. представляла серьезную естественную преграду. Гитлер заявил на одном из совещаний в Берлине: «...Скорее Днепр потечет обратно, нежели русские преодолеют его...». Есть данные о том, что фюрер надеялся с рубежа этой реки предпринять новое наступление против Красной Армии, силы которой, по его мнению, должны были истощиться в безрезультатных атаках позиций вермахта на Днестре. Советское командование, правильно оценив значение Днепра для отступавшего врага, приняло необходимые меры для того, чтобы не дать гитлеровцам закрепиться на Днестре. Советские фронты получили задание развивать наступление в высоких темпах, сорвать планомерный отход войск врага за Днепр, форсировать реку с ходу.

Большую роль в мобилизации личного состава на форсирование Днепра и других рек сыграла директива Ставки от 9 сентября 1943 г. В ней давалось указание представлять воинов за форсирование крупных водных преград и закрепление на плацдармах к высшим наградам Родины, а за форсирование Днепра в районе Смоленска и ниже, а также рек, равных Днепру по трудности форсирования, — к присвоению звания Героя Советского Союза.

Советские войска превосходили врага: в людях — в 2,1 раза, по танкам — в 1,1 раза, по самолетам — в 1,4 раза, по орудиям и минометам — в 4 раза.

Битва за Днепр началась еще 13 августа операцией по освобождению Донбасса. В течение августа-сентября войска Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного фронтов продвинулись с боями на 250—300 км. К концу сентября на широком 750-километровом фронте они вышли к Днепру от Лоева до Запорожья и приступили с ходу к его форсированию. Перед советскими войсками стояла огромной трудности задача. Большинство соединений, вышедших к Днепру, были измотаны длительными боями, тылы отстали, ощущался недостаток в боеприпасах. А необходимо было форсировать широкую водную преграду и прорвать сильный оборонительный рубеж противника на высоком правом берегу Днепра.

Форсирование шло одновременно на многих участках от Лоева до Запорожья. Все население освобожденных районов Приднепровья помогало войскам. Только в районе Козаровичей (12 км севернее Лютежа) они передали советским войскам более 300 рыбацких лодок.

Преодоление Днепра велось в тесном взаимодействии всех родов войск.

Севернее Киева первыми форсировали Днепр войска 13-й армии генерала Н. П. Пухова (Центральный фронт) в районе Мневов. Ее передовые подразделения преодолели реку еще 21 сентября, используя переправы, захваченные партизанами. С рассветом 22 сентября на плотках из бревен и бочек, рыбацких лодках и баржах переправились главные силы армии. К исходу 23 сентября они с боями прошли 35 км. Тогда гитлеровцы, пытаясь восстановить оборону, бросили в этот район 4 танковые дивизии и крупные силы авиации. Последовали яростные контратаки, но советские воины выстояли. Фронт форсирования непрерывно расширялся. К концу месяца войска Центрального фронта, сломив сопротивление врага, преодолели эту мощную водную преграду на протяжении 90 км.

Успешно форсировали Днепр и войска Воронежского фронта. В ночь на 22 сентября передовые части 3-й гвардейской ТА с ходу преодолели реку к юго-востоку от Ки-

ева, в районе Великого Букрина. При этом они использовали подручные средства, подготовленные партизанами отряда им. Чапаева (командир Примак). Местное население и партизаны собрали и подготовили рыбацьи лодки. Рядовые В. Н. Иванов, Н. Е. Петухов, В. А. Сысолятин и И. Е. Семенов первыми преодолели реку и, вступив в перестрелку с противником, отвлекли огонь на себя, обеспечив тем самым переправу роте автоматчиков 51-й гвардейской танковой бригады под командованием лейтенанта Н. И. Синашкина и 120 партизан. Совместной стремительной атакой воинов и партизан противник были выбит из села Григоровка, являвшегося важным опорным пунктом врага. Плацдарм на правом берегу был захвачен. В последующем сюда переправилась вся танковая бригада. В течение дня партизаны перебросили на своих переправочных средствах через реку 520 солдат и офицеров. Так было положено начало созданию букиринского плацдарма.

Беспредельное мужество проявил коммунист, заместитель командира 1850-го истребительно-противотанкового полка 40-й армии капитан Петров. Этот полк одним из первых переправился через Днепр в ночь на 23 сентября. А утром начался жестокий бой. Враг стремился опрокинуть в реку подразделение, захватившее плацдарм. Но артиллеристы стояли насмерть. Их становилось все меньше и меньше. Вскоре в расчетах орудий осталось по одному-два человека. В. С. Петров, ведя огонь из орудия, руководил боем. Он был ранен в обе руки, но поле боя не покинул. Враг был вынужден отступить.

В госпитале ему ампутировали обе руки, однако он добился разрешения вернуться в родной полк, вместе с которым прошел до Одера. Ему дважды было присвоено звание Героя Советского Союза.

К концу сентября советские войска 4-х взаимодействовавших фронтов (Центрального, Воронежского, Степного и Юго-За-

падного), одновременно форсировав Днепр, захватили на его правом берегу в разных местах 23 плацдарма. Два плацдарма было захвачено на Припяти. Эти плацдармы сначала были небольшими, но в ходе последующих сражений на Днепре образовались два крупных стратегических плацдарма: в районе Кременчуг — Знаменка — Днепропетровск и в районе Речица — Коростень — Киев. Столица Украины была освобождена 6 ноября. Благодаря этому сложились благоприятные условия для наступления в Белоруссию и полного освобождения Правобережной Украины в 1944 г.

Подвиг героев битвы за Днепр родина высоко оценила. 2438 воинам присвоено звание Героя Советского Союза (более 20% от всех, получивших это звание в годы Великой Отечественной войны) за форсирование Днепра и его крупных притоков.

В числе удостоенных звания Героя Советского Союза за форсирование Днепра 69 оренбуржцев: Абдршин Рамиль Хайруллаевич (посмертно), Акимов Иван Алексеевич, Асеев Иван Константинович и др.

В ходе летне-осенней кампании противник понес значительные потери — 118 разгромленных дивизий. Только невосполнимые потери его сухопутных войск составили с июля по декабрь 1943 г. включительно 1 млн. 413 тыс. человек, более 3 тыс. танков и штурмовых орудий и около 10 тыс. самолетов. Потери Красной Армии в танках и САУ превысили 18 тыс., т.е. были почти в 6 раз больше, чем у вермахта, — пишет историк Г. А. Куманев.

За летне-осеннюю кампанию фронт отодвинулся на Запад на 500—1300 км. Было освобождено $\frac{2}{3}$ захваченной фашистами советской территории. Окреп советский тыл. Действующая армия стала получать все необходимое для успешного ведения войны. Она прочно удерживала стратегическую инициативу, проводила все новые наступательные операции.

9. ОККУПАЦИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ

Рекомендуемые источники: 63; 75; 163; 173; 177; 195; 206.

Рекомендуемая литература: 31; 53; 74; 79; 82; 92; 94; 111; 116; 117; 132; 136; 140; 164.

9.1. Планы фашистской оккупации на Востоке

В планах гитлеровцев по завоеванию мирового господства первостепенное значение придавалось войне против Советского Союза. От ее исхода зависела реализация всех других замыслов фашистов по созданию «тысячелетнего рейха».

Война против СССР должна была резко отличаться от войны на Западе. Первым это разграничение провел сам Гитлер, предупредивший своих генералов накануне нападения на СССР, что «война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке жестокость является благом для будущего».

Задолго до нападения на СССР начальник гестапо Гиммлер по поручению германского правительства приступил к разработке генерального плана «Ост» — плана покорения огнем и мечом народов Восточной Европы, включая народы Советского Союза. Отправные установки этого плана были доложены Гитлеру еще 25 мая 1940 г. В войне против СССР фашисты ставили две главные цели: политическую и экономическую. Политическая цель — ликвидировать Советский Союз как государство и лишить его народы возможности самостоятельного государственного существования («разгром государства с центром в Москве»). Вместо старой имперской колониальной политики (когда коренное население оставалось на месте и эксплуатировалось захватчиками) в основу плана легла новая «восточная территориальная политика». Ее целью было уничтожение и изгнание населения завоеванных

восточных территорий и постепенная замена его немецкими переселенцами-колонизаторами. Было предусмотрено в течение 30 лет истребить и частично выселить около 31 млн. славян и поселить на их землях немцев. Лишь 14—15 миллионов коренных жителей фашисты предполагали оставить на захваченной советской территории и с течением времени «онемечить» их. Уничтожению и переселению подлежали «нежелательные в расовом отношении» местные жители оккупированных районов. В Сибирь по плану «Ост» предполагалось переселить 65% западных украинцев, 75% белорусского населения. Остальных онемечить. Планировалось онемечить эстонцев и латышей, лишив их родного языка и культуры. Литовцы должны были разделить судьбу славянских народов.

В предложениях министерства по делам оккупированных территорий, или, как его называли, «восточного министерства», большое внимание уделялось судьбе русского народа. В них говорилось: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорей всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их... Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полувосточного типа. Оно не доставит много забот для германского руководства. Эта масса расово неполноценных, тупых людей нуждается, как свидетельствует вековая история этих областей, в руководстве...».

Гиммлер, когда докладывал Гитлеру оправные установки плана «Ост», выражал уверенность, что в результате осуществления намеченных мероприятий будут целиком истреблены многие народы, в частности поляки, украинцы и т.д. Для полной ликвидации национальной культуры намечалось уничтожение всякого образования, кроме начального в особых школах. Программа этих школ, как предлагал Гиммлер, должна была включать «простой счет, самое большее до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным и послушным. Умение читать я считаю ненужным». Ознакомившись с этими предложениями, Гитлер всецело их одобрил и утвердил в качестве директивы.

Ряд аспектов политики немцев на оккупированных территориях СССР ярко характеризует письмо Бормана Розенбергу:

По поручению фюрера я довожу до Вашего сведения его пожелание, чтобы Вы соблюдали и проводили в жизнь в политике на оккупированных восточных территориях следующие принципы:

1. Мы можем быть только заинтересованы в том, чтобы сокращать прирост населения оккупированных областей путем абортов.

2. Опасность, что население оккупированных восточных областей будет размножаться сильнее, чем раньше, очень велика, ибо само собой понятно, его благоустроенность пока намного лучше. Именно поэтому мы должны принять необходимые меры против размножения ненемецкого населения.

3. Поэтому ни в коем случае не следует вводить немецкое обслуживание для местного населения оккупированных восточных областей. Например, ни при каких условиях не должны производиться прививки и другие оздоровительные мероприятия для ненемецкого населения.

4. Ни в коем случае не следует давать местному населению более высокое образование. Если мы совершим эту оплошность, мы сами породим в будущем сопротивление против нас. Поэтому, по мнению фюрера, вполне достаточно обучать местное население, в том числе так называемых украинцев, только чтению и письму.

5. Ни в коем случае мы не должны какими бы то ни было мероприятиями развивать у местного населения чувства превосходства! Необходимо делать как раз обратное!

6. Вместо нынешнего алфавита в будущем в школах надо ввести латинский шрифт.

7. Ни в коем случае не следует строить русские (украинские) города или благоустраивать их, ибо местное население не должно иметь более высокого жизненного уровня...

8. ...Для местного населения не следует издавать слишком много законов: здесь надо обязательно ограничиться самым необходимым. Немецкая администрация должна быть поэтому небольшой. Областному комиссару надлежит работать с местными старостами. Ни в коем случае не следует создавать единого украинского правления...

Ваш Борман

Гитлер говорил: «Если мы будем обучать русских, украинцев и киргизов читать и писать, то впоследствии это обернется против нас. Образование даст более развитым из них возможность изучать историю, овладеть историческим опытом, а отсюда развивать политические идеи, которые не могут не быть губительными для наших интересов... Нельзя, чтобы они знали больше, чем значение дорожных знаков. Обучение в области географии может быть ограничено одной единственной фразой — «столица рейха — Берлин», математика и все прочее подобное совершенно не нужны».

К проблеме «восточных территорий» существовало три подхода, и фашисты экспериментировали поочередно и самым бесвязным образом.

1. Вторжение в СССР не было, по замыслу Гитлера, только военной операцией. Оно преследовало особые цели, четко определенные гитлеровским видением будущего Германии: уничтожив большевизм и разрушив Советское государство, завоевать на Востоке жизненное пространство для немецких колонистов. Эти цели обосновывались убеждением Гитлера в специфической великорусской и еврейской природе большевизма — два определения, одинаково ненавистные фюреру. «Извечный, по мнению Гитлера, конфликт между Германией и славянским миром делал Россию, независимо от ее политического строя, постоянным ис-

точником угрозы для немцев». Наконец, его убеждение в неполноценности славянской расы служило еще одним доводом за безвозвратное уничтожение в России любых форм политической организации. «У рабов не бывает государства», считал Гитлер.

2. А. Розенберг, теоретик «восточной политики», с 17 июля 1941 г. возглавивший министерство по восточным делам, управлявшее оккупированными территориями на Востоке, вносил в эти рассуждения определенные нюансы. Прибалт по происхождению, подданный Российской империи, он находил глубокие расовые и культурные различия между народами СССР и рассчитывал на их недовольство проводимой большевиками политикой интеграции наций в унитарное государство. Розенберг предлагал изолировать русских на их «исторической территории» в пределах Московии с помощью кордона нерусских наций (Украина, Прибалтика, Кавказ), разрешив последним государственные структуры, жестко контролируемые Германией.

3. Наряду с точкой зрения Гитлера, отвергавшего любые уступки какому бы то ни было из народов СССР, и «селективной политикой» Розенберга в администрации и дипломатии существовала третья тенденция, в течение некоторого времени имевшая успех благодаря поддержке генерала Йодля. По мнению ее сторонников, следовало отделить советскую власть от народа и использовать против режима политическое и социальное недовольство граждан, и прежде всего крестьян [39, с. 280].

Заранее фашистами была разработана программа экономического разграбления оккупированных территорий Советского Союза. В плане «Барбаросса» имелся специальный экономический раздел под кодовым названием «Ольденбург». А более конкретные задачи осуществления этой цели были разработаны Герингом по прямому указанию Гитлера в «Зеленой папке Геринга» — это зашифрованное наименование обширного документа под названием «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях».

В нем говорилось: «Согласно приказам фюрера необходимо принять все меры к немедленному и полному использованию ок-

купированных областей в интересах Германии... Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель кампании».

В «Зеленой папке» Геринга предусматривались все экономические аспекты и способы грабежа страны. «Зеленая папка» вступила в силу 3 июля 1941 г. по особому указанию Геринга.

Вопрос о продовольствии стоял на первом месте. Фашистское руководство надеялось, что после победы над Советским Союзом оно не только сможет полностью обеспечить потребности страны и своей армии в сельскохозяйственной продукции, но, кроме того, будет иметь излишки для экспорта продовольствия на мировой рынок: ежегодно 11 млн. т зерна, около 400 тыс. т растительного масла, 1 млн. т жмыха, более 260 тыс. т сахара и другой продукции. Достигнуть этого можно лишь путем сокращения потребления населением нашей страны. Выполнение указанных требований должно было привести к голодной смерти десятков миллионов людей. Через 4 месяца после нападения на СССР Геринг в беседе с министром иностранных дел Италии Чиано заявил: «В этом году в России умрет от голода от 20 до 30 миллионов человек. Может быть, даже хорошо, что так произойдет: ведь некоторые народы необходимо сокращать». Генерал-фельдмаршал Рейхенау в соответствии с указаниями «Зеленой папки» заявил: «Снабжение питанием мирных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью».

Уже в первый год войны германские войска на восточном фронте (без тыловых подразделений и служб и войск сателлитов) снабжались из местных ресурсов хлебом — на 80%, мясом — на 83%, жирами — на 77% и картофелем — на 70%.

На совещании у Гитлера была разработана структура специального хозяйственного аппарата по осуществлению разбойничьих планов германского фашизма. Непосредственно на местах намечалось образовать 5 хозяйственных инспекций, 23 хозяйственные команды и 12 филиалов (пункты их размещения: Москва, Ленинград, Киев, Минск и т.д.). Создавались также мелкие подразделения экономических штабов, специальных воинских частей и отрядов по

сбору сырья. Вводился институт сельскохозяйственных офицеров, которые должны были надзирать за работой крестьян и временно выколачивать сельскохозяйственную продукцию для снабжения германской армии. Высшей командной инстанцией этой организации стал экономический штаб «Ост» (кодовое название «Ольденбург»). Во главе него стоял Геринг — имперский уполномоченный по управлению хозяйством оккупированных территорий.

Кроме военных, экономических, политических были и идеологические цели. Не случайно в одном из документов командования немецкой армии сказано, что война с Советским Союзом — это «мировоззренческая война, в которой нет никаких компромиссов. В жизнь будет проведена либо большевистская идея, либо — национал-социалистическое мировоззрение». Поэтому Гитлер на совещании 30 марта 1941 г. заявил, что в войне против СССР «будут неуместны рыцарство и воинская честь». Требовал уничтожения «большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции».

12 мая 1941 г. принята специальная директива, которая объявляла всех политработников особенно опасными для осуществления планов колонизации СССР и требовала немедленного физического уничтожения политработников, попавших в плен. Практически, как только военнопленных выстраивали в пункте сбора, раздавалась команда: «Комиссары, коммунисты и евреи, шаг вперед!» Вышедших из строя сразу же расстреливали. Чтобы попасть в их число, достаточно было просто иметь интеллигентный вид, поскольку все зависело от произвола немецких офицеров.

6 августа 1941 г. издана заранее подготовленная директива по снабжению советских военнопленных, в которой говорилось: «...Мы не обязаны предоставлять советским военнопленным снабжение».

Гитлеровцы собирались морить голодом не только военнопленных, но и гражданское население. Выступая 20 июня 1941 г. на закрытом совещании, Розенберг дал следующее указание: «Южные области и Северный Кавказ должны будут создать запасы продовольствия для германского народа. Мы не берем на себя никакого обязательства по

поводу того, чтобы кормить русский народ продуктами из этих областей».

Через 10 дней после нападения на СССР (1 июля 1941 г.) была принята памятка для немецкого солдата и офицера «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими». Каждая заповедь требовала: никакой пощады советским людям.

8-я заповедь

Не разговаривайте, а действуйте. Русского вам никогда не переговорить и не убедить словами. Говорить он умеет лучше, чем вы, ибо он прирожденный диалектик и унаследовал «склонность к философствованию». Меньше слов и дебатов. Главное — действовать. Русскому импонирует только действие, ибо он по своей натуре женственен и сентиментален.

«Наша страна велика и прекрасна, а порядка в ней нет, приходите и владейте нами». Это изречение появилось уже в самом начале образования русского государства, когда русские звали норманнов приходиться и управлять ими. Эта установка красной нитью проходит через все периоды истории русского государства: господство монголов, господство поляков и литовцев, самодержавие царей и господство немцев, вплоть до Ленина и Сталина. Русские всегда хотят быть массой, которой управляют. Так они воспримут и приход немцев, ибо этот приход отвечает их желанию: «...приходите и владейте нами».

Особенно не будьте мягки и сентиментальны. Если вы вместе с русским поплачете, он будет счастлив, ибо после этого он сможет презирать вас.

...Поэтому будьте всегда мужественны, сохраняйте вашу нордическую стойкость.

Держитесь подальше от русских, они не немцы, а славяне. Не устраивайте никаких попок с русскими. Не вступайте ни в какие связи с женщинами и девушками подчиненных вам предприятий. Если вы опуститесь до их уровня, то потеряете свой авторитет в глазах русских.

Остерегайтесь русской интеллигенции, как эмигрантской, так и новой, советской. Эта интеллигенция обманывает, она ни на что не способна, однако обладает особым обаянием и искусством влиять на характер

немца. Этим свойством обладает и русский мужчина, и еще в большей степени женщина.

9-я заповедь

Не заражайтесь коммунистическим духом. <...>

11-я заповедь

В течение столетий испытывает русский человек нищету, голод и лишения. Его желудок растяжим, поэтому никакого ложного сочувствия к нему. Не пытайтесь вносить изменения в образ жизни русских, приспособив его к немецкому жизненному стандарту [63, с. 13].

9.2. Немецко-фашистский оккупационный режим

Свои злодейские замыслы фашисты начали осуществлять сразу же после того, как вторглись на территорию СССР. Этим замыслам отвечали административное устройство и организация власти в оккупированных территориях Советского Союза. Еще в марте 1941 г. начальником штаба верховного командования вооруженных сил Германии была подписана секретная инструкция к директиве № 21 (план «Барбаросса») об установлении оккупационного режима на подлежащей захвату территории СССР.

На совещании в штаб-квартире 16 июля 1941 г. Гитлер следующим образом «обосновал» необходимость введения нового административно-территориального деления на оккупированной советской территории: «Теперь перед нами стоит задача разрезать территорию этого громадного пирога так, как это нам нужно, с тем, чтобы суметь: во-первых, господствовать над ней; во-вторых, управлять ею, в-третьих, эксплуатировать».

Вся власть в районе боевых действий сосредоточивалась в руках главнокомандующего сухопутными войсками, командующих группами армий и армиями. На оккупированной территории политическое управление и вся полнота власти передавались немецкой оккупационной администрации. Высшим немецким органом по управлению захваченной территорией СССР являлось министерство по делам оккупированных областей на Востоке во главе с Розенбергом. Вся полицейская власть согласно указу Гит-

лера сосредоточивалась в руках Гимmlера как рейхсфюрера СС и начальника полиции Германии. Была создана тайная полевая полиция, которая проводила облавы, карательные экспедиции.

На оккупированной советской территории действовали многочисленные сыскные полицейские и карательные органы: гестапо, части СС, полицейские батальоны, охранная полиция. Оккупированные советские районы указом Гитлера от 17 июля 1941 г. были разделены на рейхскомиссариаты, которые делились на генеральные комиссариаты, а они, в свою очередь, на областные комиссариаты. Область состояла из округов, возглавляемых обер-бургомистрами, а округа — из районов во главе с управой. В каждый район входило семь-восемь волостей, которыми руководили волостные старшины (бургомистры). В селах и деревнях немецкими властями назначались старосты из числа местных жителей. Немцы предполагали создать 4 имперских комиссариата: «Московия», «Остланд», «Украина», «Кавказ». Однако удалось образовать только два — «Остланд» и «Украина». Рейхскомиссариат «Остланд», учрежденный 25 июля 1941 г., охватывал Эстонию, Латвию, Литву, Северную Белоруссию, часть территории Ленинградской и Псковской областей. Его возглавлял гауляйтер Г. Лозе с резиденцией в Риге. 1 сентября 1941 г. указом Гитлера создается рейхскомиссариат «Украина» во главе с гауляйтером Э. Кохом с резиденцией в Ровно. В него включалась часть территории Украины, южные районы Белоруссии и Крым.

На местах немцы пытались создать видимость «самоуправления». С этой целью были образованы городские и областные управы во главе с обер-бургомистрами, городскими головами, бургомистрами, в селах введены должности старост. В действительности же органы так называемого местного самоуправления были абсолютно бесправными и действовали по приказам оккупационных властей («какое-либо самостоятельное действие запрещается»). При организации местного самоуправления оккупанты встретились с серьезными затруднениями — с острой нехваткой кадров. Так, касаясь положения в Белоруссии, Розенберг в одном из своих выступлений заявил, что

«в результате 23-летнего господства большевиков население Белоруссии в такой мере заражено большевистским мировоззрением, что для местного самоуправления не имеется ни организованных, ни персональных условий», что «позитивных элементов, на которые можно опереться, в Белоруссии не обнаружено». Точно такое же положение было и на Украине, и в оккупированных районах РСФСР. Хотя к началу 1940-х годов в Советском Союзе не было недостатка в недовольных и несогласных, чьи настроения мог использовать осмотрительный враг. Крестьяне, недовольные коллективизацией и последующей аграрной политикой; люди, пострадавшие от сталинского деспотизма; лица, тоскующие о дореволюционных порядках, — все эти категории граждан имелись в довольно значительном количестве. Национальные противоречия не только не исчезли, но и отчасти разгорелись с новой силой вследствие сталинских репрессий. Сам факт того, что страна оказалась захваченной врасплох нападением врага, породил новые мотивы заброды.

Однако даже в тех регионах и республиках, которые в 1930-е годы жестоко пострадали от советского режима, установленные нацистами порядки обескураживали и исключали малейшие поползновения к сотрудничеству с оккупантами. Чувство патриотизма, обостренное фашистскими зверствами и поддерживаемое воспоминаниями о действительно происходившем при советской власти улучшении материальных и культурных условий жизни, стало важнейшим фактором духовного единства советского народа, того общественного согласия, которое сыграло главную роль в борьбе за выживание СССР, считает французский историк А. Верт.

Первые месяцы войны, отмеченные стремительным продвижением германских войск, укрепили Гитлера в убеждении, что скорая победа делает излишними какие бы то ни было поиски поддержки населения. Сравнительно доброжелательное отношение, встреченное у населения первых завоєванных районов, которыми стали присоединенные к СССР в 1939—1940 гг. области Украины, Белоруссии и Прибалтики, захват миллионов растерявшихся в первых боях

пленных, казалось, всецело подтверждали тезис, согласно которому Восток был населен недочеловеками, привыкшими подчиняться насилию со стороны победителя. Проводились массовые расстрелы еврейского населения. Советские евреи составили одну из самых многочисленных (1050 тыс.) групп из 6 млн. евреев, уничтоженных фашистами в разных странах. Советские военнопленные (5,75 млн. человек согласно немецкой статистике) подвергались особенно жестокому обращению. Около 3,3 млн. человек из них погибли в результате массового истребления и голода в лагерях со значительно худшим режимом, чем для пленных из других стран. Как свидетельствует немецкий документ, зимой 1941—1942 гг. смертность в лагерях военнопленных колебалась в пределах от 30 до 95% в зависимости от лагеря. Так продолжалось до тех пор, пока немцы полагали, что победа уже у них в кармане. Впоследствии они предпочли использовать военнопленных в качестве дешевой рабочей силы и даже жалели задним числом, что дали погибнуть столь многим.

Важнейшим средством «умиротворения» оккупированных районов СССР должно было стать насилие. Фактически право расстрела предоставлялось каждому немецкому военнослужащему, так как, согласно распоряжению Гитлера, подписанному 13 мая 1941 г. начальником штаба верховного командования, с солдат и офицеров снималась всякая ответственность за поведение по отношению к населению захваченных на востоке районов. В то же время от них требовались решительные действия против партизан и любых попыток активного или пассивного сопротивления. Немедленной казни должны были подвергаться партизаны, подпольщики и саботажники, а по национальному признаку — все евреи и цыгане.

Для умиротворения населения и экономического овладения страной были заранее созданы отряды особого назначения — эйнзацгруппы. Двигаясь непосредственно за войсками, они обеспечивали захват материальных ценностей, советских архивов, документов партии и общественных организаций, действуя по своему усмотрению, они проводили «акции» по ликвидации населе-

ния. Помимо особых отрядов в тылу войск находились оперативные отряды и группы с теми же задачами. В 1941—1944 гг. они истребили на оккупированной территории около 2 млн. советских граждан.

Главной заботой оккупационной администрации был персональный учет населения в целях борьбы с диверсантами, партизанами. Перемещение из одного населенного пункта в другой разрешалось только по специальному пропуску, выдаваемому в местной комендатуре, и лишь в дневное время. Вводилась обязательная прописка (регистрация) всех вновь прибывших в населенный пункт. Жителям на определенный срок выдавались удостоверения личности. Помимо фотографии и сведений о дате и месте рождения в них указывались внешние данные его владельца: рост, цвет волос и глаз, особые приметы.

Для устрашения населения широко применялись массовые казни, сжигались жители целых деревень. Символами зверств оккупантов стали белорусская деревня Хатынь, где в марте 1943 г. каратели сожгли 149 ее жителей, в том числе 76 грудных и малолетних детей, а также киевский Бабий Яр, в котором было расстреляно 100 тыс. человек. Люди лишались жизни за укрывание и лечение красноармейцев, за чтение и распространение содержания советских листовок, сообщений советского радио или просто по подозрению.

Провал «блицкрига», отодвинувший окончание войны на неопределенный срок, сделал необходимым внесение некоторых коррективов в гитлеровскую политику «полной колонизации». Однако из-за жестокости оккупантов и реквизиционного характера проводившейся ими экономической политики сделанные уступки — очень ограниченные — не принесли желаемого эффекта. Весьма показательным в этой связи их отношение к произошедшим во многих местах после ухода советских войск захватам крестьянами колхозных земель и скота — они их поощряли. 26 февраля 1942 г. германская администрация обнародовала аграрный закон, отменявший все советское законодательство в этой области и преобразовывавший колхозы в «коммуны» по типу традиционной общины. Естественно, немец-

кая администрация оставляла за собой право устанавливать объемы поставок, за выполнение которых коммуна несла коллективную ответственность.

Применение этого закона в разных регионах не было одинаковым. Так, на Украине немцы воздержались даже от малейших попыток деколлективизации из страха дезорганизовать резкими переменами производство в этой богатейшей аграрной области страны. В Белоруссии, игравшей второстепенную роль в производстве сельскохозяйственной продукции, частная собственность была постепенно восстановлена. В оккупированных районах России изменение чаще всего ограничивалось увеличением индивидуальных наделов при сохранении колхозных структур. В горных районах Кавказа, где преобладало скотоводство, немецкие власти сразу ввели частную собственность.

Однако дифференцированное применение аграрных реформ не произвело на крестьянство ожидаемого эффекта. Его сдержанность объяснялась не только несомненным патриотизмом, но и возмущением масштабами грабежа, которому германские власти подвергли сельские районы. С осени 1942 г. продовольственные реквизиции немцев постоянно росли, а произвольные и абсолютно нереалистичные квоты, назначаемые Берлином, напоминали крестьянам о худших временах первой пятилетки.

В своей аграрной политике оккупанты намного увеличили и ужесточили налоговое бремя на крестьянство даже по сравнению со сталинскими колхозами, где люди работали за палочки. Кроме поставок от целого «колхоза» или общины каждый крестьянский двор облагался различными дополнительными нормами сдачи сельхозпродуктов. В соответствии с приказом главного командования сухопутных войск от 23 октября 1941 г. крестьяне должны были вносить земельный налог, налог со строений, плату за скот, за средства передвижения, за собак, кошек, музыкальные инструменты, удочки. Например, крестьяне Дорогобужского района Смоленской области были обязаны платить налог за собаку 150 руб., за удочку — от 1 до 2 руб., за музыкальные инструменты — от 1 до 3 рублей. От каждой коровы надлежало сдавать 300 л молока, от

каждой курицы — 300 штук яиц, от каждого двора — 60 кг мяса в год.

К экономическому грабежу добавился грабеж человеческих ресурсов: растущие потребности рейха в рабочей силе привели к массовой принудительной отправке трудоспособного населения в Германию (более 4,2 млн. человек в 1942—1944 гг.), всего более 5 млн. человек. Чтобы не быть угнанными, многие крестьяне уходили в партизаны. Судьба многих угнанных в Германию на работу была трагической. Об этом свидетельствует письмо девочки-невольницы.

Письмо было найдено при разборке кирпичной кладки в одном из домов сразу же после освобождения белорусского города Лиозно. Вместо адреса значилось: «Действующая армия. Полевая почта №... Сусанину Петру». И наискось приписано: «Дорогие дяденька или тетенька, кто найдет это спрятанное от немцев письмо, умоляю вас, опустите сразу в почтовый ящик. Мой труп уже будет висеть на веревке».

*1943. Март, 12. Лиозно
Дорогой добрый папенька!*

Пишу я тебе письмо из немецкой неволи. Когда ты будешь читать, меня в живых не будет. И моя просьба к тебе: отец, покарай немецких кровопийц. Это завещание твоей умирающей дочери.

Когда вернешься, маму не ищи. Ее расстреляли немцы. Когда допытывались о тебе, офицер бил ее плеткой по лицу. Мама не стерпела и гордо сказала: «Вы не запугаете меня битьем. Я уверена, что муж вернется назад и вышвырнет вас, подлых захватчиков, отсюда вон». И офицер выстрелил маме в рот.

Мне сегодня исполнилось 15 лет. Но если бы сейчас ты встретил меня, то не узнал бы свою дочь. Я стала очень худенькая, мои глаза ввалились, косички мне остригли наголо, руки высохли, похожи на грабли. Когда я кашляю, изо рта идет кровь — у меня отбили легкие.

А помнишь, папа, два года тому назад, когда мне исполнилось 13 лет? Какие хорошие были мои именины! Ты мне тогда сказал: «Расти, доченька, на радость большой!» Играл патефон, подруги поздравляли меня с днем рождения, и мы пели нашу любимую пионерскую песню... А теперь, как

взгляну на себя в зеркало — платье рваное, в лоскутках, номер на шее, как у преступницы, сама худая, как скелет, — соленые слезы текут из глаз. Что толку, что мне исполнилось 15 лет. Я никому не нужна. Здесь многие люди никому не нужны. Бродят голодные, затравленные овчарками. Каждый день их уводят и убивают.

Да, папа, и я рабыня немецкого барона, работаю у немца Шарлэна прачкой, стираю белье, мою пол. Работаю очень много, а кушаю два раза в день в корыте с Розой и Кларой — так зовут хозяйских свиней. Так приказал барон. «Русс была и будет свиньей», — сказал он. Я очень боюсь Клары. Это большая и жадная свинья. Она мне один раз чуть не откусила палец, когда я из корыта доставала картошку.

Живу я в деревянном сарае: в комнату мне входить нельзя. Один раз горничная полька Юзефа дала мне кусочек хлеба, а хозяйка увидела и долго била Юзефу плеткой по голове и спине.

Два раза я убежала от хозяев, но меня находил ихний дворник. Тогда сам барон срывал с меня платье и бил ногами. Я теряла сознание. Потом на меня выливали ведро воды и бросали в подвал.

Сегодня я узнала новость: Юзефа сказала, что господа уезжают в Германию с большой партией невольников и невольниц с Витебщины. Теперь они берут меня с собой. Нет, я не пойду в эту трижды всеми проклятую Германию! Я решила лучше умереть на родной сторонкушке, чем быть втоптанной в проклятую немецкую землю. Только смерть спасет меня от жестокого битья. Прощай, добрый папенька, ухожу умирать.

Твоя дочь. Мое сердце верит: письмо дойдет [173, с. 75—76].

С осени 1942 г. аграрная политика Германии на оккупированных территориях оказалась в тупике. «Реформы» ослабили и даже уничтожили в некоторых районах структуры коллективного хозяйствования, но они не создали новой системы — целостной и способной удовлетворить крестьянство, не улучшили состояние сельского хозяйства. Производство зерновых уменьшилось по сравнению с предыдущим годом уже в 1942—1943 гг. и наполовину упало в 1943—1944 г., тогда как немецкие реквизиции увеличились вдвое.

Провал этой политики, который можно было предвидеть уже летом 1942 г., на какое-то время (лето 1942 — начало 1944 г.) вдохновил сторонников «восточной политики» Розенберга, основанной на этническом раздроблении СССР. Несколько народов разной численности стали испытательным полигоном для идей Розенберга. Прибалтийские страны, где немецкая культура всегда была в почете, должны были приобщить к германской судьбе. Однако часть населения Прибалтики, которая, по мнению гитлеровцев, была русифицирована, следовало переместить на восток и заменить немецкими колонистами (значительная часть населения Латвии и Литвы). Прибалтийское население во время войны все же пользовалось привилегированным статусом, допускавшим существование национальных правительств, естественно, прогерманских, но поддерживаемых частью населения, видевшего в них хоть какую-то защиту от оккупантов.

В начале 1944 г. местные власти добились от немцев, желавших найти в этих районах добровольцев для своей армии, уступок в культурной и национальной областях. Им было разрешено сохранить систему образования, была возрождена кое-какая частная экономическая деятельность, из местных коллаборационистов была назначена администрация. Иными словами, оккупация здесь более походила на западноевропейскую и меньше на ту, которая практиковалась на остальной захваченной территории СССР: она была менее жестокой, но, конечно же, не вызывала ликования у местного населения; к концу оккупационного периода захватчики и здесь чувствовали себя окруженными острой враждебностью.

Гитлеровцы также попытались установить льготные условия для советских граждан немецкого происхождения и тем привлечь их к себе на службу: в целом им удалось наберечь среди них несколько десятков тысяч сотрудников. Определенную поддержку они получили также со стороны некоторых мусульманских этнических групп, враждебность которых к Советской власти была известна московским руководителям и вызывала у них опасения: крымских татар, карачаевцев, балкарцев, кабардинцев и др. Немецкая армия признала права мест-

ных комитетов, которые получили религиозную, политическую и экономическую автономию. В 1942 г. крымские татары создали в Симферополе Центральный мусульманский комитет. Тем не менее немцы наотрез отказались от предоставления крымским татарам автономии, которой пользовались кавказские горцы, из страха перед возрождением пантюркистского движения, сломленного Советской властью в 1920-х гг.

Оккупационная политика на Северном Кавказе и в казачьих областях Дона, Кубани и Терека была менее жестокой. На Кавказе немцев интересовали прежде всего нефтяные ресурсы, а не возможности колонизации. В долгосрочных планах нацистов этому региону отводилась роль промежуточного плацдарма для последующей экспансии в направлении нефтеносных районов Ирака и Ирана. Германия старалась избежать сопротивления со стороны кавказских народов и даже привлечь их на свою сторону, разработав с этой целью довольно либеральную политику, оставлявшую возможность местной инициативы.

«Однако меры, предпринятые оккупантами для того, чтобы завоевать симпатии этих национальных групп, носили неизбежно ограниченный характер как из-за глубокого презрения нацистов к этим людям, так и из-за сугубо вспомогательного значения по отношению к главной цели — ограблению», — считает итальянский историк Дж. Боффа.

По замыслу теоретиков «восточной политики», поддержанному украинскими эмигрантами и националистами, в национальном распаде СССР важную роль могла сыграть Украина — при условии признания Германией украинских национальных чаяний. Розенберг вынашивал идею создания вассального украинского государства, которое входило бы в качестве одного из компонентов в систему германского господства на территории европейской части СССР. Поэтому вначале кое-где пленных украинцев освобождали, в то время как остальных обрекали на голодную смерть. Вскоре эта политика осторожного поощрения украинского сепаратизма была отброшена. Однако, учитывая жизненную важность этого района для экономических интересов рейха и великогерманского

колониального проекта, Гитлер не стал превращать Украину в опытную лабораторию для проверки идей Розенберга. Кроме того, эмигрантские националистические группы не нашли тут той поддержки, на которую надеялись, исключение составляли лишь некоторые западные районы, недавно вошедшие в состав СССР (именно здесь позже была набрана целая эсесовская часть — дивизия «Галиция»). Оккупация на Украине носила поэтому такой же, если еще не более зверский характер, как и повсюду. Во главе оккупационной администрации поставлен один из самых кровавых нацистских главарей — Э. Кох. Всякая самостоятельная политическая деятельность националистов запрещалась. Позже, правда, они создали все в тех же западных районах несколько вооруженных формирований (особенно активными были группы Бандеры и Мельника), установивших свой контроль над некоторыми участками местной территории. Немцы относились к этим бандам со снисходительным терпением, если не с прямым доброжелательством, доходившим до поощрения, потому что те воевали исключительно против партизан, — считает Дж. Боффа.

В планах немцев на востоке большое внимание уделялось разжиганию национальной вражды между народами Советского Союза. В «Зеленой папке» Геринга рекомендовалось использовать в Прибалтике «в интересах Германии противоречия между литовцами, эстонцами, латышцами и русскими», на Кавказе между туземцами, грузинами, армянами, татарами и русскими», на юге — «между украинцами и великороссами». Однако немцам это не удалось. Одним из основных источников победы СССР в Великой Отечественной войне является дружба между народами.

Если немцам и удалось набрать некоторое количество людей, согласившихся сотрудничать с ними, то результат этот достигнут не столько с помощью политических средств, сколько с помощью самого элементарного шантажа голодом. Метод этот применялся как к военнопленным, уцелевшим после первых массовых казней, так и к гражданскому населению.

Всем известны названия немецких лагерей смерти: Освенцим, Маутхаузен, Да-

хау, Бухенвальд, Заксенхаузен, Майданек и др. Множество аналогичных лагерей было устроено и на советской земле: под Ригой, Вильнюсом, Каунасом, Львовом, Минском.

До войны во всех областях, подвергшихся затем немецкой оккупации, проживало в общей сложности 88 млн. человек, к моменту освобождения в них оставалось 55 млн. человек, причем большая часть недостающих была убита или депортирована (остальные эвакуированы на восток).

9.3. Партизанское движение и подпольная борьба

Партизанское движение — это составная часть вооруженной борьбы советского народа против фашистских захватчиков, которая развернулась с начала войны.

С первых дней возникновения партизанское движение направлялось ЦК партии и развивалось под руководством местных партийных органов, действовавших в тылу врага. В директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня содержалась программа по развертыванию партизанского движения в тылу врага.

18 июля ЦК партии принял специальное постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск», дополнившее директиву от 29 июня.

Уже в 1941 г. на оккупированной территории действовало 18 подпольных обкомов, свыше 260 окружкомов, горкомов, райкомов.

Общее стратегическое руководство партизанским движением осуществляла Ставка ВГК, непосредственно стратегическое руководство — Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) при Ставке, созданный 30 мая 1942 г. (нач. ЦШПД — первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко, главнокомандующий партизанским движением — маршал Ворошилов) (сентябрь — ноябрь 1942 г.). Ему были подчинены республиканские и областные штабы. ЦШПД был упразднен 13 января 1944 г. Руководство всенародной борьбой отныне возлагалось на ЦК компартий республик, обкомы и соответствующие штабы партизанского движения.

Согласно постановлению ГКО Центрального штаба партизанского движения

решал следующие основные задачи: установление постоянной и тесной связи с партизанскими формированиями, координация их боевой деятельности, организация взаимодействия партизанских сил с Красной Армией, обобщение и распространение опыта партизанской борьбы, снабжение партизанских формирований и подполья оружием, боеприпасами, медикаментами и другими материально-техническими средствами, усиление массово-политической работы, подготовка партизанских кадров.

Этим и последующими решениями учреждались также 13 республиканских, краевых и областных штабов партизанского движения.

Осенью 1943 г. в тылу врага действовало уже 24 обкома, свыше 370 окружкомов, горкомов, райкомов и других партийных органов.

К концу 1941 г. на оккупированной территории действовало свыше 2 тыс. партизанских отрядов (более 90 тыс. человек). Всего в годы войны в тылу врага насчитывалось свыше 6 тыс. партизанских отрядов, в которых сражалось более миллиона человек. К началу 1944 г. в них находилось рабочих — 30,1%, крестьян — 40,5%, служащих — 29,4%; 90,7% партизан составляли мужчины, 9,3% — женщины. Во многих отрядах коммунисты составляли до 20%, около 30% всех партизан были комсомольцами.

Большую роль в организации и становлении первых партизанских отрядов сыграли военнослужащие, оказавшиеся в окружении или бежавшие из плена. Нередко численность военнослужащих в отрядах в этот период доходила до 50 и более процентов всего личного состава. Так, летом 1942 г. доля воинов-окруженцев в партизанских отрядах Ленинградской области составляла 28%, в Калининской — 50%, в Смоленской и Орловской — 40—60%, в украинских партизанских соединениях — более 50%. В партизанском движении в годы войны участвовало около 500 тыс. военнослужащих. Массовое вливание окруженцев в образовавшиеся партизанские отряды придавало им четкую организованность, военную мобильность, боевую активность. Многие из них занимали в отрядах командно-политические должности. По данным ЦШПД, в Ленинградской обла-

сти командиры отрядов и бригад из числа военнослужащих составляли 61,9%, а в Белоруссии — 42% (комиссаров — 27,4%, начальников штабов — 44,9%).

В подавляющем большинстве в партизанских отрядах сражались бывшие узники фашистских концлагерей. Партизаны Винницкой области весной 1944 г. освободили из фашистских лагерей смерти 5900 советских воинов, многие из которых с оружием в руках продолжили борьбу с гитлеровцами. За месяц рейда 1-й Украинской партизанской дивизии в нее влилось более 500 бойцов и командиров Красной Армии, бежавших из плена.

На формы организации партизанских сил и способы их действия влияли физико-географические условия. Обширные леса, болота, горы являлись основными районами базирования партизанских сил. Здесь возникали партизанские зоны и края, где могли применяться различные способы борьбы. В степных же районах крупные соединения действовали лишь в ходе партизанских рейдов. Находившиеся здесь постоянно небольшие отряды обычно избегали открытых столкновений с врагом и наносили ему ущерб главным образом диверсиями.

В Карелии, где большая часть населения была эвакуирована на восток или вывезена на принудительные работы в Финляндию, партизаны вели борьбу с противником во время рейдов, базируясь на территории, занятой советскими войсками.

В первый период войны (июнь 1941 г. — 18 ноября 1942 г.) партизанское движение испытало на себе все трудности и невзгоды, обусловленные неподготовленностью советских людей к ведению такого способа сопротивления врагу. Отсутствие подготовленных кадров, разработанной системы руководства, потайных баз с оружием и продовольствием обрекли первые партизанские формирования на длительные и мучительные поиски всего того, что было необходимо для осуществления эффективных боевых действий. Борьбу с опытным и хорошо вооруженным противником пришлось начать с нуля.

Разнородность поведения жителей по отношению к оккупантам крайне затрудняла установление и поддержание связи партизан с патриотически настроенными людьми, го-

товыми оказывать им всемерную помощь. Эта работа требовала большой осторожности, времени, знания правил конспирации, умения вести агитацию и пропаганду. Предельную остроту приобрел вопрос о доверии к людям. Наиболее уверенно и защищенно чувствовали себя те отряды, бойцы которых являлись выходцами из местных деревень и сел. Живая и непрерывная связь с населением делала эти отряды неуловимыми, так как местные жители своевременно информировали их о карательных мероприятиях противника. Не испытывали такие отряды, как правило, затруднений в продуктах питания, одежде, обуви, а также в вооружении благодаря активной помощи односельчан в сборе его на полях сражений.

Намного сложнее было наладить прочные связи с населением отрядам и группам, прибывавшим из-за линии фронта. Несмотря на неплохую военную подготовку и экипировку, многим из них не удавалось закрепиться и развернуть боевую деятельность на оккупированной территории. Израсходовав взятые с собой запасы продуктов и боеприпасов, не сумев наладить прочных и устойчивых связей с местным населением, они оказывались в очень трудном положении. Рано наступившая холодная и ранняя зима, отсутствие теплой одежды вынуждали их выходить обратно в советский тыл. Особенно наглядно это видно на примере Ленинградской области. Из 129 городских и 158 сельских партизанских отрядов, действовавших на оккупированной территории с начала войны, по состоянию на 1 января 1942 г. в тылу врага осталось 20 городских (397 человек) и 40 сельских (1568 человек) партизанских отрядов. Судьба остальных сложилась по-разному: многие вышли в советский тыл или распались, значительное число погибло в боях с карательными войсками.

Большой вклад в укрепление связи партизан с Большой землей наряду с радиосвязью (ею к концу 1943 г. пользовались не только все соединения, но и крупные отдельно действовавшие партизанские отряды) внесла авиация. Воздушным путем в тыл противника доставлялись материальные средства, газеты, кинопередвижки, типографии и даже музыкальные инструменты. С помощью авиации производилась эва-

куация тяжелораненых и больных партизан, членов их семей. За годы войны только авиация дальнего действия и самолеты гражданского воздушного флота доставили в тыл противника 16 тыс. т грузов и перевезли 83 тыс. партизан и мирного населения. Большой вклад в это дело внесла и фронтовая авиация.

С конца 1941 г., когда широко развернулось партизанское движение в тылу врага, возникли крупные партизанские края и зоны, которые существовали в Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской и других областях РСФСР, в Белоруссии, северо-западных районах Украины. Весной 1942 г. существовало 11 партизанских зон и краев: в Ленинградской — 1, Смоленской — 4, Орловской — 2, Белоруссии — 4. В дальнейшем их количество росло. Если в 1942 г. партизаны контролировали территорию площадью 50 тыс. кв. км, то в 1943 г. — свыше 200 тыс. кв. км, т.е. шестую часть всех захваченных врагом земель. В тылу немецко-фашистских захватчиков в результате боевых действий партизан образовались новые края и зоны, очищенные от врага. Например, в Белоруссии с осени 1941 г. и до полного изгнания с ее территории оккупантов существовал обширный партизанский край в треугольнике Могилев — Орша — Минск.

Летом 1943 г. под постоянным контролем народных мстителей находились и многие районы Украины. По донесению генерального комиссара Житомирского округа из 18 подчиненных ему районов округа только в пяти органы немецкой администрации могли осуществлять свою деятельность. В партизанских зонах и краях легально действовали органы советской власти и партийные комитеты, работали школы, больницы и промышленные предприятия. На этой территории партизаны накапливали и обучали резервы, лечили раненых и больных, строили аэродромы для приема самолетов с Большой земли. Отсюда разведывательно-диверсионные группы, отряды и соединения уходили в длительные рейды и на задания по разгрому вражеских гарнизонов, для подрыва воинских эшелонов, разрушения железнодорожных и шоссейных мостов. Сюда они возвращались после выполнения боевого задания. В партизанских зонах находили укрытие

тысячи советских граждан, спасавшихся от уничтожения и угона в Германию.

В годы войны существовали партизанские отряды (80—100 человек), партизанские бригады, которые объединяли несколько отрядов и насчитывали от нескольких сотен до 3—4 тысяч и более человек. Партизанское соединение (дивизия) включало 10 и более партизанских бригад общей численностью до 15—19 тысяч человек, создавалось по решению штабов партизанских движений, подпольных обкомов, райкомов партии.

Наиболее крупным было Сумское партизанское соединение под руководством Ковпака («Деда»), начало которому положило слияние 1-го и 2-го Путивльских отрядов. С. А. Ковпак (1887—1967) — участник Первой мировой войны, награжденный двумя Георгиевскими крестами, двумя медалями «За храбрость», участник Брусиловского прорыва, гражданской войны, генерал-майор (1943 г.). Его соединение совершало рейды в тылу врага по Сумской, Курской, Орловской, Брянской и другим областям. Дважды удостоен звания Героя Советского Союза (1942 и 1944 г.).

Руководителями крупных партизанских соединений были также А. Н. Сабуров, А. Ф. Федоров, Д. Н. Медведев, Я. И. Мельник, М. Н. Наумов, М. И. Шукаев и др. Партизанское соединение генерал-майора Наумова в феврале 1943 г. совершило первый рейд по тылам врага. За 65 суток с боями прошло 2400 км по территории Курской, Сумской, Полтавской, Одесской и других областей, т.е. по степным районам Украины. Летом 1943 г. партизанское соединение генерал-майора Ковпака по приказу ЦШПД совершило рейд через Полесскую, Ровенскую, Львовскую области к Карпатам.

Широко известно населению Белоруссии, западных областей Украины и Польши было имя руководителя партизанского соединения Линькова Григория Матвеевича (псевдоним «Батя»), отряды которого действовали на территории от Полоцка до Луцка и от Днепра до Западного Буга. Впервые это имя появилось в Белоруссии осенью 1941 г., когда в сентябре был сброшен парашютный десант и возник первый белорусский партизанский отряд особого назначения. Г. М. Линьков родился в селе

Васильевка Октябрьского района Оренбургской области. После войны написал воспоминания «Война в тылу врага». 21 января 1943 г. удостоен звания Героя Советского Союза за образцовое выполнение заданий командования в тылу и особые заслуги в развитии партизанского движения в Белоруссии [175, с. 272—273].

Более 16 лет не было известно имя одного из легендарных руководителей партизанского движения на территории Польши. Лишь в 1960 г. было установлено, что отрядом командовал бывший курсант летно-технического училища Василий Войченко — уроженец села Калиновка Халиловского района Оренбургской области. 7 декабря 1944 г. пал смертью храбрых.

Возвышенный патриотизм в годы войны проявился среди населения оккупированной территории, которое противодействовало продвижению оккупантов в глубь страны. Удивительный подвиг, совершенный Иваном Сусаниным зимой 1613 г., более 50 раз повторили наши соотечественники в условиях гитлеровского нашествия. Это 18-летняя разведчица партизанского отряда Настя Дроздова и 86-летний колхозный сторож Матвей Кузьмин, лесник Никита Александров и одесский рабочий Трофим Прушинский.

К весне 1942 г. гитлеровское военное командование было вынуждено для подавления партизанского движения в захваченных советских районах использовать уже до 22-х охранных и полевых дивизий. Один из фашистских главарей — министр пропаганды Геббельс записал в это время в своем дневнике: «Опасность со стороны партизан растет с каждой неделей. Партизаны безраздельно господствуют над обширными районами оккупированной России... этой зимой они поставили нас перед большими трудностями, которые отнюдь не уменьшились с началом весны». По данным иностранных источников, осенью 1942 г. для охраны железных дорог и борьбы против советских партизан было выделено 15 полевых и 10 охранных дивизий, а также ряд других подразделений. Уже к октябрю 1943 г. их количество увеличилось до 50 дивизий.

В ходе Курской битвы в ночь на 3 августа 1943 г., содействуя перешедшим в на-

ступление войскам Воронежского и Степного фронтов, 167 партизанских отрядов и соединений (100 тыс. человек) развернули операцию с целью вывода из строя железнодорожных коммуникаций противника на территории протяженностью по фронту около 1000 км и глубиной до 750 км (операция «Рельсовая война»). На некоторых дорогах движение поездов остановилось на 3—5 суток, а магистрали Могилев — Кричев, Полоцк — Двинск, Могилев — Жлобин не работали в течение месяца. Возникший дефицит в рельсах вынудил гитлеровцев перекладывать двухпутные участки дорог на однопутные, сваривать порванные рельсы и даже ввозить их из Польши и Германии. С 17 сентября начался второй этап операции под кодовым названием «Концерт» (120 тыс. партизан), который продолжался по 30 октября.

Завершающий этап народной борьбы в тылу врага показателен еще более тесным взаимодействием партизанских сил с войсками Красной Армии. В 1944 г. ни одна наступательная операция Красной Армии не планировалась без привлечения партизанских сил.

Существенную роль в сопротивлении оккупантам играло подполье. Подпольщики применяли весьма специфические средства борьбы: внедрялись в административный и хозяйственный аппарат противника с целью добывания информации, предупреждения населения о готовящихся облавах, а партизан — о карательных экспедициях против них; вели работу по разложению так называемых «добровольческих» формирований, создававшихся гитлеровцами; собирали разведывательные сведения; выводили из строя предприятия путем взрывов и диверсий; изготовляли и распространяли листовки, газеты, прокламации и тем самым доводили до населения наиболее важные постановления и воззвания коммунистической партии и советского правительства, помогали партизанам и т.д. Они активно участвовали и в боевых действиях, нередко увязывая свои удары с выступлениями партизан. С приближением советских войск подпольщики в ряде случаев поднимали население городов и других объектов на вооруженные восстания против оккупантов и сами переходили к открытым боевым действиям.

На захваченной противником территории РСФСР подпольная борьба наиболее успешно развернулась в городах и населенных пунктах Ленинградской, Смоленской, Калининской, Орловской, Курской, Московской областей и Крыма. Так, уже летом 1941 г. в Пскове и Псковском районе в результате напряженной работы подпольного райкома и горкома партии было создано около 30 подпольных групп, в которых состояло более 100 человек. К началу 1942 г. на оккупированной Орловщине действовало 46 подпольных организаций, а к лету 1942 г. их количество удвоилось, составив 96.

В Минске, несмотря на гибель двух составов Минского горкома партии, новому подпольному городскому комитету удалось создать около 80 боевых групп, куда вошло свыше 300 подпольщиков. Вскоре число боевых групп достигло 120.

В оккупированных немецко-фашистскими захватчиками районах Украины под руководством партийных комитетов в годы Великой Отечественной войны мужественно сражались с врагом более 100 тыс. подпольщиков, в Белоруссии — более 70 тыс., в краях и областях Российской Федерации — более 35 тыс.

Подпольщики умело компрометировали в глазах оккупационных властей сотрудничавших с ними советских граждан, чтобы устранить их, или организовывали террористические акции против них или руководителей немецкой оккупации. Так, в ночь с 21 на 22 сентября 1943 г. вместе с кроватью на воздух взлетел близкий соратник Гитлера, наместник фюрера в Белоруссии Вильгельм фон Кубе.

Накануне он получил задание провести 29 сентября карательные операции в Минске и его окрестностях. Но об этом узнали партизаны, среди которых была и Мария Осипова. Раздумывать было некогда: положив в корзинку с брусничкой две часовые мины, Мария отправилась в город. Было страшно: от того, сумеет ли она выполнить задание, зависела жизнь соотечественников. В Минске вместе с Еленой Мазаник, работавшей у фон Кубе гвернанткой, они положили принесенные мины в постель. За их головы было обещано вознаграждение в 1,5 млн. марок. За этот бес-

примерный по своей смелости подвиг Елены Мазаник и Марии Осиповой было присвоено звание Героя Советского Союза. Этот же подвиг лег в основу фильма «Часы остановились в полночь» [36, с. 427].

Подпольщики ликвидировали заместителя рейхскомиссара Украины Г. Кнута, командующего карательными войсками на Украине генерала М. Ильгена и других. При отступлении немецких войск подпольщики вместе с партизанами помогали населению избежать угона на Запад, спасали от разрушения и разграбления предприятия, здания, памятники культуры.

Большую известность получила в стране благодаря роману А. Фадеева «Молодая гвардия» подпольная молодежная организация, созданная в Краснодаре Ворошиловградской области после оккупации города немцами (20 июля 1942 г.) под руководством командира И. В. Туркенича и комиссара О. В. Кошевого. В ней насчитывалось свыше 100 человек, в основном молодежи 14—16 лет. Члены организации совершали диверсии, освобождали советских военнопленных из концлагерей, препятствовали угону советских людей в Германию и т.д. Немцам в январе 1943 г. удалось раскрыть организацию. В фашистских застенках молодогвардейцы стойко выдержали пытки. 13 сентября 1943 г. пятеро молодогвардейцев были удостоены звания Героя Советского Союза (Ульяна Громова, Иван Земнухов, Олег Кошевой, Сергей Тюленин, Любовь Шевцова) посмертно, остальные награждены орденами и медалями.

За годы войны, согласно данным начальника Центрального штаба партизанского движения военных лет П. К. Пономаренко, советские партизаны и подпольщики уничтожили, ранили и пленили свыше 1,6 млн. солдат и офицеров вермахта, военно-строительных организаций ТОДТ, немецких чиновников оккупационной администрации, военных железнодорожников и колонистов. Ими же в боях и в результате диверсий убито 67 генералов немецко-фашистской армии, войск СС и крупных политических деятелей

третьего рейха. Они произвели 20 тыс. крушений вражеских поездов, подорвали около 120 бронепоездов, вывели из строя до 17 тыс. паровозов и почти 171 тыс. вагонов, взорвали и сожгли около 12 тыс. железнодорожных и шоссейных мостов, разгромили более 250 железнодорожных узлов и станций, подорвали и захватили более 65 тыс. грузовых и легковых автомашин, вывели из строя свыше 4 тыс. танков и бронемашин, 1100 самолетов, разрушили и повредили 1600 железнодорожных мостов и др.

234 партизана и подпольщика удостоены звания Героя Советского Союза, в их числе 24 женщины. Дважды удостоены этой награды командиры партизанских соединений С. А. Ковпак и А. Ф. Федоров. Медалью «Партизану Отечественной войны» награждены более 127 тыс. человек, а другими орденами и медалями — свыше 184 тыс. человек.

Весьма важным итогом всенародной борьбы в тылу врага явилось снижение морального духа солдат и офицеров вермахта. Английские исследователи Ч. А. Диксон и О. Гейльбрунн пришли к выводу, что «ущерб, нанесенный немецкой армии партизанской войной, нельзя определять только числом убитых и раненых, количеством уничтоженных орудий и складов. К этому еще следует прибавить потерю немецкой армией боеспособности и ударной мощи, значение которой трудно оценить в цифрах. Главное состоит в том, что ухудшилось моральное состояние солдат, которые воевали в стране, где каждый гражданин мог оказаться партизаном, а каждый необычный шум — сигналом начала партизанской атаки» [65, с. 82]. А британский генерал Дж. Ф. Фуллер писал: «В России партизаны, число которых все время возрастало, вселяли ужас в сердца немецких солдат, разбросанных вдоль бесконечной линии сообщения. На огромных пространствах, через которые проходили коммуникации, партизанские отряды играли такую же роль, как и стаи подводных лодок в Атлантическом океане» [215, с. 332].

10. СОВЕТСКИЙ ТЫЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рекомендуемая литература: 6; 7; 8; 9; 16; 25; 30; 46; 76; 84; 85; 96; 102; 111; 112; 126; 128; 136; 207; 213; 216; 217.

10.1. Перевод народного хозяйства на военные рельсы

Военная обстановка потребовала от руководства страны принятия экстренных мер по обеспечению поворота народного хозяйства на военные рельсы, создания прочного, организованного тыла, способного бесперебойно удовлетворять важнейшие потребности фронта. Был разработан и введен в действие народнохозяйственный план на 3-й квартал 1941 г., предусматривавший увеличение производства военной техники на 26%, а затем и «Военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана, Средней Азии». Существенные изменения пришлось внести в государственный бюджет. Ассигнования на оборонные нужды во втором полугодии 1941 г. по сравнению с первым полугодием возросли на 20,6 млрд. рублей, одновременно расходы на развитие гражданских отраслей народного хозяйства уменьшились на 21,6 млрд. рублей, а на социально-культурные мероприятия — на 16,5 млрд. рублей.

Сущность перестройки народного хозяйства на военные рельсы заключалась в следующем:

1. Перевод промышленных предприятий на выпуск военной продукции и одновременное сокращение выпуска гражданской продукции; перемещение промышленных предприятий вместе с персоналом на восток страны; ускоренное строительство в этих районах новых производственных мощностей.

2. Мобилизация материальных и трудовых ресурсов в сельском хозяйстве на обеспечение потребностей армии и городов; эвакуация скота и имущества в глубинные районы страны; увеличение посевов зерна...

3. Мобилизация и перестройка работы транспорта.

4. Мобилизация строительных кадров и механизмов для сооружения военных объектов, промышленных предприятий.

5. Создание устойчивых кадров рабочих, служащих, специалистов в промышленности и на транспорте.

6. Мобилизация продовольственных ресурсов для снабжения армии, городов, введение карточной системы...

7. Мобилизация средств населения и ресурсов народного хозяйства для нужд обороны.

8. Перестройка государственного аппарата для обеспечения мобилизации всех средств на войну (создание ГКО, новых наркоматов).

Перестройка страны проходила в тяжелых условиях. Все это нужно было сделать не только в экстремально сжатые сроки, но и в условиях, когда под властью оккупантов оказалась территория, на которой в довоенное время проживало около 40% населения, добывалось 63% угля, производилось 58% стали, 38% зерна, располагалась мощная машиностроительная база, в том числе и немало оборонных предприятий. В руки врага попали запасы природных ископаемых огромной ценности: криворожская железная руда, никопольский марганец, донбасский уголь. Через считанные месяцы после нача-

ла войны промышленный потенциал СССР оказался уменьшенным наполовину. Металлургия была отброшена до уровня первой пятилетки. Некоторые виды производства понесли еще больший урон. Так, выпуск шарикоподшипников сократился в 21 раз, а прокат цветных металлов — даже в 430 раз, т.е. практически прекратился. Продолжать войну приходилось фактически экономическим потенциалом, равным потенциалу страны в начале 30-х годов.

От работы тыла во многом зависел исход войны. Был выдвинут лозунг «Все для фронта, все для победы». Уже с 26 июня в стране для рабочих и служащих вводились обязательные сверхурочные работы, рабочий день для взрослых увеличился до 11 часов при 6-дневной рабочей неделе, отпуска отменялись. Это позволило примерно на $\frac{1}{3}$ повысить загрузку производственных мощностей без увеличения численности рабочих и служащих. В конце июля 1941 г. исполнительным органам союзных и автономных республик, краев и областей предоставлялось право переводить рабочих на другую работу без их согласия. Все это давало возможность оперативно перераспределять рабочую силу в интересах военного производства. Однако дефицит рабочих рук нарастал. На производство привлекались конторские служащие, домохозяйки, учащиеся. В декабре 1941 г. все работники военных производств объявлялись мобилизованными и закреплялись для работы на данных предприятиях. Были ужесточены санкции для нарушителей трудовой дисциплины. Самовольный уход с работы карался сроком заключения от 5 до 8 лет. Определенной части квалифицированных инженеров, конструкторов и рабочих, занятых на предприятиях оборонной промышленности, предоставлялась бронь. За уклонение от трудовой мобилизации устанавливалась уголовная ответственность.

Составной частью военной перестройки народного хозяйства было беспрецедентное по своим масштабам и срокам перебазируание производительных сил СССР из угрожаемых районов на восток страны.

Эвакуация осуществлялась нередко под огнем наступавшего противника, порой с опозданием и с неизбежными при этом потерями и жертвами. Одно лишь временное

прекращение производственного процесса на сотнях и тысячах предприятий из-за вынужденного перемещения в тыл уже влекло за собой ущерб, исчислявшийся миллионами рублей.

Проведение эвакуации осложнялось тем, что заблаговременная подготовка к спасению от врага миллионов граждан и материальных ценностей была запрещена Сталиным накануне войны. Так, по его указанию 5 июня была распущена Комиссия по эвакуации населения г. Москвы в военное время, созданная весной 1941 г. В резолюции Сталина, адресованной председателю комиссии В. П. Пронину, говорилось: «Ваше предложение о «частичной эвакуации населения г. Москвы в военное время» считаю несвоевременным. Комиссию по эвакуации прошу ликвидировать, а разговоры по эвакуации прекратить. Когда нужно будет и если нужно будет подготовить эвакуацию, ЦК и СНК уведомят Вас».

Поэтому различные эвакуационные планы пришлось спешно разрабатывать уже в ходе разразившейся фашистской агрессии, в условиях вражеского наступления, в тяжелой обстановке. Вся тяжесть по перебазируанию производительных сил СССР из угрожаемых районов на восток страны легла на плечи советского народа.

Этой огромной работой руководил созданный по решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР Совет по эвакуации, председателем которого был назначен вначале Л. Каганович (с 24 июня по 16 июля 1941 г.), затем его сменил Н. М. Шверник, а его заместителями были назначены А. Н. Косыгин и М. Г. Первухин, а членами Микоян, Каганович, Сабуров и Абакумов. В течение июля — ноября 1941 г. было перемещено на Урал, в Сибирь, Поволжье, Казахстан и Среднюю Азию 2593 предприятия, в том числе 1523 крупных, преимущественно военных заводов. Маршал Жуков отмечал, что «небывалая производственная операция, равная по своей значимости величайшим битвам второй мировой войны, была в целом осуществлена».

На Урал было эвакуировано 667 предприятий, считает большинство историков, а Васильев вслед за Шверником — 703. По Чкаловской области цифры, приводимые историками, тоже расходятся: прибы-

ло больше 60 промышленных предприятий, считает В. И. Швыдченко, 70 промышленных предприятий — А. Ф. Васильев, более 90 промышленных предприятий — Л. И. Футорянский, но он включает в это число и мелкие предприятия, и цеха, из них 44 разместились в Чкалове, 4 самых мощных — в Орске, 14 — в Бузулуке, 5 — в Медногорске и других городах и поселках.

На восток было эвакуировано железнодорожным транспортом 10 млн. человек, водным — 2 млн. человек.

Осенью 1941 г. в Чкалов прибыли заводы «Фрезер», «Автозапчасть», № 47, оборудование шелкоткацких комбинатов из Москвы, Орехово-Зуева, Ржевска. Эвакуированные предприятия вступили в строй в 1941 и в первой половине 1942 г. Первые эшелоны с оборудованием завода «Автозапчасть» прибыли из Одессы и Мариуполя в конце августа и в начале сентября 1941 г. За несколько дней восстановили производство. Уже в первый месяц работы на новом месте завод выполнил государственный план, а затем перевыполнил. Работали на многих станках под открытым небом. За годы войны авиационный завод № 47, эвакуированный из Ленинграда, произвел 1595 самолетов Ут-2, Ут-2М, Як-1, Як-6, Ще-2. 250 тыс. человек эвакуировано в Чкаловскую область, из них 40 тыс. — в Чкалов. Оренбургская область спасла архивы Москвы, Ленинграда, Прибалтики, Украины, Карелии и др. В Оренбург доставили 162 вагона, в Орск — 33 вагона, всего 195 вагонов архивных материалов и научно-справочного материала к ним. Документы, прибывшие в Оренбург, разместили в Доме учителя (42 вагона), в клубе паровозоремонтного завода (39 вагонов), Никольской церкви (67 вагонов), в зданиях на Фабричном (19 вагонов), Чичерина (52 вагона). В Оренбурге находились фонды крупнейших архивов: Октябрьской революции, Центрального государственного военно-исторического архива, Центрального государственного архива Красной Армии, Центрального государственного архива древних актов и т.д. В начале 1944 г. эти архивы начали вывозить в Москву.

В годы Великой Отечественной войны становым хребтом обороны страны стал Урал. Он давал около половины артиллерий-

ских орудий и минометов, более $\frac{2}{3}$ танков (60% средних и 100% тяжелых). На Урале действовал знаменитый «Танкоград», который возник на базе слияния трех заводов — Ленинградского Кировского, Харьковского дизельного и Челябинского тракторного. Труженики Урала произвели танков и САУ больше, чем вся Германия вместе с оккупированными ею странами. Каждый второй снаряд, выпущенный по врагу, был изготовлен из уральской стали. По темпам и размерам промышленного производства в годы войны Урал занял первое место среди других регионов СССР. В 1943 г. на Урале производилось столько же промышленной продукции, сколько в Поволжье, Западной Сибири, Казахстане и Средней Азии вместе взятых. На долю Урала приходилось до 40% всей продукции военной промышленности страны, сельское хозяйство обеспечивало восьмую часть заготовленного в стране хлеба.

Несмотря на то что в правительственно-партийной директиве от 29 июня и в речи Сталина от 3 июля 1941 г. ставилась задача о тотальном вывозе в тыл или о безусловном уничтожении (если невозможно вывезти) всего ценного имущества, не оставляя врагу «ни одного паровоза, ни одного вагона», «ни килограмма хлеба, ни литра горючего», ее абсолютное выполнение было делом неосуществимым.

Вследствие быстрого продвижения противника немало материальных ценностей пришлось оставить в приграничных районах страны. Некоторые предприятия целиком достались врагу. Например, эвакуация была фактически сорвана по важнейшим металлургическим, коксохимическим и огнеупорным заводам Сталинской (ныне Донецкой) области Украины. С одной Никитской базы Главметаллсбыта УССР не успели вывезти 70,5 тыс. т проката, 68,5 тыс. т слитков и заготовок, 63,5 тыс. т чугуна, 21,2 тыс. т труб, 6 тыс. т ферросплавов. Что касается эвакуации населения, то по многим причинам, в том числе из-за острой нехватки транспортных средств, на оккупированной гитлеровцами территории СССР осталось не менее 70 млн. человек. Из Белоруссии эвакуация прекратилась в августе, из Ленинграда — в сентябре, из Украины — в ноябре.

Летом 1942 г. в связи с наступлением противника в направлении на Сталинград и Кавказ начинается отступление наших войск. По этой причине летом 1942 г. было перебазируется 150 крупных предприятий и большое количество людей.

Перевод всей промышленности на военные рельсы занял лишь около года. И это в условиях острого кризиса, который переживала экономика СССР в конце 1941 г. Валовая продукция промышленности с июля по ноябрь уменьшилась в 2,1 раза. С июня по декабрь 1941 г. Красная Армия потеряла 20,5 тыс. танков, а получила только 5,6 тыс.; самолетов — соответственно 17,9 тыс. и 9,9 тыс. Производство боевых машин упало до самого низкого уровня, и Сталин лично распределял их поштучно. Но уже в декабре благодаря усилиям советских людей падение промышленного производства прекратилось, а с марта 1942 г., хотя и с некоторыми колебаниями, начался его рост.

И вот в таких-то условиях СССР — и в этом заключается его поразительный успех — сумел уже с 1942 г. выпускать больше вооружения, чем Германия; в дальнейшем его преимущество продолжало возрастать. По всем видам вооружений (танки, самолеты, артиллерия, автоматы) советская промышленность сумела опередить даже все остальные страны, участвовавшие в войне (единственным исключением оставалось производство самолетов в США). Этот перевес в производстве вооружений выглядит еще более удивительным, если вспомнить, что он был достигнут Советским Союзом при относительно меньшем промышленном потенциале. Советский Союз сумел обеспечить своим вооруженным силам все необходимое для борьбы и победы. Это удалось сделать за счет кардинальной перестройки экономики на военный лад. Никакое другое государство не достигло столь высокой степени милитаризации экономики, как СССР. Практически вся советская промышленность, включая мелкие предприятия и промысловые кооперативы, была переведена на военное производство. Выпуск же тканей, обуви или других потребительских товаров для гражданского населения вновь упал до уровня 1920-х годов. Военные нужды пользовались абсолютным приоритетом при

распределении электроэнергии и топлива, которых также не хватало для городов и населенных пунктов.

Во время войны советское государство продолжало вести капитальное строительство и сооружать новые предприятия на оставшихся под его контролем территориях. Вначале число строительных площадок было резко сокращено с 5700 до 614. Потом, однако, усилия стали наращиваться. Львиная доля капиталовложений предназначалась Уралу и другим восточным районам, причем средства шли почти исключительно (93%) на оборонные заводы и предприятия тяжелой индустрии. Такая способность вести капитальное строительство, жертвуя любыми видами потребления, кроме военного, позволила позже Советскому правительству приступить к восстановлению хозяйства в освобожденных районах уже с 1944 г., когда еще шли сражения. Всего за войну было создано 3500 производственных единиц и проведена коренная реконструкция еще 7500 предприятий. Нередко речь шла о временных цехах и производствах, которые позже предстояло завершить, но тем временем и они выпускали военную продукцию.

Основная тяжесть легла на плечи женщин и подростков. В различных отраслях промышленности доля рабочих, не достигших 18 лет, колебалась от 15 до 23%, но имелись отдельные предприятия, где она превышала 60—70%. Еще более высокой была доля женщин. Удельный вес женщин среди занятых в народном хозяйстве в целом превышал 57% (53% в промышленности). Работали женщины и на тяжелых производствах: в отдельные моменты их было 38% среди работников металлургии и более 35% в числе работников угольной промышленности.

Развернулись различные формы социалистического соревнования: скоростной метод, движение за звание фронтовых бригад, двухсотников, тысячников, овладение смежными профессиями.

Счет в военной экономике шел не на годы, а на дни, зачастую на часы. Она требовала инициативы, оперативности и одновременно — высокого качества продукции. Весной 1943 г., накануне Курской битвы, обнаружили дефекты сотен самолетов, вызванные невысоким качеством заменителей

лаков и красок, которыми покрывалась обшивка самолетов. Менее чем за 24 часа были организованы десятки ремонтных бригад на десяти авиационных заводах и переброшены на фронтовые аэродромы. В считанные дни необходимый ремонт был осуществлен.

Началось массовое производство знаменитых «катюш», серийный выпуск истребителя Як-9, а вслед за ним Як-3, пикирующего бомбардировщика Ту-2 и двухместного штурмовика Ил-2. Заводы Германии выпустили в 1942 г. 1160 самолетов, советские — 21 700. Это сыграло решающую роль в завоевании нашей авиацией господства в воздухе, которое она удержала до конца войны.

С созданием на заводах поточных линий нарастало производство танков и самоходных орудий. Советский танк Т-34 стал лучшим танком Второй мировой войны.

В сложных условиях осуществлялся перевод сельского хозяйства на военные рельсы. На территории, подвергшейся оккупации, до войны проживало 40% населения страны, насчитывалось 98 тыс. колхозов (41,7%), 1876 совхозов (44,9%) и 2890 МТС (41,3%). Перед войной на эту территорию приходилось 38% всего валового сбора зерна в стране, 84% довоенного производства сахара, 38% крупного рогатого скота и 60% поголовья свиней. До войны там находилось 35% комбайнового и 28% тракторного парка страны, а также значительная часть автотранспорта. Территория, захваченная врагом, имела 30% всех энергетических мощностей сельского хозяйства.

Основной продовольственной и сырьевой базой, как и промышленной, стали восточные и юго-восточные районы страны: Урал, Сибирь, Казахстан, Поволжье, Средняя Азия. В деревне происходило резкое сокращение материально-технической базы сельского хозяйства, уменьшение трудоспособного населения в связи с мобилизацией на фронт. На территории Советского Союза (без оккупированных районов) тягловые ресурсы в колхозах и МТС сократились на 32%, численность автомашин уменьшилась на 89%, значительно сократилась рабочая сила в колхозах. Поступал в большом количестве эвакуированный скот, который находился в очень тяжелом состоянии. Не хватало топлива, запасных частей на трактора и

комбайны. В условиях резкого сокращения материально-технической базы сельского хозяйства приходилось использовать простейшие орудия труда (серпы, конные молотилки, косы...). Пахали на коровах колхозных, а потом и на личных. Использовали их сначала на транспортных работах, а потом и на пахоте. Нередко поля обрабатывали вручную. Так, весной 1945 г. в Великолукской области Украины лопатами было поднято около 10 тыс. га. В деревнях тыловых районов остались женщины, старики и дети: они составляли 86% всей наличной рабочей силы. При этом им приходилось выполнять больший объем работ, чем тот, который раньше приходился на долю мужчин зрелого возраста, поскольку с полей исчезли сельскохозяйственные машины. Все это привело к сильному ослаблению аграрного сектора экономики страны.

Объем сельскохозяйственного производства резко сократился. Некоторые ценные культуры, например сахарная свекла, подсолнечник, почти целиком оказались по ту сторону фронта. В связи с этим потребление сахара уменьшилось в 20 раз и оставалось на очень низком уровне в течение всей войны. Весьма тяжелыми были потери в главной отрасли села — производстве зерновых.

В 1941 г. не могли полностью убрать хлеб во многих областях страны. Например, в Чкаловской области 114 тыс. га зерновых и картофеля ушли под снег, в БАСССР более 50 тыс. га остались необранными. Во многих колхозах и совхозах обмолот хлеба и сдача его государству продолжались в течение осени, зимы и весны. Сельскохозяйственный год в военное время обычно заканчивался весной следующего года. И хотя трудностей было немало, площадь озимых в тыловых районах страны уже осенью 1941 г. возросла по сравнению с 1940 годом на 2 млн. га. Правда, вопрос этот является спорным. Ю. В. Арутюнян считает, что расширение посевных площадей в тех условиях было необходимым. По мнению В. Т. Анискова, расширение площадей никакого результата не дало, так как в условиях войны значительная часть посевных площадей ежегодно оставалась не убранной из-за нехватки рабочих рук, сельскохозяйственных машин, конского тягла.

В связи с нехваткой рабочих рук в апреле 1942 г. в колхозах был увеличен в 1,5 раза по сравнению с предвоенным годом обязательный минимум трудодней и впервые распространялся на подростков 12—16 лет. Согласно постановлению, каждый член колхоза должен был ежегодно вырабатывать не менее 100—150 трудодней в зависимости от района вместо 60—80 по условиям 1939 г. Для подростков обязательный минимум составлял не менее 50 трудодней в год. Колхозники, не выработавшие установленную норму, должны были исключаться из сельхозартели и лишаться приусадебного участка. Их следовало предавать суду и наказывать исправительно-трудовыми работами на срок до 6 месяцев.

Однако, несмотря на эти суровые меры и самоотверженный труд, восполнить огромные потери посевных площадей и скота было невозможно. В 1942 г. страна получила в три с лишним раза меньше зерна, чем в 1940 г. Но это позволило, хотя и не на очень высоком уровне, обеспечить армию и население продовольствием.

В стране повсеместно была введена карточная система. В Москве и Ленинграде карточки введены в июле 1941 г., потом они распространились на все другие города и на все население, включая сельских жителей, но не крестьянство. Карточки выдавались на продовольствие и другие основные потребительские товары. Численность людей, охваченных государственной карточной системой, возросла с 62 млн. человек в 1942 г. до 80 млн. в 1945 г. Сверх того, нужно было кормить вооруженные силы, которые насчитывали примерно 11 млн. человек. Только для 2-го Белорусского фронта в начале 1945 г., по приблизительным подсчетам, ежедневно требовалось около 2 тысяч голов крупного рогатого скота и много другой продукции. В зависимости от категории устанавливались разные нормы: для гражданского населения они колебались от 400 до 800 г хлеба в день, от 400 до 2200 г мяса в месяц, от 200 до 600 г жиров, от 200 до 500 г сахара. Нормы были скудными, но к этому нужно добавить, что выдача по карточкам производилась нерегулярно. В более выигрышном положении находились работники промышленности, особенно на

предприятиях, отнесенных к числу важнейших. В армии еда была у всех, но и здесь существовало четыре разных рациона: самый обильный предназначался войскам на передовой, самый урезанный — тыловым службам. В продовольственном снабжении, таким образом, действовала та же шкала приоритетов, что и во всей военной экономике: абсолютное предпочтение отдавалось солдатам; за ними — как в годы первой пятилетки — шли промышленные рабочие.

Лишения были тяжелы для всех. В деле же бремени невзгод государство сумело проявить себя суровым, но справедливым, считает итальянский историк Дж. Боффа.

Колхозы оказались неспособными взять на себя целиком продовольственное обеспечение городского населения. Поэтому правительство предоставило ему возможность для развития огородничества и личных подсобных хозяйств. 7 апреля 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О выделении земель для подсобных хозяйств под огороды рабочих и служащих». 19 июня 1943 г. правительство приняло решение об освобождении от обложения сельхозналогом доходов рабочих и служащих, получаемых ими с коллективных и индивидуальных огородов. 19 февраля 1944 г. СНК СССР принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих в 1944 году». По расчетам историка У. Г. Чернявского, в индивидуальном и коллективном огородничестве в 1942 г. участвовала одна треть городского населения, в 1943 г. — две пятых, а в 1944 г. — 50%.

Развитие огородничества, безусловно, смягчило остроту продовольственной проблемы. Большое значение имели также продовольственные поставки из США, Канады и Австралии. По ленд-лизу Советский Союз получил 4,9 млн. т продовольствия.

Страна жила в условиях крайнего обнищания. Для пополнения собственного пищевого рациона люди вынуждены были обращаться к другому источнику снабжения: колхозному рынку, цены на котором подскочили до небес.

Советское государство не сочло необходимым или целесообразным вносить качественные изменения в свою аграрную по-

литику, как это были вынуждены сделать другие государства, с целью гарантировать себе заготовку минимально необходимого количества сельскохозяйственной продукции для военных потребностей. Система колхозов с изъятием у них по крайне низкой цене большей части их продукции с помощью разных форм поставок (обязательные поставки, натуроплата за работу МТС, новые фонды обороны, Главного командования, помощи освобожденным районам, которые возникли в военные годы), их молчаливое, но от этого не менее эффективное огосударствление — все это были черты, свойственные советскому сельскому хозяйству со времени его предвоенной коллективизации. Менять их не было нужды: во время войны они пригодились не меньше, чем во время индустриализации.

Государство стало требовать сдачи ему большей доли колхозной продукции, хотя объем поставляемых в обмен услуг (работ, выполнявшихся машинно-тракторными станциями) намного сократился. Колхозы были вынуждены использовать на полевых работах не только конское поголовье и рабочих быков, но яловых коров. Какова бы ни была действенность обращения к патристическому чувству крестьян, взимание подобной дани могло осуществляться лишь путем обращения к жестокости. В сельский труд также были введены элементы милитаризации: 1. Увеличен обязательный минимум трудодней. 2. Для политического и государственного руководства колхозами в ноябре 1941 г. были восстановлены политотделы МТС и совхозов — органы военного происхождения, уже применявшиеся на селе в 1933—1934 гг., в период столкновения между сталинским правительством и только что народившимися колхозами. Политотделы были распущены лишь в мае 1943 г. 3. Крестьяне могли быть направлены и на несельскохозяйственные работы. Но на протяжении всей войны государство не тронуло свободной колхозной торговли. На колхозном рынке колхозы и колхозники могли продавать излишки продуктов, но их было так мало. Ведь небольшой приусадебный участок оставался единственным источником пропитания для самого крестьянина, для которого не существовало продовольственных карточек.

В годы войны цены колхозного рынка увеличились головокружительно — в 18 раз, если взять их высший уровень в 1943 г. Государственные цены на продукты по карточкам увеличились незначительно (исключение составляли водка и табак). Цены на рынках были самые разные: в Средней Азии, где существовало известное изобилие продуктов, могли быть даже в 20 раз ниже цен в Москве или в индустриальных городах Урала, где за 1 кг мяса приходилось отдавать больше среднемесячной заработной платы. Цены оставались высокими на протяжении всей войны, лишь в последние месяцы войны некоторый рост товарных резервов привел к снижению цен на колхозном рынке — они превышали довоенные всего в 5—6 раз. Произошло перемещение денежной массы в деревню, но это не означало, что она стала жить лучше. Труд крестьян плохо оплачивался и в годы войны. Мало получали за трудодни. За свой трудодень сельский труженик получал меньше продуктов (если еще получал), чем средний горожанин по своей продуктовой карточке. Правда, стал больше иметь денег, но на них невозможно было что-либо купить.

Сама Красная Армия, даже досыта накормленная и превосходно вооруженная, была весьма далека от той обеспеченности, которую демонстрировали высадившиеся в Европе в 1944 г. войска богатых держав — США и Англии.

10.2. Промышленность и сельское хозяйство в год коренного перелома и на завершающем этапе войны

Перелом в работе промышленности многие историки относят к 1943 году, а историк А. Ф. Васильев — к 1942 г. В ходе контрнаступления под Москвой Красная Армия по своей технической оснащенности уступала германской армии, в период контрнаступления под Сталинградом имела небольшое превосходство, а в период Курской битвы — превосходила в несколько раз.

В сентябре 1943 г. на вооружение Красной Армии поступил новый тяжелый танк ИС-85 («Иосиф Сталин»), созданный конструкторским бюро под руководством Ж. Я.

Котина. По бронезащите он в 1,5 раза превосходил немецкие тяжелые танки «Тигр», вооружение его также было более мощным. Гитлеровское командование предписывало своим танкистам избегать встречных боев с этими машинами и рекомендовало стрелять по ним из засады и укрытий.

1944 — первая половина 1945 г. стали временем, когда выпуск военной продукции и уровень организации военного производства достигли своей высшей точки.

С начала 1944 г. военное хозяйство СССР вступило в полосу наивысшего подъема, что позволило полностью обеспечить потребности фронта. В первое полугодие 1944 г. увеличилось производство электроэнергии, добыча угля, выплавка черных и цветных металлов, быстрыми темпами развивалось машиностроение, наметился перелом в работе нефтяной промышленности.

В 1944 г. советские заводы производили танков в 7—8 раз, орудий в 6 раз, минометного вооружения почти в 8 раз, самолетов и боеприпасов в 4 раза больше, чем до войны. Рост производства танков объясняется тем, что танковая промышленность стала применять ряд высокопроизводительных операций: конвейерную сборку, литье в многоразовые формы, поточные линии с использованием специализированных станков.

Впервые в мировой практике был освоен метод отливок стальных деталей в металлических формах, применена штамповка башни Т-34. Под руководством академика АН УССР Е. О. Патона ручная сварка бронекорпусов танков заменялась автосваркой. В годы войны институт электросварки, возглавляемый академиком Патоном, был эвакуирован в Нижний Тагил. К концу 1941 г. на заводе № 183, самом крупном производителе танков в период войны, действовало уже три сварочных аппарата, а к концу 1942 г. на всех предприятиях танковой промышленности использовалось уже 40 аппаратов автоматической сварки.

Применение автоматической сварки повышало качество танков и позволяло высвободить большое количество рабочей силы. Огромную роль в росте производства сыграла работа конструкторов над упрощением танка. Ключевую роль в этой работе сыграло конструкторское бюро завода № 183 во главе

с А. А. Морозовым. В конце 1941 — начале 1942 г. оно исключило из конструкции танка 5641 деталь 1265 наименований, упростило процесс производства 707 наименований деталей в основном за счет пересмотра степени чистоты поверхности.

Все это позволило советской танковой промышленности выпустить за годы войны 102,8 тыс. танков, в Германии за этот период было произведено 43,4 тыс.

Производство танков и САУ увеличилось с 24 тыс. в 1943 году до 29 тыс. в 1944 г., самолетов — с 34,9 тыс. до 40,3 тыс. Возросло и производство боеприпасов, улучшилось их качество.

1943 год был сложным для сельского хозяйства страны. Большинство регионов оказались охваченными засухой, в том числе и наша Чкаловская область. Засуха в Поволжье, ранние заморозки в Сибири и длительные дожди в центральных районах РСФСР ухудшили и без того тяжелое положение сельского хозяйства. Так, например, в Чкаловской области урожайность зерновых с 1 га составила 1,9 ц, т.е. сколько посеяли — столько фактически и собрали.

Перелом в работе сельского хозяйства произошел в 1944 г., когда сложились благоприятные климатические условия. Освобожденные территории благодаря помощи тыловых районов смогли посеять, что привело к росту валового сбора зерновых культур. Однако 1945 г. опять оказался не очень благоприятным, поэтому собрали меньше, чем в 1944 г. Только к концу войны сельское хозяйство страны начинает выходить из того тяжелого положения, в котором оно оказалось к середине войны.

Война существенным образом повлияла на положение крестьянства, и прежде всего на его численность и состав, уровень жизни. В целом за 4 года войны крестьянское население уменьшилось на 13,9 млн. человек, или на 18%. Основная тяжесть работ и забот легла на плечи женщин, подростков и стариков. Так, в 1943 г. из 20 млн. трудоспособных колхозников тыловых районов трудоспособные женщины составляли около 10 млн., подростки — 4 млн., нетрудоспособные и больные — 2,3 млн., трудоспособные мужчины — 3,6 млн. человек. Женщина не только хранила семейный очаг, она вста-

ла за плуг, села на трактор. За годы войны было подготовлено 2 млн. механизаторов, из них 1,5 млн. женщин. В сельской местности женщина стала таким же кормильцем семьи, как и мужчина. Она заняла центральное место среди колхозных производителей, нередко ночевала на работе, а после напряженного дня при свете керосиновой лампы вязала теплые вещи бойцам.

Ослабление экономики колхозов отразилось на материальном положении крестьянства. В условиях войны, как и в мирное время, оно определялось двумя главными факторами — состоянием общественного производства колхозов и доходами от личного подсобного хозяйства крестьян. На государственное снабжение население деревни не принималось. Централизованные фонды хлеба и некоторых других продовольственных товаров в весьма скромных размерах выделялись только для сельской интеллигенции (учителей, медицинских работников, агрономов, зоотехников и других ее представителей), а также для инвалидов Отечественной войны и эвакуированных граждан.

В колхозах по-прежнему действовал остаточный принцип оплаты трудодней. По существу, вся производимая колхозная продукция за вычетом производственных нужд уходила в закрома государства по госпоставкам по очень низким закупочным ценам, которые даже не покрывали четвертой части себестоимости их производства. По мнению крупного аграрника В. Т. Анискова, в годы войны фактически сложилась «новая разновидность продразверстки». Остаточный принцип приводил к тому, что в период войны удельный вес распределяемых по трудодням доходов резко уменьшился. В среднем, как пишет еще один крупный аграрник Ю. В. Арутюнян, крестьянин в годы войны получал «меньше 200 г зерна и около 100 г картофеля в день — это стакан зерна и одна картофелина». Кроме того, выдавалось немного овощей, а мясо, масло, молоко практически не распределялись, если не считать расходов на общественное питание. Денежная оплата трудодней в условиях военной инфляции имела символическое значение.

Основную часть продуктов питания крестьянин получал от личного подсобного хозяйства, ставшего основным источником

его жизнеобеспечения. Однако личное подсобное хозяйство было обложено высокими налогами. Помимо денежного сельскохозяйственного налога (его размеры с 1943 г. были увеличены) крестьянский двор облагался натуральным госналогом в форме обязательных поставок зерна, мяса, молока, шерсти, яиц, картофеля и других видов продукции. Норма сдачи (за символическую оплату) мяса определялась в пределах 40—60 кг, молока 100—280 кг. Поставки взимались независимо от наличия скота и птицы. Если колхозник не держал животных, он обязан был любыми путями приобрести эти продукты (купить на рынке, занять, заработать и т.д.) и сдать государству. С 1942 г. был введен военный налог, распространявшийся на городское и сельское население. За 1942—1945 гг. выпущено четыре военных займа, при распространении которых применялись добровольно-принудительные методы.

В целом за годы войны доля налогового обложения сельского населения увеличилась в пять раз, а в расчете на один колхозный двор, не имевший льгот, — в 6 раз. Эти каналы дали госбюджету миллиарды рублей.

Закономерным следствием усиления налогового пресса государства и проводившейся в отношении колхозов и крестьянских хозяйств политики государственных заготовок сельхозпродукции стало ухудшение материального положения сельчан. Так, личное потребление снизилось в 1943 г. по сравнению с 1939 г. по хлебопродуктам на 35%, по мясу и салу на 66%. По картофелю оно повысилось на 100% (картофель стал основным продуктом питания колхозной семьи), по овощам — на 24%. Лишь потребление молочных продуктов в деревне осталось на том же уровне.

Нехватка продовольствия ощущалась в большинстве районов страны. Нередко колхозники умирали от болезней, связанных с недоеданием: дистрофии, истощения, септической ангины, болезней желудочно-кишечного тракта. Возникли локальные очаги голода и в Сибири, и на Урале, и в Казахстане, и в Поволжье. С марта 1943 по сентябрь 1944 г. умерло от дистрофии в Чкаловской области 1525 человек, от истощения 259, от дизентерии 1086, от септической ангины 4583 человека. Всего 7453 человека. Пик за-

болевания септической ангиной по стране приходится на 1944 г., когда численность учетных заболевших достигала 173 тыс. человек, из которых умерло примерно 28 тыс. человек. До 80—85% больных и умерших было в России, а самая высокая заболеваемость наблюдалась в Куйбышевской, Чкаловской (на 10 июня число заболевших составляло 27 106 человек, или 15,7% от числа заболевших по стране), Ульяновской областях, Башкирии (24 747 заболевших) и в Татарии. Если в Чкаловской области в 1942 г. заболевания септической ангиной имели место в 19 районах, то в 1943 г. — в 30, в 1944 г. — в 47 из 50 сельских районов [216, с. 191, 195]. В Башкирии в 1944 г. септической ангиной были охвачены 59 из 62 сельских районов. Септическую ангину называют болезнью голодных людей. Источником этой болезни становились перезимовавшие под снегом проросшие зерновые (просо, пшеница), которые под лучами весеннего солнца становились ядовитыми и опасными для употребления. Под септической ангиной скрывалась лейкопения — заболевание, связанное с отравлением кроветворной системы. Оно характеризовалось резким снижением числа белых кровяных телец в крови, высокой температурой, некрозами в зеве и полости рта, кровоизлияниями на коже. Смертность колебалась от 17 до 50%.

Государство оказывало помощь голодающему населению, но она была недостаточной.

Одной из важных причин такого тяжелейшего положения в сельском хозяйстве были неблагоприятные погодные условия разных регионов в 1943—1944 гг. Сказывались крайне слабые материально-техническая база сельского хозяйства и экономика колхозов. В семьях фронтовиков, оставшихся без «кормильцев», фактически некому было заниматься личным хозяйством и разного рода промыслами. Во многом повинна в сложившемся положении жесткая заготовительная политика руководства страны. Поэтому поистине жертвенным является подвиг советского крестьянства в годы войны.

Несмотря на эти трудности и сложности, за 1941—1944 гг. колхозы и совхозы страны поставили государству 4264 млн. пудов зерна, что втрое больше, чем было за-

готовлено и закуплено за 1914—1917 гг. в дореволюционной России (1399 млн. пудов) и в 4,5 раза больше заготовок молодой Советской республики за 1918—1921 гг. (920 млн. пудов). В целом же сельское хозяйство к концу войны давало меньше продукции, чем до войны.

Тыловые районы Советского Союза оказали значительную помощь в восстановлении промышленности и сельского хозяйства освобожденных территорий страны.

Уже в 1943 г. начинается восстановление Донбасса. В течение 1944—1945 гг. в Донбассе вступило в строй 129 основных шахт Наркомата угольной промышленности и 889 средних и мелких шахт. Донбасский угольный бассейн уже в 1943 г. начал выдавать уголь, но мало. В это же время разворачиваются работы по восстановлению Криворожского железорудного бассейна, Таганрогского металлургического и Мариупольского трубопрокатного заводов... На всей освобожденной территории за 1944 г. и первую половину 1945 г. введены в действие 13 доменных и 49 мартеновских печей, 29 прокатных станов.

Для восстановления сельского хозяйства освобожденных районов страны тыловые области направляли технику, зерно для посева, возвращали эвакуированный скот. Для восстановления животноводства освобожденных районов Ворошиловградской, Харьковской областей Украины, Курской, Воронежской, Ленинградской и Смоленской областей РСФСР труженики села Башкирии отправили более 146 тыс. голов скота. Колхозы и совхозы Чкаловской области в 1943—1944 гг. отправили в освобожденные районы страны по реэвакуации около 50 тыс. голов всех видов скота, из них 17 тыс. голов из собственного стада.

Всего в 1943 г. из тыловых районов было реэвакуировано и передано освобожденным колхозам 630,8 тыс. голов скота.

Таким образом, для того чтобы такой рывок стал возможен, мало было патристических воззваний и других способов воздействия на моральный дух населения, сколь бы важными сами по себе они ни были. Потребовались также организационная работа и принудительные меры. Меры авторитарного свойства были весьма многочисленны. Но

думать, что их одних достаточно для объяснения общенародного участия в войне, значило бы впасть в ошибку односторонности. Все они неизменно сопровождались широкой пропагандистской работой. Цель ее заключалась в том, чтобы каждому дать понять, что где бы он ни находился, он есть главный участник общей борьбы.

Теперь все социальные слои, и в том числе крестьянство, были куда более прочно вцементированы в политическую систему Советского государства. Самое главное, у каждого на фронте находился близкий человек и для приближения Победы никто ничего не жалел.

10.3. Всенародная помощь фронту

Всенародная помощь фронту в годы войны приняла разнообразные формы. В первый период войны наиболее широко было развито патриотическое движение за создание «фонда обороны». Оно возникло в самой гуще народа. По решению правительства во всех отделениях Госбанка были открыты специальные счета, на которые можно было вносить средства в фонд обороны.

Истинный патриотизм проявили миллионы советских граждан, жертвовавших последним куском хлеба, последней копеечкой ради победы над врагом. Люди добровольно сдавали деньги, облигации, драгоценности, вещи, продукты, хотя в большинстве своем жили небогато. Колхозница И. Пономарева из Свердловской области продала корову, хлеб, овощи, а деньги передала в фонд обороны. Жительница блокадного Ленинграда принесла на приемный пункт кусок мыла, золотой кулон, 60 граммов сахара. 31 июля 1941 г. коллектив московского завода «Красный пролетарий» обратился к рабочим, инженерам, техникам, служащим, работникам науки и искусства страны с призывом до конца войны ежемесячно отчислять в фонд обороны однодневный заработок. В августе 1941 г. комсомольские организации ряда предприятий Москвы, Ленинграда и Тулы выступили с инициативой сбора рационализаторских предложений и изобретений в фонд обороны. 3 августа 1941 г. в газете

«Правда» опубликовано сообщение: состоялся массовый воскресник железнодорожников, в котором участвовало свыше 1 миллиона человек. Весь заработок — 20 миллионов рублей — передали в фонд обороны.

Советская интеллигенция отчисляла в фонд обороны гонорары за произведения, сборы от лекций и концертов, передавала произведения живописи, музыки, литературы. Многие люди не только в Советском Союзе, но и за рубежом делали личные вклады. Известно, например, что С. В. Рахманинов перечислил в фонд Красной Армии денежный сбор от нескольких концертов, которые он дал в США.

Могучим проявлением патриотизма советского народа явился сбор средств на вооружение и боевую технику Красной Армии. Это движение началось в первые месяцы войны и развивалось параллельно с движением по созданию фонда обороны. Строительство боевой техники за счет средств трудящихся началось в некоторых районах страны уже летом 1941 г. Одними из первых в июле 1941 г. начали сбор ценностей и средств на постройку танковой колонны «Алтайский комсомолец» комсомольцы Рубцовска (Алтайский край). В сентябре 1941 г. комсомольцы завода «Сибсельмаш» (Омск) предложили собрать средства на авиаэскадрилью «Омский комсомолец». С аналогичной инициативой выступили комсомольцы Нарымского округа Новосибирской области — так было положено начало сбору средств на постройку боевой эскадрильи «Новосибирский комсомолец». В октябре — ноябре 1941 г. в Приморском крае начался сбор средств на строительство бронепоезда «Приморский комсомолец» (собрано свыше 4 млн. рублей). Добровольные взносы трудящихся в фонд обороны носили массовый характер в течение всей войны. Их инициаторами выступали как отдельные лица, так и производственные коллективы. Делались они от чистого сердца с единственной целью — внести посильный вклад в быстрейший разгром врага.

По примеру саратовского колхозника Ф. П. Головатого, купившего на свои личные средства два боевых самолета-истребителя, 66 колхозников Саратовской области внесли из своих сбережений на строительство

боевых самолетов не менее 100 тыс. рублей каждый.

Головатый Ферапонт Петрович (1890—1951), один из инициаторов всенародного движения по сбору средств в фонд обороны, саратовский колхозник, пчеловод, участник 1-й мировой и Гражданской войн. В декабре 1942 и в мае 1944 г. внес по 100 тыс. рублей на постройку двух истребителей, на которых сражался гвардии майор Б. Н. Еремин. По воспоминаниям его внуки (май 2005 г., центральное телевидение), «дед весной 1942 г. услышал по радио, что в начале XVII в., когда поляки овладели Москвой, в Нижнем Новгороде земский староста Кузьма Минин отдал свои сбережения на создание народного ополчения и призвал горожан последовать его примеру. Придя домой, он сказал жене, что отдаст все семейные сбережения на покупку самолета. Когда жена начала возражать, он заявил, что кто-то ведь должен выступить с такой инициативой, так как другой человек может не додуматься.

Все лето вместе с внуками, отцы которых находились на фронте, он качал мед и собирал деньги на самолет. Осенью он поехал в Саратов, записался на прием к первому секретарю и высыпал ему на стол мешок денег, заявив о том, что хочет купить самолет. Первый секретарь позвонил в Москву и спросил: «Как быть?». Ему сказали: «Пусть покупает самолет».

Купленный на свои деньги самолет он подарил летчику Б. Н. Еремину. Он постоянно переписывался с ним. Еремин написал в 1944 г., что самолет его пришел в негодность, на что ему Ферапонт Головатый написал: «Не переживай, я куплю тебе еще один самолет».

По воспоминаниям внуки, когда он об этом заявил бабушке, она начала плакать и выговаривать ему, что у внуков и внучек нет одежды, обуви, из-за этого они не ходят в школу, а ты собрался купить еще один самолет. На это дед ответил: «Сказал, что куплю самолет, значит, куплю». Однако собранных денег не хватило, поэтому дед решил продать корову. Жена стала причитать, но дед прикрикнул на нее и повел корову продавать. На вырученные и собранные деньги он опять купил самолет и пода-

рил летчику Еремину, который на первом подаренном самолете уничтожил 8 немецких самолетов, на втором 6. Всего 14 вражеских самолетов¹.

На всю страну стало известно имя Героя Советского Союза М. В. Октябрьской, на свои личные средства построившей танк «Боевая подруга» и воевавшей на нем.

За годы войны в Чкаловской области на постройку танков, боевых самолетов и другого вооружения для Красной Армии крупные пожертвования (по 150 тыс. рублей каждый) внесли Богданов Иван Иванович, тракторист Тоцкой МТС Тоцкого района, и Хамитов Шакир, тракторист Краснопартизанской МТС Краснопартизанского района; 150 тыс. рублей внесли Болотин Иван Прокофьевич и Васса Абрамовна, колхозники артели «Свободная жизнь» Тоцкого района, 120 тыс. рублей — Синолиц Иван Архипович, председатель колхоза «Красный доброволец» Чкаловского района; 110 тыс. рублей — Тыщенко Петр Егорович, председатель колхоза «Трудовой актив» Соль-Илецкого района.

Для этих же целей по 100 тыс. рублей внесли: Халин Иван Петрович, зав. МТФ колхоза «12 лет Октября» Соль-Илецкого района; Зубкова Агафья Ивановна, колхозница артели имени XVI партконференции Ташлинского района; Зебрев Александр Иванович, колхозник, секретарь парторганизации колхоза имени Ильича Ташлинского района; Пышкин Дмитрий Иванович, бригадир колхоза имени XVI партконференции Ташлинского района; Кужман Сергей Евдокимович, председатель колхоза «Ударник второй пятилетки» Чкаловского района; Грязнов Александр Иванович, колхозник артели «Магнит» Тоцкого района; Банников Иван Михайлович, колхозник артели имени Ильича Ташлинского района; Ваулин Николай Павлович, председатель колхоза имени «18 лет Октября» Чкаловского района; Пиркунов Григорий Никифорович, бригадир колхоза имени Ильича Ташлинского района; Лысенко Иван Антонович, конюх колхоза «Смычка» Соль-Илецкого района, братья Александр и Архип Оськины, знаменитые

¹ Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 210. Воспоминания его внуки (май 2005 г., центральное телевидение).

комбайнеры (каждый по 100 тыс. рублей) из Илекского района; Горошко Ефим Митрофанович, колхозник артели «9 Января» Соль-Илецкого района. Кроме этого, он внес еще 35 пудов хлеба.

71 тысячу рублей внес Коваленко Тихон Кириллович, председатель колхоза им. Куйбышева Халиловского района; 50 тыс. рублей и 190 кг меда — Миляев Иван, колхозник, пчеловод артели «14-я годовщина Октября» Шарлыкского района; 55 тыс. рублей — Фролов Петр Трофимович, бригадир тракторной бригады Северной МТС Сок-Кармалинского района; 50 тыс. рублей — Кузнецов Михаил Иванович, агроном опытного поля научно-исследовательского института; Ешков Степан Гаврилович и Долгих Иван Осипович, колхозники артели «Большевик» Курманаевского района, подписались на четвертую денежно-вещевую лотерею на 40 тыс. рублей и сдали их государству. Кроме того, они внесли каждый наличными по 20 тыс. рублей на постройку танковой колонны. По 100 пудов хлеба в фонд обороны Родины внесли: Анисов Иван Галактионович, председатель колхоза «Свободная жизнь» Тоцкого района; Востриков Иван Яковлевич, председатель колхоза и Черкашина Агриппина Ивановна, секретарь парторганизации артели «Прожектор» Тоцкого района.

Трудящиеся Оренбургской области за годы войны собрали и сдали в фонд обороны и на вооружение Красной Армии свыше 200 миллионов рублей, 154 миллиона пудов хлеба и много другой сельскохозяйственной продукции. Для воинов действующей армии и партизан было собрано и отправлено свыше 600 тысяч теплых вещей, тысячи тонн продуктовых посылок и индивидуальных подарков [224].

Всего за годы войны в фонд обороны и на производство боевой техники поступило около 24 млрд. рублей, в том числе более 17 млрд. рублей наличными деньгами, 131 кг золота, 9519 кг серебра, свыше 4,5 млрд. руб. облигаций государственных займов и т.д. На эти средства изготовлено свыше 2,5 тыс. боевых самолетов, свыше 30,5 тыс. танков, 8 подводных лодок, 16 военных катеров и др.

Всенародная помощь фронту выразилась в сборе теплых вещей с целью обуть

и одеть Красную Армию. В начале войны значительная часть мобилизационных запасов обмундирования, сосредоточенных на территории западных военных округов, была уничтожена при отходе советских войск или захвачена противником. В этих условиях ГКО 18 июля 1941 г. принял постановление «О мероприятиях по обеспечению Красной Армии теплыми вещами на зимний период 1941—1942 гг.». К выполнению его были подключены коллективы текстильных, швейных, меховых и других фабрик и комбинатов, а также городские и районные комиссии по сбору теплых вещей и подарков для фронтовиков. С целью координации этого процесса была создана Центральная комиссия по общему руководству сбором теплых вещей для Красной Армии. В присланных на фронт свитерах, фуфайках, валенках и полушубках воины видели проявление всенародной заботы, они лично убеждались в том, что за линией фронта стоит крепкий и надежный тыл.

За сентябрь-ноябрь 1941 г. для защитников Родины были сданы миллионы теплых вещей: 1 млн. 175 тыс. пар валенок, ок. 3 млн. кг шерсти, свыше 500 тыс. полушубков, свыше 2 млн. овчин, миллионы пар шерстяных перчаток и варежек, меховых рукавиц, шерстяных носков, шапок-ушанок и др.

В ноябре 1941 — мае 1942 г. на фронт прибыло свыше 3,4 тыс. вагонов с коллективными и индивидуальными посылками для советских воинов.

По всей стране развернулось патриотическое движение за усиление помощи раненым. Уже в 1943 г. в нем участвовали миллионы граждан городов, рабочих поселков, колхозов и совхозов. Шефские организации помогали более успешно решать одну из сложнейших проблем военного времени — бесперебойно и качественно снабжать фронтовые лечебные учреждения продуктами питания.

Помощь госпиталям, шефство не сводилось к отправке подарков. Власти и общественность добивались, чтобы охватить все стороны обслуживания раненых. Благодаря их слаженной работе в госпиталях были созданы в целом благоприятные условия для быстрого излечения воинов. Заслуга отечественной медицины, всего народа состоит в

том, что их совместными усилиями госпитали СССР возвратили в строй 72% раненых и 91% больных солдат и офицеров.

Коллективизм, доброжелательность людей проявлялись в размахе донорского движения, в оказании помощи эвакуированным детям, в заботе о сиротах. Массовый патриотизм проявился в донорском движении: в нем участвовало 5,5 млн. человек, давших для спасения раненых 1,7 млн. литров крови. Многие семьи в тыловых районах брали на воспитание детей, лишившихся родителей, и заботились о них как о собственных. О многих таких фактах сообщалось в средствах массовой информации. Всей стране

стал известен патриотизм ташкентского кузнеца Шаахмеда Шамахмудова и его жены Бахры, принявших в свою семью на воспитание 14 детей разных национальностей.

К концу войны в семьях трудящихся СССР, по неполным данным, воспитывалось примерно 350 тыс. детей-сирот. Ради них люди сознательно шли на ущемление личных интересов, во многом отказывали себе. И бывшие беспризорники, как правило, по достоинству оценили патриотический подвиг приемных родителей.

Таким образом, всенародная помощь фронту была одним из источников победы советского народа над фашистской Германией.

11. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО НАРОДА В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рекомендуемая литература: 2; 3; 17; 26; 52; 67; 82; 99; 104; 111; 112; 115; 143; 146; 154; 176, с. 3—4; 208; 214; 220; 226; 227; 230; 231.

11.1. Литература в дни войны

Советская литература и искусство в период войны явились могучим идейным оружием в борьбе с врагом. Деятели литературы и искусства плодотворным трудом опровергли старое утверждение о том, что «когда говорят пушки, музы молчат». Писатель Н. Тихонов в одной из своих статей отмечал: «Стало ясно, что музы молчать не могут. Свидетели страшных дней заговорили на языке литературы и живописи, не дожидаясь будущих дней. Заговорили сегодня. Война, родина, любовь к свободе, месть врагу — вот что стало жить в прозе и в стихе. Создали новый фронт — фронт искусства, который все ширится» (1 мая 1942 г.).

Перо писателя и кисть художника были приравнены к штыку. Живым словом, красочной картиной, призывной песней, ярким кинофильмом обращались писатели, художники, композиторы к сердцам советских людей, звали народ на великие ратные подвиги во имя защиты Родины.

Как только началась война, многие писатели выехали на фронт в качестве военных корреспондентов. Они работали в редакциях фронтовых и армейских газет, в политотделах и агитбригадах. К концу 1941 г. в Красной Армии издавалось 13 фронтовых, более 60 армейских, несколько сот корпусных и дивизионных газет. К концу Великой Отечественной войны выпускалось уже 4 центральных, 19 фронтовых и флотских, 103 армейские газеты общим тиражом около 3,5 млн. экземпляров. Военными корреспондентами «Правды» являлись М. Шолохов,

А. Фадеев, Н. Тихонов. В качестве военкоров работали К. Симонов, Ю. Крымов, М. Джалиль. На фронте находилось свыше тысячи писателей, из них 275, в их числе А. Гайдар, Ю. Крымов, М. Джалиль, Е. Петров, И. Уткин, не вернулись с полей сражений. Восемнадцать писателей удостоены звания Героя Советского Союза. На фронте находилось много художников, киноработников и артистов. Более 50 кинооператоров пали смертью храбрых при исполнении своих обязанностей.

В годы войны работали кинооператорами на фронте 250 человек, каждый второй был ранен. Кинооператор Владимир Микосх прошел всю войну, из Севастополя его вывезли в последней подводной лодке раненого, без сознания.

В действующей армии систематически работали писатели и поэты М. Бажан, В. Вишневский, А. Гайдар, А. Корнейчук, Ю. Крымов, К. Симонов, А. Сурков, А. Твардовский, Н. Тихонов, М. Шолохов, композиторы А. Александров, В. Мурадели, художники П. Соколов-Скаля, П. Шухмин, артисты Е. Гоголева, И. Ильинский, Л. Русланова, К. Шульженко и др.

Особенно большую роль в первый период войны играла художественная публицистика. Со статьями и очерками выступали Л. Леонов, Н. Тихонов, А. Толстой, А. Фадеев, К. Федин, М. Шолохов, И. Эренбург.

Тема Родины нашла яркое отражение в публицистических статьях многих советских писателей. «...Моя родина, моя родная земля, мое Отечество, — писал в «Правде» на шестой день войны А. Толстой в статье

«Что мы защищаем», — в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе...». Описывая события Великой Отечественной войны, А. Толстой обращался к славным страницам истории русского народа, воскрешал образы наших предков и их подвиги в борьбе с чужестранцами. Он напоминал о красных щитах Игоря, о мужицких копьях на Куликовом поле, о русских людях, насмерть стоявших в Бородинском сражении. Показал, какие ценности защищает советский народ от фашистских варваров («Русский характер», «Русские воины», «Откуда пошла русская земля», «Родина», «Стыд хуже смерти» и др.).

Огромную силу имели статьи, разоблачавшие фашизм. В этом направлении плодотворно трудился И. Эренбург. С большой сатирической остротой писатель вскрывал уродства и язвы гитлеризма. Им были написаны статьи: «Бешеные волки», «Хорек в мундире», «Зверь в очках».

Русская литература всегда была сильна своими гуманистическими традициями. Опасность, нависшая над страной, оказалась столь велика, что раздался клич, который никогда бы не прозвучал в других условиях: «Я призываю к ненависти!» (А. Толстой). Он призывал уничтожить хищника, проникшего в наш дом. «Ты любишь свою жену и ребенка, — говорил он советскому воину, — выверни наизнанку свою любовь, чтобы она болела и сочилась кровью... Убей зверя — это твоя священная заповедь».

Логическим дополнением к этим словам было обращение К. Симонова к солдатам, равносильное фронтовому приказу, — «Убей его!»:

Если немца убил твой брат,
Если немца убил сосед, —
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправданья нет.

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

Ненависть к немецким захватчикам была священна. «Ненависть, — писал И. Эренбург, — как любовь, присуща только чистым и горячим сердцам. Мы ненавидим фашизм,

потому что любим людей, детей, землю, деревья, лошадей, смех, книги, тепло дружеской руки, потому что любим жизнь». О ненависти к немецким захватчикам писала Ольга Берггольц в осажденном и умирающем Ленинграде:

Нет, мы не плачем. Слез для сердца мало.
Нам ненависть заплакать не дает.

Нам ненависть залогом жизни стала:
Объединяет, греет и ведет.
О том, чтоб не простила, не щадила,
Чтоб мстила, мстила, мстила, как могу,
Ко мне взывает братская могила
На охтенском, на правом берегу.

В день годовщины войны, 22 июня 1942 г., в газете «Правда» напечатан полный гнева очерк М. Шолохова «Наука ненависти». В образе лейтенанта Гаврилова писатель показал, как рядовой рабочий, не представлявший в первое время ни размеров опасности, нависшей над страной, ни подлинного лица гитлеровцев, увидев зверства фашистов и испытав на себе, загорелся ненавистью к нему.

Максимализм подобного рода был неизбежной данью времени, необходимости победить врага любой ценой. Примечательно, что иные умонастроения начнут возникать у многих, едва только ситуация переломится, едва начнут обозначаться горизонты мирной жизни. «Мы, писатели, в 1941—1942 годах дали народу чудовищный заряд ненависти к врагу... Но мы передовики, у нас есть уже предощущение гуманистическое... Я пропитан — в силу своего опыта — человеческим отношением к людям. И конец войны, мир будет ознаменован не истреблением, не призывом: «Убей его!» — а мудрым практицизмом и гуманностью. Определенных фашистов (немцев) будем судить... Но в целом проблема должна решаться с учетом будущих десятилетий. К этому выводу я пришел твердо», — писал В. Вишневский.

Огромный общественный резонанс, выходящий за пределы отечества, приобрели очерки П. Лидова о героическом подвиге партизанки Зои Космодемьянской («Правда», январь и февраль 1942 г.). Не меньшую известность получил очерк А. Кривицкого в «Известиях» о подвиге 28 гвардейцев-пан-

филовцев, преградивших 16 ноября 1941 г. дорогу к столице 50 фашистским танкам и уничтожившим 18 машин.

Заметным явлением в прозе стала книга (цикл рассказов) Л. С. Соболева «Морская душа» (1942), особенно его рассказ «Соловей», Н. Тихонова «Ленинградские рассказы» и др.

Наряду с художественной публицистикой на первый план борьбы выдвинулась поэзия. Поэты писали на разных языках, но чувства и цель их были одни. Рядом с русскими авторами А. Сурковым, А. Твардовским творили украинцы М. Рыльский и П. Тычина, белорусы Я. Колас и Я. Купала, казахский акын Джамбул, грузинский поэт Г. Леонидзе, узбек Г. Гулям и многие другие.

Грозной осенью 1941 г. ленинградцы получили страстное послание Джамбула, передавшего братский привет героям города Ленина от казахского народа. Старый акын писал:

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невской струи.

Текст послания был напечатан на плакатах, расклеенных в городе.

Глубокой верой в победу над фашизмом проникнуты стихи О. Берггольц, В. Инбер, А. Прокофьева, В. Саянова, создавших свои произведения в осажденном Ленинграде.

Война разлучила на многие годы миллионы людей и явилась проверкой сокровенных человеческих чувств. Фронтовик хотел верить, что любимая любит и ждет его. На эту тему было написано много стихотворений. Однако огромным успехом на фронте и в тылу пользовалось стихотворение К. Симонова «Жди меня», посвященное собственной жене. Подобно тому как первой песней войны стала «Вставай, страна огромная!», первым стихотворением войны можно считать «Жди меня». Бойцы вырезали его из газетных страниц, переписывали, носили в кармане гимнастерки, у сердца, передавали из рук в руки. Справедливо было замечено критикой, что перед нами стихотворение, написанное в русле жанра заклинания, а выражается это в многократном повторе глагола «жди». И если воин уцелеет в боях, то по-

тому лишь, что «просто ты умела ждать как никто другой».

В военные годы начинается творческий путь кумира нескольких читательских поколений Юлии Друниной. Ее творчество можно без преувеличения назвать поэзией человеческого достоинства. Это тот редкий случай, когда поэт пишет, как живет, и живет, как пишет. В ее стихах нет зазора между автором и лирическим героем, между лирическим признанием и реальной жизнью. Перечитаем знаменитое классическое, навсегда вписанное в русскую поэзию, словно на медали отчеканенное четверостишие девятнадцатилетней Ю. Друниной, написанное на фронте в 1943 г.:

Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И сотни раз — во сне...
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Здесь все — правда, все — о себе, никаких мистификаций и художественных вымыслов.

При всей романтичности своего характера, так естественно совпавшего с чистотой помыслов ее ровесников, она, кажется, почти не совершала необдуманных шагов. Ее порыв непременно соотносился с точным осознанием конечной цели. Но, приняв решение, она уже не отступала. Московская школьница, выросшая в интеллигентной учительской семье, она отринула все уговоры (и слезы) родителей и ушла в 1942 г. из десятого класса на фронт. Ушла в самое драматическое время, в самое пекло войны, в самый беспокойный род войск — в пехоту:

...Школьным вечером,
Хмурым летом,
Бросив книги и карандаш,
Встала девочка с парты этой
И шагнула в сырой блиндаж.

После тяжелого ранения — осколок едва не перерезал сонную артерию, прошел в двух миллиметрах от нее — эта тоненькая девочка с глазами кинозвезды, так похожая на Любовь Орлову, снова ушла на фронт добровольцем. Под обстрелы. В холод и грязь.

Удивительно, что в стихах Друниной нет никакого пафоса, театрального героизма.

Не случайно, когда снимался фильм «А зори здесь тихие», молодые актрисы, чтобы почувствовать камертон искренности, правдивости и чтобы достоверно войти в образ своих героинь — девчонок-солдат, читали со слезами на глазах военные стихи Друниной. Из ее строк можно с фотографической точностью узнать, какая мера напряжения, страдания и ужаса выпала в юности на долю наших матерей, которых теперь уже почти и не осталось в живых, а тогда, в общем-то еще совсем дети, какой страшной беде заглянули в глаза:

Целовались.
Плакали
И пели.
Шли в штывки.
И прямо на бегу
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

Мама!
Мама!
Я дошла до цели...
Но в степи, на волжском берегу,
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.
(«Целовались. Плакали и пели...»,
1944)

Как прекрасна, как естественна эта вроде бы ничего страшного не предвещающая интонация первых строк: «Целовались. Плакали и пели...». И рядом, на стыке, на грани сознания безумия, всего два слова, от которых холодеет в жилах кровь: «Шли в штывки». Еще страшнее, что это вывела на бумаге женская рука.

А достоверность этих стихов еще и в том, что Юлия Друнина была награждена орденом Красной звезды и медалью «За отвагу». Фронтовики знают, каков вес этих двух наград на войне, не каждый мужчина удостоивался такого признания ратных заслуг.

Каким мужеством и человеческой смелостью надо было обладать молодой девушке, чтобы первой в 1944 г. поднять тему о штрафниках и написать свой «Штрафной батальон» — не каждый бы сумел отважиться. О «штрафных батальонах» наша литература заговорила лишь в 1960-е годы.

Штрафной батальон

Дышит
В лицо
Молдаванский вечер
Хмелем осенних трав.
Дробно,
Как будто цыганские плечи,
Гибкий дрожит состав.
Мечется степь —
Узорный,
Желто-зеленый плат.
Пляшут,
Поют платформы,
Пляшет,
Поет штрафбат.
Бледный майор
Расправляет плечи:
— Хлопцы,
пропьем
Свой последний вечер! —
Глух паровозный крик.
Красное небо летит навстречу —
Поезд идет
в тупик...

1944

Говорят, что причиной добровольного ухода из жизни было одиночество Друниной. Однако это — не вся правда, по мнению Г. Красникова. В посмертной записке она скажет: «Почему ухожу? По-моему, оставаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире такому несовершенному существу, как я, можно только имея крепкий, личный тыл...». «Личного тыла», конечно, не было. После смерти своего мужа А. Каплера она до последнего своего рокового дня — 21 ноября 1991 года — так и не смогла заполнить зияющую пустоту в своем доме и сердце, потерявшем причал в другом родном сердце. Но причина все-таки не только в этом. Она слишком осознанно и обдуманно готовила свой гибельный поступок. Об этом свидетельствуют ее последние стихи («Мне сегодня, бессонной ночью, Показалось, что жизнь прошла...», «Живых в душе не осталось мест... И крест поставить я не могу, И жить не смогу с тоскою...»). Но главные строки об этом в прекрасном (одном из последних) стихотворении «Судный час»:

...Как летит под откос Россия,
Не могу, не хочу смотреть!

Она уходила «с поля боя», где чувствовала себя одинокой в окружении предательства. Красавица, настоящий, а не «надувной» кумир нескольких читательских поколений, она могла прожить вполне счастливую жизнь. Но когда рухнула ее страна, когда были преданы идеалы, за которые отдавала жизнь ее юность, — она перестала чувствовать себя связанной (Я порой себя ощущаю связанной, Между теми, кто жив, И кто отнят войной...).

Последние ее стихи, написанные незадолго до самоубийства, начинались словами: «Безумно страшно за Россию...»¹.

Героические подвиги советских людей, их беззаветная преданность Родине, великий народный характер событий, острота переживаний миллионов советских людей нашли яркое отражение в поэмах.

Осенью 1941 г. Н. Тихонов написал поэму о городе-герое, о «железных ночах» Ленинграда, назвав ее «Киров с нами». Поэма была опубликована в «Правде» в декабре 1941 г. В этом произведении показана стойкость ленинградцев, их страстное желание отстоять свой родной город, свое будущее:

Пусть наши супы водяные,
Пусть хлеб на вес золота стал,
Мы будем стоять, как стальные,
Потом мы успеем устать.

Прекрасный образ героини Великой Отечественной войны создала поэтесса М. Алигер в поэме «Зоя», написанной в 1942 г. Это была поэма о смерти, рождающей бессмертие.

Осенью 1942 г. А. Твардовский начал публиковать замечательную поэму «Василий Теркин», в которой создал обобщенный образ советского бойца-фронтовика.

В годы войны свои бессмертные поэтические строки оставил Муса Джалиль, который, оказавшись в фашистском плену, не склонил голову и продолжал сочинять стихи. Более ста из них были написаны после вынесения ему смертного приговора в Моабитской тюрьме. За цикл стихотворений «Моабитская тетрадь» М. Джалилю была присуждена Государственная премия.

¹ Друнина Ю. Есть время любить. Стихотворения. М., 2008.

Первая повесть о войне «Народ бессмертен» В. Гроссмана была опубликована в июне — августе 1942 г. в газете «Красная звезда». В годы войны начали создаваться такие произведения отечественной прозы, как «Они сражались за Родину» М. А. Шолохова, «Молодая гвардия» А. А. Фадеева. Русская драматургия пополнилась пьесами «Русские люди» К. Симонова, «Нашествие» Л. М. Леонова, «Фронт» А. Е. Корнейчука. В 1941—1945 гг. продолжает развиваться исторический роман: А. Степанов «Порт-Артур», А. Толстой «Петр Первый», Л. Раковский «Генералиссимус Суворов». Таким образом, писатели и поэты разных национальностей Советского Союза внесли свой неопределимый вклад в общую победу над врагом.

11.2. Искусство в годы войны

Патриотическая тема стала ведущей в советской кинематографии. Известно, что кино является самым массовым видом искусства. Его смотрят десятки миллионов людей. Воздействие его огромно. Все это накладывало особые обязанности на работников кино.

Исключительно плодотворно работали советские кинематографисты над созданием документальных фильмов. В первые месяцы войны в действующую армию было направлено свыше 100 съемочных групп кинохроники. Зачастую кинооператорам приходилось работать под обстрелом врага, во время авиационных бомбардировок. Регулярно, каждую неделю выходил «Союзкино-журнал». В 1942 г. работники кино приступили к созданию полнометражных документальных картин на военные темы. Первым документальным полнометражным фильмом о войне стал «Разгром немецких войск под Москвой», выпущенный на экран в феврале 1942 г., а последней лентой, завершающей летопись войны, — фильм «Суд народов» о Нюрнбергском процессе, выпущенный в ноябре 1946 г. А между ними пролегли ленты о Сталинградской битве, освобождении Правобережной Украины, о партизанах. В октябре 1941 г. по постановлению Ленинградского горкома партии стал сниматься документальный фильм о защитниках го-

рода. Вскоре на экранах появилась одна из лучших документальных кинокартин периода войны — «Ленинград в борьбе».

Лучшие художественные фильмы повествовали о народном подвиге. Осенью 1942 г. на экранах появился первый полнометражный художественный фильм о народных мстителях «Секретарь райкома», поставленный режиссером И. Пырьевым, в главной роли артист В. Ванин. Секретарь райкома становится во главе партизанского отряда, чтобы мстить за поруганную фашистами советскую землю, за страдания советских людей. Выходят фильмы: «Она защищает Родину» (1943 г., реж. Ф. М. Эрмлер, главную роль исполняет В. Марецкая), «Два бойца» (1943 г., реж. Л. Д. Луков), «Жди меня» (А. Б. Столпер), «В шесть часов вечера после войны» (1944 г., реж. И. Пырьев), «Непобедимые», «Парень из нашего города» и др.

Большое воспитательное значение имели выпущенные в 1942 г. фильмы о героях гражданской войны. Наиболее удачными из них были «Александр Пархоменко» (реж. Луков), «Котовский» (реж. Файнциммер).

Эти картины напоминали о героических днях борьбы за Советскую власть, рассказывали о славных традициях отцов и старших братьев.

Только в 1944 г. на экранах страны появилось 26 полнометражных кинокартин. Некоторые из них, например «Зоя» (реж. Л. О. Арнштам, исполнительница главной роли Г. В. Водяницкая), «Нашествие» (реж. А. М. Роом), снятый по одноименной пьесе Л. М. Леонова, рассказывали о суровой и мужественной борьбе советских людей в тылу врага. Непримируемость к фашизму, готовность к самопожертвованию — таковы основные моральные качества, присущие героям этих картин.

Гневным протестом против фашистского варварства стал фильм «Человек № 217» (реж. М. И. Ромм, исполнительница главной роли Е. А. Кузьмина). Он повествовал о тяжелой судьбе советских людей, насильно угнанных гитлеровцами на каторжные работы. Эти фильмы выдержали испытание временем и получили признание народа.

В апреле 1944 г. советское правительство наградило орденами и медалями около 500 работников кинематографии. Это сви-

детельствовало о признании их больших заслуг перед Родиной и народом. Создавались и комедийные фильмы, такие как «Похождения бравого солдата Швейка», «Небесный тихоход». Фильмы «Секретарь райкома», «Она защищает Родину», «В шесть часов вечера после войны», «Иван Грозный» (реж. С. Эйзенштейн, первая серия), «Зоя», «Человек № 217» были отмечены Государственной премией. За годы Великой Отечественной войны выпущено почти 500 киножурналов и 34 полнометражные картины.

Благородные задачи решали в дни войны композиторы. Их музыка помогала советским воинам и всему советскому народу выстоять в единоборстве с грозным врагом.

Самым распространенным жанром в годы войны являлась песня. В тяжелых походах бодрая песня поднимала дух, придавала силы. Во время затишья, в землянке, помогала коротать время, переносить фронтовые невзгоды и лишения. Самой распространенной в годы Великой Отечественной войны была песня А. Александрова «Священная война» (слова В. Лебедева-Кумача). Слова ее были опубликованы 24 июня в газетах «Известия» и «Красная звезда», а 26 июня Краснознаменный ансамбль уже разучивал ее на репетиции. Через несколько дней ансамбль исполнил «Священную войну» на Белорусском вокзале в Москве перед отъезжавшими на фронт бойцами. Песня произвела огромное впечатление. Слушатели этого своеобразного концерта рассказывали: «И все бойцы, как один, поднимаются с мест. Стоя слушает воинская часть эту песню... Песня утихла, но зал требует повторения. Пять раз повторяет ансамбль “Священную войну” в благоговейной тишине...». Эта песня стала музыкальным символом народной стойкости в годы войны. Ее пели на фронтах, в партизанских отрядах, в тылу страны. Она придавала силы бойцам, с ней они шли в сражения и умирали за Родину.

Один из фронтовых писателей рассказал о таком факте. Однажды — это было весной 1942 г. — горсточка храбрецов, защитников Севастополя засела в каменной пещере, выдолбленной в скале. Немцы яростно штурмовали пещеру, но русские смельчаки держались стойко, отбиваясь гранатами. Вдруг из глубины пещеры раздались суровые зву-

ки музыки: «Вставай, страна огромная...». Со страхом и изумлением слушали гитлеровцы эту грозную песню, предвещающую им черную смерть на чужой земле. Потом раздался сильный взрыв и обломки скалы завалили пещеру. И когда замолкли раскаты этого взрыва, казалось, что скала все еще продолжает петь.

Лучшие песни посвящались Родине, воспевали любовь воинов к ней. Среди бойцов Юго-Западного фронта была широко распространена «Песня о Днепре» (муз. М. Фрадкина, слова Е. Долматовского). Слова песни: «Как могучий Днепр, всех врагов сметет наша армия, наш народ» — были боевым лозунгом воинов.

Любили бойцы и лирические песни. Большой популярностью на фронте и в тылу пользовалась песня К. Листова «Землянка» (слова А. Суркова).

В период войны советские композиторы создали много произведений симфонической, камерной и оперной музыки. Из крупных музыкальных произведений ведущее место принадлежит Седьмой симфонии Д. Шостаковича, законченной композитором в конце декабря 1941 г. в осажденном Ленинграде. Ее называют еще Ленинградской симфонией, «Хроникой войны». Сам Д. Шостакович так писал о своей симфонии: «...Работая над симфонией, я думал о величии нашего народа, о его героизме, о лучших идеалах человечества, о прекрасных качествах человека, о нашей прекрасной природе, о гуманизме, о красоте... Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу — Ленинграду я посвящаю свою седьмую симфонию». В марте 1942 г. Седьмая симфония Д. Шостаковича исполнена оркестром Большого театра в Куйбышеве, а затем в Москве.

Артисты драматических, музыкальных театров, эстрады также вносили свой вклад в общее дело борьбы с врагом. В блокадном Ленинграде не прекращал своей работы Театр комедии (закрывался на 1,5 месяца, когда отключали электричество).

Певица Лидия Иогановна Вастен вспоминает: «Пока добираться до театра, а идти мне было два часа, комок в горле от всего увиденного. Но вот выходишь на сцену и видишь, что театр полон. Как и артисты, зрите-

ли рисковали, добираясь в театр по улицам, которые обстреливались. Больше всего было в зале военных. Шинели, полушубки, бушлаты. Лица людей, которые идут на фронт. Может быть, сегодня в последний раз в жизни они услышат музыку. И откуда силы берутся — поешь для них. Трудно в это сейчас поверить, но в зале не было пустых мест. Люди сидели в проходах».

Блокада убивала холодом. Картина из жизни блокадного театра. На сцене в последние минуты перед подъемом занавеса «графы» и «маркизы» сидят, накинув на себя телогрейки, бушлаты, одеяла, ковры. Но вот звуки оркестра, поднимается занавес, и перед публикой светское общество: бархатные платья, замысловатые прически, веера.

Им надо было так войти в роль, чтобы не показать публике, сидящей в партере в полушубках и пальто, что артистам тоже холодно и голодно.

Балерина Нина Васильевна Пельцер вспоминала: «Балерина появлялась на сцене в модных туфельках, шелковых чулках, бальном платье с глубоким разрезом. И зал ахал от восхищения. Публика не должна была знать, что за кулисами балерина только что согревала ноги в валенках. «Валенки я получила в подарок от трамвайного депо, — говорила Нина Васильевна, — Валенки 40-го размера. Натолкала в них бумаги. На сцене во время медленного, лирического танго я чувствовала, что ноги у меня деревенеют. Валенки стояли наготове».

Артисты прибегали к немалым ухищрениям, чтобы надеть под костюмы теплую одежду и чтобы этого зритель не заметил. Певица Л. И. Вастен, смеясь, рассказывала, как она закутывала руки шарфом, а сверху — перчатки, шелковый халат надела поверх зимнего пальто. Этого не заметил даже режиссер.

А еще надо было найти в себе силы, чтобы подняться на обледеневшую крышу во время воздушных налетов. Они защищали здание театра от пожара.

Блокадная пайка хлеба. Где взять силы, чтобы танцевать, петь, изображать беззаботное веселье — на то и оперетта? Владимир Каштан вынес на сцену поднос с бокалами. От истощения ноги были как ватные, руки дрожали. Поднос казался все тяжелее. Он

подошел к графу Кутайсову, и бокалы посыпались на пол. «Подбери, холоп!» — нашелся его партнер. Зрители подумали, что так и должно быть.

«У нашего управдома была лошадь, — рассказывала Н. В. Пельцер. — Кормить ее стало нечем. Он отдал нам ее в театр. Лошадь забили и полтора месяца подкармливали актеров».

«Мы сидим около титана. И вдруг видишь, как у кого-то взгляд становится неподвижным, остекленевшим, неживым. «Эх, думаешь про себя, — ведь он уже не жилец. И в самом деле, утром человек не просыпается. Он мертв», — говорит С. Ф. Карпов.

Выступали с концертами перед фронтовиками, в госпиталях. «Нас вели в палату к тем, кто не мог подняться. Помню летчиков обожженных, ослепших, — говорит Л. И. Вастен. — Глядя на них, мы с трудом сдерживали слезы. Но мы артисты и должны петь».

«Солдаты видели, какие мы голодные, и делились с нами своим пайком — вспоминает артист С. Ф. Карпов. — После концерта нас кормили. Сказать откровенно — шефские концерты спасали нас от дистрофии».

Нина Васильевна Пельцер вспоминала об одном подарке, который получили артисты. После спектакля на сцену вынесли корзину, в каких раньше были цветы. Теперь в ней лежали вилки капусты, свекла, морковь.

На вопрос журналиста Людмилы Овчинниковой: «Город в блокаде. Воздушные бои, обстрелы. А у вас, как ни в чем не бывало, на сцене — богатые бездельники, сентиментальные сюжеты, опереточные шутки. Вам самим не казалось это странным, неестественным в этой обстановке?» — артист В. Н. Каштан ответил: «Мы пели о вечном — о любви, радости жизни. И чувствовали благодарное дыхание зала. Нам казалось, мы тоже своим искусством вселяли в людей надежду».

В дни блокады театр дал 919 спектаклей, подготовил 12 новых постановок. Артисты выступили в 1962 шефских концертах. Все работники театра были награждены медалями «За оборону Ленинграда».

Этот блокадный сюжет — беспрецедентный не только в истории театра. Мировая история, сохранившая многие описания осады городов, не знает подобного примера.

Удивительный подвиг совершили работники Эрмитажа, которые спасли национальное достояние страны. Они смогли за короткий срок подготовить два эшелона с ценностями Эрмитажа для отправки в Свердловск. Смерть уносила и многих работников Эрмитажа. До последнего дня своей жизни они забивали фанерой окна, расстекленные очередным артиллерийским обстрелом, убирали снег, успевший лечь на узорчатые паркеты эрмитажных залов. Они умирали и днем и ночью — и в ноябре, и в декабре, и в январе, но при этом они пытались сохранить и спасти честь и преемственность культуры народа для будущих потомков. По словам директора Государственного Эрмитажа Михаила Пиотровского, «Эрмитаж боролся за свое выживание и в осажденном Ленинграде, и в далеком Свердловске. Под бомбами он жил и действовал — хранил экспонаты, берег здания, устраивал сюрреалистические экскурсии по пустым залам и не менее сюрреалистические научные заседания памяти восточных поэтов, о которых в большом, неосаженном мире вспомнить было некогда. Военная история Эрмитажа стала символом непобедимости нашей культуры».

В облике фронтового города было много необычного. Художники, еле передвигая ноги, выходили с мольбертами на разрушенную улицу и оставляли свои рисунки потомкам. Закутанные в платки люди-скелеты приходили в читальные залы. Рискую попасть под обстрел, ленинградцы пришли на симфонический концерт, когда в Большом зале филармонии 9 августа 1942 года исполнялась 7-я симфония Д. Шостаковича. Таким был высокий дух непокоренного города.

О. Берггольц о первом исполнении Седьмой симфонии Д. Шостаковича в блокаде Ленинграда:

...9 августа 1942 года после долгого запустения ярко, празднично озарился белоколонный зал филармонии и до отказа наполнился ленинградцами. На сцену вышли музыканты... Они почти не играли зимой: не хватало сил, не хватало дыхания, особенно духовым... Оркестр таял. Некоторые ушли в армию, другие умерли от голода. Трудно забыть серые, зимние рассветы, когда совершенно уже свицково отекивший Яша

Бабушкин диктовал машинистке очередное донесение о состоянии оркестра:

— Первая скрипка умирает, барабан умер по дороге на работу, валторна при смерти...

И все же те, кто оставался, самоотверженно репетировали... Почти несбыточным было желание оркестра — исполнить Седьмую, «Ленинградскую симфонию», здесь, на ее родине, в осажденном, полуумирающем, но не сдавшемся городе... Гениальная могучая партитура требовала удвоенного оркестра, почти сто человек, а... в живых осталось... пятнадцать музыкантов. И все же...

За дирижерский пульт встал Карл Ильич Элиасберг, — он был во фраке, в самом настоящем фраке, как и полагается дирижеру, и фрак висел на нем, как на вешалке, — так исхудал он за зиму... Мгновение полной тишины — и вот началась музыка. И мы с первых тактов узнали в ней себя и весь свой путь: ...и наступающую на нас страшную, беспощадную... силу, и наше вызывающее сопротивление ей, и нашу скорбь, и мечту о светлом мире, и нашу несомненную грядущую победу. И мы, не плакавшие над погибающими близкими людьми зимой, сейчас не могли и не хотели сдерживать отрядных, беззвучных, горячих слез, и мы не стыдились их...

А... сквозь изумительную эту музыку все время звучал негромкий, спокойный и мудрый голос ее создателя — Дмитрия Шостаковича, доносящийся из сентября 1941 года, когда враг рвался в город Ленина: «Заверяю вас, товарищи, от имени всех ленинградцев, что мы непобедимы и всегда стоим на своем боевом посту...»¹.

В общей борьбе с врагом почетное место принадлежит советским художникам. Многие советские художники с оружием в руках сражались с врагом в рядах регулярных частей Советской Армии и в партизанских отрядах, стали к станкам на оборонных заводах. Немало художников-фронтовиков совершили ратные подвиги и были награждены боевыми наградами, а 7 художников удостоены звания Героя Советского Союза (А. Абдуллаев, М. Гуревич, А. Тяпушкин,

¹ Берггольц О. Собр. соч. : в 3 т. Т. 2. Л., 1973. С. 149—152.

Г. Московченко, Г. Москалев, М. Зеленкин, М. Гусейн-заде). Большинство из них с первых дней войны обратились к плакату как наиболее доходчивой форме изобразительного искусства.

27 июня 1941 г. в Москве на Кузнецком мосту появились красочные плакаты с текстом. Это были «Окна ТАСС», возродившие славные традиции, идущие от эпохи гражданской войны. В создании «Окон ТАСС» принимали участие художники В. Горяев, Н. Денисовский, С. Костин, Кукрыниксы (М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов), Г. Савицкий, П. Соколов-Скала, Д. Шмаринов, П. Шухмин и многие другие. Вместе с ними работали видные поэты и писатели: С. Маршак, С. Кирсанов и др.

Наряду с «Окнами ТАСС» появилось много других плакатов. В плакатном искусстве в военные годы выделилось два направления: патриотическое и сатирическое. В первый же день войны были написаны два плаката Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!», «Наполеон потерпел поражение в России, то же будет и с зазнавшимся Гитлером». В 1941 г. были написаны плакаты В. Дени «Лицо «гитлеризма», Д. Мора «Ты чем помог фронту?», Б. Мухина «Защитим родную Москву» и др. Наиболее известным плакатом периода Великой Отечественной войны является «Родина-мать зовет» художника И. Тоидзе.

В течение первых двух месяцев войны только в Москве было распространено более 100 тыс. плакатов.

В 1942 г. широкую известность получили плакаты Н. Жукова «Бей насмерть», В. Иванова и О. Буровой «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет!», В. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!».

Среди художников-карикуристов видную роль играли Кукрыниксы (М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов). К середине октября 1941 г. Москва обезлюдела. Художники Куприянов и Крылов со своими семьями эвакуировались в Казань, затем в Алма-Ату, а Соколов отправился с группой художников в Куйбышев, куда уже эвакуировались редакции журналов «Крокодил», «Окна ТАСС» и филиал редакции «Правды».

Три месяца Соколов работал в Куйбышеве. Свои карикатуры подписывал под об-

щим псевдонимом. Куприянов и Крылов в Алма-Ате тоже свои карикатуры подписывали под общей фамилией.

Разгром фашистских войск под Москвой Н. Соколов отметил карикатурой «Клещи в клещи», изобразив когтистые, как клещи, лапы Гитлера в еще больших наших клещах.

С января 1942 г. все трое в Москве. Наиболее известными сатирическими плакатами Кукрыниксов являются: «Фашистская псарня», «О том, как Гитлер прошлогодний увидел Гитлера сегодня», «Вьюжный фронт», «Блицгрипп», «Потеряла я колечко, а в колечке 22 дивизии», «Курская аномалия», «Скоростное разваливание» и др.

Весной 1942 г. им присуждается Сталинская премия. Все 100 тыс. рублей отдали на постройку тяжелого танка. На него пошли деньги и других лауреатов, в частности С. Маршака. Летом танк «Беспощадный» ушел на фронт.

Они создали также и живописные полотна. Наиболее известная их картина «Таня», посвященная Зое Космодемьянской, хранится в Третьяковской галерее. Кукрыниксы в 1942 г. создали первый вариант картины «Таня». «Мы приехали в село Петрищево сразу после его освобождения. Зоя еще не была похоронена. Местные жители — свидетели казни — подробно рассказали нам, как все происходило... там же с натуры мы написали несколько этюдов и сделали много зарисовок», — рассказывали художники. Картина Кукрыниксов повествует не только о последних минутах Тани. В гордой осанке стоящей у последней черты девушки, в выражении ее решимости и отваги авторы с большой образной силой утверждают безграничное нравственное превосходство героини над палачами. Кто усомнится в несокрушимости народа, если вчерашняя школьница принимает смерть с таким достоинством?

По командировке редакции «Правды» побывали Кукрыниксы в только что освобожденном Новгороде и Ленинграде. Новгородские впечатления легли в основу еще одной картины — «Бегство фашистов из Новгорода».

В мае 1945 г. побывали в поверженном Берлине. Он представлял собой сплошные

развалины. Здесь зародился замысел картины «Конец». В Берлине позировал маршал Г. К. Жуков для картины «Подписание акта о капитуляции фашистской Германии».

Военная тема не оставляла их и после войны. Корреспондентами побывали на Нюрнбергском процессе. Целый месяц рисовали шаржи и карикатуры на Геринга, Гесса, Риббентропа...

За 65 лет творческой и человеческой дружбы ни разу не поссорились. Всю жизнь свою заработок делили на три части. Предоставленные в 1936 г. Моссоветом две квартиры на три семьи — разыгрывались.

Плодотворно трудились и художники Ленинграда. За полгода войны они создали более 300 работ разных наименований, которые были выпущены тиражом более 200 тыс. экземпляров.

С осени 1941 г. художники стали работать и над произведениями станкового искусства — графики и живописи.

Художники Ленинграда работали в холодных мастерских, тускло освещаемых копилками, во время бомбардировок и обстрелов. В начале января 1942 г. они организовали выставку своих произведений, отражавшую борьбу с врагом. На выставке, названной «Ленинград в дни Отечественной войны», было представлено 126 картин и эскизов. В ней участвовало 37 художников. Температура в выставочном зале не поднималась выше -10° , а организаторы выставки еле передвигались от истощения. Художник Герец в состоянии крайнего истощения (дистрофии) принес с Васильевского острова два эскиза, один — в тяжелой позолоченной раме. Он сказал: «Я хочу, чтобы картины хорошо выглядели». В день открытия Герец умер в помещении выставки.

В том же году картины ленинградских художников перевезли в Москву. Их посмотрели многие тысячи людей. Впечатление от картин было огромным. Художник П. Соколов-Скаля писал: «Образ гневного, решительного, ошестившегося города, образы героизма обыкновенных, вчера еще мирных людей, образы беззаветного мужества и стойкости детей, женщин и старцев, рабочих и ученых, бойцов и академиков встают во всем величии на этой скромной по размерам, но глубокой по драматизму выставке».

В числе лучших произведений П. Соколов-Скаля отмечал проникнутые глубоким драматизмом и верой в светлое будущее рисунки Н. Дормидонтова «У воды», «Во дворе», «Очередь в булочную», рисунки А. Пахомова «За водой», «Ведут в стационар». В рисунке «За водой» с большим умением передано недетское напряжение воли маленьких, обессиленных голодом и холодом ленинградцев в жестокие зимние дни блокады.

Руководил работой ленинградских художников В. Серов.

Плодотворно трудились и московские художники. В начале зимы 1941—1942 гг. в 16-ю армию, которая сражалась под Москвой, выехали военные художники студии им. М. Б. Грекова. Они делали зарисовки боев, писали портреты героев. Часто работали под вражеским огнем. Трое из них были ранены, один убит. В апреле 1942 г. художники организовали выставку своих работ недалеко от передовой линии фронта. Бойцы прямо из окопов приходили посмотреть произведения военных художников. Они видели знакомые места, своих товарищей, отличившихся в бою. Осенью 1942 г. группа художников студии им. Грекова выехала в Сталинград. Им удалось сделать много карандашных, акварельных зарисовок, рисунков и эскизов. Так, художник И. Лукомский создал серию портретов героев Сталинграда. Начиная от Волги художники студии следовали в рядах армии до самого Берлина.

Свой вклад в борьбу с врагом внесли и художники, находившиеся в глубоком тылу. Они показывали в своих произведениях героев фронта, тружеников тыла.

Много мыслей будила картина П. А. Кривоногова «Корсунь-Шевченковское побоище». Художник изобразил поле боя, усеянное трупами гитлеровцев, покрытое немецкой боевой техникой, превращенной в груды металла. Это было поле славы Красной Армии и поле позора немецко-фашистских захватчиков. Картина вызывала чувство гордости за свою землю, армию и чувство ненависти и презрения к тем, кто пришел на нашу землю грабить и убивать.

Событием в искусстве первых лет войны стала картина А. Дейнеки «Оборона Севастополя» (1942), развивающая мысль о

непобедимой силе советского человека, способного на любой подвиг во имя Родины.

С. Герасимов в картине «Мать партизана» изображает крупным планом простую русскую женщину, сын которой через несколько минут будет расстрелян, и палача-эсэсовца, распоряжающегося казнью. В картине художник раскрыл душевное величие русской женщины, показал ее моральную стойкость перед лицом врага.

Одной из лучших картин периода Великой Отечественной войны является картина А. Пластова «Фашист пролетел». При кажущейся простоте и доступности картина «Фашист пролетел» — произведение не такое уж простое. Сложность заключается прежде всего в многогранности мыслей и чувств, которые она рождает. Художник представил смерть пастушка, расстрелянного фашистским летчиком. Но это не только смерть мальчика, это трагедия всей земли, где он родился и вырос, где прошло его детство и началась трудовая жизнь.

Широкое распространение получили картины на исторические темы: А. Бубнов «Утро на Куликовом поле», М. Авилов «Поединок Пересвета с Челубеем», иллюстрации Е. Кибрика к «Тарасу Бульбе» и др.

Новым явлением в советской живописи явился триптих П. Корина «Александр Невский» (1942—1943). В целом эта повесть о русском человеке, в котором художник выделяет черты душевной стойкости, силы, ясной целеустремленности. Именно поэтому лучшей картиной триптиха является центральная часть, «Александр Невский». Александр Невский представлен героическим защитником русской земли. Его огромная фигура, закованная в блестящие доспехи, возвышается над гладкими водами Волхова, над храмом святой Софии.

Таким образом, советские художники своим искусством воспитывали у советских людей любовь и преданность Отчизне, готовность к самопожертвованию во благо Родины. В годы войны, действительно, перо художника было приравнено к штыку, так как их плодотворный труд также приближал долгожданный день Победы.

11.3. Роль и деятельность Русской православной церкви в годы войны

Во время Великой Отечественной войны РПЦ разделила судьбу народа. В первый же день начала войны местоблюститель патриаршего престола митрополит Московский Сергей (в миру И. Н. Страгородский) выступил с посланием, разосланным в тот же день по всем приходам, в котором призвал православный русский народ на защиту Отечества: «Православная наша церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг». Он сравнил нацистское нападение с прошлыми вторжениями в Россию и предупредил, что «времена Батгя, тевтонских рыцарей, Карла XII и Наполеона повторяются» [176, с. 3—4]. Митрополит призвал православных русских людей защитить Отечество, послужив ему «в тяжкий час испытания всем, чем каждый может». 26 июня в Богоявленском соборе он отслужил молебен «О даровании победы», после чего данные молебны стали совершаться во всех православных храмах страны. Впоследствии митрополит Сергей вспоминал: «Нам не приходилось даже задумываться о том, какую позицию должна занять наша церковь во время войны».

8 июля 1941 г. с воззванием к мусульманам СССР обратился председатель Центрального духовного управления мусульман, уфимский муфтий Габдрахман Зайнуллович Расулев. Он призвал их подняться на защиту «родной земли, молиться в мечетях о победе Красной Армии и благословить своих сыновей, сражающихся за правое дело». В следующем воззвании к мусульманам всего мира прозвучал призыв «во имя Ислама встать на защиту мусульман и народов России, их мирной жизни и религии». В 1942 г. на съезде мусульманского духовенства в Уфе германскому фашизму был объявлен джихад¹.

¹ Кринко Е. Ф. Религиозная жизнь в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2015. № 1 (13). С. 100. URL: http://vestospu.ru/archive/2015/articles/13_13_2015.pdf.

Русская православная церковь заняла патриотическую позицию. С первых же дней войны был организован сбор денежных средств и драгоценностей для постройки боевой техники Красной Армии, посылок бойцам на фронт. 6 миллионов рублей и большое количество золотых и серебряных вещей было передано на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского, позже были собраны средства на сооружение эскадрильи имени А. Невского. Всего за годы войны церковные пожертвования на нужды обороны составили более трехсот миллионов рублей.

Происходит поворот в отношениях между государством и РПЦ, во многом обусловленный позицией, занятой самой церковью. Реакция советской власти не заставила себя ждать: в сентябре 1941 г. были закрыты антирелигиозные периодические издания, распущен «Союз воинствующих безбожников», который действовал в стране с 1924 г. В 1942 г. митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей и митрополит Киевский и Галицкий Николай были приглашены к работе в комиссию по расследованию фашистских преступлений.

Однако одной из первых заметных уступок Церкви было разрешение в 1942 г. официально праздновать пасху впервые с 1917 г. Власти не препятствовали совершить пасхальный крестный ход вокруг храма в Москве и Ленинграде, несмотря на опасность немецкого воздушного налета.

12 октября местоблюститель патриаршего престола митрополит Московский Сергей написал завещание, в котором на случай своей смерти передавал полномочия местоблюстителя митрополиту Ленинградскому Алексию. Через неделю патриархия была эвакуирована. Опасаясь возможного успеха немецкого наступления на Москву, советское правительство в начале октября 1941 г. приняло решение об эвакуации руководителей церковных центров в г. Чкалов. Однако ввиду болезни митрополита Сергея православных иерархов эвакуировали в г. Ульяновск, расположенный ближе, чем г. Чкалов.

9 ноября 1942 г. «Правда» опубликовала поздравительную телеграмму митрополита Сергея Сталину: «Я приветствую в Вашем лице богоизбранного вождя... который ведет

нас к победе, к процветанию в мире и к светлому будущему народов».

Все страшные дни блокады митрополит Ленинградский Алексей оставался со своей паствой в голодном и холодном вымирающем городе. В начале войны в Ленинграде действовало 5 церквей. Храмы были переполнены молящимися. Певчие пели в пальто, в валенках, от голода едва держались на ногах. Своими проповедями и посланиями Алексей вливал в души питерцев мужество и надежду. 11 октября 1943 г. впервые за годы Советской власти 12 священнослужителям вручили правительственные награды — медали «За оборону Ленинграда». Всего правительственные награды были вручены 21 ленинградскому священнослужителю, из них 12 получили по две медали: «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Перемена в отношениях между церковью и государством, произошедшая в годы войны, была неожиданной. За судебными процессами над духовенством и заявлениями о том, что религия является тормозом на пути к коммунизму, последовало вдруг признание ее роли в жизни миллионов верующих людей, доверительные личные контакты Сталина с церковными иерархами. Такой головокружительный поворот в отношении к церкви удивителен еще и потому, что еще не так давно, в 30-е годы, Сталиным была объявлена так называемая «безбожная пятилетка (1932—1937), в ходе которой СССР должен был покончить с Богом раз и навсегда».

Причины этого поворота:

1. Патриотическая деятельность церкви в годы войны.

2. Внешнеполитические причины, которые сыграли несомненную роль в изменении государственно-церковных отношений. Дело в том, что в начале осени 1943 г. руководства стран антигитлеровской коалиции готовились к первой встрече в верхах — в Тегеране. Сталин возлагал большие надежды на открытие второго фронта, искал различные способы, чтобы воздействовать на союзников. Самой активной поддержкой пользовались общественные движения в Англии и США по оказанию помощи СССР, требовавшие от своих правительств скорейшего

начала военных действий против Германии. На них и попытался сделать ставку Сталин. В числе таких организаций, с руководителями которых личную переписку поддерживал Сталин, был объединенный Комитет помощи Советскому Союзу в Англии под руководством одного из видных деятелей англиканской церкви, настоятеля Кентерберийского собора Х. Джонсона, который в феврале 1943 г. писал Сталину: «С глубокой гордостью и радостью я приветствую героическую Красную Армию, которая своими победами подготовила путь для окончательного свержения фашистской Германии».

Руководство англиканской церкви к началу 1943 г. уже не раз обращалось к Советскому правительству с просьбой разрешить визит своей делегации в Москву. Отказать такому партнеру, да еще накануне Тегеранской конференции, было бы неразумно. Визит был желателен. В этой ситуации было желательно и выигранно, чтобы главу делегации — архиепископа Йоркского принял высшее руководство РПЦ во главе с патриархом. Это и отвело бы многие обвинения СССР за крайне сложные отношения с церковью.

К тому же большинство политических деятелей, с которыми Советскому правительству пришлось иметь дело накануне открытия второго фронта, являлись весьма набожными людьми. Для Рузвельта, человека глубоко верующего, небезразлична была судьба церкви и верующих в СССР.

3. Внутренние причины. В условиях войны резко возросла религиозность населения, так как в тяжелую минуту человек всегда обращается к богу. В связи с этим обострилось противоречие между потребностью верующих граждан Советского Союза в удовлетворении своих религиозных чувств и крайне незначительными возможностями для реализации этой потребности. Решение правительства об открытии церковей было продиктовано также и тем, что государство получало возможность контролировать деятельность верующих, священнослужителей, пресечь самостоятельные собрания.

4. Германские власти рассматривали Церковь и священнослужителей как потенциальных союзников при осуществлении оккупационной политики, поэтому на ок-

купированной территории СССР сохранили действующие церкви и разрешили открыть новые (7,5 тыс. храмов и около 40 монастырей), т.е. проводили политику веротерпимости, а это могло сыграть в дальнейшем негативную роль для руководства страны. Советское руководство стремилось нейтрализовать воздействие фашистской пропаганды.

Таким образом, религиозный вопрос стал весьма актуальным для государства и требовал справедливого решения. Необходимо было нормализовать отношения. Первые шаги по урегулированию государственно-конфессиональных отношений сделаны в отношении Русской православной церкви — наиболее крупной религиозной организации в СССР.

Первым крупным шагом была встреча Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем 4 сентября 1943 г. в Кремле после возвращения митрополита Сергия 31 августа в Москву. Беседа продолжалась 1 час 55 минут. В беседе также принимали участие В. М. Молотов и полковник госбезопасности Г. Г. Карпов.

Ее результатом стала программа официального возрождения внешней церковной жизни. Беседа началась с того, что Сталин высоко отозвался о патриотической деятельности РПЦ и поблагодарил ее за это, а затем поинтересовался проблемами, а их накопилось немало. Главным был вопрос о патриархе, этот пост не занимался 18 лет (с 1925 г.), отсутствовал Синод, поэтому первоочередной задачей было проведение Поместного Собора. Сталин одобрительно отозвался о проведении Собора и спросил, когда может быть созван Собор, нужна ли помощь правительства с транспортом, доставкой участников, размещением. Предложил финансовую помощь.

Сергий высказался за то, чтобы «Патриарх назывался Московским и всея Руси», а не России, как было при патриархе Тихоне. От финансовой помощи Сергий отказался, это свидетельствует о том, что церковь экономически не хотела зависеть от государства.

Созыв собора по настоянию Сталина назначили на 8 сентября, хотя Сергий просил не менее месяца для подготовки. Обсуждался также целый ряд вопросов, в частности

о возобновлении деятельности Священного Синода, духовных учебных заведений, о необходимости издания ежемесячного церковного журнала, об открытии новых приходов, свечных заводов в епархиях, мастерских по изготовлению церковной утвари.

Когда митрополит Сергий коснулся такой проблемы, как нехватка священнослужителей, возникла пикантная ситуация. «А почему у вас нет кадров? Куда они делись?» — спросил Сталин, вынув изо рта трубку и в упор глядя на своих собеседников. Алексий и Николай смутились, всем было известно, что «кадры» перебиты в лагерях. Но митрополит Сергий не смутился и ответил: «Кадров у нас нет по различным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится Маршалом Советского Союза». Довольная усмешка тронула уста диктатора. Он сказал: «Да, да, как же, я семинарист. Слышал тогда и о вас». Затем он стал вспоминать семинаристские годы... Сказал, что мать его до самой смерти сожалела, что он не стал священником. Разговор диктатора с митрополитами принял непринужденный характер. После чаепития началась деловая беседа. Беседа затянулась до трех часов ночи.

Митрополит Сергий коснулся вопроса об освобождении священнослужителей, находящихся в заключении, а также возможности нести службу, свободно передвигаться по стране тем священникам, которые отбыли наказание в местах лишения свободы. Сталин предложил Карпову изучить этот вопрос, а Сергию подготовить список священников, находящихся в заключении. В конце встречи было договорено о том, что необходимо принимать делегацию англиканской церкви через месяц.

Диалог, таким образом, был начат. Это первый диалог между государством и церковью после Октябрьской революции, и состоялся он в самую тяжелую годину для нашей Родины, когда необходимо было объединить все силы.

8 сентября 1943 г. в Москве состоялся Собор епископов, избравший патриархом митрополита Сергия. Собор был немногочисленный — 19 иерархов. Это давало возможность определенным церковным кругам РПЦ заявлять за границей о том, что Собор

не имел полномочий, необходимых для избрания патриарха, так как не было представительства из-за рубежа. Сталина такие высказывания не устраивали, и когда в мае 1944 г. умер патриарх Сергей, Сталин не стал торопиться с выборами нового главы РПЦ, хотя кандидатура митрополита Алексия не вызвала сомнений. 8 сентября также был избран Священный Синод. Открыт счет в банке для сбора пожертвований верующих.

14 сентября 1943 г. создан специальный Совет по делам РПЦ, руководителем назначен полковник НКГБ Г. Г. Карпов (возглавлял его до 1960 г., генерал-майор КГБ). Существует легенда в связи с назначением Карпова руководителем Совета по делам РПЦ. Когда Сталину сказали: «Да он же был гонителем церкви». Сталин ответил: «Был гонителем, станет хранителем».

Для избрания нового патриарха в конце января 1945 г. в Москве был созван Поместный Собор. Такого полномочного собрания ее духовенства и мирян не было с 1918 г. Проведением Поместного Собора Сталин устранял возможные обвинения в неправомерности Собора для избрания патриарха.

Чтобы сам факт избрания нового патриарха не вызывал сомнения, в Москву также впервые приглашались и патриархи православных церквей из Румынии, Болгарии, Сербии, Ближнего Востока и т.д. Все это было сопряжено с большими трудностями: приезд, размещение, питание, обслуживание в условиях военной Москвы 204 делегатов было делом нелегким.

Собор работал с 31 января по 2 февраля 1945 г., фактически до 10 февраля. Выступил председатель недавно созданного при СНК Совета по делам РПЦ Г. Карпов.

Собор избрал нового патриарха. Им стал митрополит Ленинградский Алексий (в миру С. В. Симанский).

Большую помощь в подготовке собора оказал Совет по делам РПЦ. Священнослужителям приготовлены дорогие подарки. Наркомпросу поручено выдать 42 предмета, в основном православного культа, из фондов московских музеев, 28 — из Загорского государственного музея. Гостям собора подарено 80 музейных предметов драгоценной церковной утвари. В числе подаренных вещей была икона Спасителя в драгоценной ризе, икона

святых Кирилла и Мефодия. Тогдашняя стоимость их составляла полмиллиона рублей.

Особое внимание уделялось приему (размещению, питанию) православных владык. Их поселили в лучших апартаментах, кормили в ресторанах. Для этого были выделены кремлевские продовольственные фонды, правительственные автомобили.

От патриархов ожидали ответных действий, и они не замедлили: пышных фраз и славословий в адрес Сталина было сказано предостаточно.

Таким образом, Сталин не ошибся, когда решил включить русскую церковь в сферу своей политики.

Заручиться поддержкой РПЦ поспешили многие зарубежные православные иерархи. На это был ряд причин: влекла материальная поддержка; теснимые католицизмом, другими религиозными течениями, они хотели, контактируя с РПЦ, укрепиться, убедить своих прихожан в истинности веры, которой следовали миллионы людей в России; некоторые церкви надеялись просто сохраниться в это трудное время благодаря союзу с русским православием.

Следует отметить, что улучшению подверглись отношения государства не только с РПЦ. В октябре 1943 г. Сталин подписывает постановление СНК СССР о создании при СНК Армении Совета по делам армяно-григорианской церкви. В мае 1944 г. Сталин не стал возражать против организации Духовного управления мусульман Северного Кавказа, 19 мая 1944 г. принимает решение о создании Совета по делам религиозных культов при СНК СССР, который должен был осуществлять связь между всеми религиозными организациями (кроме РПЦ), зарегистрированными в стране.

Словом, Сталин осуществлял фронтальное улучшение отношений с церквями. Но наибольшее внимание он уделял улучшению отношений с РПЦ.

На местах были назначены уполномоченные по делам РПЦ — по Чкаловской области им стал П. Г. Тепляров. Уполномоченному в первую очередь необходимо было восстановить учет церквей, рассматривать все заявления об открытии новых храмов.

Была создана статистическая таблица о действующих церквях на территории

Чкаловской области. В примечании указывалось, что «действующих церквей, молитвенных домов, монастырей в Чкаловской области на 1 апреля 1944 г. не имеется. Действующих церковных зданий — 327, из которых свободных только 8, а остальные заняты под хозяйственные и культурные нужды».

Возвращать бывшие церкви, занятые под школы, культурные цели, было практически невозможно. Но многие церкви использовались по-варварски, именно их верующие хотели вернуть. Большинство церквей в селах были превращены в зернохранилища. Порядок открытия церквей был утвержден Постановлением СНК 28 ноября 1943 г.

18 апреля 1944 г. П. Г. Тептяров сообщал в информационном докладе о том, что 15 апреля поступило от верующих 21 заявление об открытии РПЦ и 3 заявления об открытии мечети: из г. Чкалова — 3 заявления, Чкаловского сельского района — 3, Гавриловского — 2, Саракташского — 1, из города Бугуруслана — 1, Бугурусланского района — 1, Сок-Кармалинского — 1, Матвеевского — 1, Абдулинского — 1.

За 2-й квартал 1944 г. подготовлено на рассмотрение исполкома облсовета 13 заявлений. 12 апреля исполком рассмотрел 4 заявления, среди них — об открытии в г. Чкалове Никольской церкви.

Никольская церковь в годы войны служила местом хранения архивов НКВД из Ленинграда.

Решение открыть Никольскую церковь было продиктовано не только требованиями верующих (а их число превышало 100 тыс.), но и тем, что государство получало возможность контролировать деятельность верующих, священнослужителей, пресечь самостоятельные собрания.

30 мая 1944 г. Тептяров получил разрешение открыть Никольскую церковь в г. Чкалове и церковь Покрова Богородицы в Студенцах Гавриловского района. Приход в Форштадте стал функционировать с 1 июня 1944 г. Но служба вначале проходила в сарае у здания Никольской церкви, затем был арендован частный дом, так как в здании Никольской церкви располагались архивы. Только в марте 1945 г. здание церкви вернули.

Одной из первых была открыта церковь Покрова Богородицы в селе Студенцы Гавриловского района. Труден был путь открытия и данной церкви. Деревянное здание общей площадью 28 квадратных метров на 132 человека, построенное еще в 1847 г., было отнято в 1936 г. Заявление подписали 256 человек, что свидетельствует о большом числе верующих в селе. Но церковь не открывалась. Все меньше доверяя местным властям, 23 апреля 1944 г. верующие послали телеграмму председателю Совета по делам РПЦ при СНК СССР Карпову. 16 июня 1944 г. заключен договор между верующими и властями о передаче здания.

Путь возвращения храмов был долог, местные власти не торопились. Была установлена многоступенчатая процедура прохождения заявлений верующих по инстанциям. И только настойчивость верующих, их активность позволили дверям некоторых храмов открыться.

Но и вновь открытые церкви оставались под контролем государства, которое, заключая договор, защищало и свои интересы.

За 1944—1945 гг. в Чкаловской области было открыто 8 церквей и 3 мечети: в Чкалове, в Студенцах Гавриловского района, в селе Верхняя Платовка Покровского района, Никольская церковь в с. Спасское Сорочинского района, Казанско-Богородицкая церковь в селе Черкаassy Саракташского района и др. За 1944—1948 гг. на территории Чкаловской области была открыта 21 церковь.

На 1 июня 1945 г., по подсчетам Совета по делам РПЦ, общее количество действующих храмов составляло 10 423, в том числе на Украине — 6072, в РСФСР — 2297. Распределены они были крайне неравномерно. Если в некоторых украинских областях имелось по 400—500 церквей, то в большинстве автономных республик, краев, областей Сибири, Дальнего Востока и Поволжья их число не превышало 2—4.

Церковь не только утешала, но и оказывала содействие Красной Армии. РПЦ и после войны помогала стране залечивать раны. Чкаловская епархия за 1946 г. передала государству 1 742 000 рублей.

10 апреля 1945 г. произошла еще одна встреча патриарха Алексия и митрополита Николая со Сталиным, где обсуждались во-

просы, связанные с патриотической деятельностью церкви на завершающем этапе войны, расширением сети духовных учебных заведений и церковно-издательской деятельностью.

Таким образом, улучшение государственно-церковных отношений в тяжелые годы испытаний помогло сплотить все силы страны на разгром фашистской Германии.

Дополнительный материал к главе

Подвиг Эрмитажа

Беспримерный в истории подвиг совершили работники Эрмитажа. Когда враг начал быстро продвигаться к Ленинграду, было решено эвакуировать ценности Эрмитажа. Многие в будущих судьбах эрмитажных полотен зависело сейчас от качества упаковки, и не случайно долгие годы спустя о ее технологии, как и о конструкции ящиков, разработанной старшим реставратором станковой живописи Н. Д. Михеевым, сочли необходимым рассказать историки искусств. День и ночь упаковывали картины в дощатые ящики, обитые изнутри фанерой и выложенные клеенкой. В одном ящике помещалось от 20 до 60 (в отдельных случаях) и больше картин. Наиболее крупные по размеру картины были накатаны на валы... На каждый вал накатывалось от 10 до 15 картин, переложенных бумагой. Зашитые в клеенку валы укладывались в прочные продолговатые ящики и укреплялись наглухо на специальных стойках. Единственное исключение было сделано для «Возвращения блудного сына» — последнего великого, быть может, самого великого, творения уже слепнувшего Рембрандта. Оно было святыней человечества, порой ради него одного приезжали в Эрмитаж паломники со всего мира. Размер этой картины — 262 см высоты и 205 см ширины (5,37 кв. метра!), но никто в Эрмитаже не решился бы снять ее с подрамника и накатывать на вал, подобно другим полотнам. Ящик из досок толщиной в 3 см, специально изготовленный для «Возвращения блудного сына», еще более увеличивал габариты огромной картины, и, хотя все было заранее точно высчитано, никого не оставляла тревога, протиснется ли громадина ящика в широкие двери пульмановского вагона.

«Ювелирные изделия: каждый предмет упакован в папиросную бумагу и вату; более крупные предметы сверх того обернуты подушками из стружки. Предметы упакованы в сундуки, набитые стружкой». Всего только три строки о шести сутках, которые заняла упаковка Особой кладовой.

От подъезда Эрмитажа отходили машины, нагруженные опломбированными ящиками. Грузы сопровождали бойцы с винтовками в руках и музейные работники с погрузочными ведомостями в картонных папках.

Первый эшелон отошел из Ленинграда 1 июля в Свердловск. Эшелон специального назначения состоял из 22 товарных вагонов, пассажирского вагона для музейных работников, сопровождавших эрмитажные ценности, и еще одного вагона для бойцов военной охраны. В середине и хвосте железнодорожного состава стояли зенитные орудия и пулеметы с поднятыми вверх стволами. Последним, кого увидели отъезжающие эрмитажники, был их директор И. А. Орбели, ученый с мировым именем. С непокрытой головой он стоял у фонарного столба в конце платформы, стоял и плакал.

Второй эшелон отбыл из Ленинграда 20 июля. В 23 вагонах он увозил 1422 ящика, более 700 тыс. эрмитажных вещей. Их сопровождали 14 сотрудников музея. В Эрмитаже начали готовить третий эшелон. Был уже упакован 351 ящик, когда 30 августа, директор Эрмитажа Иосиф Абгарович Орбели неожиданно приказал приостановить работы. Накануне вражеские войска перерезали последнюю железнодорожную магистраль между Ленинградом и страной.

Очень холодно и очень хочется есть. Лукулово пиршество — студень из столярного клея. Накануне войны Эрмитаж готовили к ремонту, и на его склад завезли столярный клей и олифу. Полкило клея и литр натуральной олифы, выписанные главным архитектором, порой спасали жизнь истощенным людям Эрмитажа. Из столярного клея варили студень, на олифе жарили блокадные пирожки из где-то раздобытых очистков мерзлых картофелин.

В пожарной казарме разговоры о еде были запрещены. Здесь топилась печка, горел электрический свет от динамо-машины и отогревались здесь не только пожарные. Сюда приходил из своего кабинета академик Орбели, сюда поднимался из бомбоубежища художник Г. С. Верейский, сюда заглядывали ученые и художники из других бомбоубежищ. «Пожарная часть стала центром научной жизни Эрмитажа, — отмечает в своих блокадных записях Б. Б. Пиотровский. — В помещении команды разрабатывались весьма различные темы: по западноевропейскому искусству, по истории железных дорог в России, по древним латинским рукописям, по вопросам семитологии, археологии, по истории Ирана, по истории Ванского царства...». Свою книгу «История и культура Урарту» ученый завершил в осажденном Ленинграде в 1944 г. В 1946 г. труду Б. Б. Пиотровского присудили Государственную премию.

В октябре 1941 г. в осажденном городе отмечали юбилей прославленного поэта — азербайджанца Низами: вступительное слово должен был произнести поэт Н. Тихонов, слово от ученых Орбели, а докладчиков необходимо было доставить из окопов, чтобы утром приехали, а вечером уехали. Орбели назвал имена нескольких востоковедов, научных сотрудников Эрмитажа, воевавших под Ленинградом. Вызвать докладчиков ему обещали, но заметили, что главное ведь не в этом: судя по плану торжественного заседания, изложенному товарищем академиком, в Эрмитаже соберется человек 200, виднейшие представители интеллигенции города. А что если налетят фашистские самолеты и в Эрмитаж угодит бомба — кто будет отвечать за то, что может случиться?

— Я отвечаю! — запальчиво воскликнул Орбели. Не первая же бомба попадет в Эрмитаж?! А если вторая, то я всех успею быстрым ходом увести в бомбоубежище. Поймите, — стал он снова убеждать работников Политуправления, — юбилей Низами должен состояться в Ленинграде! Позор нам всем, что в Москве, в Баку, во всем Советском Союзе он будет отмечен, а мы не отметим. Скажут, что мы растерялись, так напуганы бомбежками, что забыли о своем долге.

19 октября 1941 г. состоялось торжественное собрание. Выставка была подготовлена. Нигде в 1941 г. юбилей не отмечался, кроме Ленинграда. «Прекрасно, что в осажденном Ленинграде мы провели юбилей Низами. Можно было его нигде не проводить, но мы, ленинградцы, обязаны были его отпраздновать», — ответил Орбели, когда снова в Смольном он встретился с поэтом Н. Тихоновым.

«Научная работа, — вспоминает Б. Б. Пиотровский, — очень облегчала нам тяжелую жизнь. Те, у кого день был занят работой, легче переносили голод. Мои научные статьи, написанные в Ленинграде зимой 1941—42 года, удовлетворяют меня более, чем некоторые из выполненных в мирной обстановке. И это понятно: в ту зиму можно было или не писать, или писать с большим подъемом, среднее исключалось во все».

10 декабря 1941 г., в помещении Эрмитажа состоялось торжественное заседание, посвященное 500-летию Алишера Навои. Читались доклады, стихи Навои. Одним из главных участников торжества был молодой ученый Николай Лебедев, специалист по многим восточным литературам. Он был не в силах подняться и сидя читал свои переводы стихов Навои и стихи Навои в оригинале на староузбекском языке. Читать он старался погромче, но понимал, что читает тихо. «Двенадцатого декабря, — вспоминает Б. Б.

Пиотровский, — было второе заседание, посвященное Навои, на этот раз целиком занятое чтением переводов Лебедева. После этого он слег и не мог уже подняться. Но когда он медленно умирал на своей койке в бомбоубежище, то, несмотря на физическую слабость, делился планами своих будущих работ и без конца декламировал свои переводы и стихи. И когда он лежал уже мертвый, покрытый цветным туркменским паласом, то казалось, что он все еще шепчет свои стихи».

С декабря покойников в Ленинграде хоронили уже без гробов. В Эрмитаже оставались с эвакуационных времен обрезки досок, из которых столяр сколачивал гробы для умерших в бомбоубежище сотрудников музея и членов их семей. Зная об этом, руководители научных учреждений и творческих организаций иной раз обращались в Эрмитаж с просьбой помочь им похоронить своего товарища — ученого, художника, архитектора. Поперек каждого такого письма академик Орбели делал надпись красным директорским карандашом: «Изготовить гроб». Но в январе доски кончились, столяр умер. Гробов в Эрмитаже уже не делали и для своих сотрудников. Мертвых переносили во Владимирский коридор под эрмитажной библиотекой, именовавшийся сейчас моргом, а бывало, что мертвецы подолгу продолжали покоиться там, где их настигла смерть.

В марте 1942 г. академик Орбели был направлен в Ереван, где ему предстояло стать первым президентом Армянской Академии наук, уезжал и профессор Пиотровский, будущий член-корреспондент этой вновь создаваемой академии. За столом Орбели сидел теперь профессор Доброклонский, назначенный на период консервации музея Главным хранителем Эрмитажа, начальником объекта.

Огородничать весной 1942 г. принялся весь Ленинград. В огороды были превращены сады, скверы, бульвары. Грядками покрылись и Марсово поле, и Летний сад, и газоны вокруг памятников, и пустыри между разбомбленными домами. А эрмитажный огород разбили высоко над землей, на втором этаже, в эрмитажном Висячем саду. Он еще в XVIII веке вызывал восхищение сановных гостей Зимнего дворца и заморских послов, этот Висячий сад, устроенный по прихоти Екатерины Второй поверх каменных сводов дворцовых конюшен.

30 снарядов попало в здание Эрмитажа. Несколько снарядов угодило в каретный сарай. Здесь стояли великолепные произведения именнейших каретных мастеров XVIII века, русских и иностранных, кареты Екатерины и Павла, парадные дорожные, прогулочные, охотничьи, от-

деланные золоченой резьбой, покрытые художественной росписью по лаку, дворцовые кареты, сани. Снаряд, разорвавшийся внутри Каретного сарая, разнес вдребезги семь карет и два паланкина; тяжелые увечья он причинил и всем остальным предметам этой редкостной коллекции.

Решение о эвакуации художественных собраний Государственного Эрмитажа было принято СНК СССР 29 августа 1945 г.

На рассвете 7 октября от станции Свердловск товарная с интервалом в один час отошли два литерных эшелона, а 11 октября «Ленинградская правда» сообщила: «Вчера в двух эшелонах в Ленинград прибыли все ценности Эрмитажа, эвакуированные в начале войны в Свердловск... Эшелоны сопровождали сотрудники Эрмитажа во главе с профессором В. Ф. Левинсоном-Лессингом... Прибывших тепло встретили научные сотрудники Эрмитажа во главе с директором музея академиком И. А. Орбели».

4 ноября 1945 г. в 69 залах Эрмитажа все выглядит совершенно так, как оно выглядело воскресным утром 22 июня 1941 г. Речь директора Эрмитажа Орбели была короткой, потому что ему не терпелось произнести те два слова, которыми он и заключил свою речь: «Эрмитаж открыт!» (текст излагается по: [26]).

Живопись в годы Великой Отечественной войны

Картина А. Дейнеки «Оборона Севастополя» (1942). Событием в искусстве первых лет войны стала картина Дейнеки «Оборона Севастополя», развивающая мысль о непобедимой силе советского человека, способного на любой подвиг во имя Родины. Удлиненный горизонтальный формат позволил художнику развернуть широкую панораму сражения и тем самым дать почувствовать его массовый характер. Кроме того, Дейнека создает ощущение боя, как бы развертывающегося во времени, строя композицию по диагонали и вместе с тем четкими планами. На первом он помещает фигуру моряка, который готовится мощным броском обрушить на врага связку гранат. Ему противостоит пораженный фашистский солдат. В этих главных фигурах — и завязка рассказа, и его кульминация. Моряк представлен в сложном спиралеобразном движении и страшном напряжении сил; он как бы символизирует героический порыв всех своих товарищей, яростный характер их натиска и боевого запала. Примечательно, что лица моряков открыты зрителю, он видит их черты и выражение, в то время как лица врагов неразличимы. Так сразу возникает противопоставление светлой, открытой силы советских воинов и темной, мрачной

силы фашистов, что подчеркнуто также светлыми и темными одеждами сражающихся.

Вторым планом дана фигура смертельно раненного моряка и фигура убитого им фашиста. Эта группа создает необходимую паузу в повествовании, и в то же время ею подчеркивается трагический характер художественного образа картины. На третьем плане изображен штыковой бой, где моряки уже вплотную сошлись с врагом. Эта часть сражения играет весьма существенную роль в композиции. Прежде всего, она занимает всю правую половину картины, и, следовательно, ее значение особо подчеркнуто художником. Штыковой бой как бы усиливает своим «хоровым» началом звучание героического подвига, раскрытого в фигуре на первом плане и в фигуре смертельно раненного моряка.

Решающее значение имеет в картине пейзаж с разрушенными горящими зданиями, с дымным, в отблесках пламени небом, с сизо-черным морем. Этот пейзаж, конкретизируя место действия, в известной мере контрастирует с картиной боя, контрастирует в цветном решении, построенном на сочетании темных тонов в противоположность светлым краскам первых планов; пейзаж подчеркивает драматический характер композиции.

Им написаны и другие картины: «Сбитый ас» (1943), «Парашютный десант на Днепре» (1946) и некоторые другие. Эти работы не могут идти ни в какое сравнение по глубине содержания и яркости художественного воплощения с картиной «Оборона Севастополя». Но в них с не меньшей убедительностью выражено отношение Дейнеки к войне и его чувство художника-гражданина.

Дейнека создал в эти годы немало пейзажей. Однако среди пейзажных работ Дейнеки выделяется особой цельностью композиционного решения, глубиной эмоционального содержания, исторической значительностью картина «Окраина Москвы. Ноябрь 1941». В этой картине художник не только рассказал о суровом прифронтовом городе с его пустынными заснеженными улицами, с перегородившими его проспекты рядами противотанковых надолб и ежей, с безмолвными домами, словно покинутыми жителями. Ему удалось передать самую тревожную атмосферу ноября 1941 г., когда враг рвался к столице, но на его пути стали мужество, героизм, беззаветная преданность Родине защитников Москвы. Тревога разлита во всем пейзаже: в низких домах, как будто придавленных к земле (отсюда ощущение, что эти дома затаились), в глухой плоскости брандмауэра слева в картине, в ветре, от которого треплется брезент на грузо-

вике, наконец, в сумрачной красочной гамме, построенной на сочетании коричневых, серых и белых тонов. Дейнека этой картиной положил начало становлению и утверждению им нового военного пейзажа в советском искусстве.

Картина С. Герасимова «Мать партизана» (1943—1950). Художник изображает крупным планом простую русскую женщину, сын которой через несколько минут будет расстрелян, и палача-эсэсовца, распоряжающегося казнью. Конфликт трагичен, и это убедительно показано художником. Гордому образу матери, в которой художник подчеркнул типичные черты русской крестьянки, противопоставлен образ тупости и жестокой силы. Характеристика персонажей превосходна. Поза женщины устойчива, она возвышается как монумент, подавляя эсэсовца своим моральным величием, своей душевной силой. Напротив, при всей массивности эсэсовца фигура его не так устойчива, как фигура матери. Различная цветовая характеристика образов также решительно отделяет их друг от друга. Светлым и теплым тонам одежды женщины противопоставлен холодный зеленый тон мундира эсэсовца.

Глубина содержания картины во много раз усилена благодаря великолепно написанному пейзажу. Выжженная солнцем земля, палящий зной, пламя и дым горящих домов — все это не просто фон, на котором разворачиваются события. Это среда, создающая определенное эмоциональное состояние и вместе с тем помогающая художнику сообщить центральным персонажам картины необходимую конкретность и выразительность.

В картине художник раскрыл душевное величие русской женщины, показал ее моральную стойкость перед лицом врага.

Картина А. Пластова «Фашист пролетел» (1942). При кажущейся простоте и доступности картина «Фашист пролетел» — произведение не такое уж простое. Сложность заключается в многогранности мыслей и чувств, которые она рождает. Художник представил смерть пастушка, расстрелянного фашистским летчиком. Но это не только смерть мальчика, это трагедия всей земли, где он родился и вырос, где прошло его детство и началась трудовая жизнь. Художник оплакивает мальчика и всем сердцем страдает за поруганную врагом родную землю. Зритель чувствует, что он безгранично любит эту землю, но и ощущает также ее могучую силу, способную стать на пути завоевателей. Не случайно вражеский самолет кажется ничтожно малым в сравнении с бескрайними полями, уходящими за горизонт, и даже с трогательными молодыми березками. В вечной жизни родной природы, которая в картине символизирует Родину, Пластов находит антитезу смерти пастушка.

Много раз говорилось о том, что в этом произведении огромную роль играет пейзаж. Пейзаж здесь имеет первостепенное значение. Но он не носит самостоятельного характера. Композиция его точно соотнесена с фигурами пастушка, живых и убитых животных. Обратите внимание на то, как много места в нем уделено поросшему травой косоугору на первом плане. Без фигур это пространство показалось бы пустым. Таким образом, эти фигуры не просто «вписаны», как это иногда говорят, когда речь идет о картине, в пейзаж, они главенствуют в нем, им отведено очень точно отмеченное пространство.

С удивительной бережностью относится художник к деталям, поясняющим сюжет и вместе с тем помогающим проникнуть в содержание произведения. Пастушок, ничком упавший на землю, в первый момент кажется уснувшим. Лишь собачка, воющая над телом своего хозяина, дает возможность уяснить всю трагедию случившегося. Постепенно замечаешь неудобную позу пастушка и в то же время глубокий смысл жеста его правой руки, словно обнявшей родную землю.

Фигура пастушка и сидящая около него собака тактично отделены от стада. Также мертвые животные отделены от живых. Разбредшиеся овцы и корова с недоумением смотрят на убитых животных. Последние образуют какой-то нелепый нарост на земле, и это вносит тревожный диссонанс в мирную картину природы и тихо существующего стада.

Тревога разлита во всем полотне. Она в печальном осеннем покрове земли, в трепещущих на ветру березках, в хмуром облачном небе. Но примечательно, что природа не выглядит по-осеннему дряхлой. Не случайно в картине нет ни одного старого дерева. Стройны тонкие березы, совсем еще юны сосенки, растущие около тела пастушка, как затейливое кружево, кое-где еще зеленое, смотрятся травы на переднем плане картины.

Изображая осеннюю природу, Пластов не подчеркивает ее увядания, преследуя как бы двойную цель. Совсем еще молоденькие деревья напоминают о юном пастушке и, с другой стороны, утверждают вечное обновление мира, природы, жизни.

Картина А. Пластова «Жатва» (1945). То же можно сказать и о другой картине А. Пластова «Жатва». Художник изобразил здесь немудреную жанровую сценку — скудный обед старика и ребятишек после тяжелой работы.

Зритель прекрасно понимает, что в деревне сейчас, в военную годину, трудятся женщины, старики и дети, да и больше некому — мужчины ушли на фронт. Таким образом, сразу же стано-

вится ясно, о каком времени идет речь, почему все сгрудились вокруг плошки с похлебкой, почему в ведро собраны все упавшие при жатве колоски, почему в скирду воткнуты дедовские серпы. Выразительны образы старика и ребятишек, составившие тесную сплоченную группу. Это делает изображенных людей особенно близкими друг другу.

Как и в предыдущем полотне, великолепен в картине пейзаж. Но здесь он мажорнее, радостнее. Краски полотна насыщеннее, сочнее, контрастнее: темно-золотое жнивье и сжатый хлеб соседствуют с сизым небом, густо-коричневый армяк старика — с сине-серой рубахой, уголок ярко-красного платья девочки — с белым платочком.

Картина А. Пластова «Сенокос» (1945). Чудесно написан летний пейзаж с буйным цветением летних, сияющих зеленью трав, раздольем лугов, обилием света и воздуха. Фигуры косарей прекрасно сочетаются с ландшафтом, в них — та же сила, та же молодая удаля, тот же размах, что ощущается и в пейзаже. Картиной «Сенокос» Пластов прославил победу русских людей в войне и в то же время показал, с какой жаждой мирного труда вернутся домой с войны мужчины, как дорог им этот труд на родной земле.

Триптих П. Корина «Александр Невский» (1942—1943). Триптих «Александр Невский» — действительно новое явление в советской живописи. «Я писал его, — замечает Корин, — в суровые годы войны, стремясь отразить непокорный, гордый дух нашего народа, который стал во весь гигантский рост».

Триптих состоит из трех больших полотен — «Северная баллада», «Александр Невский» и «Старинный сказ». В целом эта повесть о русском человеке, в котором художник выделяет черты душевной стойкости, силы, ясной целеустремленности. Именно поэтому лучшей картиной триптиха является центральная часть — «Александр Невский». Слабее выглядят две другие части, в которых по самому замыслу важную роль должны играть лирические мотивы.

Александр Невский представлен героическим защитником русской земли. Его огромная фигура, закованная в блестящие доспехи, возвышается над гладкими водами Волхова, над храмом святой Софии.

Корин сделал все, чтобы внушить зрителю мысль о властной силе Невского и его железной стойкости. Он заковал его в латы, покрыл его голову шлемом, придал фигуре уверенную позу, усилил в нем черты решительности выразительным жестом рук, уверенно опирающихся на широкий боевой меч. Но главное внимание он обратил на лицо русского полководца, раз-

громившего шведских и немецких рыцарей на Неве и на льду Чудского озера. В волевом, суровом лице с правильными чертами чувствуется уверенность и затаенная сила, не ведающая преград.

Несомненно высокий патриотический смысл, скрытый в триптихе «Александр Невский», что отметили уже первые зрители.

Картина А. Бубнова «Утро на Куликовом поле» (1943—1947). «Утро на Куликовом поле» — одно из лучших исторических полотен советской живописи. Художник не захотел представить само сражение, но ему удалось передать тесную сплоченность русского войска, решимость всех сподвижников Дмитрия Донского сбросить ненавистное иго. Картина блестяще скомпонована. Войско расположено справа, а перед ним расстилается широкое свободное пространство, где и должна разразиться битва. Хотя участники будущего сражения изображены компактной массой, зритель легко различает седых, уже побывавших в боях ветеранов и совсем еще юных воинов, впервые взявших в руки оружие. Особенно выделены воин, находящийся впереди других, и Дмитрий Донской, восседающий на могучем боевом коне.

Важно, что Бубнов стремился показать все-народный характер битвы на Куликовом поле. И ему это удалось. Он изобразил не регулярное войско, не боевую дружину Дмитрия Донского, а вооруженный русский народ. Различны оружие и доспехи воинов. У одних в руках большой топор, у других — копье или рогатина, у третьих — лук или самострел. Воин, стоящий впереди войска, облачен в кольчугу, юноша справа одет в простой крестьянский армяк. В полном боевом снаряжении лишь Дмитрий Донской и находящиеся за ним конные воины.

Картина отличается широким песенным характером. Этому во многом способствует пейзаж раннего утра с туманной дымкой у горизонта, с широким раздольем высоких луговых трав. Травы доходят до колен воинов, буйная их поросль является своеобразной изобразительной метафорой, заставляющей воспринимать представленное как героическую легенду, хотя и имеющую вполне реальные очертания.

Иллюстрации художника Е. Кибрика к повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (1944—1945). Освободительное движение Запорожской Сечи, воскрешенное писателем в этой повести, вызвало у Кибрика исторические параллели. Герои Е. Кибрика — это богатыри. Особенно удался Кибрику образ Тараса. Фигура героя на коне во главе войска дышит душевным здоровьем, уверенной силой. «Казнь Тараса» — Тарас в яростном напряжении чувства весь устремлен к свободе,

будто «вырываясь» из страниц книг. По красноречивости этот лист близок к гоголевскому тексту: «А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу».

Плакаты и карикатуры Кукрыниксов сопровождались стихами С. Я. Маршака.

Плакат Кукрыниксов «Долг платежом красен» (1941). Стихи С. Я. Маршака

Днем фашист сказал крестьянам:
Шапку с головы долой!
Ночью отдал партизанам
Каску вместе с головой.

Плакат Кукрыниксов «Вся Европа Гитлера и Риббентропа» (1941). Стихи С. Я. Маршака

Кличет Гитлер Риббентропа,
Кличет Геббельса к себе:
— Я хочу, чтоб вся Европа
Поддержала нас в борьбе!
— Будет драться вся Европа! —
Отвечали два холопа.
И пустились вербовать
Многочисленную рать.
Швед из города Берлина,
Два бельгийца с половиной
Да подручный
Дорио
Встать готовы под ружье.
Опереточный
Испанец
С шайкой жуликов
И пьяниц —
Вот фашистский легион
Всех мастей и всех племен.
Вызвал Гитлер
Риббентропа
И спросил,
Нахмутив лоб:
— Это что же —
Вся Европа?!
— Вся! — ответил Риббентроп.

«Фашистская псарня» (1941). Государственная Третьяковская галерея. Карикатура сопровождалась стихами С. Я. Маршака:

Гитлер вымолвил в Берлине:
«Муссолини, куш!» —
Ляжет на пол Муссолини,
Толст и неуклюж.

Если фюрер скажет резко:
«Мой, Трезор, ату!» —

Вихрем мчится Антонеску
С плеткой во рту.
Если Гитлер палку бросит,
Говоря: «Аппорт!» —
Маннергейм ее приносит,
Радостен и горд.

У стола сидят собачки,
Образуя круг.
Ждут какой-нибудь подачки
Из хозяйских рук.

Но обещанные кости
Ест хозяин сам,
Только плети, только трости
Оставляя псам.

Изображены главы фашистских правительств: Тисо (марионеточное Словацкое государство), Хорти (Венгрия), Муссолини (Италия), Антонеску (Румыния) и главнокомандующий финской армией Маннергейм.

«Хотел отведать каши...». Упаковка для концетрата (1941). Государственная Третьяковская галерея. Рисунок сопровождался стихами С. Маршака:

Хотел отведать каши
Владетельный барон.
Теперь на грядке нашей
Пугает он ворон.

Скульптура

Символом удивительного мужества стало имя московской комсомолки Зои Космодемьянской. Образ юной героини изваял из бронзы М. Г. Манизер (1942).

Известными скульптурами периода Великой Отечественной войны являются работы скульптура Бембеля «Портрет Гастелло» из гипса (1943), Е. Ф. Белашовой «Непокоренная» (гипс, 1943); В. Мухиной «Партизанка»; В. Вучетича «Портрет дважды Героя Советского Союза генерала армии Черняховского» и «Воин-освободитель» (1946—1949) и др.

Музыка

Среди отечественных композиторов XX века Дмитрий Дмитриевич Шостакович (1906—1975) — один из самых великих и самых трагических музыкантов.

22 июня 1941 г. Д. Шостакович, 35-летний профессор консерватории, освободившись от экзаменов, собирался идти на футбольный матч. Узнав о войне, он подал заявление о приеме добровольцем в армию. Получив отказ, он все же

попадает в народное ополчение, в железной каске будет дежурить на крыше, рыть оборонительные сооружения вместе с другими музыкантами и артистами. 17 сентября он выступил по радио с взволнованной речью (эта запись сохранилась), в которой сообщил о работе над своей Седьмой симфонией: «Час тому назад я закончил вторую часть своего нового симфонического произведения. Если это сочинение мне удастся написать хорошо, удастся закончить третью и четвертую части, то тогда можно будет назвать его Седьмой симфонией. Для чего я сообщаю об этом? Я сообщаю это для того, чтобы радиослушатели, которые слушают меня сейчас, знали, что жизнь нашего города идет нормально... И чем лучше, чем прекраснее будет наше искусство, тем больше возрастет уверенность, что его никогда и никто не разрушит».

Финал сочинения он дописал в Куйбышеве, куда был эвакуирован. Премьера состоялась 5 марта 1942 г. в Куйбышеве в исполнении оркестра Большого театра под управлением С. Самосуда. Симфония сразу же стала символом великого, непобедимого духа. Ее играли вскоре в Новосибирске, Москве, Ташкенте, Ереване, в Лондоне, Нью-Йорке. Такого «мгновенного» исполнения по всему миру не знало ни одно новое сочинение XX века.

9 августа 1942 г., в тот день, когда Гитлер планировал вступить в Ленинград, состоялось ее исполнение в городе на Неве. Под управлением Карла Элиасберга шли репетиции самого трагического оркестра — изможденные, почти бесплотные музыканты в беспримерном подвиге духа сотворили чудо и вдохнули радость в истерзанные души ленинградцев.

Вклад деятелей искусства Чкаловской области

В Чкалове в военные годы жили и творили В. П. Соловьев-Седой, И. И. Дзержинский, М. И. Чулаки, Д. Г. Френкель, В. Волошинов и др. На оренбургской земле Д. Г. Френкель написал кантату и песни «Ленинград, в поход», М. И. Чулаки — кантату об обороне Ленинграда, В. П. Соловьев-Седой — песни «Уральцы бьются здорово», «Встреча Буденного с казаками», В. Волошинов — «Песню о 28-ми», «За Родину», «Партизанскую» и др. Крупными событиями в музыкальной жизни стали произведения И. И. Дзержинского «Кровь народа», «Надежда Светлова», цикл романсов «Фронтальная музыка». Жил в эвакуации и писал стихи поэт Фатьянов. Соловьев-Седой создал более 10 песен на его слова: «На солнечной поляночке», «Соловьи», «Песня мщения», «Южно-Уральская» и др.

Подъем переживало и театральное искусство. В первые месяцы войны в Оренбуржье прибыли эвакуированные театры: в Чкалов — Ленинградский ордена Ленина академический государственный Малый оперный театр, в Бузулук — Рязанский областной драматический театр, в Бугуруслан — Сумской областной украинский театр им. М. С. Щепкина. Но и в области к началу войны действовало 7 театров: областной драмтеатр им. Горького, областной театр оперетты, областной театр кукол, татарский колхозный драматический театр, Орский городской драматический театр им. Пушкина, Бугурусланский и Бузулукский колхозные драматические театры. Орский и Бугурусланский театры были ликвидированы в ходе перестройки театральной сети. Но вскоре сеть местных театров была не только восстановлена, но и расширена: возродился Орский театр как рабочий передвижной, в Чкалове возникли областной эстрадный театр и колхозный театр эстрады, в Бугуруслане и Бузулуке — хозрасчетные музыкально-драматические коллективы.

За четыре года войны театрами и филармониями обслужено 4875 тыс. зрителей. Группы и бригады мастеров искусств выступали на призывных пунктах, в воинских частях, неоднократно выезжали на фронт, в освобожденные районы страны. За 1941—1944 гг. театры области организовали 17 фронтовых артистических бригад и дали более 1250 концертов непосредственно на фронте.

Огромное воздействие на духовную жизнь Чкалова оказал Ленинградский ордена Ленина академический Малый оперный театр, находившийся в городе с сентября 1941 по сентябрь 1944 г. Театр поставил 29 опер и балетов, дал около тысячи концертов, которые посетило более миллиона зрителей. За время войны театр послал на фронт 9 бригад, организовал в госпиталях около 2000 выступлений. Средства, полученные от многих постановок, передавались в фонд обороны страны, на восстановление разрушенных фашистскими оккупантами памятников культуры Ленинграда и Ленинградской области, для детей и семей фронтовиков.

Юлия Друнина позже напишет:

Нет, это не заслуга, а удача —
Стать девушке солдатом на войне.
Когда б сложилась жизнь моя иначе.
Как в День Победы стыдно было б мне!

С восторгом нас, девчонок, не встречали:
Нас гнал домой охрипший военком.
Так было в сорок первом. А медали
И прочие регалии — потом...

Смотрю назад, в продымленные дали:
Нет, не заслугой в тот зловещий год,
А высшей честью школьницы считали
Возможность умереть за свой народ.

Комбат

Когда, забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули —
Всегда стрелял без промаха комбат.

Упали парни, ткнувшись в землю грудью.
А он, шатаясь, побежал вперед.
За этих двух его лишь тот осудит,
Кто никогда не шел на пулемет.

Потом в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взяв у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что... смертью храбрых пали их сыны.

И сотни раз письмо читала людям
В глухой деревне плачущая мать.
За эту ложь комбата кто осудит?
Никто его не смеет осуждать!

1944

* * *

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.

Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в мать и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать.

* * *

Я принесла домой с фронтов России
Веселое презрение к тряпью —
Как норковую шубку, я носила
Шинельку обгоревшую свою.

Пусть на локтях топорщились заплаты,
Пусть сапоги протерлись — не беда!
Такой нарядной и такой богатой
Я позже не бывала никогда...

Константин Симонов

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.
Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.
Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло. —
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

1941

12. ПОБЕДЫ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В 1944 ГОДУ

Рекомендуемая литература: 31; 35; 36; 38; 54; 89; 93; 109; 110; 111; 112; 118; 134; 135; 136; 145; 162; 175; 183.

12.1. Наступление Красной Армии зимой и весной 1944 года

1944 год открыл новый, третий период Великой Отечественной войны — период полного изгнания врага с советской земли, освобождения поработанных европейских народов, разгрома фашистской Германии.

Военная экономика СССР к началу 1944 г. еще более окрепла. Промышленность во всевозрастающих размерах продолжала оснащать Вооруженные силы первоклассной боевой техникой. Деревня снабжала их и население продовольствием. Транспорт обеспечивал перевозки войск, военных и важнейших народнохозяйственных грузов. Начались восстановительные работы в освобожденных районах.

Выдающиеся победы над врагом вызвали в стране патриотическое воодушевление. Советские люди с энтузиазмом выполняли и перевыполняли государственные задания для обеспечения фронта всем необходимым.

Фашистская Германия по-прежнему располагала огромными ресурсами для ведения войны. Достаточно сказать, что в 1943 г. по сравнению с предшествующим годом она увеличила производство орудий в 2,5 раза, средних и тяжелых танков, штурмовых орудий и самолетов — более чем в 1,5 раза. Соотношение сил на советско-германском фронте к началу 1944 г. показано в таблице 6.

Таблица 6

Соотношение сил к началу 1944 года

	Живая сила	Орудия и минометы	Танки	Самолеты
Германия	4906 тыс.	54 570	5400	3100
СССР	6354 тыс.	95 604	5254	10 200

В тылу вражеских войск сражалась большая армия партизан. Как видно из приведенных данных, Германия уступала СССР в военной мощи. Однако общее численное превосходство Красной Армии не было ни подавляющим, ни многократным. Большое превосходство советских войск в ряде наступательных операций действительно наблюдалось, но оно достигалось путем искусного маневрирования силами и средствами.

Важнейшим обстоятельством было то, что к началу 1944 г. стратегическая инициатива находилась в руках советского командования. Ставка намечала предпринять наступательные действия на всех важнейших направлениях от Балтийского до Черного моря. На юго-западном направлении планировалось разгромить группу армий «Юг» и «А» и освободить Правобережную Украину и Крым; на северо-западном направлении — разгромить группу армий «Север», полностью освободить Ленинград от блокады и выйти на подступы к советским прибалтийским республикам; на западном — нанести поражение группе армий «Центр» и очистить от врага значительную часть Белоруссии.

Гитлеровское командование с начала 1944 г. уже не помышляло о наступлении. Оно стремилось стабилизировать Восточный фронт, остановить наступление советских войск.

Особенности наступательных операций Красной Армии в 1944 г.:

1. Стратегическая инициатива полностью и окончательно находилась в руках советского командования.

2. Наступление советских войск проводилось на всем советско-германском фронте как ряд мощных последовательных операций, проводимых в разное время на удаленных друг от друга важнейших участках советско-германского фронта.

3. Глубина удара достигала до 500 км, ширина до 1200 км; достаточно высокая скорость продвижения советских войск.

4. Наблюдалось превосходство Красной Армии над врагом в живой силе и технике.

5. Все рода войск действовали во взаимодействии.

6. Значительную помощь наступающим советским войскам оказывали партизаны.

7. Военное искусство советского военного командования значительно выросло, что проявилось в планировании наступательных операций 1944 г.

Наступательные операции 1944 г. открыла Ленинградско-Новгородская (с 14 января по 1 марта), в ходе которой советские войска продвинулись на запад на 220—280 км и окончательно избавили Ленинград от вражеской блокады.

В Ленинградско-Новгородской операции принимали участие войска Ленинградского (ген. Говоров), Волховского (ген. Мерецков) и 2-го Прибалтийского (ген. Попов) фронтов во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом и авиацией дальнего действия. Этим войскам противостояла группа армий «Север» (18-я и 16-я армии), которой командовал генерал-фельдмаршал Кюхлер. Продолжалась операция 48 суток. Ширина фронта составляла 600 км, глубина продвижения советских войск — 220—280, скорость продвижения — 5—6 км. 20 января был освобожден старинный русский город Новгород. 27 января 1944 г. полностью снята осада Ленинграда. Это был великий праздник. 900-дневная блокада Ленинграда окончилась. В ходе Новгородско-Ленинградской операции три дивизии врага были уничтожены, а 23 — разгромлены. Важнейшим итогом наступления явилось полное освобождение от блокады Ленинграда, очищение от оккупантов почти всей территории Ленинградской и Калининской областей.

Но главный удар по противнику зимой и весной 1944 г. нанесен на Правобережной Украине и в Крыму. Стремясь выйти на за-

падные границы Советского Союза, Ставка Верховного главнокомандования сосредоточила главные силы на Украине. На Украине оборонялись основные силы вермахта, объединенные в группы армий «Юг» и «А». Ими соответственно командовали генерал-фельдмаршал Э. Манштейн и Э. Клейст. 56-летний Манштейн был в это время, пожалуй, наиболее опытным из командующих на Восточном фронте. Достаточно сказать, что он являлся автором плана разгрома Франции в 1940 г. и командующим армией, которая в мае 1942 г. нанесла поражение войскам Крымского фронта. Клейст имел солидный командный стаж.

Боевые действия на Правобережной Украине вошли в историю Великой Отечественной войны как Днепровско-Карпатская наступательная операция, которая продолжалась 116 суток (с 24 декабря 1943 по 17 апреля 1944 г.). Но авторы 4-томника пишут, что принятая в советской историографии дата окончания стратегической операции (17 апреля) ошибочна, ибо в этот день к обороне по приказу Ставки перешел только 1-й Украинский фронт [37, с. 33—34]. Такое датирование, по их мнению, исключает рассмотрение неудачных боевых действий двух фронтов (2-го Украинского фронта на тыргу-фрумосском и яском направлениях, 3-го Украинского фронта — с плацдармов на Днестре в конце апреля — начале мая 1944 г.), поэтому они завершают Днепровско-Карпатскую наступательную операцию 6 мая 1944 г., когда по приказу Ставки перешли к обороне 2-й и 3-й Украинские фронты. Ширина фронта боевых действий составляла 1300—1400 км. Глубина продвижения 250—450 км. Скорость продвижения составляла 2—4 км.

В ходе наступления на Правобережной Украине почти за 4 месяца войска 1, 2, 3, 4-го Украинских фронтов и 2-го Белорусского фронта провели 10 связанных между собой единым замыслом операций (Корсунь-Шевченковская, Житомирско-Бердичевская, Кировоградская, Ровно-Луцкая, Никопольско-Криворожская, Проскуровско-Черновицкая, Уманско-Ботошанская, Полесская, Одесская, Березнеговато-Снигиревская). Операции 1-го и 2-го Украинских фронтов координировал заместитель Верховного

Главкомандующего маршал Г. К. Жуков, 3-го и 4-го — начальник Генерального штаба Красной Армии маршал А. М. Василевский. Среди них выделяется Корсунь-Шевченковская операция, проведенная с 24 января по 17 февраля 1944 г. войсками 1-го Украинского (командующий — генерал Ватутин) и 2-го Украинского (командующий — генерал Конев) фронтов. Она явилась одной из самых значительных операций советских войск на окружение и уничтожение крупных группировок врага.

Учитывая, что в ходе наступления войска 1-го и 2-го Украинских фронтов охватили оба фланга корсунь-шевченковской группировки, Ставка приказала окружить и уничтожить ее. 24 января под Корсунь-Шевченковским атаковали врага войска ударной группировки 2-го Украинского фронта. 26 января навстречу войскам 2-го Украинского фронта устремилась ударная группировка 1-го Украинского фронта. Ударные группировки фронтов нанесли удар по сходящимся направлениям и соединились в районе Звенигородки.

9 дивизий и одна бригада противника оказались в котле. К 3 февраля были образованы внутренний и внешний фронты окружения. Кольцо окружения методически сжималось, хотя гитлеровцы занимали выгодные для обороны позиции. 8 февраля советское командование предложило фашистской группировке капитулировать, выдвинув гуманные условия — сдавшимся гарантировалась безопасность и после окончания войны возвращение в Германию или в любую другую страну. Однако противник отверг предложение.

Фашистское командование металось в поиске возможностей спасения окруженной группировки. В помощь ей оно снимало с других участков крупные силы. 27 января против советских войск, образовавших внешний фронт окружения, действовали три танковые и три пехотные дивизии. 11 февраля противник имел здесь уже восемь танковых и шесть пехотных дивизий и начал решающее наступление на внешнем фронте.

Ставка, чтобы сорвать замысел врага, ввела в сражение свой резерв — 2-ю танковую армию генерала Богданова. Ожесточенность боев усилилась. Врагу, атаковавшему

извне, удалось пробиться в район Лисянки, а окруженным войскам — навстречу им в район Шендеровки. Между ними оставалась полоса всего в 10—12 км. Но преодолеть ее они так и не смогли.

Важную роль в срыве попыток противника прорвать окружение сыграли мощные удары самолетов-штурмовиков 2-й воздушной армии по его танковым группировкам, пытавшимся освободить окруженные войска.

Развязка произошла 17 февраля, когда остатки вражеской группировки предприняли последнюю попытку вырваться из окружения. Манштейн разрешил бросить всю боевую технику, кроме танков, и пробиваться любым путем. Сосредоточившись в районе Шендеровки, они под прикрытием ночи и бушевавшей пурги колоннами двинулись в юго-западном направлении. По ним ударили летчики, открыли огонь «катюши» и артиллерия, но враг лез напролом. Лишь небольшой группе танков и бронетранспортеров с генералами и старшими офицерами удалось вырваться из окружения на участке войск 1-го Украинского фронта под командованием генерала Ватутина. До этого гитлеровское командование эвакуировало около 3 тыс. солдат и офицеров. Точных данных о численности немецких войск, которым удалось прорваться, нет. Штаб 2-го Украинского фронта после сражения, которое завершилось с рассветом 18 февраля, доложил, что группировка ликвидирована полностью, при этом убито 55 тыс., взято в плен 19,2 тыс. солдат и офицеров. Однако по немецким данным, из 50 тыс. окруженных прорвалось до 32 тыс., из которых были сформированы три новые дивизии.

Корсунь-Шевченковская операция закончилась тяжелым поражением врага: 55 тыс. солдат и офицеров были убиты, 18 тыс. попали в плен. Кроме того, при попытке деблокировать окруженную группировку потерпели поражение 15 (в том числе 8 танковых) дивизий противника. Корсунь-Шевченковскую операцию называют «Малым Сталинградом» или «Вторым Сталинградом», так как события разворачивались так же, как и под Сталинградом, только масштабы были поменьше. Конев за разгром Корсунь-Шевченковской группировки первым среди командующих фронтами получил

звание маршала, что вызвало обиду у генерала Ватутина, поскольку фактически плоды победы приписали 2-му Украинскому фронту. При разгроме Корсунь-Шевченковской группировки погиб ее командующий генерал Штеммерман. Генерал Конев разрешил немецким военнопленным похоронить своего генерала с воинскими почестями. Следует отметить, что такое рыцарское отношение к противнику в сталинские времена требовало от Конева определенного мужества.

Наступление советских войск на Правобережной Украине происходило в чрезвычайно трудных условиях, вызванных оттепелью. Маршал Советского Союза А. М. Василевский вспоминал: «Много я повидал на своем веку распутиц, но такой грязи и такого бездорожья, как зимой и весной 1944 г., не встречал ни раньше, ни позже. Буксовали даже тракторы и тягачи. Артиллеристы тащили пушки на себе. Бойцы с помощью местного населения переносили на руках снаряды и патроны от позиции к позиции за десятки километров».

И то, что советские войска в этих условиях наступали успешно, и то, что вопреки прогнозам военных экспертов Запада в сражениях на Правобережной Украине участвовали все шесть советских танковых армий, говорит о высоком уровне советского военного искусства, о моральном духе воинов Красной Армии.

Таким образом, январско-февральское наступление Украинских фронтов завершилось значительным успехом. Сложилось условия для полного очищения от врага Правобережной Украины.

В период подготовки операции 29 февраля во время выезда в войска попал в засаду, устроенную украинскими националистами, и был смертельно ранен командующий 1-м Украинским фронтом генерал Н. Ф. Ватутин. 15 апреля он скончался. Командование фронтом 1 марта принял Г. К. Жуков. В этот период обострилась борьба с украинскими националистами. С приближением Красной Армии органы гитлеровского режима начали создавать подрывные организации для диверсий на оставляемой вермахтом советской территории. Были освобождены арестованные немцами главари украинских националистов А. Мельник и С. Бандера, которые по заданию гитлеровских властей

создали Украинскую повстанческую армию (УПА), которая действовала не только против советских войск, но и против украинских партизан и терроризировала местное население.

В начале марта три Украинских фронта почти одновременно возобновили наступление на 700-километровом фронте от Луцка до устья Днестра. История войн не знала еще примера наступления такой огромной массы войск в условиях бездорожья.

Первым 4 марта начал наступление 1-й Украинский фронт под командованием Жукова, 5 марта 2-й Украинский фронт под командованием Конева. Развивая наступление, начатое 5 марта, войска фронта с ходу форсировали Южный Буг и Днестр и устремились к пограничной реке Прут.

26 марта соединения 27-й армии генерала С. Г. Трофименко первыми вышли на государственную границу с Румынией. Советские войска восстановили небольшой — всего 85 км — отрезок границы нашего государства, но этот факт вызвал бурю ликования и радости у советских людей. Примечательно, что на охрану освобожденного участка границы заступил полк, пограничники которого здесь приняли первый бой 22 июня.

Войска 2-го Украинского фронта, выполняя приказ Ставки, перешли в ночь на 27 марта советско-румынскую границу, приступив тем самым к освобождению Румынии.

К середине апреля советские войска освободили от фашистов восточные районы Румынии, продвинувшись в глубь страны более чем на 100 км, и восстановили государственную границу СССР на протяжении 400 км.

Продолжал успешно наступать и 3-й Украинский фронт (генерал Малиновский). 27—28 марта его главные силы форсировали Южный Буг и развернули наступление на Николаев, Одессу. 28 марта советские войска освободили Николаев. В боях за город героический подвиг совершили воины десантного отряда, возглавляемого ст. лейтенантом К. Ф. Ольшанским и его зам. по политчасти капитаном А. Ф. Головлевым. В отряд вошли 55 моряков 384-го отдельного батальона морской пехоты Черноморского флота и 12 связистов и саперов из 28-й армии и 1-го гвардейского укрепленного района.

Десант был высажен в порту Николаев в ночь на 26 марта, чтобы облегчить взятие города наступавшими частями. Десантники заняли круговую оборону в здании элеватора. Враг бросил против этой небольшой десантной группы три батальона пехоты, орудия, танки, применил отравляющие вещества, пытаясь их уничтожить. Двое суток вел отряд кровопролитный бой, отбил 18 атак, уничтожил до 700 немцев. В неравном бою пали 55 десантников. Когда 28 марта в город ворвались наши войска, в живых осталось 12 израненных десантников, которые сражались вплоть до подхода войск фронта. 55 десантников, в том числе Головлев, Кипенко, Ольшанский, Павлов, Хакимов, удостоились звания Героя Советского Союза. Среди десантников, удостоенных высокого звания, был и наш земляк 20-летний Акрен Мингазович Хайрутдинов, уроженец села Мордовская Бокла Бугурусланского района. В 1965 г. это высокое звание было посмертно присвоено местному проводнику — рыбаку А. И. Андрееву.

10 апреля войска 3-го Украинского фронта освободили Одессу.

На втором этапе борьбы за Правобережную Украину, как и раньше, Красную Армию активно поддерживали партизанские соединения и отряды, подпольные группы, местное население.

Таким образом, в итоге наступательных операций в марте — первой половине апреля войска 1, 2, 3-го Украинских фронтов нанесли новое сокрушительное поражение группам армий «Юг» и «А» и вышли на рубеж Верба, Коломыя, Яссы, Оргеев, Дубоссары и далее по Днестру к Черному морю. Цели операций на Правобережной Украине были достигнуты.

За наступлением на Правобережной Украине последовала Крымская операция (8 апреля — 12 мая 1944 г.) 4-го Украинского фронта (командующий — ген. Толбухин) и Отдельной Приморской армии (командующий — генерал Еременко) при содействии Черноморского флота и Азовской военной флотилии, которая завершилась полным разгромом вражеской группировки и освобождением Крыма. Крым обороняла 17-я армия врага, которая включала 7 румынских и 5 немецких дивизий, насчитывающих более 195 тыс. солдат и офицеров, около 3600 ору-

дий и минометов, 215 танков, 148 самолетов. В советских сухопутных войсках здесь было около 470 тыс. солдат и офицеров, 5982 орудия и миномета, 559 танков и самоходных установок, 1250 самолетов. Значительная роль в ликвидации румынско-немецкой группировки отводилась крымским партизанским отрядам.

11 апреля освобождена Керчь, 9 мая — Севастополь. Севастополь освободили всего за 5 дней, в то время как фашисты в 1941—1942 гг. потратили 250 дней. В ходе Крымской операции враг потерял убитыми и пленными 100 тыс. человек.

Итог: в результате зимне-весенней кампании Красная Армия уничтожила 30 дивизий и 6 бригад противника, 142 дивизии и 1 бригада потеряли от половины до трех четвертей своего состава. Вермахт лишился более 1 млн. солдат и офицеров, 20 тыс. орудий и минометов, 8400 танков и штурмовых орудий и около 5 тыс. самолетов. К лету 1944 г. в руках фашистов осталась лишь четверть захваченной ими территории СССР.

12.2. Победы Красной Армии летом и осенью 1944 года

Осенью 1944 г. общая обстановка благоприятствовала дальнейшим военным усилиям Советского Союза. Под влиянием непрерывных военных неудач все более обострялось внутривосточное положение Германии. Правящие классы перед лицом грядущей катастрофы искали пути выхода из тупикового положения. Прежде всего, они решили убрать Гитлера. Зрел заговор. Покушение на Гитлера было совершено 20 июля в его ставке близ Раценбурга (Восточная Пруссия). Однако взрыв бомбы не достиг цели.

Неутешительной для Германии была и международная обстановка. Усилилось движение Сопротивления. Пошатнулись позиции господствующих классов в странах-сателлитах. 6 июня 1944 г. наши союзники открыли второй фронт, высадив свои войска в Северной Франции, за четыре дня до начала наступления советских войск. Однако и после высадки союзных войск во Франции советско-германский фронт продолжал оста-

ваться основным. Германия оказалась перед необходимостью вести войну на два фронта.

Ставка Верховного Главнокомандования положила в основу новой кампании, как и предыдущей, идею последовательных ударов на различных направлениях. Конкретное выражение этот замысел получил в плане-карте Генерального штаба от 30 мая. Летне-осеннюю кампанию открывали Ленинградский и Карельский фронты. Главный же удар наносился в центре советско-германского фронта в целях разгрома групп армий «Центр» и «Северная Украина» и освобождения Белоруссии, части Литовской ССР, западных областей Украины, а также восточных областей Польши. Вообще в этот период советские войска провели ряд крупных наступательных операций: на Карельском перешейке и в Южной Карелии, в Белоруссии, на западе Украины и в Молдавии, в Прибалтике и Заполярье, на территории Румынии, Болгарии, Венгрии, Чехословакии и Польши. В этих операциях участвовали войска всех 12 фронтов, Северный, Балтийский и Черноморский флоты, а также почти все речные и озерные флотилии.

Особое значение среди этих операций имели Белорусская (23 июня — 29 августа) и Львовско-Сандомирская (13 июля — 29 августа).

Фашистское командование считало, что главные события на советско-германском фронте развернутся летом на юго-западном направлении, поэтому держало здесь 117 дивизий, а на западном и северо-западном направлениях — 96 дивизий. Советские войска будут наносить удары, чтобы вывести из войны сателлитов Германии и тем самым повлиять на позиции Швеции и Турции — заставить их прекратить поставки стратегического сырья. Ошибочного мнения о направлении главного удара Красной Армии в летней кампании гитлеровское командование придерживалось почти до начала советского наступления в Белоруссии. Поэтому даже когда с 10 июня разведка группы армий «Центр» стала получать сведения о подготовке советского наступления, на совещании 14 июня в генштабе сухопутных войск эти намерения противника расценили как демонстративные и о выделении резервов на центральный участок фронта не было и речи. В результате не была произведена

перегруппировка сил. Естественно, что все предложения командования группы армий «Центр» об отводе войск на рубеж Днепра отклонялись Гитлером.

Грандиозные сражения лета 1944 открыли войска Ленинградского и Карельского фронтов 10 июня на Карельском перешейке. Сначала Ленинградский (генерал Говоров), а 21 июня — Карельский фронт (генерал Мерцков). Выборгско-Петрозаводская стратегическая операция (10 июня — 9 августа) состоит из двух операций — Выборгской и Свирско-Петрозаводской. Продолжительность — 61 сутки. Ширина фронта достигала 280 км, скорость продвижения — 2—5 км. Красная Армия освободила территорию Карело-Финской АССР, северные районы Ленинградской области.

9 августа Ставка Верховного Главнокомандования приказала приостановить продвижение. В ходе наступления финские войска были отброшены на Карельском перешейке на 110 км, а в Южной Карелии — на 200—250 км.

25 августа Финляндия обратилась к советскому правительству с просьбой начать переговоры. 4 сентября финское правительство заявило о разрыве отношений с Германией. 19 сентября в Москве было подписано соглашение о перемирии. Одним из условий перемирия было обязательство Финляндии изгнать из своей страны или обезоружить все гитлеровские войска, которые еще оставались на ее территории. Это обязательство она выполнила в октябре-ноябре 1944 г.

В разработке плана Белорусской операции под условным названием «Багратион» принимали участие командующие 1-го Прибалтийского, 1, 2, 3-го Белорусского фронтов, члены военных советов этих фронтов в Ставке Верховного Главнокомандования.

Замысел этой выдающейся операции был прост и оригинален. Вначале войска смежных крыльев 1-го Прибалтийского (генерал Баграмян) и 3-го Белорусского (генерал Черняховский) фронтов должны были нанести сходящиеся удары по витебской группировке врага, окружить и уничтожить. Двум ударным группировкам правого крыла 1-го Белорусского фронта (генерал Рокоссовский) предписывалось, нанеся удары с востока и юга, окружить фашистскую группировку в районе Бобруйска и также уничто-

жить ее. Войска левого крыла 3-го и центра 2-го Белорусских (генерал Захаров) фронтов наносили фронтальные удары: один на Оршу, другой — на Могилев. Одновременным прорывом обороны на шести участках предполагалось расчленив вражеские силы и ослабить их сопротивление. Оригинальность замысла операции заключалась в том, что ликвидация витебской и бобруйской группировок как бы открывала перед Красной Армией широкие ворота. Через них должны были ворваться на территорию Белоруссии огромные массы подвижных войск.

В дальнейшем 3-му и 1-му Белорусским фронтам предстояло нанести сходящиеся удары на Минск и окружить восточнее белорусской столицы главные силы 4-й немецкой армии. Возможные контрудары вражеской группы армий «Север» предполагалось отразить наступлением войск 1-го Прибалтийского фронта (генерал Баграмян) на северо-запад. Окружение противника на глубине 200—250 км должно было привести к образованию в его обороне стратегической брешии в несколько сот километров. Тем самым советское командование получало возможность ввести новые силы, расширить фронт наступления, освободить всю Белоруссию, часть Литвы и Латвии.

Замысел Белорусской операции имел еще одну особенность. С мощными ударами четырех фронтов должны были слиться активные действия партизан.

31 мая командующие фронтами получили директивы Ставки. Началась напряженная работа по подготовке операции.

Координация действия фронтов осуществлялась представителями Ставки маршалами Жуковым и Василевским. К работе в войсках они приступили в начале июня 1944 г.

Советское командование, учитывая небольшие возможности опытного и сильного противника и необходимость достижения высоких темпов продвижения войск, создавало многократное превосходство над гитлеровцами в силах и средствах. Общее превосходство советских войск над врагом было: в людях — двойным, в артиллерии и авиации — почти четырехкратным, в танках и самоходно-артиллерийских установках — почти шестикратным. Еще большим оно было на участках прорыва, что достигалось за счет ослабления на неактивных участках

фронта. Все это позволяло нанести врагу сокрушительные удары и непрерывно наращивать натиск в ходе наступления.

Подготовка к операции осуществлялась в большой тайне. Передвижение войск и боевой техники осуществлялось только ночью с 10 часов вечера до 4-х часов утра. Машины передвигались с выключенными фарами, для ориентировки задняя часть машин была окрашена в белый цвет. Днем укрывались, маскировались. Советские самолеты днем смотрели сверху, если замечали наши танки и самолеты, то выбрасывали в расположение наших войск вымпел, это означало, что их видно. За 2 ночи наши саперы обезвредили 34 000 мин. Учили солдат ходить по болотам, делали приспособления, готовили плоты и волоки.

22 июня подготовка к операции была закончена. В ходе проведения операции «Багратион» (23 июня — 29 августа 1944 г.) три Белорусских и 1-й Прибалтийский фронты провели 10 связанных между собой единым замыслом операций: на первом этапе 5 операций (Витебско-Оршанская, Могилевская, Бобруйская, Полоцкая и Минская) и на втором этапе тоже 5 операций (Шяуляйская, Вильнюсская, Каунасская, Белостокская, Люблин-Брестская). Продолжалась операция 68 суток. Ширина фронта составляла 1100 км, глубина — 500—600 км. Скорость продвижения на 1-м этапе (23 июня — 4 июля) равнялась 20—25 км, на 2-м этапе (с 5 июля по 29 августа) — 13—14 км.

23—28 июня была проведена Витебско-Оршанская наступательная операция. 23 июня войска 1-го Прибалтийского фронта (генерал Баграмян) и 3-го Белорусского (генерал Черняховский) фронтов перешли в наступление. Смежным армиям двух фронтов — 43-й генерала Белобородова и 39-й генерала Людникова предстояло окружить и уничтожить противостоящие силы 3 ТА врага в районе Витебска.

25 июня западнее Витебска эти армии соединились. Главные силы фронта продолжали наступление. Окруженная витебская группировка врага (5 дивизий и много отдельных частей 3 ТА) пыталась пробиться в юго-западном направлении. Только в первый день они предприняли до 25 контратак. Но все попытки закончились безрезультатно. Часть окруженной группировки 27 июня

сдалась в плен, а сопротивляющиеся войска были уничтожены.

23—28 июня — Могилевская операция. Упорные бои развернулись под Оршей. 27 июня Орша была освобождена.

Подвижные соединения советских войск 28 июня вышли к Березине на 60-километровом участке.

Так за шесть дней наступления линия фронта переместилась на запад на 150 км. Рухнула вся вражеская оборона между Западной Двиной и Днепром.

24—29 июня — Бобруйская операция. 24 июня начались наступательные действия 1-го Белорусского фронта (Рокоссовский) на бобруйском направлении. Обе ударные группы фронта должны были встретиться в районе Бобруйска.

С особой смелостью и мужеством сражались под Бобруйском танкисты. На станции Черные Броды 25 июня враг выдвинул бронепоезд, который открыл шквальный огонь по наступающим войскам. От снаряда загорелся танк Т-34. Командир машины 15-й гвардейской танковой бригады 1-го гвардейского танкового корпуса лейтенант Д. Е. Комаров и механик-водитель сержант М. А. Бухтуев, понимая, что сбить пламя им не удастся, в считанные минуты подбили два орудия противника, а затем, разогнав объятый пламенем танк, на полном ходу врезались в бронепоезд и сбили его с рельсов. Воодушевленная этим подвигом пехота поднялась в атаку и вскоре очистила станцию от врага. Обоим танкистам 22 августа 1944 г. было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

В окружении в самом городе и к юго-востоку от него оказалось более 6 дивизий 9-й немецкой армии. 28 июня 48-я армия завершила ликвидацию фашистских войск юго-восточнее Бобруйска. Остатки сдались в плен.

В самом Бобруйске бои продолжались по 29 июня. При этом было захвачено и уничтожено 366 танков и штурмовых орудий, 2664 орудия разного калибра, более 20 тыс. солдат и офицеров взято в плен. В их числе комендант Бобруйска генерал А. Гаман — один из палачей, занесенный Государственной комиссией по расследованию фашистских злодеяний в списки военных преступников. Это по его приказу у матерей

насильно отнимали детей и эшелонами отправляли в Германию. Это по его приказу у детей «выкачивали» кровь, а потом переливали ее раненым.

Здесь вражеской группе численностью около 5 тыс. человек после многократных попыток удалось прорвать окружение, но вскоре она была перехвачена и пленена. 29 июня Бобруйская операция завершилась. Войска фронта продвинулись на 100—110 км.

За умелое руководство войсками при разгроме витебской и бобруйской группировок противника командующему 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховскому 26 июня было присвоено воинское звание генерала армии, а 29 июня командующий 1-м Белорусским фронтом К. К. Рокоссовский получил маршальскую звезду.

В дни, когда шли кровопролитные бои под Витебском, Оршей и Бобруйском, начал наступление 2-й Белорусский фронт (ген. Г. Ф. Захаров). 28 июня смежные соединения 49-й и 50-й армий штурмом освободили Могилев. В результате шестидневных боев под ударами войск 4-х фронтов вражеская оборона между Западной Двиной и Припятью рухнула.

28—29 июня Ставка уточнила задачи фронтов. 3-й и 1-й Белорусские фронты теперь должны были двусторонним обходным маневром стремительно выйти к Минску и овладеть им. Тем самым завершалось окружение немецко-фашистских войск, отступавших к Минску. 2-й Белорусский фронт получил приказ фронтально преследовать противника, не давая ему оторваться от наступающих советских войск. Советские войска без паузы приступили к выполнению очередных задач.

3 июля освобожден Минск. Основные силы 4-й армии врага оказались в котле восточнее города на обширной лесистой и болотистой местности.

5 июля окруженные силы врага (одна группа восточнее, а другая юго-восточнее Минска) получили по радио приказ прорываться на юго-запад. В течение нескольких дней они бросались в отчаянные атаки, но цели не достигали. Советские войска дробили силы противника и уничтожали их по частям.

7—8 июля уничтожены и частью пленены основные силы окруженной группировки, а 9—11 июля — последние разрознен-

ные ее группы. В числе пленных оказалось 12 генералов: 3 командира корпуса и 9 командиров дивизий.

Окружение и ликвидация вражеских войск в районе восточнее Минска явились новым ярким проявлением дальнейшего развития советского военного искусства. Впервые в ходе наступательных операций Красной Армии противник был окружен в результате параллельного и фронтального преследования на глубине 200—250 км от переднего края его обороны. По признанию генерала Гудериана, фронт развалился.

Всего в Белорусской наступательной операции попали в окружение 30 немецких дивизий; восточнее Минска немцы потеряли 70 тыс. убитыми и 35 тыс. пленными. 13 июля взят Вильнюс, где в окружении оказались немецкие войска, в результате пленено 15 тыс. немецких солдат и офицеров.

Большую помощь наступавшим войскам оказали партизаны. Они захватывали переправы на реках, населенные пункты, перерезали пути отхода противника, подрывали рельсы, помогали войскам ликвидировать окруженные вражеские группировки. Десятки тысяч партизан влились в ряды Красной Армии.

В середине июля в Минске состоялся парад партизанских сил.

17 июля по улицам Москвы советские конвоиры провели 57 600 пленных немецких солдат и офицеров, захваченных в плен в Белоруссии. Шествие продолжалось почти три часа. Впереди гигантской колонны, понурившись, шли 19 генералов, за ними офицеры. На груди у многих — железные кресты и другие награды вермахта. Солдаты, обросшие щетиной, брели в обтрепанных мундирах, кое у кого головы были замотаны женскими платками. «Мечта» немцев промаршировать по улицам советской столицы сбылась, только в сопровождении советских солдат.

4 июля завершился первый тур грандиозных сражений в Белоруссии. Вражеская группа «Центр» за 11—12 дней потерпела катастрофу — были разгромлены ее главные силы. В центре советско-германского фронта образовалась огромная брешь протяженностью до 400 км. Для того чтобы закрыть ее в короткие сроки, противник не имел сил. Советские войска получили возможность стремительно продвигаться к западным гра-

ницам СССР. Близился час освобождения Литвы и всей Прибалтики.

Белорусская операция явилась одной из крупнейших операций Красной Армии в Великой Отечественной войне. В результате этой операции освобождены Белоруссия, часть Литвы и Латвии, восточные районы Польши. Советские войска, наступая в полосе более 1100 км по фронту, продвинулись на запад на 550—600 км. Была разгромлена группа армий «Центр». Группа армий «Север» оказалась изолированной в Прибалтике, с Восточной Пруссией ее связывал на суше лишь узкий коридор (30 км).

Ухудшилось положение группы армий «Северная Украина». Из всех соединений противника, участвовавших одновременно в Белорусской операции, 50 дивизий потеряли более половины своего состава, а 17 дивизий и 3 бригады подверглись полному уничтожению. Чтобы остановить наступление советских войск и как-то стабилизировать фронт, враг был вынужден перебросить в Белоруссию 46 дивизий и 4 бригады. Это ослабило силы вермахта на других участках восточного и западного фронтов, облегчило наступление американско-английских армий во Франции.

В ходе наступления были форсированы крупные водные преграды — Березина, Неман, Висла.

Следующей удачной наступательной операцией является Львовско-Сандомирская (13 июля — 29 августа), проведенная войсками 1-го Украинского фронта. В результате освобождены западные области Украины и юго-восточные районы Польши.

Яско-Кишиневская операция (20—29 августа) проведена войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов, продолжалась 10 суток. Скорость продвижения наших войск была высокой — 20—25 км в сутки стрелковые дивизии, 30—32 км — механизированные и танковые. Ширина фронта составляла 500 км, глубина удара — 300—320 км. Освобождена Молдавия, выведена из состояния войны Румыния (24 августа). Разгромлены главные силы группы армий «Южная Украина»; уничтожены 22 немецкие дивизии и почти все румынские дивизии, находящиеся на советско-германском фронте.

Прибалтийская наступательная операция (14 сентября — 24 ноября) проведена

войсками 1, 2, 3-го Прибалтийских фронтов и частью сил Ленинградского фронта при содействии Балтийского флота. Осуществлены Рижская, Таллинская, Мемельская операции и Моонзундская десантная операция. Продолжалась 72 дня. Ширина фронта 100 км, глубина продвижения 300 км, скорость невысокая — 4—5 км в сутки.

14 сентября началось наступление наших войск, которые за 3 дня прошли 50 км и к 17 сентября оказались в 25 км от Риги, но взять не смогли. Враг подтянул дополнительные силы, и на маленьком пятачке был сосредоточен крепчайший кулак — 33 дивизии, из них 4 танковых.

Такого уплотнения боевых порядков немецких войск до тех пор в ходе войны еще не встречалось. Это привело к резкому качественному изменению обстановки в пользу Германии. Советское командование учло рижский опыт и стало специально использовать эффекты уплотнения огня и боевых порядков в своих дальнейших наступательных операциях.

Советские войска теперь перенесли наступление на Таллин, который освободили 22 сентября, Пярну — 24 сентября и к 27 сентября очистили всю Эстонию, за исключением ее островов.

12 октября возобновились бои за Ригу, 15 октября Рига была освобождена. В результате советские войска нанесли серьезное поражение группе армий «Север», остатки (30 дивизий) прижаты к морю в районе Мемеля (Клайпеда) и отрезаны с суши от Восточной Пруссии. Почти полностью была освобождена Прибалтика, что создавало условия для развития наступления в Восточной Пруссии.

Белградская наступательная операция (28 сентября — 20 октября) была проведена войсками 3-го Украинского фронта и Народно-освободительной армии Югославии. Принимала участие и Болгарская армия (Болгария 9 сентября объявила войну своему бывшему союзнику — Германии). 20 октября освобожден Белград. Немцы изгнаны из Югославии.

В Заполярье (на территории Северной Финляндии и Северной Норвегии) советскими войсками проведена Петсамо-Киркенесская наступательная операция (7—29 октября) по освобождению Печенги и Северной Норвегии.

Таким образом, Красная Армия в 1944 г. провела 10 крупных наступательных операций по освобождению советской территории и территорий стран Восточной Европы. После окончания войны в советской историографии их называли «10 сталинских ударов».

Дополнительный материал

Операция «Багратион» и Варшавское восстание 1944 года. Советским войскам 4-х фронтов противостояли войска группы армий «Центр», правофланговые дивизии 16-й армии группы армий «Северная Украина». Всего противник располагал 63 дивизиями (из них 2 танковые и 3 моторизованные), одной пехотной и двумя кавалерийскими бригадами. Из этих войск перед готовившимися к операции «Багратион» советскими соединениями на протяжении 1060 км фронта находилось 57 дивизий и 3 бригады. Германское командование полагало, что главный удар Красной Армией будет нанесен на южном крыле советско-германского фронта, а группа армий «Центр», как и зимой, сможет сдержать советское наступление.

23—28 июня проведена Витебско-Оршанская, 23—28 июня — Могилевская и 24—29 июня — Бобруйская операции, был прорван фронт группы армий «Центр», окружена и уничтожена часть ее войск. За это время Красная Армия продвинулась на 80—130 км со средним темпом в 13,3—21,6 км в сутки. Учитывая удачное выполнение первоначальных директив, Ставка ВГК 28 июня уточнила задачи фронтам, которым было приказано ускорить наступление и не позднее 7—8 июля освободить Минск и окружить восточнее города основные силы группы армий «Центр». С утра 29 июня советские войска начали Минскую операцию (29 июня — 4 июля) и уже 3 июля вступили в Минск, восточнее которого были окружены основные силы 4-й армии группы армий «Центр».

В период подготовки операции «Багратион» в апреле — мае 1944 г. советское военно-политическое руководство основное внимание уделяло всесторонней отработке предстоящего наступления с тем, чтобы избежать неудач, характерных для войск западного направления зимой 1943—1944 гг. Понятно, что в этих условиях какие-либо проекты относительно конкретных действий Красной Армии за границами СССР не отработывались. Линия советско-германского фронта к июню 1944 г. проходила в 240—600 км от Варшавы, и этот город не рассматривался в качестве ориентира для действий советских войск. В ходе операции «Багратион» советские войска смогли прорвать оборону вермахта на центральном участке советско-германского фронта и нанести поражение группе армий «Центр», разгромив 48,6% ее соединений. В обороне немецких войск образовалась

400-км брешь, в которую устремились советские войска, вышедшие к концу июля к западной границе СССР и вступившие на территорию Польши.

Переоценка успехов советских войск и недооценка боевых возможностей противника привели к тому, что соединения 1-го Белорусского фронта получили задачу выйти в центральные районы Польши. Именно 27 июля Варшава впервые появилась в директиве Ставки ВГК в качестве ориентира для наступающих войск Красной Армии. Основные их усилия нацеливались на обход Варшавы с севера и с юга, поскольку предполагалось наличие укреплений вермахта на подступах к городу. Штурмовать польскую столицу не планировали.

Центральным событием 1944 г. для Армии Крайова стало восстание в Варшаве, начатое эмигрантским польским правительством в Лондоне в условиях неправильной оценки обстановки с учетом скорого освобождения города Красной Армией. Естественно, польское руководство не известило Москву об этих планах, надеясь поставить ее перед свершившимся фактом.

Однако и советская, и польская стороны неверно оценивали намерения Германии, армия которой хотя и понесла значительные потери, но все еще не была разгромлена. Перебросив силы с других фронтов, германское командование нанесло ряд контрударов, которые позволили затормозить продвижение советских войск и выиграть время для воссоздания стабильного фронта. Нанесенный немцами контрудар по 2-й танковой армии совпал с началом Варшавского восстания и резко изменил оперативную обстановку вокруг польской столицы. Оказавшись без поддержки стрелковых частей и авиации, со слабо работающим тылом, 2-я танковая армия была отброшена от города и втянулась в затяжные оборонительные бои. Одновременно враг контратаковал советские плацдармы на западном берегу Вислы у Магнушева и Пулав. В итоге советское наступление захлебнулось.

В ходе Белорусской стратегической наступательной операции, как и в других операциях Великой Отечественной войны, в полной мере проявились закономерности войны массовых армий. Прорыв фронта группы армий «Центр» в конце июня 1944 г. позволил советской стороне перевести операцию в стадию непрерывного и быстрого нарастания наступления. Теперь любые заминки лишь ухудшали положение обороняющихся. Однако по мере продвижения советских войск стало ощущаться действие закона перенапряжения коммуникаций. Эффективность наступающих войск начала снижаться, и они уже не могли легко преодолевать сопротивление арьергардов противника. Уже во второй половине июля операция начала затухать. Силы сторон оказались примерно равны, и продвижение Красной

Армии замедлилось. Этот момент совпал с переходом обороняющейся стороны в контрнаступление, что позволило ей с минимальным риском остановить продвижение, а на некоторых направлениях и отбросить противника.

Хотя уже 8 августа советское командование разработало план новой операции на варшавском направлении, его осуществление не могло начаться раньше конца августа. Это было связано как с выходом советских войск на новые рубежи, так и с подготовкой материально-технического обеспечения операции. Не следует забывать, что тылы 1-го Белорусского фронта отставали от боевых порядков войск на 400 км, что, конечно же, сказывалось на боевых возможностях Красной Армии. Однако противник также укреплял оборону, что еще больше замедляло темпы советского наступления. Кроме того, операции советских войск на Балканах и в Прибалтике также требовали резервов и отвлекали внимание Ставки ВГК от центрального участка советско-германского фронта. В итоге советское командование отказалось от проведения Варшавской операции и к середине октября 1944 г. фронт стабилизировался. В Белорусской наступательной операции советские войска потеряли 770 880 человек (из них безвозвратно 180 040 человек), 36,7% потерь пришлось на соединения 1-го Белорусского фронта.

Доступные сегодня материалы не подтверждают версию о преднамеренной остановке советского наступления под Варшавой. В момент выхода советских войск на подступы к городу на фронте создалось неустойчивое равновесие, которое было нарушено в пользу вермахта его контрударом 31 июля 1944 г. В итоге Красной Армии было явно не до взятия польской столицы. В дальнейшем ситуация вокруг Варшавского восстания все больше смещалась из военной в политическую плоскость. Конечно, у Москвы имелись свои политические расчеты, однако, как показали бои советских войск под Варшавой в июле-августе 1944 г., речь не шла об оставлении восставших на произвол судьбы. Со своей стороны, руководство восстанием, стремясь реабилитировать себя за плохо подготовленное выступление, стало пропагандировать именно политическую версию о сознательной остановке советских войск под Варшавой, которая как бы оправдывала их собственное поражение. Ныне же совершенно очевидно, что брать город с ходу советские войска не собирались, да и не могли, а любое другое развитие событий обрекало восстание на поражение. Представляется, что следует постараться скрупулезно восстановить динамику событий, приведших к резкому изменению ситуации на советско-германском фронте, а не обвинять советское руководство в том, чего оно не совершало [118].

13. ПОБЕДОНОСНОЕ ОКОНЧАНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рекомендуемая литература: 25; 31; 34; 35; 45; 72; 90; 109; 110; 111; 112; 122; 136; 223.

13.1. Подготовка Берлинской наступательной операции

Наступила весна 1945 г. Теперь уже не только Красная Армия, но и союзные войска вели боевые действия на территории Германии. Советская Армия находилась в 60—70 км от Берлина, а передовые американо-английские войска в 100—120 км. Германия к этому времени лишилась всех своих союзников, которые повернули оружие против рейха.

Красная Армия тщательно готовилась к завершающему удару на берлинском направлении. Овладение Берлином означало победоносное завершение войны против фашистской Германии.

Гитлеровское правительство, стремясь отстоять столицу, избежать безоговорочной капитуляции, мобилизовало все ресурсы страны. Свои последние надежды Гитлер связывал с упорной обороной на Востоке и сепаратным миром на Западе. Германское командование по-прежнему бросало главные силы сухопутных войск и авиации против Красной Армии. К 15 апреля на восточном фронте оно имело 214 дивизий (в том числе 34 танковых и 15 моторизованных) и 14 бригад. Американо-английским войскам, выходявшим к Эльбе, противостояли всего 60 немецких дивизий (из них 5 танковых).

Готовясь к отражению наступления Красной Армии, фашистское командование создало на востоке страны мощную оборону с использованием рек, каналов, озер, каменных построек в населенных пунктах. Ее передний край проходил по Одере (перед

советскими плацдармами) и Нейсе. Глубина Одера достигает 10 м, ширина — 250 м. В нижнем течении река разделяется на два широких самостоятельных рукава, между которыми находится низина шириной 3—5 км. К началу апреля эта низина была затоплена весенним паводком. Ширина Нейсе — 40—45 м, глубина 2—5 м.

Под Берлином оборона была особенно глубокой, плотно занятой войсками. Крепкие узлы сопротивления враг создал также в Штеттине, Гартце, Шведте, Зеелове, Франкфурте-на-Одере, Губене, Форсте, Котбусе, Шпремберге. Но наиболее сильными были его рубежи перед кюстринским плацдармом.

В мощный укрепленный район был превращен сам Берлин. Оборону здесь возглавлял специальный штаб. Столицу опоясали три оборонительных обвода — внешний, внутренний и городской, а сам Берлин был разбит на 9 секторов: 8 по окружности, 1 — в центре, который в инженерном отношении был подготовлен особенно тщательно. Многие кварталы представляли собой батальонные узлы сопротивления. В городе насчитывалось более 400 железобетонных долговременных сооружений. Самые крупные из них, представлявшие собой врытые глубоко в землю шестиэтажные бункеры, вмещали до тысячи человек каждый.

Для обороны Берлина спешно формировались новые части. В январе-марте 1945 г. были мобилизованы старики и 16—17-летние юноши. Они составили отряды фольксштурма. Из членов организации гитлер-югенд комплектовались отряды истребителей танков.

Войска, предназначенные для защиты подступов к Берлину и самого города, были сведены в 4 армии (3-ю танковую и 9-ю, вошедшие в группу армий «Висла», 4-ю танковую и 17-ю, включенные в группу армий «Центр»). Они насчитывали 1 млн. человек, 10 400 орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий и 3300 боевых самолетов (в том числе 120 реактивных ME-262).

В черте Берлина был сосредоточен гарнизон в составе более 200 тыс. человек. В резерве Главного командования сухопутных войск находилось 8 дивизий. Характерно, что войска имели более 3 млн. фаустпатронов. Это реактивное ручное оружие, созданное для поражения танков, впервые было применено фашистской армией в 1945 г. С близкого расстояния (50—100 м) оно пробивало броню толщиной 160—200 мм. При этом наиболее плотная группировка была создана противником в полосе 1-го Белорусского фронта, где оказалось сосредоточено до 50% всех сил и средств берлинской группировки.

К активным действиям готовилась и немецкая авиация, в которой преобладали истребители.

Усилилась фашистская пропаганда, запугивавшая население и войска «ужасами большевизма», применяло фашистское командование и карательные меры, чтобы заставить немцев воевать до конца.

Упорство, с каким немцы продолжали сражаться против русских, одновременно прекращая сопротивление на Западе, объяснялось не только политическими расчетами их предводителей, следствием многолетней антикоммунистической пропаганды, но в еще большей степени было продиктовано ожиданием возмездия за содеянные немцами преступления в России.

Фашистские правители готовы были принести в жертву весь немецкий народ и его будущее. В изданном гитлеровским командованием 9 марта 1945 г. приказе о подготовке к обороне имперской столицы говорилось: «Оборонять столицу до последнего патрона. Эту борьбу войска должны будут вести с фанатизмом, фантазией... с коварством, с использованием заранее подготовленных... подручных средств на земле, в воздухе и под землей».

Делая все, чтобы сдержать наступление Красной Армии, гитлеровцы одновременно продолжали добиваться соглашения с правящими кругами США и Англии, чтобы избежать безоговорочной капитуляции. Они по-прежнему надеялись на раскол антифашистской коалиции. Для них не было секретом, что между СССР и его союзниками существовали разногласия по ряду вопросов ведения войны и послевоенного устройства Европы. Гитлеровское командование всемерно стремилось не допустить овладения Берлином Красной Армией и было готово сдать столицу американским или английским войскам. В конце февраля — начале марта 1945 г. командующий войсками в Италии генерал Вольф установил контакт с руководителем американской разведки в Швейцарии Алленом Даллесом с целью обсудить условия капитуляции немецких войск на Апеннинском полуострове. Цель состояла в том, чтобы гитлеровским частям, сложившим оружие в Италии, было разрешено отойти в Германию. Однако надо отдать должное нашим союзникам, которые остались верны основным положениям «Декларации объединенных наций».

На восточном фронте Гитлер потребовал от вермахта усилить сопротивление. В специальных указаниях национал-социалистической партии от 3 апреля говорилось: «Наш взор должен быть обращен только на восток, независимо от того, что будет происходить на западе. Удержание Восточного фронта является предпосылкой к перелому в ходе войны!».

Взять Берлин рассчитывали и союзники. Войска союзников еще не достигли границ Германии, а Верховный главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Западной Европе генерал Эйзенхауэр 15 сентября 1944 г. писал фельдмаршалу Монгомери: «Ясно, что Берлин является главной целью. По-моему тот факт, что мы должны сосредоточить всю нашу энергию и силы с целью быстрого броска на Берлин, не вызовет сомнений».

Для США и Великобритании захват столицы фашистского рейха был необходим прежде всего из политических соображений, откровенно высказанных Черчиллем в послании Рузвельту 1 апреля 1945 г.: «Русские

армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создается ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и что в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения». А ведь была договоренность на Ялтинской конференции между главными державами антифашистской коалиции о включении столицы Германии в зону операций советских войск. Черчилль считал, что нужно «обменяться с русскими рукопожатием возможно восточнее».

Таким образом, Черчилль немногим более чем за месяц, а Эйзенхауэр за восемь месяцев до взятия Берлина Красной Армией твердо намеревались первыми войти в столицу Германии. Однако обстоятельства распорядились по-иному. Наступление союзных войск, следовавшее 23 марта с рубежа Рейна, сначала развивалось успешно. На центральном участке передовые части захватили плацдармы на Эльбе, в районах Виттенберга и Магдебурга. Здесь сопротивление противника усилилось. Далеко оторвавшись от главных сил и тылов, союзные войска не сумели не только развить успех, но и отразить контратаки немцев. Плацдарм у Магдебурга был оставлен. Войска, действовавшие южнее и севернее, по-прежнему отставали. В этой обстановке Эйзенхауэр в докладе объединенному комитету начальников штабов от 14 апреля был вынужден указать: «Учитывая крайнюю необходимость срочно открыть наступательные действия на севере и на юге, следует отвести наступлению на Берлин второе место и ожидать дальнейшего развития событий». Эйзенхауэр имел все основания считать, что с военной точки зрения будет неправильно при данной стадии развития операции делать Берлин главным объектом наступления, особенно ввиду того, что он находится в 35 милях от рубежа расположения русских». Так стратегическая

обстановка заставила союзников отказаться от прямого удара на Берлин. Только это, а не верность союзническим обстоятельствам. «...Мы взяли бы Берлин, если бы могли это сделать», — заявлял Гопкинс — один из ведущих политических советников Рузвельта.

По этому поводу бывший командующий 12-й группой армий в Европе генерал О. Брэдли вспоминал, что в первой половине апреля 1945 г. Эйзенхауэр поручил ему подсчитать, какие примерно потери понесут англо-американские войска, если они попытаются первыми овладеть столицей рейха. Эйзенхауэр получил ответ: не менее 100 тыс. солдат и офицеров. Эта цифра, по словам Брэдли, явилась решающим фактором отказа Эйзенхауэра от данной цели.

Российский исследователь Г. А. Куманев пишет, что хотя немало фактов свидетельствовало, что командование западных союзников СССР больше ценило жизнь своих солдат, чем Сталин и его Ставка, все же представляется, не указанная выше цифра, а сложившаяся стратегическая обстановка переречкнула далеко идущие англо-американские намерения. Ведь было очевидно, что Советские Вооруженные Силы, передовые соединения которых находились тогда всего в 50—60 км от Берлина, располагали неизмеримо большими возможностями, чтобы первыми овладеть германской столицей. Эйзенхауэр первым понял несбыточность указанного плана, что нашло отражение в его приказе от 2 апреля. Тем не менее перед танковыми дивизиями 9-й американской армии на всякий случай была поставлена задача: «Наступать как можно быстрее на восток — на Берлин». Позднее в своих мемуарах Эйзенхауэр старался вообще отрицать существование скрытых англо-американских замыслов по захвату Берлина, а заодно и обелить свои действия.

План Берлинской операции тщательно готовился Ставкой Верховного Главнокомандования. Маршал Жуков, вспоминая подробности этой работы, подчеркивал высокий уровень стратегического и оперативного искусства, которого к тому времени достигли Ставка и Генеральный штаб.

По указанию Ставки Военные Советы 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов подготовили свои соображения по

проведению этой заключительной операции. 1—3 апреля они обсуждались на совещании в Ставке с участием командующих 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами. План операции всесторонне учитывал обстановку и необходимость быстрее разгрома врага. Намечалось окружить всю берлинскую группировку, рассечь ее и уничтожить по частям. После овладения Берлином советским войскам предстояло выйти на Эльбу и встретиться там с союзниками. К операции привлекались три названных фронта, часть войск ПВО страны, часть сил Балтийского флота, Днепровская военная флотилия и две армии Войска Польского.

1-м Белорусским фронтом командовал Г. К. Жуков. В своих воспоминаниях «Коротко о Сталине» он писал: «Когда враг был изгнан из пределов нашей Родины и операции были перенесены на территории Польши, Восточной Пруссии, Чехословакии, Сталин вообще ликвидировал институт представителей Ставки Верховного Главнокомандования, которые в это время координировали действия группы фронтов, и приказал переключить управление всеми фронтами непосредственно в Ставку.

Мне и Василевскому было приказано командовать фронтами, мне 1-м Белорусским вместо Рокоссовского, Василевскому — 3-м Белорусским вместо погибшего генерала армии Черняховского.

Расчет здесь был ясный. Сталин хотел завершить блистательную победу над врагом под своим личным командованием, т.е. повторить то, что сделал в 1813 г. Александр I, устранив Кутузова от главного командования и приняв на себя верховное командование с тем, чтобы прогарцевать на белом коне при въезде в Париж во главе русских доблестных войск, разгромивших армию Наполеона. В один из осенних дней 1944 г. Сталин, разговаривая лично со мной, сказал: «1-й Белорусский фронт стоит на берлинском направлении, мы думаем поставить на это важнейшее направление Вас, а Рокоссовского назначим на другой фронт». Я ответил, что «готов командовать любым фронтом, но считаю, что Рокоссовский обидится, если будет снят с 1-го Белорусского фронта».

Сталин: «У вас больше опыта, и впредь останетесь моим заместителем. Что каса-

ется обиды — мы же не красные девицы. Я сейчас поговорю с Рокоссовским». По-скребышев быстро соединил Сталина с Рокоссовским.

Рокоссовский просил оставить его на 1-м Белорусском фронте. Но Сталин заявил: «Этого сделать нельзя. На главное направление решено поставить Жукова, а Вам придется принять 2-й Белорусский фронт». Сталин действовал здесь неспроста.

«С этого момента между Рокоссовским и мною уже не было той сердечной, близкой товарищеской дружбы, которая была между нами долгие годы. И чем ближе был конец войны, тем больше Сталин интриговал между маршалами — командующими фронтами и своими заместителями, зачастую сталкивая их «лбами», сея рознь, зависть и подталкивая к славе на нездоровой основе. Нашлись люди, которые этим занимались. Такие люди нашептывали всякие небылицы, стремясь выставить перед ним свою персону в самом привлекательном виде. Особенно этим в конце войны занимался маршал Конев».

1-й Белорусский фронт получил задачу разгромить силы противника, оборонявшие восточные подступы к столице, овладеть Берлином и не позднее чем на 12—15-й день операции выйти на Эльбу. Для этого в составе фронта были созданы три группировки войск.

Группировку, наносившую главный удар на Берлин в центре, с Кюстринского плацдарма, составили 6 армий (четыре общевойсковые и две танковые): 47-я генерала Ф. И. Перхоровича, 3-я ударная генерала В. И. Кузнецова, 5-я ударная генерала Н. Э. Берзарина, 8-я гвардейская генерала В. И. Чуйкова, 1-я гвардейская ТА генерала М. Е. Катюкова и 2-я гвардейская ТА генерала С. И. Богданова. Кроме того, в нее включалась 3-я армия генерала Горбатова, составлявшая второй эшелон фронта.

Общевойсковым армиям предстояло взломать вражескую оборону и создать условия для ввода в прорыв танковых армий. На шестой день операции эта группировка должна была овладеть Берлином. При этом 3-й ударной армии предписывалось на 8-е сутки выйти в район западнее Берлина, а 47-й армии на 11-й день — на рубеж Эльбы. 2-я гвардейская ТА должна была овладеть се-

ро-западной частью Берлина, а 1-я гвардейская ТА — юго-западной и южной частями города.

Из районов севернее и южнее Кюстрина наносились вспомогательные удары.

1-й Украинский фронт (командующий — маршал Конев) должен был разгромить группировку противника в районе Котбуса и южнее Берлина, не позднее 10—12 дня операции овладеть рубежом Белиц — Виттенберг — река Эльба — Дрезден. Таким образом, главный удар фронт должен был нанести в 50 км южнее Берлина. При окончательном утверждении плана в качестве дополнительного варианта Ставка предусмотрела возможность поворота его танковых армий на Берлин, но лишь после того, как они минуют Люббен (в 60 км к юго-востоку от столицы). Сталин, по воспоминаниям Штеменко, заявил: «Кто первый ворвется, тот пусть и берет Берлин».

Главный удар наносили: 3-я гвардейская армия генерала В. Н. Гордова, 13-я генерала Н. П. Пухова, 5-я гвардейская армия А. С. Жадова, 3-я гвардейская ТА генерала П. С. Рыбалко, 4-я гвардейская ТА генерала Д. Д. Лелюшенко. Общевойсковым армиям предстояло форсировать Нейсе, прорвать оборону врага и с рубежа реки Шпрее обеспечить ввод в сражение танковых армий. На 5-й день танковые армии должны были выйти в район, находящейся в 30—35 км юго-западнее Берлина.

2-му Белорусскому фронту (ком. — маршал Рокоссовский) предстояло, форсировав Одер, разгромить Штеттинскую группировку врага и в течение 12—14 дней с начала операции овладеть рубежом Анклам — Деммин — Мальхин — Виттенберг. Тем самым надежно обеспечивались действия 1-го Белорусского фронта с севера.

Балтийский флот содействовал наступлению войск 2-го Белорусского фронта вдоль моря и наносил удары по морским коммуникациям врага от Лиепая до Ростка.

1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты должны были перейти в наступление 16 апреля, 2-й Белорусский фронт — спустя 4 дня, после завершения перегруппировки войск из районов Гдыни и Данцига к нижнему течению Одера.

Предусматривалось одновременно с наступлением на главном берлинском направ-

лении провести наступательные операции и на юге. Ставка рассчитывала, что активные действия 2-го, 3-го, 4-го Украинских фронтов, решавших свои задачи по разгрому врага и освобождению Чехословакии, лишат германское командование возможности перебрасывать отсюда силы на берлинское направление.

Следовательно, апрельское наступление Красной Армии развертывалось на всем советско-германском фронте. Оно должно было привести к окончательной победе над врагом.

Кропотливая работа велась и среди личного состава. Все воины от маршала до солдата понимали, что война подходит к концу. Вполне понятное стремление каждого остаться живым до долгожданной победы создавало определенные трудности. К тому же понесшие большие потери войска получили пополнение в основном за счет призванных из Прибалтики, Молдавии и западных районов Украины и Белоруссии, только что освобожденных от германской оккупации. Они были плохо обучены военному делу, в довершение слабо владели русским языком. Все это требовало от командиров и политработников особых усилий.

К началу Берлинской операции в составе трех фронтов насчитывалось 2500 тыс. человек, 41 600 орудий и минометов, 6250 танков и САУ, 7500 самолетов. Их превосходство над врагом составляло: в людях в 2,5 раза, в артиллерии — в 4 раза, в танках и САУ — в 4,1; в авиации — 2,3 раза. На направлениях главных ударов в результате сосредоточения здесь основных сил оно было еще большим.

13.2. Разгром Берлинской группировки

16 апреля в 5 часов по московскому времени (в 3 часа по берлинскому, за два часа до рассвета) артиллерия 1-го Белорусского фронта обрушила огонь на врага. Бомбардировщики нанесли мощные удары по опорным пунктам и узлам сопротивления врага. Вскоре пехота и танки устремились в атаку. Путь им осветили мощные зенитные прожекторы (143 прожектора были установлены по предложению маршала Жукова). Их ос-

лепительный свет немцы приняли за новое оружие. Противник был так ошеломлен, что смог организовать сопротивление только на рассвете.

Немецкие войска вначале не оказали организованного сопротивления, но вскоре, оправившись от потрясения, стали драться с ожесточением. Разгорелись упорные, кровопролитные бои.

Успешно прорвав оборону немцев на Одере и разгромив его первую полосу обороны, войска 1-го Белорусского фронта встретили упорное сопротивление врага во второй полосе его обороны, расположенной по Зееловским высотам, крайне неудобным для атаки наших войск. Эти высоты имеют крутые скаты, труднодоступные не только для танков, но и для пехоты. Они были испещрены траншеями и окопами. Здесь фашисты вырыли противотанковый ров глубиной до 3 м и шириной 3,5 м. Подступы к высотам простреливались многослойным перекрестным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем. Дороги враг перекрыл заграждениями из бревен и металлических балок, а подходы к ним заминировал. Немецко-фашистские войска, отошедшие на вторую полосу, были усилены свежими частями из резерва, в том числе танковыми и артиллерийскими.

Бои на высоте были исключительно упорными. Жуков в статье «Коротко о Сталине» пишет: «Чтобы не сорвать операцию и не дать врагу возможность отбить наши атаки на берлинском направлении, я решил немедленно ввести в сражение 1-ю и 2-ю ТА, чтобы наверняка разгромить на Зееловских высотах оборону противника. Вечером 17 апреля мне позвонил Сталин. В это время я находился на командном пункте 8-й армии у Чуйкова. Сталин сказал: «Выходит, вы недооценили врага на берлинском направлении. Я считал, что вы уже на подходе к Берлину, а вы еще на Зееловских высотах. У Конева дела начались успешнее. Не изменить ли границы между фронтами и не повернуть ли главные силы Конева и Рокоссовского на Берлин?».

Я ответил: «Это неплохо, что враг бросает все резервы из районов Берлина навстречу вверенным мне войскам. Мы их разобьем вдали от Берлина, а это облегчит

и ускорит взятие Берлина. Что касается более успешного начала действий войск 1-го Украинского фронта, то там очень мало войск противника, но, видимо, враг вынужден будет бросить навстречу Коневу более значительные силы, и тогда темп наступления там снизится. Менять сейчас границы фронтов не следует. Главную группировку Конева надо двигать быстрее на Эльбу, захватывать Тюрингию и затем готовить ее к броску на Прагу. Думаю, что не позже 22 апреля войска фронта ворвутся в Берлин. Что касается Рокоссовского — он к 22 апреля сумеет главными силами лишь только форсировать Одер и никак не сумеет своей группировкой своевременно выйти в район Берлина, да в этом и нет необходимости».

Через час я позвонил генералу А. И. Антонову — начальнику Генштаба — и спросил у него, почему Сталин забеспокоился о судьбе Берлинской операции. Антонов сказал: «Я не в курсе дела. Знаю только то, что ему звонил Конев и докладывал об успешном ходе операции».

Вражескую оборону на Зееловских высотах удалось прорвать лишь к исходу 17 апреля. В течение 18 апреля продвинулись на 4—8 км, а 19 апреля — на 9—12 км и завершили прорыв третьей полосы одерского рубежа обороны. Этот успех был достигнут, несмотря на то, что за первые четыре дня наступления враг ввел в сражение из своего резерва 7 дивизий, 2 танково-истребительные бригады и свыше 30 отдельных батальонов.

Войска 1-го Белорусского фронта медленно приближались к Берлину. 20 апреля в 13 часов 50 минут дальнобойная артиллерия 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии дала два первых залпа по фашистской столице. С этого момента начался систематический обстрел города.

21 апреля завязались бои за пригороды. 47-я армия и часть сил 2-й гвардейской ТА обходили Берлин с северо-запада.

Успешно наступали и войска 1-го Украинского фронта. В 6 часов 15 минут началась артподготовка. Авиация наносила свои удары. Во всей полосе фронта по инициативе маршала Конева была поставлена дымовая завеса, в воздухе появилась истребительная авиация. Под их прикрытием пехота

и артиллерия приступили к форсированию Нейсе.

К исходу первого дня они преодолели главную полосу обороны и вклинились во вторую.

17 апреля войска 1-го Украинского фронта завершили прорыв второй линии обороны и подошли к третьей, проходившей по левому берегу реки Шпрее.

Сталин в связи с медленным развитием наступления 1-го Белорусского фронта приказал маршалу Коневу повернуть танковые войска для нанесения удара по Берлину с юга. Конев приказал 3-й танковой армии в ночь на 18 апреля форсировать Шпрее и развивать стремительное наступление в общем направлении Фетшау, Гольсен, Барут, Тельтов, южная окраина Берлина.

4-я танковая армия получила приказ к исходу 20 апреля овладеть районом Белиц, Луккенвальде, а в ночь на 21 апреля — Потсдамом и юго-западной частью Берлина.

18 апреля река Шпрее была форсирована. Танковые армии устремились к Берлину. 20 апреля они подошли к Цоссенскому оборонительному району, прикрывавшему столицу Германии с юга, а на следующий день полностью овладели им. К исходу 21 апреля завязались бои на южном участке внешнего оборонительного обвода, несмотря на отчаянные попытки врага остановить движение войск 1-го Украинского фронта.

2-й Белорусский фронт 18 и 19 апреля частью сил форсировал Ост-Одер, очистил от противника низину между реками Ост-Одер и Вест-Одер.

20 апреля его главные силы, преодолев полноводный Вест-Одер, взломали вражескую оборону на левом берегу и с ожесточенными боями стали продвигаться на запад.

Таким образом, войска трех фронтов, действуя в полосе 300 км, в течение шести дней наступления прорвали вражескую оборону по Одеру и Нейсе. К исходу 21 апреля соединения 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов вступили в пригороды Берлина. В тот же день 3-я и 5-я ударные армии 1-го Белорусского фронта прорвали внутренний обвод обороны Берлина, а 79-й стрелковый корпус генерала С. Н. Переверткина ворвался на северо-восточную окраину Берлина.

22 апреля 3-я гвардейская ТА 1-го Украинского фронта при поддержке авиации прорвала внешний оборонительный обвод. Советские части пробившись на улицы Берлина и к концу дня вышли к каналу Тельтов. Создались условия для полной изоляции Берлинского гарнизона.

Расстояние между войсками левого крыла 1-го Белорусского фронта и вышедшими на окраины Берлина с юга войсками 1-го Украинского фронта все более сокращалось. Ставка потребовала не позже 24 апреля окружить основные силы 9-й и 4-й танковых армий противника юго-восточнее Берлина и не дать им возможности прорваться в город или на запад. Войска обеих фронтов завершили окружение франкфуртско-губенской группировки врага.

25 апреля части Красной Армии завершили окружение берлинской группировки. В ней насчитывалось около 300 тыс. солдат и офицеров, 3 тыс. орудий и минометов, 250 танков и штурмовых орудий.

В результате удачных операций 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов вражеские войска были не только окружены, но и расчленены на две группировки: берлинскую и франкфуртско-губенскую. Это явилось кульминационным моментом операции и ускорило падение Берлина.

Боевые действия армий, окруживших врага, надежно обеспечивались другими войсками.

В этот же день, 25 апреля, передовые подразделения (58-й и 97-й гвардейских дивизий) 5-й гвардейской армии генерала Жадова 1-го Украинского фронта вышли на Эльбу в районе Торгау, переправились через Эльбу и здесь части 58-й гвардейской дивизии генерала Русакова встретились с патрулями 69-й пехотной дивизии 1-й Американской армии. Это был исторический момент. Весь фронт немецко-фашистских захватчиков оказался разорванным: армии, находившиеся в Северной и Южной Германии, были отрезаны друг от друга. Рубеж встречи союзных войск заранее не определялся. 21 апреля Эйзенхауэр предложил в качестве рубежа встречи хорошо видные на суше и с воздуха реки Эльба и Мульде. Генеральный штаб Красной Армии согласился с этим предложением. В последующем рубеж уточнялся, а

командующие армиями получили право при встрече устанавливать по взаимной договоренности временную линию, которая исключала бы перемешивание войск союзников. Кстати, город Торгау находился в 20 км восточнее согласованного рубежа встречи, и американцы вскоре отошли здесь за Мульде.

Враг продолжал сопротивляться. 22 апреля из тюрем были выпущены уголовники, которых фашисты также привлекли к обороне. В состав гарнизона Берлина влилось до 80 тыс. солдат отошедших частей и 32 тыс. полицейских. Общая численность гарнизона теперь превышала 300 тыс. человек. Вновь сформированную 12-ю армию, предназначавшуюся для действий на рубеже Эльбы против американских войск, гитлеровское командование решило повернуть на восток против 1-го Украинского фронта. Она получила приказ наступать в направлении Ютеборга, соединиться в этом районе с пытавшимися пробиться из окружения на запад частями 9-й армии, а затем вместе с ними освободить Берлин. Южнее Берлина разгорелось ожесточенное кровопролитное сражение, которое продолжалось до 1 мая. Стремясь вырваться из объятых пожаром лесов, немцы отчаянно атаковали. Прорвавшиеся вновь окружались войсками 1-го Украинского фронта. Затем следовал новый прорыв. Так продолжалось до конца Берлинской операции. До соединения противнику оставались какие-то 3—4 км, но преодолеть их суждено было немногим. Весь путь, по которому немцы стремились выйти из окружения, был покрыт трупами, разбитой и брошенной техникой. Лесные массивы пылали. Наконец, 120 тыс. солдат и офицеров сдались в плен. 30 апреля фельдмаршал Кейтель и генерал Йодль, руководившие прорывом по личному приказу Гитлера, доложили фюреру, что план помощи Берлину не удался.

Но ничто не могло спасти фашистов от неминуемого краха. Положение берлинского гарнизона становилось катастрофическим. С потерей окраин города враг лишился большинства складов, особенно продовольственных. Были установлены жесткие нормы снабжения населения. С 21 апреля полностью остановились все предприятия, израсходовавшие запасы угля, прекратилась подача электроэнергии и газа. В городе началась

паника. Столицу покинули многие руководители фашистской партии, в том числе Геринг и Гиммлер.

Берлинский гарнизон продолжал безнадёжное сопротивление. 23 апреля Жуков предложил окруженным в городе войскам прекратить бессмысленную борьбу и сдаться. Ответа не последовало. Начался штурм.

Советским воинам предстояло еще преодолеть серьезные трудности. Берлин пылал. Шли упорные уличные бои. В этих условиях огромное значение имели действия мелких подразделений. Танки, вступая на улицы Берлина, теряли одно из главных преимуществ — маневренность, и это делало их весьма уязвимыми. Поэтому самостоятельно, без пехоты, они не могли вести борьбу в городе, но и стрелковые части нуждались в поддержке инженерно-саперных частей и подразделений. То, что не поддавалось орудию огню, взрывалось саперами. Но им, в свою очередь, требовалось огневое прикрытие со стороны пехоты.

Преодоление столь мощной обороны города требовало организационного единства различных родов войск. И основой ведения боя в Берлине стали штурмовые группы и отряды. Штурмовая группа представляла собой стрелковую роту или взвод, усиленные артиллерией, танками и саперами, а штурмовой отряд — стрелковый батальон с соответствующими средствами усиления.

Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, преодолевая упорное сопротивление врага, приближались к центру города. Уже недалеко было до имперской канцелярии, в бункерах которой находился Гитлер и его приближенные. Недалеко было и до рейхстага. Чтобы быстрее сломить сопротивление врага, было решено нанести мощный бомбовый удар по важным объектам центра. 25 апреля более 2 тыс. бомбардировщиков обрушили на них сотни тонн бомб.

Ломая оборону гитлеровцев, упорно продвигались на запад и войска 2-го Белорусского фронта. Это исключало возможность нанесения контрудара группой армий «Висла» с севера.

Итак, в результате успешных наступательных действий трех фронтов создались все условия для того, чтобы в короткий срок разгромить окруженные в Берлине и юго-

восточнее его вражеские войска и полностью овладеть германской столицей. Эта задача была решена советскими войсками в период с 26 апреля по 2 мая.

Немецко-фашистские войска, окруженные и расчлененные, продолжали оказывать упорное сопротивление. Враг пытался разорвать фронт окружения. Упорно пыталась вырваться на запад франкфуртско-губенская группировка врага. Навстречу ей пробивались передовые части 12-й немецкой армии.

Однако фронт окружения все более сжимался. Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов совместными усилиями расчленили франкфуртско-губенскую группировку на несколько мелких групп и 1 мая закончили ее ликвидацию.

Особую ожесточенность приобрели бои в центральном секторе Берлина. Этот сектор от остальной части города отделялся с северной стороны рекой Шпрее, с южной Ландвер-каналом, берега которых высотой до 3 м одеты в гранит. Большинство мостов гитлеровцы взорвали. Сохранившийся на Шпрее мост Мольтке был сильно защищен. Сильные укрепления враг создал и в парке Тиргартен («Зоологический сад»).

В ходе наступления на рейхстаг танковые части Конева очутились в тылу войск Жукова, наступавших на запад. Генеральный штаб и координатор действий фронтов Сталин запоздали с назначением линии разграничения войск. Они перемешались. Вечером 28 апреля Конев направил Жукову телеграмму с просьбой изменить направление наступления армий, действовавших в южной части Берлина, что сделать было невозможно. Жуков обратился к Сталину с предложением либо разграничить действия войск, либо вывести войска Конева из Берлина. Сталин сразу же принял второе предложение. Танковая армия 1-го Украинского фронта, наступавшая на рейхстаг, была повернута назад, а войска Конева получили задачу наступать из южной части Берлина на запад. Нужно сказать, что после окружения противника в Берлине необходимости участия войск 1-го Украинского фронта в штурме города не было. После войны это признавал и сам Конев.

В результате ожесточенных боев советские войска на некоторых участках прорвали оборону центрального сектора. С севера

к нему вышла 3-я ударная армия, с востока и юго-востока 5-я армия, 8-я гвардейская и 1-я гвардейская ТА; с юга продвигались 3-я гвардейская ТА и 128-й корпус 28-й армии; с юго-запада — соединения 4-й гвардейской ТА: с запада и северо-запада — 47-я и 2-я гвардейская ТА. Правофланговый 79-й корпус 3-й ударной армии, овладев районом Моабита, подошел к реке Шпрее у моста Мольтке. Через него открывался кратчайший путь к рейхстагу. В ночь на 29 апреля этот мост захватили бойцы 1-го батальона капитана С. А. Неустроева из 756-го полка 150-й дивизии и 1-го батальона старшего лейтенанта К. Я. Самсонова из 380-го полка 171-й дивизии. Вскоре наступавшие войска находились в 300—500 м от рейхстага. Но с ходу овладеть им не удалось.

30 апреля его штурмовали трижды. Утренняя атака с ходу успеха не принесла. Сосредоточив большое количество артиллерии, танков, атаку повторили в полдень, но она захлебнулась в 200 м от здания. Тем не менее кому-то показалось, что солдаты ворвались в рейхстаг, и понеслись победные доклады. К зданию устремились корреспонденты, однако атакующие батальоны вели бои на подступах к рейхстагу. Только третья атака, начатая вечером, оказалась успешной. Пехота овладела первым этажом, а группы с красными флагами водрузили их на рейхстаге. Повсюду на рейхстаге взвились красные флаги. Утром 1 мая корреспонденты насчитали на здании десятки флагов. О том, какой из них был водружен первым, до сих пор идут споры.

Военный совет 3-й ударной армии утвердил 9 специальных знамен (по числу дивизий в армии), изготовленных по стандарту Государственного флага СССР. Одно из девяти (№ 5) было передано в 150-ю стрелковую дивизию, которая вела основные бои за рейхстаг. Рейхстаг штурмовали два полка этой дивизии — 674-й и 756-й. В 756-м полку и находилось это знамя.

По официальной версии знамя № 5 было водружено над рейхстагом сержантами М. А. Егоровым и М. В. Кантария, служившими в 756-м полку, вечером 30 апреля.

Г. А. Куманев пишет, что во многих изданиях утверждается, что якобы уже в 14 часов 25 минут 30 апреля над поверженным

рейхстагом развивалось Красное Знамя, и что его водрузили именно разведчик Егоров и Кантария. На этот счет имеется даже ряд документов, в том числе направленное в 18.00 30 апреля донесение штаба 150-й дивизии в штаб 79-го корпуса, заверенное ее командиром генерал-майором В. М. Шатиловым. В нем говорилось, что в 14 часов 25 минут 30.04.45 г., сломив сопротивление противника в кварталах северо-западнее рейхстага, 1/176 и 1/674 стрелковые полки штурмом овладели зданием рейхстага и водрузили на южной его части Красное Знамя.

По цепочке это радостное сообщение пошло «наверх» и нашло, в частности, отражение в поздравительном приказе № 06 Военного Совета 1-го Белорусского фронта, содержание которого позднее было воспроизведено в первом издании книги маршала Жукова.

Многие исторические факты свидетельствуют, что штурм рейхстага, начатый рано утром 30 апреля, принял весьма упорный и затяжной характер.

Ни одного советского солдата днем, включая и 14 часов 25 минут, в рейхстаге еще не было, и упомянутое выше донесение штаба 150-й дивизии оказалось преждевременным. Бой за рейхстаг вновь разгорелся только с 22 часов по местному времени после артподготовки.

Среди атакующих первыми удалось ворваться на крышу рейхстага воинам штурмовой группы капитана В. Н. Макова в составе артиллеристов-разведчиков старших сержантов Г. К. Загитова, А. Ф. Лисименко, А. П. Боброва и парторга батареи сержанта М. П. Минина (756-й стрелковый полк). Здесь они и водрузили на скульптурной фигуре Красное Знамя, врученное им командованием 79-го стрелкового корпуса. «Знамя установлено в 22.40 30.04.45 года», — доложил Маков по своей рации командиру 79-го стрелкового корпуса генералу С. Н. Переверткину.

А как же Егоров и Кантария? Г. А. Куманев пишет, что они находились во втором эшелоне атакующих и водрузили позднее на скульптуре конного рыцаря — кайзера Вильгельма (с восточной стороны здания над депутатским входом) — врученное им Красное Знамя (№ 5), что сами отмечали в своей кни-

ге «Знамя Победы». Перенесенное ими позднее — 2 мая — на купол рейхстага, оно по предложению Военного совета 3-й ударной армии стало считаться Знаменем Победы.

1 мая 1945 г. воины из группы Макова были представлены командованием 79-го корпуса и 3-й ударной армии к званию Героя Советского Союза, однако командованием 1-го Белорусского фронта от 18 мая 1945 г. они были награждены орденом Красного Знамени. Егоров и Кантария тоже были награждены орденом Красного Знамени. 8 мая 1946 г. Егоров и Кантария удостоены и звания Героя Советского Союза. Группа Макова звания Героя России удостоена 21 мая 1997 г. — четверо посмертно и Минин. 9 мая 2005 г., М. П. Минин, выступая по российскому телевидению, говорил, что первыми дошли до рейхстага не мы, а неизвестный солдат, так как, когда мы подбежали к рейхстагу, он стоял у входа и растерянно смотрел по сторонам, не зная, что ему дальше делать.

Однако борьба за рейхстаг продолжалась. И только утром 2 мая остатки оборонявших его частей капитулировали. В боях за рейхстаг было убито и ранено более 2 тыс. немецких солдат и офицеров, взято в плен 2604, захвачено 1800 винтовок и автоматов, 59 орудий, 15 танков и штурмовых орудий.

Надписи на рейхстаге, записанные фронтовиком Н. И. Сайгиным, бывшим ректором Оренбургского государственного педагогического института, кандидатом исторических наук, доцентом: «Плачь, Берлин, над разбитым рейхстагом»; «Мы пришли с Волги на берега Шпрее», «За слезы детей и матерей наших», «Мы из Чкалова».

Во время штурма рейхстага соединения 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов сжимали кольцо вокруг центра. 1 мая захватили район Тиргартена. Положение врага стало безнадежным. 30 апреля покончил с собой Гитлер.

Рано утром 1 мая в распоряжение частей 8-й гвардейской армии прибыл начальник штаба сухопутных войск генерал пехоты Г. Кребс. Переговоры с ним вел командующий 8-й армией генерал Чуйков (ранее 62-я армия). Из порученной Кребсу миссии выяснилось, что гитлеровцы пытаются избежать безоговорочной капитуляции. Тогда

советское командование усилило натиск. В 18 часов 30 минут вся артиллерия, участвовавшая в штурме центрального сектора города, начала мощный огневой удар. В 00 часов 40 минут 2 мая фашисты по радио обратились с просьбой прекратить огонь и сообщили о высылке парламентариев. Прибывший вслед за парламентарием командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг от имени фашистского командования заявил о согласии на безоговорочную капитуляцию. К 15 часам 2 мая сопротивление берлинского гарнизона повсеместно прекратилось. 135 тыс. немцев взято в плен. К исходу дня советские войска заняли весь город.

Первым комендантом Берлина назначен генерал-полковник Н. Э. Берзарин, командующий 5-й ударной армией. Однако 16 июня он погиб при выполнении служебных обязанностей в автомобильной катастрофе. После него стал комендантом Берлина и командующим 5-й армией Герой Советского Союза генерал-полковник А. В. Горбатов (командующий 3-й армией).

Советское правительство выделило голодающему населению Берлина 6 млн. пудов муки и зерна и большое количество других продуктов из запасов войск.

13.3. Итоги и значение Берлинской операции. Капитуляция врага

В ходе Берлинской операции Красная Армия разгромила 70 пехотных, 12 танковых, 11 моторизованных дивизий. Всего взято в плен около 480 тыс. немецких солдат и офицеров. Советские войска потеряли с 16 апреля по 8 мая 300 тыс. солдат и офицеров (из них 102 тыс. безвозвратно), 1220 орудий и минометов, 2156 танков и САУ, 527 самолетов. Как бы отвечая своим оппонентам, маршал Жуков писал: «Сейчас, спустя много времени, размышляя о плане Берлинской операции, я пришел к выводу, что разгром Берлинской группировки противника и взятие самого Берлина были сделаны правильно...»

Слов нет, теперь, когда с полнотой все ясно, куда легче мысленно строить наступательный план, чем тогда, когда надо было практически решать уравнение со многими неизвестными».

В ходе Берлинской операции свыше 600 солдат и офицеров удостоились звания Героя Советского Союза, Маршал Советского Союза Жуков награжден третьей, а Конев и Рокоссовский — второй медалью «Золотая звезда». Звания Героя Советского Союза были удостоены командиры 3-х батальонов, штурмовавших рейхстаг: капитан Давыдов, капитан Неустроев, старший лейтенант Самсонов.

Среди солдат и офицеров, удостоенных звания Героя Советского Союза за участие в Берлинской операции, есть и наши земляки-оренбуржцы: Барсуков Александр Яковлевич — уроженец села Украинка Сакмарского района, Калинин Михаил Михайлович — уроженец с. Елшанка Бузулукского района — лейтенант, командир 2-го отряда полуглиссеров был удостоен высокого звания за форсирование реки Шпрее (о нем упоминает Жуков в своих мемуарах); Черненко Николай Власович — старший сержант — уроженец с. Илек Оренбургской области, Филипповский Иван Митрофанович и некоторые другие.

Берлинская операция по характеру выполняемых задач и результатам делится на три этапа:

1. Прорыв одерско-нейсенского рубежа обороны (16—19 апреля).

2. Окружение и расчленение войск противника (19—25 апреля).

3. Уничтожение окруженных группировок врага, взятие Берлина (с 26 апреля по 8 мая). Уничтожение франкфуртско-губенской группировки врага продолжалось с 26 апреля по 1 мая, а берлинской группировки — до 2 мая.

Однако и после овладения Красной Армией Берлином враг продолжал сопротивляться. 7 мая в Реймсе, где находился штаб генерала Эйзенхауэра, состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии на всех фронтах. Согласно его условиям, германские войска в 23 часа 01 минуту 8 мая, оставаясь там, где их застало это время, должны были прекратить боевые действия. Однако враг продолжал оказывать упорное сопротивление советским войскам. Подписанный в Реймсе акт о капитуляции Германии все союзники считали предварительным. Окончательная церемония прове-

дена в Берлине, где родились планы развязывания Второй мировой войны. Германия капитулировала в ночь с 8 мая на 9 мая. Церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил проходила в пригороде Берлина Карлсхорсте, в здании бывшей столовой немецкого военно-инженерного училища. Она началась ровно в полночь 8 мая и закончилась в 0 часов 43 минуты по московскому времени 9 мая. Этот акт от имени немецкого верховного командования подписали фельдмаршал В. Кейтель, адмирал флота фон Г. Фридебург и генерал-полковник авиации Г. Штумпф, а от имени союзных держав-победителей Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, главный маршал авиации Великобритании А. Теддер и свидетели — представитель США генерал К. Спаатс и представитель французской делегации генерал Ж.-М. Делатр де Тассиньи.

В соответствии с этим актом стали сдаваться в плен германские войска. В ночь на 9 мая на территории СССР сложила оружие Курляндская группировка противника в составе 16-й и 18-й армий. Утром 9 мая капитулировали части вермахта в устье Вислы и на Балтийской косе. Однако на юге, в Чехии, группа немецко-фашистских войск под командованием фельдмаршала Шернера еще продолжала сопротивление. Она удерживала Прагу, над которой нависла угроза полного разрушения. 5 мая в Праге стихийно началось восстание. Шернер приказал подавить восстание. Чехи обратились за помощью к американскому и советскому командованию, а также к командованию двух дивизий Русской освободительной армии, созданной находившимся в германском плену генералом А. А. Власовым из советских военнопленных, перешедших на службу вермахта. В начале мая обе дивизии во главе с генералом Власовым двигались на запад к американцам, пытаясь избежать справедливой кары за измену Родине, и находились недалеко от Праги. Соглашение между командованием одной из дивизий власовцев и военным руководством, которое готовило восстание, было достигнуто еще утром 5 мая. Командование дивизии таким путем хотело искупить свою вину. Другая дивизия и Власов не верили в такую возможность и от участия

в боевых действиях против немцев отказались. К вечеру 6 мая власовцы, носившие форму эсэсовцев, внезапно атаковали немцев и овладели районами Праги западнее Влтавы. Однако в политическом руководстве восстанием единства по отношению к власовцам не было. Коммунисты и лидеры профсоюзов, понимая, что Прагу займут не американцы, а Красная Армия, не захотели продолжать сотрудничество с предателями советского народа и потребовали разорвать соглашение с ними. К утру 8 мая власовцы покинули город. Городом вновь овладели немцы.

1-й Украинский фронт должен был начать наступление на Прагу 7 мая. Но, узнав о восстании, Конев начал операцию на день раньше. На рассвете 9 мая танки 1-го Украинского фронта ворвались в Прагу. 11 мая и здесь враг сложил оружие.

В составе советских фронтов в Пражской операции участвовали 1-й чехословацкий армейский корпус, 2-я армия Войска Польского, 1-я и 4-я румынские армии. В ходе операции было взято в плен около 860 тыс. солдат и офицеров, захвачено 9,5 тыс. орудий и минометов, 1,8 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше тысячи самолетов.

Сталин хотел озаглавить День Победы, чтобы он остался в памяти потомков. 9 мая издан приказ № 369 Верховного Главнокомандующего об окончании войны с фашистской Германией. В 22.00 в Москве дан торжественный салют — 30 залпов из 1000 орудий. Победный майский салют 1945 года отличался от всех других и временем проведения, и количеством залпов, и количеством орудий.

Градация торжественных военных и государственных салютов была разработана в международном праве еще в 1815 г. после победы европейских государств над Наполеоном, и ее строго придерживались в XIX и XX веках все государства мира.

21 залп — официальный — «королевский салют» — от 1 до 12 орудий.

Сталин разработал новую систему салютования начиная с 1943 г. Согласно этой системе устанавливались 3 степени салютования в ознаменование:

1) особо выдающихся событий (освобождение столиц республик, столиц ино-

странных государств, выход на госграницу, завершение войны с союзниками (Германия) — 24 залпа из 324 орудий. Салют производился в 21.00;

2) крупных событий (освобождение крупных городов, завершение крупных стратегических операций, форсирование крупных рек: Дона, Днепра, Дуная, Вислы) — 20 залпов из 224 орудий. Салют — в 20.00;

3) важных военно-оперативных достижений (овладение важными железнодорожными, морскими, шоссейными пунктами и узлами дорог, окружение крупных группировок врага) — 12 залпов из 124 орудий. Салют — в 19.00.

24 июня 1945 г. в Москве на Красной площади состоялся парад Победы. Парадом командовал Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, принимал парад Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

12 февраля 1945 г., когда неумолимо приближался конец кровавой фашистской тирании, популярный на Западе американский журнал «Лайф» в статье «Жуков» писал следующее: «Что бы ни произошло в течение ближайших недель, Георгий Константинович Жуков войдет в историю как один из крупнейших полководцев Второй мировой войны. Занимая в настоящее время пост командующего отборными войсками Красной Армии в центральном секторе Восточного фронта, он явно предназначен Сталиным к роли завоевателя Берлина. Его успехи на поле боя не имеют себе равных. В нынешней войне ни среди союзных армий, ни в германской армии нельзя найти ни одного генерала, равного Жукову».

Президент Академии военных наук, доктор военных наук и доктор исторических наук, генерал армии, ветеран Великой Отечественной войны М. А. Гареев пишет в своей книге «Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства» (1996), что «Г. К. Жуков войдет в военную историю как великий полководец. Равных ему в нашей стране после А. В. Суворова не было». К. К. Рокоссовский подчеркивал, что у него «всего было через край — и таланта, и энергии, и уверенности в своих силах».

7 сентября 1945 г. состоялся парад войск в честь Победы над Германией в самом Берлине.

13.4. Суд народов

Международный судебный процесс над группой главных нацистских военных преступников проводился в Нюрнберге (Германия) с 20 ноября 1945 по 1 октября 1946 г. Мысль о том, что руководителей нацистской Германии надо судить, приходила в голову всем, кого так или иначе коснулась Вторая мировая война. Вначале делать это предполагалось по старинке: в каждой стране выносят приговоры тем, кто совершил преступления на ее территории. Затем американский президент Рузвельт предложил союзникам по антигитлеровской коалиции объединиться для суда так же, как они объединились для войны. Международный военный трибунал был создан Лондонским соглашением от 8 августа 1945 г. между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции (к этому соглашению присоединились еще 19 государств). Местом проведения суда союзники выбрали Нюрнберг, город, в котором при нацистах традиционно проходили съезды НСДАП. Весь исторический город был разрушен англо-американской авиацией, но огромное здание Дворца правосудия сохранилось.

Чтобы соблюсти все формальности судопроизводства, каждая из стран-победителей назначила для процесса своего члена трибунала (от СССР — генерал-майор юстиции Никитченко) и обвинителя (будущий Генпрокурор СССР Руденко). Взаимопонимание между юристами стран-победителей было такое, что американским обвинителям доверили выступать по разделу «Агрессия против СССР», а советским — по разделу «Преступления против человечности».

Суду были преданы 24 военных преступника, входивших в правящую клику фашистской Германии: Г. Геринг, Р. Гесс, И. фон Риббентроп, В. Кейтель, Р. Лей, Э. Кальтенбруннер, А. Розенберг, Г. Франк, А. Йодль и др. М. Борман скрылся и был судим заочно. Глава Трудового фронта (профсоюзов) Германии Роберт Лей сам повесился в тюремной камере, прочитав обвинительное заключение. Крупп был признан неизлечимо больным, в связи с чем дело о нем было приостановлено, а впоследствии прекращено по причине смерти.

Состоялось 403 судебных заседания, на которых подсудимые дали показания, было допрошено 116 свидетелей, среди них польская писательница Северина Шмаглевская, которая около двух лет провела в одном из самых страшных концентрационных лагерей — Биркенау, филиале Освенцима. Она дышала воздухом печей Биркенау, где сотнями, тысячами сжигали людей, ходила по снегу, густо припорошенному черной жирной копотью. Она рассказывала о том, как в газовые камеры толпами водили детей. Свидетель заявила, что «умерщвление детей для эсесовцев было чем-то вроде спорта, острого развлечения, и был среди них человек по имени Адольф, который любил расстреливать детей в присутствии родителей... Когда «газовни» не успевали справляться со своей работой, детей подводили прямо к каминам и тут же пристреливали, — изверги, настоящие изверги!» Свидетельница почти кричит. Глаза у нее горят, будто прямо тут, в солидной тишине зала, перед ней обреченные малыши, в которых стреляют эсесовцы. И повернувшись в сторону подсудимых, она обессиленным шепотом задает им вопрос, который, однако, очень четко слышен в наушниках: «От имени всех женщин, побывавших в лагерях, спрашиваю вас: где наши дети?» И в эту минуту все видят, как нацистские изверги, уже привыкшие к плавному, довольно спокойному течению процесса, сидят, окаменев, опустив глаза, вобрав головы в плечи.

Как свидетель выступил на процессе и фельдмаршал немецкой армии Фридрих фон Паулюс, плененный в ходе Сталинградской битвы. По воспоминаниям писателя Бориса Полевого, присутствовавшего на процессе, «Паулюс говорил по-солдатски коротко, лаконично. Четко формулировал фразы, которые он, вероятно, хорошо продумал за три года своего пленения. Повествуя о преступной деятельности немецкого генштаба, он иногда поднимал глаза и смотрел на подсудимых, и те, на ком он останавливал взгляд, отворачивались, начинали нервно барабанить пальцами по пюпитру». На Нюрнбергском процессе как свидетель выступил директор Эрмитажа И. А. Орбели, который говорил об уничтожении нацистами культурных ценностей. Он приводил только фак-

ты. Он назвал число снарядов, выпущенных по Эрмитажу фашистскими артиллеристами, он назвал число бомб, сброшенных на Эрмитаж фашистскими летчиками. Он говорил о снаряде, который ранил гранитное тело эрмитажного атланта, говорил о снарядах, которые рвались в эрмитажных залах. Он перечислил затем архитектурные памятники, пострадавшие в Ленинграде от артиллерийских обстрелов и авиационных бомб, и рассказал о руинах, которые видел в Петергофе, Пушкине, Павловске.

На процессе было рассмотрено свыше 5 тыс. документальных доказательств, среди них дневник ленинградской школьницы Тани Савичевой, в котором день за днем она фиксировала смерть своих близких от голода.

Процесс велся одновременно на четырех языках, в том числе на немецком. Подсудимые пользовались широкими возможностями для судебной защиты, имели адвокатов по своему выбору. Адвокатами всех обвиняемых были немцы. На процессе была создана атмосфера строжайшего соблюдения законности, не было ни одного факта нарушения прав подсудимых, предусмотренных уставом. Процесс был гласным. Аккредитованные при трибунале 249 корреспондентов газет, журналов и других средств массовой информации освещали ход процесса. Принимали участие советские писатели Борис Полевой, Сергей Крушинский, Илья Эренбург, Константин Федин, Всеволод Вишневский, Леонид Леонов, художники-карикатуристы Кукрыниксы и Борис Ефимов. Было выдано более 60 тыс. пропусков для публики. Правда, были и «неприкасаемые» темы. По взаимному согласию стран-победительниц СССР не «теребил» вопрос о признании Англией и Францией присоединения Австрии и оккупации Чехословакии. За это западные страны не касались неприятной для Советского Союза истории о пакте Молотова — Риббентропа.

На Нюрнбергском процессе со стороны СССР главным обвинителем выступал Роман Андреевич Руденко, который использовал переведенные предварительно на русский язык немецкие трофейные документы Главного управления имперской безопасности, гестапо, национал-социалистической рабочей партии Германии, канцелярии Гит-

лера, Генерального штаба немецкой армии, министерства по делам оккупированных восточных территорий, военного министерства, министерства иностранных дел, внутренних дел Германии и т.д.

1 октября 1946 г. был оглашен приговор Международного военного трибунала. К смертной казни через повешение были приговорены 12 человек (в том числе премьер Гитлера и рейхсминистр авиации Герман Геринг, министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп, начальник верховного командования вермахта (ОКВ) Вильгельм Кейтель, министр по делам восточных территорий Альфред Розенберг, начальник оперативного штаба ОКВ Альфред Йодль, начальник главного управления имперской безопасности (РСХА) Эрнст Кальтенбруннер, генерал-губернатор Польши Ганс Франк, министр внутренних дел Вильгельм Фрик, начальник канцелярии НСДАП Мартин Борман (заочно); к пожизненному тюремному заключению — трое (первый заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс, президент Рейхсбанка Вальтер Функ и командующий немецким флотом Эрих Редер); к тюремному заключению на 20 лет — фюрер гитлерюгенда Бальдур фон Ширах и министр вооружений Альберт Шпеер; на

15 лет — наместник в Чехии фон Нейрат и на 10 лет — командующий подводными силами Карл Дениц. Были оправданы Шахт, Папен и Фриче. Ходатайство о помиловании было отклонено, ходатайство военных о замене повешения на расстрел — тоже. Приговор приведен в исполнение в ночь на 16 октября 1946 г. Тела казненных и покончившего самоубийством за час до казни Геринга (отравился цианистым калием, который принес ему его адвокат) были сфотографированы и затем сожжены, а прах был развеян с самолета по ветру.

Процесс имеет огромное историческое значение (его называют иногда судом истории). Он стал одним из символов XX века, символом справедливого суда и неотвратимого возмездия. На нем была разоблачена человеконенавистническая сущность фашизма, его планы физического истребления десятков миллионов людей, уничтожения целых народов и государств, его преступная политика и кровавая практика. Нюрнбергский процесс вскрыл чудовищные злодеяния нацистов в концлагерях и других застенках, в которых было истреблено свыше 12 миллионов человек, в том числе мирное население.

14. РАЗГРОМ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЯПОНИИ

Рекомендуемая литература: 25; 34; 31; 35; 48; 49; 78; 100; 101; 109; 110; 111; 112; 136; 167; 182; 196; 212.

14.1. Причины вступления Советского Союза в войну с Японией

С поражением фашистской Германии, окончанием войны в Европе резко ухудшилось военно-политическое положение Японии: она оказалась в полной изоляции. Страны антифашистской коалиции могли теперь сосредоточить все свои усилия на борьбе против японского агрессора. Основными причинами вступления СССР в войну с Японией являются:

1. Вступление в войну с Японией полностью соответствовало союзническим обязательствам СССР, взятым на Ялтинской и подтвержденным на Потсдамской конференциях, т.е. СССР, верный союзническому долгу, открыл военные действия против Японии.

2. Япония своей агрессивной политикой всегда угрожала дальневосточным рубежам Советского Союза, поэтому необходимо было обезопасить свои границы.

3. Война со стороны СССР была войной за национально-государственные интересы страны.

4. Вступление СССР в войну против Японии явилось логическим продолжением Великой Отечественной войны, политики Советского Союза, направленной на разгром агрессоров на Западе и Востоке. Политическая цель военной кампании СССР на Дальнем Востоке сводилась к тому, чтобы как можно быстрее ликвидировать последний очаг Второй мировой войны, совместно с союзниками изгнать агрессоров из оккупированных Японией стран, содействовать восстановлению всеобщего мира.

С конца 1943 года, со времени встречи в Тегеране, США и Великобритания настойчиво добивались от Советского Союза обязательства вступления в войну с Японией, с которой союзники воевали с декабря 1941 г. Осенью 1941 г. Япония завершила подготовку к войне против США и начала ее 7 декабря, напав на Перл-Харбор. События на тихоокеанском театре военных действий развивались неравномерно: от успехов Японии в войне до постепенного достижения превосходства американских и английских войск и захвата ими важных стратегических пунктов. Хотя военно-экономический потенциал Японии и начал истощаться, она была еще в состоянии оказывать длительное упорное сопротивление. Вступление в войну на Дальнем Востоке Советского Союза представлялось союзникам по антигитлеровской коалиции обязательным. В архиве внешней политики РФ хранится дневник Я. А. Малика (1906—1980), известного советского дипломата, заместителя министра иностранных дел СССР в конце 1940-х — 1970-х гг., постоянного представителя СССР при ООН в 1948—1952 и 1952—1976 гг. С 1942 г. вплоть до объявления СССР войны Японии 8 августа 1945 г. Малик был Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Токио. Дневниковые записи содержат очень интересные сведения о дипломатических переговорах между союзниками относительно вступления СССР в войну с Японией.

На протяжении всего 1944 г. американские дипломаты на встречах с советскими представителями при каждом удобном случае стремились затронуть эту тему. 14 дека-

бря 1944 г. Сталин в беседе с американским послом в Москве А. Гарриманом изложил политические условия вступления СССР в войну на Дальнем Востоке. Он высказал желание о восстановлении прав СССР на ранее утраченную Россией территорию Южного Сахалина, а также на Курильские острова и прав, которые она имела до русско-японской войны 1904—1905 гг. в Маньчжурии.

Накануне Крымской конференции Объединенный комитет начальников штабов США и военное командование Великобритании на совещании 30 января — 2 февраля 1945 г. на острове Мальта подтвердили дату окончания войны с Японией — через 18 месяцев после поражения Германии. Завершение войны предусматривалось к концу 1946 г. Такое планирование объяснялось тем, что к началу 1945 г. в японской армии насчитывалось свыше 7 млн. человек, в том числе около 6 млн. человек в сухопутных войсках и авиации. На вооружении армии находилось 10 тыс. самолетов, около 500 боевых кораблей. Войска же США и Великобритании на Тихом и Индийском океанах и в Юго-Восточной Азии составляли всего 1,8 млн. военнослужащих, авиация — 5 тыс. самолетов. Такое соотношение сил исключало быструю победу. Необходимо было перебрасывать на Дальневосточный театр боевых действий дополнительно значительные вооруженные силы.

Условия вступления СССР в войну против Японии разрабатывались советской стороной уже с 1943 г., после Тегеранской конференции.

На Крымской конференции Рузвельт, ознакомившись с предложениями советской стороны, бросил реплику: «Русские хотят вернуть то, что у них было отторгнуто». Черчилль согласился с этим.

В ходе Крымской (Ялтинской) конференции (4—11 февраля 1945 г.) в результате прямых переговоров между Сталиным и Рузвельтом соглашение об участии СССР в войне против Японии приобрело форму официального обязательства. Советские войска должны были начать военные действия не позже чем через три месяца после окончания войны в Европе. Взамен Сталин добился территориальных уступок для СССР. Они включали: южную часть Саха-

лина и Курильские острова, военную базу Порт-Артур в Китае и объявление порта Дальний открытым портом при соблюдении преимущественных интересов СССР, а также совместная эксплуатация Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог на началах организации смешанного советско-китайского Общества. Тем самым восстанавливались все те права, которыми Россия обладала на Дальнем Востоке до поражения в войне с Японией в 1905 г.

Ялтинская конференция повлекла за собой немедленные практические последствия. 5 апреля 1945 г. СССР денонсировал договор о нейтралитете с Японией, заключенный четырем годами раньше, 13 апреля 1941 г. О мотивах денонсации говорилось, что «обстановка изменилась в корне... Япония, союзница Германии, помогает в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза». Однако японское правительство не посчиталось с этим серьезным предупреждением и до конца войны в Европе продолжало поддерживать Германию.

Участие в войне против Японии отвечало также некоторым глубинным интересам СССР, которые отнюдь не исчерпывались территориальными приобретениями, согласованными в Ялте. Можно сказать, что с 1918 г. Япония всегда представляла угрозу дальневосточным границам Советского Союза — угрозу, сделавшуюся особенно острой после 1931 г., когда японцы завершили завоевание Маньчжурии. Об агрессивных намерениях Японии в отношении Советского Союза до начала Великой Отечественной войны свидетельствуют вторжения японских войск на территорию СССР и бои у озера Хасан (1938 г., недалеко от Владивостока) и на территорию Монголии и бои у реки Халхин-Гол (1939 г.), где японцы получили достойный отпор от советских войск. Несмотря на договор о нейтралитете, страх перед японским ударом в спину неотвязно преследовал Москву в трагические месяцы 1941 г. и в трагические дни отступления в 1942 г.

Вопреки своему союзу с гитлеровской Германией Япония, правда, так ничего и не предприняла против СССР. Но советские руководители были убеждены, и вполне обо-

снованно, что такая пассивность Японии обусловлена отнюдь не благожелательным отношением к нашей стране, а скорее теми поражениями, которые немцы потерпели в решающий момент наступления. На протяжении всей войны Советский Союз продолжал держать довольно внушительные, хотя и меньшие, чем прежде, войска для защиты своих границ на Дальнем Востоке — от 32 до 59 расчетных дивизий сухопутных войск, от 10 до 29 авиационных дивизий и до шести дивизий и пяти бригад ПВО общей численностью свыше 1 миллиона человек.

Кроме того, японские правящие круги чинили всякие препятствия советскому судоходству. Так, они запретили проход судов СССР через пролив Цугару (Сангарский) и предложили пользоваться проливом Лаперуза, что значительно удлиняло путь из портов советского Приморья в Тихий океан. В период с 1 декабря 1941 г. по 10 апреля 1945 г. японские военные корабли до 200 раз незаконно задерживали советские торговые и рыболовные суда, причем в ряде случаев на длительный срок, а 18 транспортов потопили (по другим сведениям 3 торговых судна были торпедированы японскими подводными лодками). Продолжались провокации японцев и на дальневосточных рубежах СССР. В 1941 г. Квантунская армия нарушила сухопутную границу СССР 136 раз, в 1942 г. — 229 раз, в 1943 г. — 433 раза, в 1944 г. зафиксировано 144 случая нарушения ими границ и 39 случаев обстрела советской территории.

Вступлению СССР в войну против Японии предшествовала большая напряженная дипломатическая работа. Ялтинскими соглашениями предусматривалось, что американцы выступают в качестве посредников между Советским Союзом и Китаем с целью убедить последних принять те условия послевоенного урегулирования, которые касались их страны. Но Москве пришлось вести и прямые переговоры с правительством Чан-Кайши. Это были непростые переговоры: начавшись в конце апреля, они завершились лишь 14 августа, когда советские войска проникли уже глубоко на территорию Маньчжурии. Помимо целого ряда соглашений, придававших юридическую форму Ялтинским решениям, тогда был подписан и советско-китайский договор о дружбе и союзе.

Вступление в войну на Дальнем Востоке Советского Союза представлялось союзникам по антигитлеровской коалиции обязательным. Трумэн в мемуарах писал: «Было много причин для моей поездки в Потсдам, но наиболее срочным, с моей точки зрения, являлось то, чтобы получить от Сталина личное подтверждение вступления России в войну против Японии, в чем наши военные руководители были больше всего заинтересованы».

В дни Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.) произошло новое событие, оказавшее влияние уже и на работу «большой тройки», но призванное в будущем куда более мощно воздействовать на все политические отношения в мире. Вечером 16 июля, накануне открытия конференции, Трумэн получил из США краткое сообщение. В четырех строках говорилось, что в пустыне штата Нью-Мехико с успехом произведен взрыв первой атомной бомбы. Несколько дней спустя пришло более обстоятельное донесение, в котором описывалась вся чудовищная мощь нового оружия. По свидетельству самых авторитетных наблюдателей, поведение Трумэна сразу сделалось более жестким и решительным. 24 июля по окончании дневного заседания он подошел к Сталину и, отведя его в сторону, сообщил, что Соединенные Штаты произвели эксперимент с новым типом оружия (каким именно Трумэн не уточнил), превосходящим любое другое. Все западные источники сходятся в том, что Сталин и бровью не повел, не задал никаких вопросов. Он ограничился тем, что поздравил президента США и высказал пожелание, чтобы новое оружие «было с успехом применено против Японии».

Маршал Жуков рассказывал, что, вернувшись к себе в резиденцию, Сталин передал Молотову содержание краткого разговора с Трумэном. Молотов комментировал: «Цену набивают». Сталин, по словам Жукова, ответил на это: «Пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы». Присутствовавший при этом Жуков понял, что речь шла об атомной бомбе. Этой версии маршала противоречит версия генерала Штеменко. По его словам, генерал Антонов, возглавлявший в то время Генеральный штаб и в этом

качестве присутствовавший в Потсдаме, также был посвящен Сталиным в суть разговора с Трумэном. «Но ни у Антонова, ни, по-видимому, у самого Сталина не возникло впечатления, что речь идет об оружии, основывающемся на совершенно новых принципах, — пишет Штеменко. — Как бы то ни было, Генеральному штабу не было дано никаких дополнительных указаний».

Понял ли Сталин, что представляло собой новое оружие, или не понял — сомнения советских руководителей могли продолжаться лишь несколько дней. 6 августа сброшенная американцами на Хиросиму атомная бомба полностью разрушила этот японский город. Вторую бомбу американцы сбросили 9 августа на Нагасаки. В результате атомной бомбардировки этих городов было убито и покалечено около 300 тыс. мирных жителей. Война всегда бесчеловечна. Но оправдать применение атомного оружия против мирного населения невозможно. Эти акции диктовались не военной, а политической необходимостью. Об этом свидетельствует ряд высказываний военных руководителей США. В 1960 г. командующий союзными силами в войне против Японии генерал Д. Макартур признал, что в применении атомного оружия «не было никакой военной необходимости». Справедливо утверждение японских ученых во главе с лауреатом Нобелевской премии физиком Х. Юкава в «Белой книге о последствиях атомной бомбардировки», что применение атомных бомб было не столько последним актом Второй мировой войны, сколько первой операцией по устрашению в начинавшейся холодной войне против СССР. «Жизни трехсот тысяч невинных людей, погибших в Хиросиме и Нагасаки, — заключают авторы, — были, таким образом, жертвой, принесенной Соединенными Штатами Америки на алтарь холодной войны». Главная цель атомных бомбардировок заключалась в том, чтобы напугать в первую очередь Советский Союз. Об этом ярко свидетельствует высказывание президента США Г. Трумэна, который еще в апреле 1945 г. после доклада военного министра Стимсона воскликнул: «...у меня теперь будет дубина против этих парней».

Не дали атомные бомбардировки и ощутимого военного результата. Японская став-

ка разделяла мнение фельдмаршала Хата — командующего 2-й Объединенной армией, штаб которой находился в Хиросиме, о необходимости продолжать войну. В целом, по его мнению, Хиросиме нанесен крупный ущерб, но не больший, чем другим городам от массированных налетов авиации. О таких последствиях ядерного взрыва, как остаточная радиация и радиоактивное заражение местности, японцы в то время не знали. Правительство Японии скрыло от народа факт атомной бомбардировки Хиросимы. Ставка сообщила лишь о том, что на Хиросиму сброшена бомба нового типа, нанеся значительные потери. Органы ПВО опубликовали для успокоения населения инструкцию, рекомендовавшую меры предосторожности. В инструкции говорилось, что достаточно надеть белую одежду или укрыться в убежище, чтобы избежать опасности.

По словам Дж. Боффа, в действительности бомбардировка Хиросимы представляла собой одновременно и то и другое. Лидерам западных держав было ясно, что новое оружие дает в руки США колоссальной мощи орудие давления, в особенности на СССР. Разумеется, не ускользало это и от советских руководителей.

В то же время американцы в Потсдаме отнюдь не отказались от настойчивых просьб о скорейшем вступлении СССР в войну.

14.2. Разгром Японии. Историческое значение победы над милитаристской Японией

Дальневосточный театр военных действий (ДВ ТВД) охватывал территорию Маньчжурии, Внутренней Монголии, Северной Кореи и прилегающую акваторию морей бассейна Тихого океана. По своей площади, протяженности границы и физико-географическим условиям он резко отличался от Европейского театра. Площадь сухопутной части ДВ ТВД составляла 1,5 млн. кв. км, где проживало 70 млн. человек. Эта огромная территория превосходила размеры территорий Германии, Италии, Франции и Англии вместе взятых. Она простиралась с севера на юг на 1500 км и с запада на восток на 1200 км. Общая же протяженность линии

границы, вдоль которой предстояло развертываться советским войскам, составляла более 5 тыс. км.

По своим физико-географическим условиям театр был весьма сложным и представлял собой сочетание горно-таежной, болотистой и пустынной местности при наличии развитой гидрографической сети к востоку от Большого Хингана. На такой местности оперативные объединения и даже соединения могли вести наступательные действия лишь на отдельных направлениях, порой изолированных друг от друга сотнями километров.

Обширной была и морская часть театра, на которой действовал советский тихоокеанский флот. Она включала бассейны Охотского, Японского и Желтого морей и акваторию северо-западной части Тихого океана. Ее протяженность в меридиональном направлении составляла около 4 тыс. миль (7,5 тыс. км). Театр военных действий против советских войск был заблаговременно подготовлен с точки зрения создания системы оборонительных сооружений, пунктов базирования аэродромов, сети коммуникаций. Чтобы прорвать такие оборонительные рубежи и успешно развивать наступление, нужны были мощные силы и современная система тылового обеспечения.

Разработка стратегических планов началась сразу же после Ялтинской конференции. Средства материально-технического обеспечения стали перебрасываться на Дальний Восток с февраля, однако основной поток войск и грузов начал поступать с мая 1945 г. В короткий срок, в течение трех месяцев, по единственной Транссибирской железнодорожной магистрали на Дальний Восток из европейской части СССР на расстояние 9—12 тыс. км было переброшено свыше 403 тыс. военнослужащих, около 274 тыс. единиц стрелкового оружия, 7137 орудий и минометов, 2119 танков и САУ, 17 374 грузовые автомашины, около 1,5 тыс. тракторов и тягачей, свыше 36 тыс. лошадей. По пространственному размаху, срокам осуществления и по количеству переброшенных войск, вооружения, боевой техники и материальных средств это была крупнейшая в истории войн стратегическая перегруппировка.

В соответствии с задачами, которые намечалось выполнить на каждом конкретном

направлении, создавались ударные группировки с учетом прибывавших с запада фронтовиков. Соединения и части, имевшие опыт прорыва мощных укреплений, направлялись в состав 1-го Дальневосточного фронта, которому предстояло преодолеть сплошную полосу железобетонных укреплений, рассчитанных на длительное автономное выживание. И наоборот, войска, имевшие практику действий в горах, направлялись на Забайкальский фронт, которому предстояло преодолеть огромный горный массив Большого Хингана.

Для более оперативного руководства операцией создается Главное командование советских войск на Дальнем Востоке, Военный совет и штаб. Главнокомандующим назначается маршал Советского Союза А. М. Василевский. В разгроме Японии должны были принимать участие войска 3-х фронтов: Забайкальского (ком. — маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский), 1-го Дальневосточного (ком. — маршал Советского Союза К. А. Мерецков) и 2-го Дальневосточного (ком. — генерал армии М. А. Пуркаев), а также Тихоокеанский флот (ком. — адмирал И. С. Юмашев) и Амурская военная флотилия (ком. — контр-адмирал Н. В. Антонов), три армии ПВО. Принимали участие и войска монгольской народно-революционной армии под командованием маршала Х. Чойбалсана. Всего к 9 августа группировка советских войск на Дальнем Востоке (с учетом войск ПВО территории страны и сил ВМФ, монгольской армии) насчитывала 1747,5 тыс. человек, более 29,8 тыс. орудий и минометов, 5250 танков и САУ, 5171 боевой самолет, 93 боевых корабля основных классов.

В соответствии с планами основной удар советские войска наносили по Квантунской армии, дислоцировавшейся в Маньчжурии и насчитывавшей свыше 1 млн. человек, 6640 орудий и минометов, 1215 танков, 1907 боевых самолетов и 26 кораблей. Воспитанная в духе фанатичной преданности императору, Квантунская армия представляла серьезную силу. На границе с СССР и МНР у японцев имелось 17 укрепленных районов общей протяженностью свыше 800 км, в которых располагалось около 4,5 тыс. долговременных огневых сооружений.

Советские войска наносили два основных удара: первый силами Забайкальского

фронта под командованием Малиновского с территории Монголии, второй — силами 1-го Дальневосточного фронта под командованием Мерецкова — из Приморья. Оба двигались в направлении на Харбин. Между ними действовал 2-й Дальневосточный фронт гораздо меньших размеров, его целью также был Харбин.

В 23 часа 8 августа японскому послу в Москве было передано заявление советского правительства о том, что в связи с отказом японского правительства прекратить военные действия против США, Великобритании и Китая Советский Союз с 9 августа считает себя в состоянии войны с Японией. Наступление всех трех фронтов началось в ночь на 9 августа. Началось как бы краткое — азиатское приложение к той долгой войне, которую СССР выдержал в Европе.

С первых часов 9 августа ударные группировки советских фронтов атаковали японские войска с суши, воздуха и моря. По командным пунктам, штабам и узлам связи противника мощный удар силами сотен советских бомбардировщиков и штурмовиков нанесла авиация. В результате связь между штабами и формированиями японских войск в Маньчжурии в первые же часы войны была нарушена. Командование Квантунской группировки потеряло управление своими войсками, что облегчило советским войскам решение поставленных перед ними задач.

Маньчжурская наступательная операция продолжалась 25 суток (с 9 августа по 2 сентября 1945 г.). Она состоит из трех операций: Хингано-Мукденской, Харбино-Гиринской, Сунгарийской. Ширина фронта равнялась 2700 км, глубина удара — 200—800 км. Скорость продвижения стрелковых соединений составляла 35—40 км, танковых и механизированных — 70—90 км. Также были проведены Южно-Сахалинская наступательная и Курильская десантная операции.

Спланированная с большим стратегическим мастерством Маньчжурская операция проведена советскими войсками с огромным напором.

Уже в первые шесть дней советские и монгольские войска разгромили 16 укрепленных районов; Забайкальский фронт продвинулся на 250—450 км, 1-й Дальневосточный фронт — на 120—150 км и 2-й

Дальневосточный — на 50—200 км. 12 августа советские войска преодолели «неприступный» Большой Хинган, вырвались на Маньчжурскую равнину, вклинились глубоко в тыл Квантунской армии, упредили выход ее основных сил к этому горному хребту и устремились к ключевым центрам Маньчжурии — Чанчуню, Мукдену (Шэньяню).

Наступление Красной Армии в Маньчжурии развивалось настолько стремительно, что противник оказался не в силах сдержать натиск советских войск. В течение десяти дней общевойсковые соединения Красной Армии при активной поддержке военно-воздушных и военно-морских сил смогли расчленить на части и фактически разгромить стратегическую группировку японских войск в Маньчжурии и Северной Корее.

С 19 августа японцы почти повсеместно начали сдаваться в плен. Чтобы не дать им возможности эвакуироваться или уничтожить материальные ценности, в период с 18 по 27 августа были высажены воздушные десанты в Харбине, Чанчуне, Гирине, Даляне, Пхеньяне и т.д.

Крупный успех советских войск в Маньчжурии, достигнутый в первые дни войны, позволил командованию 11 августа начать наступление на Южном Сахалине, где во взаимодействии сражались и сухопутные войска, и были высажены ряд морских десантов. 25 августа высажен десант в административный центр Южного Сахалина г. Тойохаро (Южно-Сахалинск). В результате организованное сопротивление около 30 тыс. солдат и офицеров гарнизона прекратилось.

18 августа приступили к проведению операции по освобождению Курильских островов.

Дж. Боффа считает, что последующий спор между американскими и советскими авторами по поводу того, что именно поставило Японию на колени: атомные бомбы или наступление Красной Армии, — имел всегда подспудный политический смысл, но с исторической точки зрения особого интереса не представляет. Японское правительство уже находилось в безвыходном положении. Практически одновременный удар с неба американцев и советских войск на Азиат-

ском материке, по сути дела, лишил всякого смысла дальнейшее сопротивление. Когда 9 августа у императора Японии собрался Высший военный совет, его участникам пришлось считаться с обоими факторами. После продолжавшихся весь день дискуссий сам монарх вынужден был принять ультиматум, предъявленный в Потсдаме, при этом с единственным условием, что будут сохранены прерогативы трона. Потсдамская декларация-ультиматум Японии была предъявлена правительствами США, Англии и Китая 26 июля 1945 г. Она была выработана без советского участия, но ее содержание отвечало интересам СССР, и он 8 августа присоединился к ней.

Решение Японии капитулировать было объявлено лишь 14 августа. Но бои продолжались вплоть до 19 августа, лишь тогда сдалась Квантунская армия. В соответствии с предложением Трумэна советские войска вступили также в пределы Кореи, бывшей тогда японской колонией, и оккупировали ее до 38-й параллели.

Как бы то ни было, главным героем войны на Тихом океане были США: именно им принадлежало право установить место и процедуру подписания официального акта о капитуляции. Подписание состоялось 2 сентября в 9 часов 04 минуты на борту американского линкора «Миссури». От имени всех союзных держав, находившихся в состоянии войны с Японией, Акт подписал американский генерал Д. Макартур, от Советского Союза — генерал-лейтенант Деревянко. Трумэн уже постановил, что Японию будут оккупировать исключительно части армии США, а верховный контроль над страной будет осуществляться американским генералом Макартуром.

С подписанием Акта закончилась Вторая мировая война, заключительным событием которой стала дальневосточная кампания вооруженных сил СССР в войне против Японии.

Вступление СССР в войну против Японии имело огромное значение для исхода всей Второй мировой войны. Разгром Квантунской армии — главной сухопутной ударной группировки — ускорил поражение и безоговорочную капитуляцию Японии. В этом состоит важнейший военно-полити-

ческий итог войны Советского Союза против Японии.

В послевоенный период на Западе было приложено немало усилий, чтобы умалить роль СССР в разгроме Японии.

Совершенно иные, правдивые оценки роли Советского Союза в войне против Японии давались американцами накануне и сразу же по ее окончании. Так, например, сенатор Коннэли, узнав о заявлении советского правительства 8 августа 1945 г., воскликнул: «Благодарение Богу! Война уже почти окончена». Генерал Ченнолт, командовавший тогда военно-воздушными силами США в Китае, заявил корреспонденту «Нью-Йорк таймс» 15 августа: «Вступление Советского Союза в войну против Японии стало решающим фактором, ускорившим окончание войны на Тихом океане, что произошло бы даже в том случае, если бы не были применены атомные бомбы. Быстрый удар, нанесенный Красной Армией по Японии, завершил окружение, приведшее к тому, что Япония оказалась поставленной на колени».

Победа над Японией открыла новую страницу в истории народов Азии. Создались благоприятные условия для борьбы демократических сил и подъема антиколониального, национально-освободительного движения. Разгром Квантунской группировки дал возможность китайскому народу добиться победы в антияпонской войне и воссоединить со своей страной северо-восточную часть Китая с 40-миллионным населением. Поражение Японии привело к освобождению корейского народа от почти полувекового японского колониального гнета, послужило прологом к рождению Демократической Республики Вьетнам. Окончание войны имело большое значение и для японского народа. Оно принесло ему избавление от милитаристской диктатуры, многомиллионных жертв и других неисчислимых бедствий войны.

Победа далась нелегко. Потери Красной Армии составили 11 120 человек погибшими и 24,4 тыс. ранеными и больными. Япония потеряла убитыми 83,7 тыс., пленными 640,1 тыс. человек.

Красная Армия захватила более 1,8 тыс. орудий, около 700 танков и 860 самолетов, а

сама потеряла 232 орудия, 78 танков и САУ и 62 боевых самолета.

Советско-японская война длилась менее четырех недель, но по своему размаху, мастерству проведения операций и результатам она относится к выдающимся кампаниям Второй мировой войны. За ратные подвиги в войне против Японии 308 тыс. солдат и офицеров были награждены орденами и медалями, звание Героя Советского Союза были удостоены 93 воина, а 6 человек получили вторую медаль Героя.

Послевоенным Указом Президиума Верховного Совета СССР 3 сентября объявлено Днем победы над Японией.

14.3. Спорные проблемы

Спорным является вопрос, поднятый историками С. А. Тюшкевичем и В. А. Гавриловым, о том, можно ли считать советско-японскую войну 1945 г. частью Великой Отечественной войны. Существуют две точки зрения: война против Японии признается только составной частью 2-й мировой войны, логически и исторически связанной с Великой Отечественной войной против Германии; другая состоит в признании ее частью как 2-й мировой, так и Великой Отечественной войн.

Первая точка зрения зафиксирована в приказах Верховного Главнокомандующего Сталина, а затем в заявлении об объявлении войны Японии. 9 мая 1945 г. в приказе № 369 по войскам Красной Армии и ВМФ говорилось: «Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецких захватчиков, победоносно завершена. Германия полностью разгромлена».

Однако со временем под влиянием конъюнктурных соображений все настойчивее формировалось представление общественного мнения о неразрывности этих 2-х войн как единого целого. Скрыто этот тезис сформулирован в 6 томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» и открыто в «Истории Коммунистической партии Советского Союза», где утверждается: «После разгрома Японии Великая Отечественная война Советского Союза, а вместе с ней и 2-я мировая война окончилась».

В 1970-е появились иные оценки соотношения войн СССР с Японией и Великой Отечественной. Так, в 11 томе «Истории 2-й мировой войны 1939—1945 гг.» отмечается: «Война Советского Союза против Японии явилась логическим продолжением Великой Отечественной войны». Стало быть, не была частью последней. Эта позиция выражена также в некоторых других трудах.

Историки Тюшкевич и Гаврилов считают, что война против Японии не является частью Великой Отечественной войны: во-первых, Великую Отечественную войну против фашистской Германии и ее европейских союзников СССР вел вынужденно. Она была навязана советскому народу.

Напротив, войну против Японии СССР начал сознательно в соответствии с логикой 2-й мировой войны, ее коалиционным характером, интересами безопасности своей страны и международным правом.

Союзники просили СССР вступить в войну против Японии. Что касается утверждений о якобы имевшем месте «вероломстве» СССР по отношению к Японии, то здесь нужно сказать следующее: вступление СССР в войну против Японии было осуществлено в полном соответствии с нормами международного права.

1. Япония не соблюдала нейтралитет. Поэтому, как свидетельствуют сами японские историки, Япония задолго до 1945 г. утратила право обвинять кого-либо в несоблюдении международного соглашения.

2. Вступление СССР в войну против Японии было оговорено на Ялтинской и Потсдамской конференциях. СССР выполнял обязательства перед союзниками.

3. Со стороны СССР не было «вероломства», поскольку советское правительство денонсировало пакт о нейтралитете еще в апреле 1945 г. (ибо он потерял смысл в новых условиях), фактически предупредив Японию за 4 месяца о своем возможном участии в войне и в то же время сохранив юридический дух и букву пакта о нейтралитете, так как именно такой порядок прекращения его действия им и предусматривается.

Эти войны отличаются по характеру и социально-политическому содержанию.

Великая Отечественная война против Германии и ее союзников была справедли-

вой, освободительной. В этой войне решался вопрос о жизни и смерти всех народов нашей страны. По своему социально-политическому содержанию это была прогрессивная, подлинно народная война.

Всего этого нельзя сказать о войне СССР против Японии. Войну Японии СССР объявил в соответствии со своими обязательствами по антигитлеровской коалиции. Но не только поэтому. Ее предыстория выходит за рамки 2-й мировой войны и восходит к периоду русско-японской войны.

Войну против Японии по социально-политическому характеру можно назвать войной за национальные и государственные интересы, которые были исторически оправданными, справедливыми. СССР хотел вернуть территории, отторгнутые Японией по Портсмутскому миру, — «акт исторического возмездия». Это делало в глазах народа войну справедливой и правомерной.

Но не только историческое прошлое обусловило вступление СССР в войну с Японией. Это было реакцией на:

- агрессивность Японии и планы японского генерального штаба, который планировал военные действия против СССР в течение 3-х лет;

- мнимый нейтралитет Японии как форму ее участия в войне Германии против СССР. 25% общего состава вооруженных сил Японии, более половины всех танков и самолетов были расположены на Дальнем Востоке и у южных границ СССР;

- экономическая помощь Германии;
- военный и экономический шпионаж в пользу Германии;

- боевые операции Японии на Тихом океане, которые оттягивали с Западного фронта союзников, облегчая тем самым Германии переброску подкреплений на Восточный фронт. Война была направлена на уничтожение японского милитаризма.

Хронологические рамки Великой Отечественной войны — с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г.

Война с Японией — 9 августа — 2 сентября 1945 г., временной промежуток — 3 месяца. Очевидно, то, что произошло позже, не может быть частью того, что произошло раньше. Поэтому можно сделать вывод, что эти две войны являются само-

стоятельными войнами. Обе — слагаемые Второй мировой войны.

14.4. Токийский процесс

«Токийский процесс» — судебный процесс над главными японскими военными преступниками. Происходил в Токио в здании военного министерства с 3 мая 1946 по 12 ноября 1948 г. Требование суда над японскими преступниками было сформулировано в Потсдамской декларации трех держав антигитлеровской коалиции (1945 г.). Трибунал был сформирован из представителей 11 государств, подписавших соглашение 19 января 1946 г. об учреждении Международного военного трибунала для Дальнего Востока. В отличие от Нюрнбергского процесса обвинение строилось не на паритетных началах: главным обвинителем был представитель США адвокат Дж. Кинан, представители других стран были дополнительными обвинителями.

Суду были преданы 28 министров, дипломатов, военных, идеологов и исполнителей преступных планов японского империализма, в том числе премьер-министры Тодзио, Хирота, Хиранума и Койсо, военные министры Араки и Итагаки, бывший командующий Квантунской армией Умэдзу, японский посол в Берлине Осима. На протяжении свыше 30 месяцев трибунал рассматривал и анализировал материалы о тягчайших преступлениях против человечества, совершенных военными и политическими лидерами Японии; было проведено 818 открытых судебных заседаний, принято 4356 документальных доказательств и 1194 показания свидетелей (419 были заслушаны трибуналом непосредственно).

Международный военный трибунал приговорил 7 подсудимых к смертной казни через повешение (в том числе Тодзио, Хирота, Итагаки), 16 — к пожизненному тюремному заключению (в том числе Араки, Хиранума, Койсо), Того — к 20 и Сигэмицу — к 7 годам тюремного заключения. Приговор над осужденными к смертной казни был приведен в исполнение во дворе тюрьмы Сугамо в Токио в ночь на 23 декабря 1948 г.

15. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Россия пережила две отечественные войны: войну с Наполеоном и войну с Гитлером. Между этими войнами имеется много общего, поэтому можно провести исторические параллели, но имеются и различия. Хотя эти две войны прошли в разные эпохи, между ними есть существенное сходство, которое состоит в их справедливом, национально-освободительном, народном характере. Именно освободительный характер этих войн породил массовый героизм российского народа и в 1812 г., и в 1941—1945 гг. Более кровопролитной, более долгой, более ожесточенной и мучительной была Великая Отечественная война с фашистской Германией, которая продолжалась 1418 страшных дней и ночей.

У каждого из завоевателей на пути к мировому господству стояла Россия. Каждый из завоевателей, претендовавших на мировое господство, стремился закончить войну против России до наступления зимних морозов, поэтому обе войны начались в июне. Наполеон со своей армией вторгся в пределы России на рассвете 12 июня 1812 года. За два дня до этого французский посол в Петербурге вручил в российском министерстве иностранных дел ноту о разрыве дипломатических отношений и объявлении войны. Фашистская Германия, вероломно нарушив договор о ненападении, заключенный 23 августа 1939 г. сроком на 10 лет, напала на СССР без объявления войны 22 июня 1941 г.

Французский император рассчитывал закончить военную кампанию быстротечно до наступления зимних морозов и заставить русского монарха подписать продиктованный ему мирный договор. Наполеон надеялся раз и навсегда покончить с мощью Рос-

сии, вернуть ее к допетровским границам, отторгнуть ее западные территории в пользу своих союзников, навязать России свой экономический диктат и поставить ее на колени. Затем он планировал обрушиться на Англию. Тогда вся Европа была бы у его ног.

В 1941 г. война Германии против СССР отличалась от войны на Западе. Если европейские страны нужно было поставить только на колени, то война против СССР была войной на уничтожение. Первым это разграничение провел сам Гитлер, предупредивший своих генералов накануне нападения на СССР, что «война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке жестокость является благом для будущего». Такого жестокого бесчеловечного обращения со стороны фашистов к военнопленным воюющей страны не знала человеческая история. Смертность среди советских военнопленных в немецких лагерях составляла 57,8%. Гитлер хотел в «молниеносной войне» («блицкриг») за 3—4 месяца разгромить СССР, а потом все силы бросить на Англию. Это четко понимал премьер-министр Великобритании Черчилль, который уже вечером 22 июня, выступая по радио по поводу очередного нападения Германии, заявил о поддержке России в этой войне. «Гитлер хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров». К концу Второй мировой войны Советский Союз в его борьбе с фашистским блоком поддерживали 56 государств, т.е. возникла мощная антигитлеровская коалиция.

«Великая армия», как называли 600-тысячную армию Наполеона, начала движение

по просторам Российской империи. Это было поистине нашествие на Россию «двунадесяти языков», как говорили в то время. В состав «Великой армии» входили 30-тысячный австрийский корпус, прусские части, воинские части из подвластных Наполеону стран. Определяющими факторами в ходе большой войны являются не только численность и вооружение войск, но и дух армии, мастерство ее командиров. Французская армия была сформирована по демократическому принципу на основе всеобщей воинской повинности. Это делало ее действительно народной армией. Ее маршалы и генералы были талантливы и имели огромный боевой опыт, приобретенный ими в завоевательных войнах в Европе. Но в составе «Великой армии» находилось множество инациональных частей. Некоторые из них шли на войну по принуждению. Захватнические планы Наполеона им были чужды. Это делало «Великую армию» разношерстной, не спаянной единым духом.

Русская армия тоже была армией народной, хотя ее формирование происходило на основе подневольной рекрутской повинности и двадцатипятилетнего срока службы. Эта армия в основном была славянской: в ее составе были русские, украинцы, белорусы. Инациональные части составляли в ней незначительный процент и представляли собой отряды легкой кавалерии. Давность службы делала армию профессиональной, а защита родной земли сплачивала войска, поднимала патриотический дух и солдат, и командиров. Во главе армии, корпусов и дивизий на разных этапах войны также стояли выдающиеся для своего времени военачальники — М. И. Кутузов, М. Б. Барклай-де-Толли, П. И. Багратион, А. П. Ермолов и др.

В отличие от русской армии 1812 г. Красная Армия была многонациональной и состояла из военнообязанных 150 наций и народностей. Сплотить на патриотической основе разноязычных людей в боеспособные воинские коллективы — эту задачу решить в многонациональной России, а затем в СССР, а сегодня и в современной России всегда было очень трудно, но крайне необходимо, иначе верх мог взять агрессор. Наряду с русскими, украинцами, белорусами и другими народами, на земли которых пришли оккупанты, большой вклад в пополнение рядов Красной Армии внесли и другие народы: в

начале 1942 г. в действующей армии находилось 1,2 млн. грузин, армян, азербайджанцев, узбеков, киргизов, казахов и башкир и т.д.

За время войны в Вооруженные Силы СССР были призваны 30 млн. военнообязанных и более 4,5 млн. находились на службе к моменту нападения фашистов, т.е. в армии и на флоте находились 34,5 млн. человек. Они представляли три демографические группы: молодежь — от 18 до 32 лет; среднее поколение — от 32 до 45 лет и старшее — от 45 до 55 лет. За годы войны были призваны военнообязанные 1890—1927 годов рождения, т.е. 38 возрастов, из которых 10 (27%) приходится на старшее поколение и по 14 (36,5%) — на среднее и молодежь. Первый внезапный мощный удар фашистов 22 июня 1941 г., а также тяжелейшие сражения первых месяцев войны выпали на долю войск, укомплектованных почти на 100% рядовыми и младшими командирами 18—23 лет, проходившими срочную армейскую службу.

Если в Отечественной войне 1812 г. принимала участие единственная женщина Надежда Андреевна Дурова, первая русская женщина-офицер, Георгиевский кавалер, которая участвовала в боях под Смоленском, в Бородинском сражении и в других, то в Великой Отечественной войне в Красной Армии по мобилизации и добровольно служили более 800 тыс. женщин разных национальностей, которые вели в бой самолеты, танки и САУ, были снайперами, разведчиками, партизанами и т.п. Особенно много их было в системе медицинской службы, в частях ПВО, службах регулирования движения на фронтовых дорогах. 87 женщинам присвоено звание Героя Советского Союза. Открыла этот список отважная партизанка Зоя Космодемьянская. Почти 95% женщин были в возрасте до 30 лет.

Как и в Отечественной войне с Наполеоном, во главе Красной Армии стояла целая плеяда выдающихся военачальников — маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, А. М. Василевский, И. С. Конев и др. Американские военные историки Гаррисон Солсбери, Мартин Кайдэн назвали Г. К. Жукова «военным гением», «чудо-маршалом», «полководцем полководцев в ведении войны массовыми армиями двадцатого столетия». «Он нанес немцам больше потерь, чем любой другой военачальник или группа

их по Второй мировой войне. В каждой битве он командовал миллионами людей... вводил в дело фантастическое количество танков».

Будучи летом 1945 г. в Москве сразу же после Победы, Дуайт Эйзенхауэр, командующий американскими войсками в Европе с 1942 г., Верховный главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Западной Европе в 1943—1945 гг., а в 1953—1961 гг. — президент США, сказал, что «весь мир, все человечество в величайшем долгу перед Жуковым, в большем долгу, чем перед кем бы то ни было».

Гитлеровская армия была наиболее мощной армией в мире, которая в момент нападения на СССР имела талантливых генералов и двухлетний опыт ведения современной войны, была хорошо вооружена и обучена, одурманена нацистскими идеями. Кроме немецких частей на стороне Гитлера воевали войска его сателлитов в лице Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии. Намного многочисленнее была немецкая армия вторжения — 5,5 млн. человек.

Из трех возможных направлений наступления, которые рассматривал французский император, — на Петербург, Киев и Москву Наполеон выбрал Московское направление. Такое же главное направление выбрало гитлеровское руководство, когда разрабатывало план вторжения на Советский Союз под кодовым названием «Барбаросса».

Основные наши силы прикрывали юго-западное направление, так как Сталин считал, что немцам нужна кавказская нефть и украинский хлеб, поэтому основной удар надо ожидать на этом направлении. Хотя маршал Б. М. Шапошников, еще в бытность начальником Генштаба, на основе анализа исторических, географических и оперативно-стратегических факторов сделал вывод, что в случае войны с Германией главный удар надо ожидать на смоленско-московском направлении. Мнение Сталина стало директивным для нашего военного командования, поэтому в полосе группы армий «Юг» соотношение сил было менее благоприятным для немцев.

Русское командование в 1812 г. не имело точных сведений о том, куда направит Наполеон основную часть своих сил, сконцентрированных на западных границах империи. Поэтому русские войска были раздроблены. Основная 1-я армия во главе с героем русско-шведской войны М. Б. Барклаем-де-Толли за-

нимала правый фланг русской армии и стояла заслоном под Вильно, готовясь в случае необходимости прикрыть Петербургское направление. Южнее располагалась 2-я армия, возглавляемая генералом П. И. Баграгионом. В ее задачу входило предотвращение прорыва Наполеона на Московском направлении. От 1-й армии эту военную группировку отделяло 100 км. Киевское направление защищала 3-я Западная армия под командованием генерала А. П. Тормасова. Общая численность русских войск, размещенных на западной границе, составляла около 240 000 человек.

В 1941 г. наши войска также были расконцентрированы на большой территории вдоль границы и до 400 км в глубину. Вследствие этого части 1-го эшелона войск прикрытия значительно уступали противнику, войска которого были развернуты непосредственно у границы. Подобное расположение наших войск позволяло громить их по частям. На направлениях главных ударов немецкое командование смогло создать значительное превосходство над нашими войсками, особенно в полосе «Центр». В значительной мере это объясняется общими представлениями нашего политического и военного руководства о характере будущей войны. Оно считало, что война начнется так же, как и в 1914 г.: сначала в дело вступят войска прикрытия, а лишь затем главные силы. В рамках такой концепции начало войны не должно было совпасть с началом военных действий основных сил сторон. По предвоенным оценкам, у нас в запасе должно было быть от 10 до 15 дней. Однако к июню 1941 г. этот взгляд уже устарел, но не был пересмотрен.

Гитлеровское командование в первом эшелоне армий развернуло 103 дивизии, в том числе 10 танковых. В первом же эшелоне наших армий прикрытия имелось только 56 стрелковых и кавалерийских дивизий, во втором эшелоне — 52, в резерве — 62 дивизии. Подавляющим оказалось превосходство врага на направлениях главных ударов. К исходу первого дня войны его мощные танковые группировки на многих участках фронта вклинились в глубь советской территории от 25 до 35, а местами даже до 50 км. К 10 июля враг продвинулся на северном направлении до 500 км, на центральном — до 600 км и на юго-западном до 350 км, захватив почти всю Прибалтику, Белоруссию, Правобережную Украину (бои под Киевом) и Молдавию.

В любой войне огромное значение имеет ее экономическое обеспечение. В 1812 г. на Францию работала, по существу, военная промышленность всей тогдашней Европы. Но и русская промышленность представляла собой мощную силу и в ходе войны обеспечила армию всем необходимым.

К 1941 г. экономика Германии давно уже была переведена на военные рельсы, на Гитлера работала экономика всех оккупированных европейских государств и стран-сателлитов. Что касается советской экономики, то именно в годы первых довоенных пятилеток в основание будущей Победы закладывался прочный экономический фундамент. В результате предельной концентрации сил для развития индустриальной базы доля СССР в мировом промышленном производстве к концу 30-х годов поднялась от 4% (показателя дореволюционной России) до 10%. СССР вышел на первое место в Европе по общему объему промышленного производства и на второе место в мире.

В годы третьей пятилетки большое значение придавалось созданию заводов-дублеров на востоке страны, что сыграло важную роль в условиях начавшейся войны, когда в результате слияния эвакуированных заводов с местными возникли такие гиганты индустрии, как знаменитый «Танкоград» в Челябинске и др.

Военная обстановка потребовала от руководства страны принятия экстренных мер по обеспечению поворота народного хозяйства на военные рельсы, создания прочного, организованного тыла, способного бесперебойно удовлетворять важнейшие потребности фронта. Перестройка страны проходила в тяжелейших условиях. Все это нужно было сделать не только в экстремально сжатые сроки, но и в условиях, когда под властью оккупантов оказалась территория, на которой в довоенное время проживало около 40% населения, добывалось 63% угля, производилось 58% стали, 38% зерна, располагалась мощная машиностроительная база, в том числе и немало оборонных предприятий. Через считанные месяцы после начала войны промышленный потенциал СССР оказался уменьшенным наполовину. Эвакуация осуществлялась нередко под огнем наступавшего противника, порой с опозданием и с неизбежными при этом потерями и жертвами. Одно лишь временное прекраще-

ние производственного процесса на сотнях и тысячах предприятий из-за вынужденного перемещения в тыл уже влекло за собой ущерб, исчислявшийся миллионами рублей.

В течение июля — ноября 1941 г. на восток страны было перемещено 2593 предприятия, в том числе 1523 крупных, преимущественно военных заводов, 10 млн. человек железнодорожным и 2 млн. человек водным транспортом. Маршал Жуков отмечал, что «небывалая производственная операция, равная по своей значимости величайшим битвам второй мировой войны, была в целом осуществлена». Такого перемещения промышленных предприятий и населения в короткие сроки на тысячи километров человеческая история не знала.

Красная Армия в 1941 г. в силу сложившихся обстоятельств была вынуждена отступать в глубь страны, но при этом солдаты и офицеры, несмотря на катастрофическое начало войны, оказывали врагу упорное сопротивление. Жуков указывал на моральный фактор как на первое условие, которое не дало военным неудачам начального периода превратиться в непоправимую катастрофу. К концу третьего месяца войны против СССР враг потерял 500 тыс. солдат и офицеров, а за весь предшествующий период Второй мировой войны — 300 тыс. человек. Самый серьезный просчет был допущен немецким руководством при оценке способности противника к сопротивлению. Даже окруженные войска упорно сопротивлялись.

Объективная обстановка, сложившаяся на театре военных действий в 1812 г., также требовала отступления русских армий в глубь страны. Одновременно эта вынужденная тактика постепенно стала перерастать в стратегию всей войны и приняла четкие концепционные очертания. В то же время появилось твердое убеждение, что сокрушить агрессора можно было силами не только армии, но и всего народа.

В первые же дни войны царь Александр I издал манифест о создании народного ополчения. Позднее он одобрил инициативу дворянства по поводу формирования военных отрядов и вооружения крестьян для борьбы с захватчиками. По существу, первые обращения императора узаконили партизанскую войну. Но она и так уже начинала разгораться стихийно на территории страны, захваченной противником. В этом смысле власть, армия

и народ были охвачены единым патриотическим порывом, независимо от сложнейших социально-экономических противоречий в стране, существования крепостного права. Именно это сделало войну России против наполеоновского нашествия Отечественной. Размах и сила партизанского движения к октябрю 1812 г. были таковы, что Наполеону приходилось выделять целые дивизии для охраны коммуникаций, борьбы с партизанами, спасения складов и боеприпасов.

М. И. Кутузов после Бородинского сражения, но особенно во время пребывания в лагере под Тарутином предпринял энергичные меры по всемерному развертыванию партизанского движения, формируя и направляя по французским тылам летучие кавалерийские отряды из казаков, гусар, драгун, башкир и отряжая на руководство ими талантливых молодых офицеров, известных своей дерзкой смелостью и отвагой. Координируя действия этих отрядов со стихийно развивавшимся партизанским движением, русское командование, по существу, развернуло против «Великой армии» «малую войну», нанося противнику в октябре-ноябре во время отступления французской армии чувствительные и невосполнимые потери. Руководили партизанскими отрядами подполковник гусарского Ахтырского полка, отчаянный смельчак Денис Давыдов, генерал И. С. Дорохов, офицер А. С. Фигнер, офицер А. Н. Сеславин, крепостной крестьянин Герасим Курин (6 тыс. человек в его отряде), солдат-драгун Ермолай Четвертаков и др. Легендарной стала боевая деятельность старостиhi Василисы Кожиной, возглавившей партизанский отряд в Смоленской губернии. По подсчетам военных историков, в этой «малой войне» наполеоновская армия в общем счете потеряла около 30 тыс. убитыми, ранеными, взятыми в плен. Неисчислимыми стали потери обозов продовольствия, боеприпасов, складов французской армии.

Большей организованностью и масштабностью отличалось создание дивизий народного ополчения (Москва дала 16 дивизий народного ополчения, Ленинград — 10 и т.д.) и партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. С первых дней возникновения партизанское движение направлялось ЦК партии и развивалось под руководством местных партийных органов, действовавших в тылу врага. Общее

стратегическое руководство партизанским движением осуществляла Ставка ВГК, непосредственно стратегическое руководство — Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) при Ставке, созданный 30 мая 1942 г. Ему были подчинены республиканские и областные штабы. Всего в годы войны в тылу врага насчитывалось свыше 6 тыс. партизанских отрядов, в которых сражалось более миллиона человек.

С конца 1941 г., когда широко развернулось партизанское движение в тылу врага, возникли крупные партизанские края и зоны, которые существовали в Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской и других областях РСФСР, в Белоруссии, северо-западных районах Украины, весной 1942 г. их насчитывалось 11. Если в 1942 г. партизаны контролировали территорию площадью 50 тыс. кв. км, то в 1943 г. — свыше 200 тыс. кв. км, т.е. шестую часть всех захваченных врагом земель. Руководителями крупных партизанских соединений были С. А. Ковпак, А. Н. Сабуров, А. Ф. Федоров, Д. Н. Медведев, Я. И. Мельник, М. Н. Наумов и др.

К весне 1942 г. гитлеровское военное командование было вынуждено для подавления партизанского движения в захваченных советских районах использовать уже до 22 охранных и полевых дивизий, осенью — 25, к октябрю 1943 г. — до 50 дивизий. За годы войны, согласно данным начальника ЦШПД П. К. Пономаренко, советские партизаны и подпольщики уничтожили, ранили и пленили свыше 1,6 млн. солдат и офицеров вермахта, немецких чиновников оккупационной администрации, военных железнодорожников и колонистов.

Наполеон пытался дать генеральное сражение, чтобы уничтожить русские армии, однако 1-я армия, избегая генерального сражения, откатывалась назад. Но это не было беспорядочным отступлением. Арьергардные части постоянно находились в соприкосновении с противником, замедляя его движение и тем самым давая возможность 2-й армии подойти на соединение с основными силами. Наполеон не дал возможности двум русским армиям соединиться в районе Витебска, тогда решили соединиться в районе Смоленска. Кроме того, начал работать фактор пространства, на который очень рассчитывал Александр I: чем глубже в глубь России продвигалась армия Наполеона, тем

меньше она становилась по численности. И все же перевес сил редееющей «Великой армии» был велик. Теряли своих воинов и русские войска. Но из глубины России к ним стали подтягиваться резервы, повсюду вооружались ополченцы, создавались партизанские отряды. Постепенно война переходила в невыгодное для Наполеона русло: вместо генерального сражения и молниеносной войны он получил длительную военную кампанию, перспективы которой становились все более туманными, хотя военная инициатива все еще была на его стороне.

Под Смоленском 22 июля русские армии соединились. Теперь соотношение сил несколько изменилось, но у Наполеона все еще был перевес в несколько десятков тысяч человек. Уже сам факт соединения русских армий свидетельствовал о провале расчетов Наполеона на разгром этих армий поодиночке. Более того, в ходе отступательных операций русские войска оказали «Великой армии» ожесточенное сопротивление, которое французы не встречали в Европе. Однако Наполеон упорно продолжал надеяться на успех в генеральном сражении. Теперь, казалось, под Смоленском его надеждам было суждено осуществиться. К тому же в это время Россия вела войну на Кавказе против Ирана и значительная часть сил была отвлечена на Кавказский фронт.

СССР тоже в первые месяцы войны был вынужден держать на границе с Турцией, Китаем из-за угрозы войны со стороны Японии и в Северном Иране 63 дивизии, которые так нужны были в катастрофический период войны.

Упорные бои за Смоленск развернулись 2—6 августа 1812 г., когда французы потеряли 20 тыс. человек. После Смоленского сражения число французских войск, действовавших на Московском направлении, сократилось до 135 тыс. человек.

Ожесточенные бои за Смоленск в 1941 г. продолжались ровно 2 месяца (с 10 июля по 10 сентября). В ходе Смоленского сражения фашистский план «блицкриг» дал первую крупную трещину, когда враг был вынужден перейти к обороне, чтобы подтянуть резервы и привести войска в боеспособное состояние. У Гитлера не получилось безостановочного продвижения к Москве, как заранее планировалось.

Марш на Москву, генеральное сражение на пути к русской столице, а там почетный

мир, отдых измученной боями армии — вот к чему продолжал стремиться Наполеон всеми силами, к этому стремился и Гитлер. Поэтому в Смоленске французы задержались лишь на пять дней, их движение на восток возобновилось. Боевой дух русской армии после Смоленского сражения не только не был сломлен, но, напротив, еще более возрос. Одновременно в войсках нарастало недовольство отступлением, разобщенностью командования. М. Б. Барклай-де-Толли все больше терял авторитет, хотя и понимал, что на подступах к Москве русская армия должна была дать Наполеону генеральное сражение, и даже искал для этого подходящую позицию.

Положение в армии вызывало протесты при дворе, в обществе. Александр I под давлением русского общества был вынужден назначить главнокомандующим русской армией 68-летнего М. И. Кутузова. 17 августа, за 9 дней до Бородинского сражения, М. И. Кутузов принял командование армией. Одновременно, отступая к Москве, Кутузов тщательно выбирал позицию для генерального сражения. Он понимал, что отдавать древнюю русскую столицу без боя невозможно. 26 августа состоялось Бородинское сражение, которое не принесло победы ни одной из сторон. Но оно надломило дух непобедимой дотолле наполеоновской армии, вдохнуло новые силы в российские войска, показало высокий патриотизм, неустрашимость, самоотверженность русских солдат, офицеров, генералов, которые выстояли.

Обе стороны готовились к продолжению сражения. Однако утром 27 августа Кутузов приказал войскам оставить место сражения и отойти к Москве. Продолжать бой было рискованным. М. И. Кутузов 1 сентября на военном совете в Филях принял решение оставить Москву, хотя большинство генералитета высказалось за то, чтобы дать Наполеону решающее сражение за Москву.

Советское военное и политическое руководство в 1941 г. решило всеми силами удерживать Москву. Кровавопролитные бои за Москву продолжались 203 дня. Московская битва явилась поворотным моментом в ходе Великой Отечественной войны. Впервые в ходе Второй мировой войны немецко-фашистские захватчики потерпели жестокое поражение, был развеян миф об их непобедимости. Советские войска временно вырвали из рук фашистского командования страте-

гическую инициативу. План «молниеносной войны» против СССР полностью провалился, и война приняла затяжной характер, к чему не была готова Германия.

2 сентября 1812 г. русская армия проходила через Москву. Вместе с армией уходили и жители Москвы. Из почти трехсоттысячного населения Москвы в городе осталось всего около 10—12 тыс. человек. Люди покидали свои дома, имущество, не желая оставаться в городе, занятом врагом. Европа такого не знала. Сам этот беспримерный факт говорил о глубоком народном характере войны. А уже на следующий день в город вступили французские войска. Уже в первые дни пребывания в Москве французские части стали превращаться в скопища пьяных мародеров. По существу, Москва стала для «Великой армии» моральной, нравственной и военной ловушкой. Положение осложнялось тем, что в городе начались пожары, которые продолжались шесть дней. Три четверти домов было уничтожено. Сгорели все провиантские склады, на которые рассчитывало французское командование для обеспечения своей армии. После этого над французской армией нависла угроза голода. 35 дней Наполеон пробыл в Москве. Попытки заключить мир с Александром I не увенчались успехом. Он понял, что каждый день пребывания в разоренной Москве лишь приближает катастрофу.

Приняв решение отступить на запад и разместить свою армию в Белоруссии, он тем не менее попытался поначалу прорваться к Калуге и Туле, отбросить русскую армию, захватить продовольственные и военные склады, а там уже действовать по обстоятельствам.

К этому времени, пока Наполеон бездействовал в Москве, к Тарутино, где располагалась русская армия после оставления Москвы, подходили подкрепления, прибывали новые пушки. Скоро численность русской армии вновь достигла 120 тыс. человек.

Поворотным в ходе войны стал бой за город Малоярославец, который 8 раз переходил из рук в руки. Наполеон дал приказ своим войскам отойти к Можайску, а оттуда перейти на Смоленскую дорогу. Русская армия взяла военную инициативу в свои руки.

Стиснутая с севера и юга русскими войсками французская армия в конце концов двинулась от Можайска на запад по разоренной Смоленской дороге. Преследуемая

армией Кутузова, испытывающая давление русских войск с севера и юга, постоянно находящаяся под ударами партизанских отрядов, французская армия стремительно откатывалась на запад. Нанося удары противнику, Кутузов продолжал осуществлять свой план окружения остатков французской армии, не доходя до западной границы. Наполеон же стремился вырваться из этой предполагаемой ловушки и достигнуть берега Березины, за которой начиналась территория Литвы, раньше русских.

Передовые русские части первыми успели к переправам через реку, Наполеон подошел чуть позднее. На берегу Березины разгорелись бои. М. И. Кутузов торопил северную и южную группы войск, но те запаздывали. Опытный полководец Наполеон, пользуясь тем, что кольцо окружения так и не сомкнулось на Березине, сумел перейти на другой берег реки и увести с собой часть армии: 9 из 40 тысяч человек. Фактически это был конец «Великой армии». Сотни тысяч французов и представителей других народов Европы, которых Наполеон привел в Россию, здоровых, молодых, полных жизни мужчин, остались лежать в русской земле, погибли на просторах России. Такова была тяжелая плата за амбиции французского императора и его соратников, за их геополитические претензии.

В конце декабря 1812 г. русские войска вышли к Неману — своей западной границе. 31 декабря 1812 г. Александр I выпустил манифест, в котором объявил о полной победе над неприятелем. Отечественная война 1812 года закончилась. Русской армии понадобилось полгода, чтобы изгнать врага из России. А в войне с фашистской Германией Красной Армии понадобилось 3,5 года, чтобы освободить свою территорию. Только в конце 1944 г. советская земля была освобождена от врага. Величайшими битвами Великой Отечественной войны, которые привели к очищению своей территории от врага и изменили ход войны, являются Московская битва (203 дня), Сталинградская (200 дней), Курская (50 дней), 10 наступательных операций 1944 г.

После изгнания врага за пределы своей территории престарелый фельдмаршал М. И. Кутузов полагал, что основную тяжесть борьбы с Наполеоном в Европе должны были взять на себя европейские народы, что незачем более губить русских солдат и

напрягать страну, потрясенную и частично разоренную нашествием. Идея невмешательства России в европейские дела вновь властно зазвучала среди политической элиты.

Однако императором Александром I владели иные чувства. Личное противоборство с Наполеоном, стремление сокрушить его до конца, войти победителем в Париж, взять реванш за свои прошлые унижения — за Аустерлиц, за Тильзит, за захват противником Москвы и пожар русской столицы — стали лейтмотивом в поведении русского царя. Им же владела идея стать не только спасителем Европы от тирании Бонапарта, но и вершителем ее судеб, быть ее арбитром. Будущее показало, что Александр допускал серьезную ошибку. Англия и Австрия стремились использовать русские военные силы для сокрушения своего злейшего врага — наполеоновской Франции. Но это вовсе не означало, что они готовы были допустить решающего усиления России на Европейском континенте, и после падения Наполеона они становились естественными противниками России. То же самое произошло и после освободительной миссии Красной Армии, которая освободила всю Европу от коричневой чумы XX столетия и вошла в Берлин, при этом потеряв более 1 миллиона своих сограждан. Менее чем через год после окончания самой кровопролитной войны в истории человечества — Второй мировой войны — 5 марта 1946 г. официально начинается «холодная война» и Советский Союз из друга превратился во врага № 1. Ни в начале XIX века, ни в середине XX столетия ни одна из европейских стран не хотела усиления России — СССР. Хотя после Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии и освободительной миссии Красной Армии авторитет России — СССР возрос многократно. После Второй мировой войны выдвинулись на мировой арене две сверхдержавы — США и СССР, таковыми они оставались вплоть до развала СССР.

По мере продвижения русских войск, Красной Армии в Европе поднималось и усиливалось освободительное движение. Русское и советское командование всячески поддерживали этот освободительный подъем. В своих обращениях и прокламациях к немецкому народу М. И. Кутузов уже в первые дни вступления на территорию Германии

подчеркивал, что русские пришли сюда как освободители, что их цель — не мстить тем, кто поддерживал Наполеона, не мстить французскому народу, а предоставить народам Европы возможность вновь обрести независимость, возродить и укрепить свой суверенитет. Такую же массово-агитационную работу проводили в Красной Армии, как только она перешла свою границу. На заключительном этапе войны, во время кампаний 1813—1814 гг., выдающуюся роль в военном и политическом сокрушении Наполеона сыграл русский император. Он подчеркивал постоянно, что, борясь с Наполеоном, он остается другом французского народа. В соответствии со своей концепцией войны против тирана, но не против нации, Александр приказал освободить всех французских пленных и сурово карать русских солдат и офицеров за случаи мародерства. И он сам, и русские генералы проявляли большой такт к поверженному противнику, бережно относились к захваченному Парижу, к его архитектурным ценностям и святыням. Такое же отношение к освобожденным странам было со стороны бойцов и командиров Красной Армии.

Впоследствии в Париже свое поражение в России французский полководец объяснит ранним наступлением холодов, лютыми морозами. Также попытались объяснить свое поражение под Москвой в 1941 г. и на огромных просторах России в целом гитлеровские генералы (русская распутица — «Генерал Грязь», русские овраги — «Маршал Колдобина», русский мороз — «Генерал Зима»), а не успешными боевыми действиями Красной Армии и просчетами немецких войск. Начальник штаба 4-й полевой армии генерал Г. Блюментритт писал: «Воспоминания о великой армии Наполеона преследовали нас, как привидение. Книга мемуаров наполеоновского генерала Коленкура, всегда лежавшая на столе фельдмаршала фон Клюге, стала его библией. Все больше становилось совпадений с событиями 1812 года. Но эти неуловимые предзнаменования бледнели по сравнению с периодом грязи или, как его называют в России, распутицы, которая преследовала нас, как чума». Не грязь и не снег, не дождь и не мороз стали основными причинами поражения немецкого наступления на Москву. Враг был разгромлен благодаря стойкости, мужеству и самопожертвованию бойцов и офицеров Красной Армии и всего советского народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема войны и Победы над фашизмом имеет не только непреходящую научную актуальность, но и огромное общественно-политическое значение. Не случайно в последние годы во многих странах, в том числе и бывших союзных республиках, развернулись острые дискуссии именно на эту тему, в ходе которых все чаще даются различные нравственные оценки итогов и причин этой войны. В Обращении участников Всероссийской научной конференции «Народ и армия в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», которая состоялась в мае 2009 г. в институте военной истории, подчеркивалось, что глубоко аморальны попытки некоторых политиков и историков ряда стран переписать историю войны, уравнивать в правах жертв и палачей, освободителей и оккупантов, снять ответственность с тех, кто развязал Вторую мировую войну, способствовал приходу фашистов к власти в Германии, принизить роль СССР в разгроме фашистских захватчиков, в спасении мировой цивилизации от коричневой чумы XX столетия. Им помогают в этом и некоторые так называемые «коммерческие историки», и авторы телепередач в России, зарабатывающие на дутых сенсациях, откровенно извращающих реальные события в целях легкой наживы или стремления вызвать интерес к определенным средствам массовой информации.

После развала Советского Союза в России в 90-е годы как-то забыли, что в обществе должны воспитываться чувства патриотизма, национального самосознания, гордости за свою страну, ответственности за судьбу страны, в которой ты живешь. Поэтому

му молодежь с такой легкостью увлекалась и увлекается сегодня различными экстремистскими идеями. Об этом свидетельствуют последние события на Украине, которая в составе Советского Союза внесла весомый вклад в общую Победу над фашизмом. Победа была выкована умом, талантом, мастерством, патриотическими делами миллионов наших сограждан 1940-х годов, представителей всех этносов, социальных слоев. Но новые поколения нередко забывают о трагедиях, страданиях своих отцов, дедов, прадедов, с оружием в руках защищавших Отечество. Поэтому нужно восстановление связи времен, преемственности поколений, без чего не может быть поступательного развития общества. Нужно воскрешение тех цивилизационных духовных и нравственных ценностей, которые были исконно присущи россиянам: любви к своему Отечеству, готовности к самопожертвованию, стойкости, трудолюбия, коллективизма, милосердия, бескорыстия и др.

Существенные социальные, экономические, культурные изменения, произошедшие в России за последние годы, постепенное вхождение России в единое научно-образовательное пространство обусловили переосмысление места и роли патриотического и гражданского воспитания в общественной жизни. Идея воспитания патриотизма подрастающего поколения приобрела государственное значение. 5 октября 2010 г. принято постановление Правительства РФ «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011—2015 годы», которая является

продолжением государственных программ на 2001—2005 и 2006—2010 годы. Основной целью программы является дальнейшее развитие и совершенствование системы патриотического воспитания граждан. В «Национальной доктрине образования в Российской Федерации» одной из основных задач определяется воспитание патриотов России, способных к социализации в условиях гражданского общества, уважающих права и свободы личности, обладающих высокой нравственностью.

В системе гуманитарных наук ведущее место принадлежит истории как одному из основных инструментов формирования патриотизма и чувства национального самосознания, высокой гражданственности. Сегодня уровень исторического незнания студентов приобрел пугающие размеры. Теперь не редкость, когда студент неисторического факультета не может ответить на вопросы, известные ранее каждому (даже самому «слабому») школьнику. Вряд ли в советское время можно было представить, что найдутся выпускники школ, не знающие, когда была Великая Отечественная война, с кем в этой войне воевал Советский Союз, кто внес решающий вклад в разгром германского фашизма. В такой ситуации желание отделаться от истории как ненужного предмета в вузе, а то и в школе выглядит пугающим.

В работе отдельных министерств и ведомств, органов исполнительной власти субъектов РФ, обязанных уделять перво-

степенное значение патриотическому воспитанию граждан России, особенно подрастающего поколения, имеется еще немало недостатков, проблем и неиспользованных резервов, которые серьезно снижают ее эффективность, отрицательно сказываются на отношении молодежи к исполнению своего гражданского и воинского долга.

По-прежнему остаются малоэффективными меры по поддержке средств массовой информации, участвующих в пропаганде патриотизма, информационном обеспечении патриотического воспитания. На многих каналах телевидения продолжается пропаганда культа наживы, насилия, бездуховности и безнравственности. То же самое наблюдается и на книжном рынке, в музыке, живописи.

Мы, россияне, должны знать и беречь правду о самой страшной войне в истории человечества (так как наша страна внесла основной вклад в Победу над фашистской Германией и понесла больше всех потерь) и пресекать любые попытки ее исказить или фальсифицировать. Необходимо поднимать уровень патриотического сознания граждан Российской Федерации. И здесь большую роль должны играть органы государственной власти, российские историки, преподаватели вузов и школьные учителя, средства массовой информации. Эта работа должна носить всеобъемлющий и системный характер, проводиться и координироваться на государственном уровне, как было в Советском Союзе.

Список использованной и рекомендуемой литературы

1. Айхгольц, Д. Цели Германии в войне против СССР. Об ответственности германских элит за агрессивную политику и преступления нацизма / Д. Айхгольц // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 62—89.
2. Алексеев, В. А. Маршал Сталин доверяет церкви / В. А. Алексеев // Агитатор. 1989. № 10.
3. Алексеев, В. А. Неожиданный диалог / В. А. Алексеев // Агитатор. 1989. № 6. С. 41—44.
4. Алексеевич С. У войны не женское лицо. Минск, 1985.
5. Андроников, Н. Г. «Гитлеровский факел» был погашен на огненной дуге / Н. Г. Андроников // Военно-исторический журнал. 1993. № 7. С. 2—10; № 8. С. 2—9.
6. Анисков, В. Т. Война и судьбы российского крестьянства / В. Т. Анисков. Вологда ; Ярославль, 1998.
7. Анисков, В. Т. Жертвенный подвиг деревни / В. Т. Анисков. Новосибирск, 1993.
8. Анисков, В. Т. Крестьянство против фашизма. 1941—1945. История и психология подвига / В. Т. Анисков. М., 2003.
9. Анисков, В. Т. О бедной деревне замолвите слово... 1941—1945—19???. Социальная жертвенность и судьбы крестьянства / В. Т. Анисков. Вологда ; Ярославль, 1996.
10. Анфилов, В. А. Загадка 1941 года. О войне под разными ракурсами / В. А. Анфилов, Ф. И. Голяков. М., 2005.
11. Анфилов, В. А. За «Ледокол» ледоход / В. А. Анфилов // Красная звезда. 1993. 13 нояб.
12. Анфилов, В. А. Крушение похода Гитлера на Москву / В. А. Анфилов. М., 1989.
13. Анфилов, В. А. Начало войны / В. А. Анфилов // Красная звезда. 1996. 22 июня.
14. Анфилов, В. А. Незабываемый сорок первый / В. А. Анфилов. М., 1989.
15. Анфилов, В. А. Провал «блицкрига» / В. А. Анфилов. М., 1974.
16. Арутюнян, Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / Ю. В. Арутюнян. 2-е изд. М., 1970.
17. Баранов, В. И. Писатели и война / В. И. Баранов // Война и общество. 1941—1945 : в 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 129—160.
18. Безыменский, Л. А. Укрощение «Тайфуна» / Л. А. Безыменский. Смоленск, 2001.
19. Беседы с Инной Руденко. Она и сегодня живет на войне // Комсомольская правда. 2009. 18—25 июня.
20. Бобылев, П. Н. К какой войне готовился генеральный штаб РККА в 1941 г. / П. Н. Бобылев // Отечественная история. 1995. № 5. С. 3—20.
21. Бобылев, П. Н. Точку в дискуссии ставить рано. К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940—1941 гг. / П. Н. Бобылев // Отечественная история. 2000. № 1.
22. Бонвеч, Б. Наступательная стратегия — наступление — нападение / Б. Бонвеч // Отечественная история. 1998. № 3. С. 20—25.
23. Борозняк А. И. «Имя Сталинграда выжжено огнем»: Сталинградская битва в исторической памяти ФРГ // Российская история. 2014. № 1. С. 111—129.
24. Борозняк, А. И. 22 июня 1941 г.: взгляд с «той» стороны / А. И. Борозняк // Отечественная история. 1994. № 1. С. 148—155.
25. Боффа, Дж. История Советского Союза. Т. 2 / Дж. Боффа. М., 1990.
26. Варшавский, С. Подвиг Эрмитажа / С. Варшавский, Б. Рест. СПб., 1995.
27. Василевский, А. М. Дело всей жизни / А. М. Василевский. 3-е изд. М., 1978.
28. Васильев, А. Ф. Некоторые аспекты хода и последствий битвы под Москвой / А. Ф. Васильев // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 99—106.
29. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки : в 4 кн. Кн. 1 : Суровые испытания. М., 1998.
30. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки : в 4 кн. Кн. 4 : Народ и война. М., 1999.
31. Великая Отечественная война 1941—1945 годов : в 12 т. Т. 1: Основные события войны. М., 2011.
32. Великая Отечественная война 1941—1945 годов : в 12 т. Т. 2: Происхождение и начало войны. М., 2012.
33. Великая Отечественная война 1941—1945 годов : в 12 т. Т. 3: Решающие битвы войны. М., 2013.
34. Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки : в 4 кн. Кн. 2 : Перелом. М., 1998.
35. Великая Отечественная война Советского Союза (1941—1945): Краткая история. 3-е изд. М., 1984.
36. Великая Отечественная война. 1941—1945 гг. : энциклопедия. М., 1985.
37. Великая Отечественная война. 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки : в 4 кн. Кн. 3 : Освобождение. М., 1999.
38. Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984.
39. Верт, Н. История Советского государства. 1900—1991 / Н. Верт. М., 1992.
40. Вишнев, О. В. Речь И. В. Сталина 5 мая 1941 г. Российские документы / О. В. Вишнев // Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 77—89.
41. Война и общество, 1941—1945 : в 2 кн. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов ; Ин-т российской истории. Кн. 1. М., 2004.
42. Волкогонов, Д. А. Эту версию уже опровергла история / Д. А. Волкогонов // Известия. 1993. 16 янв.
43. Волкогонов, Д. Накануне войны / Д. Волкогонов // Урок дает история / под общ. ред. акад. В. Г. Афанасьева, Г. Л. Смирнова. М., 1989. С. 285—307.
44. Ворков С. С. Морская гвардия. О гвардейских кораблях и частях Краснознаменной Балтики. Л., 1990.
45. Воробьев, Ф. Д. Последний штурм (Берлинская операция 1945 г.) / Ф. Д. Воробьев, И. В. Пароткин, А. И. Шиманский. М., 1975.
46. Вылцан, М. А. Патриотизм крестьянства / М. А. Вылцан, В. В. Кондрашин // Война и общество, 1941—1945 : в 2 кн. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов ; Ин-т российской истории. М., 2004. Кн. 2. С. 50—77.
47. Гареев, М. А. Еще раз к вопросу: готовил ли Сталин превентивный удар в 1941 г. / М. А. Гареев // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 198—202.
48. Гареев, М. А. Маньчжурская стратегическая наступательная операция 1945 года / М. А. Гареев // Новая и новейшая история. 2005. № 5.
49. Гареев, М. А. Неоднозначные страницы войны / М. А. Гареев. М., 1995.
50. Гареев, М. А. Об изучении истории Великой Отечественной войны / М. А. Гареев // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 3—24.
51. Гареев, М. А. Эль-Аламейн и Сталинград / М. А. Гареев // Сталинград — Эль-Аламейн: История и уроки. М. : ИД «Мегапир», 2009. С. 78—82.
52. Гиленсон, Б. А. Глазами зарубежных деятелей культуры / Б. А. Гиленсон // Война и общество, 1941—1945 : в 2 кн. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов ; Ин-т российской истории. М., 2004. Кн. 2. С. 161—190.
53. Говорят погибшие герои. М., 1990.
54. Год решающих побед (Великая Отечественная война. 1944). М., 2009.
55. Гордон, А. Е. Московское народное ополчение 1941 г. глазами участника / А. Е. Гордон // Отечественная история. 2001. № 3. С. 158—163.
56. Горинов, М. М. Будни осажденной столицы: жизнь и настроения москвичей (1941—1942) / М. М. Горинов // Отечественная история. 1996. № 3.

57. Городецкий, Г. «Ледокол»? Сталин и путь к войне / Г. Городецкий // Война и политика. 1939—1941 / отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 1999. С. 244—252.
58. Городецкий, Г. Миф ледокола: накануне войны / Г. Городецкий. М., 1995. 294 с.
59. Городецкий, Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз / Г. Городецкий. М., 1999.
60. Горьков, Ю. А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.? / Ю. А. Горьков // Другая война: 1939—1945. М., 1996. С. 157—184.
61. Данилов, В. Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность / В. Д. Данилов // Отечественная история. 1995. № 3.
62. Дашичев, В. И. Генеральный план «Ост» в американском исполнении / В. И. Дашичев // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 6.
63. Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 13.
64. Дембицкий, Н. П. Судьба пленных / Н. П. Дембицкий // Война и общество, 1941—1945 : в 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 232—263.
65. Диксон Ч. О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия : пер. с англ. М., 1957.
66. Днепр — река героев. Киев, 1983.
67. Друнина, Ю. За минуту до боя / Юлия Друнина. М., 2012.
68. Ерин, М. Е. Советские военнопленные в Германии в годы II мировой войны / М. Е. Ерин // Проблемы военного плена: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Вологда, 23—25 окт. Вологда, 1997. Ч. 1.
69. Жиромская, В. Б. Демографические последствия Великой Отечественной войны / В. Б. Жиромская, Н. А. Араловец // Россия в XX веке. Война 1941—1945 годов. Современные подходы. М., 2005. С. 533—549.
70. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления : в 3 т. / Г. К. Жуков. 10-е изд., доп. по рук. авт. М., 1990.
71. Жуков, Г. К. Из неопубликованных воспоминаний / Г. К. Жуков // Коммунист. 1988. № 14. С. 87—101.
72. Жуков, Г. К. Коротко о Сталине / Г. К. Жуков // Правда. 1989. 20 янв.
73. Жукова Л. Выбираю таран. М., 2005.
74. Загорулько, М. М. Крах плана «Ольденбург» (о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР) / М. М. Загорулько, А. Ф. Юденков. М., 1980.
75. «Зеленая папка» Геринга // Военно-исторический журнал. 1991. № 4, 5.
76. Зеленин, И. Е. Совхозы СССР (1941—1950) / И. Е. Зеленин. М., 1969.
77. Земсков, В. Н. Репатриация перемещенных советских граждан / В. Н. Земсков // Война и общество, 1941—1945 : в 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 331—358.
78. Зимонин, В. П. Японский фактор в советской мировой политике кануна и начала Второй мировой войны / В. П. Зимонин // Новая и новейшая история. 2005. № 2.
79. Зинич, М. С. Похищенные сокровища: вывоз нацистами российских культурных ценностей / М. С. Зинич. М., 2005.
80. Золотарев, В. А. Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны / В. А. Золотарев // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 3—11.
81. Историография Великой Отечественной войны. М., 1980.
82. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 : в 6 т. М., 1960—1965.
83. История Отечества. Люди, идеи, решения. М., 1991.
84. История советского крестьянства. Т. 3. М., 1987.
85. История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 5. М., 1978.
86. Калущкий, Н. В. Московская битва / Н. В. Калущкий // Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 19—30.
87. Канун и начало войны. Документы и материалы. М., 1991.
88. Катусева, А. Ф. Движение, которого не было, или История власовского предательства / А. Ф. Катусева, В. Г. Оппоков // Военно-исторический журнал. 1991. № 4.
89. Кирьян, М. М. 1944 год — год решающих побед Советских Вооруженных Сил / М. М. Кирьян // История СССР. 1984. № 5.
90. Киселев, В. Н. Падение Берлина / В. Н. Киселев // Война и общество. 1941—1945 : в 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 254—272.
91. Ключарев, Г. Новый взгляд на ход Сталинградской битвы / Г. Ключарев // Вопр. истории. 1989. № 12. С. 54—67.
92. Князьков, А. С. Оккупационный режим. Партизанское движение / А. С. Князьков // Война и общество. 1941—1945 : в 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 264—292.
93. Кобрин, Н. И. Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии / Н. И. Кобрин // Вопр. истории. 1984. № 6.
94. Ковалев, Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941—1942 г. / Б. Н. Ковалев. М., 2004.
95. Ковалев, Ф. Так начиналась война / Ф. Ковалев, О. Ржешевский // Урок дает история / под общ. ред. акад. В. Г. Афанасьева, Г. Л. Смирнова. М., 1989. С. 268—284.
96. Козинцев, А. Я. Кампания по борьбе с «дезертирством» с предприятий военной промышленности СССР в 1941—1948 гг. / А. Я. Козинцев // Отечественная история. 2008. № 1.
97. Колесник, А. Н. Генерал Власов — предатель или герой? / А. Н. Колесник. М., 1991.
98. Колесник, А. Хроника жизни семьи Сталина / А. Колесник. М., 1990.
99. Кондакова, Н. И. Духовная жизнь России и Великая Отечественная война 1941—1945 гг. / Н. И. Кондакова. М., 1996.
100. Кошкин, А. А. Вступление СССР в войну с Японией / А. А. Кошкин // Новая и новейшая история. 1995. № 4.
101. Кошкин, А. А. От Перл-Харбора до Тегерана / А. А. Кошкин // Азия и Африка сегодня. 2002. № 1.
102. Кравченко, Г. С. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. / Г. С. Кравченко. 2-е изд. М., 1970.
103. Кринько, Е. Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии / Е. Ф. Кринько // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 153—163.
104. Кукрыниксы в годы войны. М., 1985.
105. Кулиш, В. М. О некоторых актуальных проблемах историографии Великой Отечественной войны / В. М. Кулиш // История и сталинизм. М., 1991. С. 298—349.
106. Кулиш, В. М. Советская историография Великой Отечественной войны / В. М. Кулиш // Россия XX век. М., 1996. Кн. 2 : Советская историография. С. 274—315.
107. Куманев, Г. А. Рассекреченные страницы Второй мировой войны / Г. А. Куманев. М., 2012.
108. Куманев, Г. А. Еще раз о битве за Днепр / Г. А. Куманев // Отечественная история. 2007. № 3. С. 8—13.
109. Куманев, Г. А. Подвиг и подлог / Г. А. Куманев. М., 2000.
110. Куманев, Г. А. Подвиг и подлог. Страницы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. / Г. А. Куманев. М., 2007.
111. Куманев, Г. А. Проблемы военной истории Отечества (1938—1945 гг.) / Г. А. Куманев. М., 2007.
112. Куманев, Г. А. Рассекреченные страницы Второй мировой войны. Трагедия и подвиг / Г. А. Куманев. М., 2012.
113. Куманев, Г. А. Сталинградская битва (Краткий военно-исторический очерк. Документы. Материалы) / Г. А. Куманев. М., 2007.
114. Курская битва. Воспоминания, статьи. 3-е изд. Воронеж, 1982.
115. Максакова, Л. В. Спасение культурных ценностей / Л. В. Максакова. М., 1990.
116. Малышева Е. М. Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941—1945 гг. / Е. М. Малышева. М. : Вече, 2011.
117. Медведь, Н. Т. Оккупация / Н. Т. Медведь. М., 1995.
118. Мельтюхов М. И. Операция «Багратион» и Варшавское восстание 1944 года / М. И. Мельтюхов // Вопр. истории. 2004. № 11. С. 43—58.

119. Мельтюхов, М. И. 22 июня 1941: цифры свидетельствуют / М. И. Мельтюхов // История СССР. 1991. № 3. С. 16—28.
120. Мельтюхов, М. И. Современная историография и полемика вокруг книги А. Суворова «Ледокол» / М. И. Мельтюхов // Советская историография. М., 1996. С. 448—521. (Россия. XX век. Кн. 2).
121. Мельтюхов, М. И. Споры вокруг 1941 г.: Опыт критического осмысления одной дискуссии / М. И. Мельтюхов // Отечественная история. 1994. № 3.
122. Мержанов, М. Так это было. Последние дни фашистского Берлина / М. Мержанов. 3-е изд. М., 1983.
123. Мерцалов, А. Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ / А. Н. Мерцалов. М., 1989.
124. Мерцалов, А. Н. Между двумя крайностями, или Кто соорудил «Ледокол»? / А. Н. Мерцалов, Л. А. Мерцалова // Военно-исторический журнал. 1994. № 5.
125. Мерцалов, А. Н. Сталинизм и освещение прошлого / А. Н. Мерцалов // История и сталинизм. М., 1991. С. 382—447.
126. Место эвакуации — Чкаловская область. Оренбург, 2010.
127. Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы / отв. ред. М. Мягков ; сост. Ю. Никифоров. М., 2002.
128. Митрофанова, А. В. Рабочий класс в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. / А. В. Митрофанова. М., 1971.
129. Михалев, С. Н. Стратегические решения: Противоборство двух стратегий на восточном (советско-германском фронте) в 1941—1945 гг. Т. 1 / С. Н. Михалев. Красноярск, 1998.
130. Молодяков, В. Э. Начало Второй мировой войны: геополитические аспекты / В. Э. Молодяков // Отечественная история. 1997. № 5. С. 128—135.
131. Момыш-Улы Б. Психология войны / Б. Момыш-Улы. Алма-Ата, 1990.
132. Мюллер, Н. Вермахт и оккупация (1941—1944) / Н. Мюллер. М., 1974.
133. Мягков, М. Ю. От Мюнхенского соглашения до советско-германского пакта 1939 г.: предыстория Второй мировой войны / М. Ю. Мягков // Преподавание истории в школе. 2009. № 7.
134. Мягков, М. Ю. Советское наступление в Карелии летом 1944 г. и перемирие с Финляндией / М. Ю. Мягков // Новая и новейшая история. 2008. № 6.
135. Мягков, М. Ю. Советско-финский фронт 1941—1944 / М. Ю. Мягков // Новая и новейшая история. 2008. № 3.
136. Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 2010.
137. Нарочницкая, Н. Сталин изменил расписание войны / Н. Нарочницкая // Комсомольская правда. 2009. 27 авг. — 3 сент. С. 4—5.
138. Неvejeин, В. А. Синдром наступательной войны / В. А. Неvejeин. М., 1998. 256 с.
139. Некрич, А. 1941, 22 июня / А. Некрич. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1995.
140. Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.). М., 1965.
141. Овсяный, И. Д. Тайна, в которой война рождалась / И. Д. Овсяный. М., 1971.
142. Овчинникова Л. Они горели под Сталинградом // Комсомольская правда. 1993. 2 февр.
143. Овчинникова, Л. Радость... Счастье... Пережить такое сердце в состоянии только раз / Людмила Овчинникова // Комсомольская правда. 1994. 27 янв.
144. Ольштынский, Л. И. Угроза фашистского мирового господства. История и современность. (Взгляд из XXI века) / Л. И. Ольштынский. М., 2003.
145. Оренбуржцы в боях за Родину. Челябинск, 1978.
146. Оренбуржье в защите Отечества. Оренбург, 1995.
147. Орлов, А. С. Курская битва и ее последствия / А. С. Орлов // Война и общество. 1941—1945 : в 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 190—218.
148. От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. М., 1992.
149. Павленко, Н. Г. Возвращение к правде (о 10-м издании мемуаров Г. К. Жукова) / Н. Г. Павленко // Коммунист. 1991. № 3. С. 124—128.
150. Павленко, Н. Г. Сталинистские концепции военной истории / Н. Г. Павленко // История и сталинизм. М., 1991. С. 350—381.
151. Павлова, Т. Ф. Рассекреченные архивные документы — новые страницы истории Великой Отечественной войны / Т. Ф. Павлова // Вестник архивиста. 2005. № 3 (87). С. 28—42.
152. Первышин, В. Г. Людские потери в Великой Отечественной войне / В. Г. Первышин // Вопр. истории. 2000. № 7.
153. Пережогин, В. А. Вопросы коллаборационизма / В. А. Пережогин // Война и общество, 1941—1945 : в 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 293—305.
154. Перельгин, А. И. РПЦ на Орловщине в годы Великой Отечественной войны / А. И. Перельгин // Отечественная история. 1995. № 4. С. 126—135.
155. Песков В. Война и люди. М., 1979.
156. Пиетров-Энкер, Б. Германия в июле 1941 г. — жертва советской агрессии? / Б. Пиетров-Энкер // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований : пер. с нем. М., 1997.
157. По обе стороны фронта. Письма советских и немецких солдат 1941—1945 гг. М., 1995.
158. Подберезкин, А. И. Год от Мюнхена до пакта / А. И. Подберезкин // Аргументы и факты. 2009. 27 авг.
159. Полководцы Сталинградской битвы. Волгоград, 2007.
160. Поляков, Ю. А. «Демографическое эхо» войны / Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская, Н. А. Араловец // Война и общество, 1941—1945. М., 2004. Кн. 2. С. 375—385.
161. Попов, В. П. Большая ничья. СССР от Победы до распада / В. П. Попов. М., 2005.
162. Похлебкин, В. В. Великая война и несостоявшийся мир 1941—1945—1994. Военный и внешнеполитический справочник / В. В. Похлебкин. М., 1999.
163. Преступные цели — преступные средства. М., 1996.
164. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. М., 1987.
165. Пронько, В. А. Цена Победы / В. А. Пронько // Война и общество, 1941—1945 : в 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 386—404.
166. Путин, В. Страницы истории — повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства? / В. Путин // Аргументы и факты. 2009. № 36.
167. Разгром японского милитаризма во второй мировой войне. М., 1986.
168. Раманичев, М. Н. Невиданное испытание / М. Н. Раманичев // Война и общество : в 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 58—100.
169. Ржешевский, О. Война / О. Ржешевский // История Отечества. М., 1991. С. 217—256.
170. Ржешевский, О. А. Тегеран-43 / О. А. Ржешевский // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 3—21.
171. Робертс Дж. Победа под Сталинградом: Битва, которая изменила историю. М., 2003.
172. Рокоссовский, К. К. Солдатский долг (отрывки из его рукописи, которые не вошли в книгу маршала) / К. К. Рокоссовский // Военно-исторический журнал. 1989. № 4, 5, 6; 1990. № 2; 1991. № 7.
173. Россия, которую мы не знали. 1939—1993 : хрестоматия для учащихся ст. кл. общеобразовательных шк., гимназий, колледжей, техникумов и студентов вузов. Челябинск, 1995.
174. Россия. XX век. Другая война. 1939—1945. Кн. 3 / под ред. Ю. Афанасьева. М., 1996.
175. Россковский, В. П. Золотые звезды Оренбуржья. Биограф. справочник / В. П. Россковский. Челябинск, 1989.
176. Русская православная церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М., 1943.

177. Русский архив. Великая Отечественная война: партизанское движение в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Документы и материалы. М., 1999.
178. Рязанцев, В. Б. Обреченный на подвиг: трагическая судьба командующего Юго-Западным фронтом ген. П. М. Кирпоноса / В. Б. Рязанцев // Новая и новейшая история. 1991. № 5. С. 91—112.
179. Самсонов, А. М. О коренном переломе во второй мировой войне / А. М. Самсонов, О. А. Ржешевский // Вопросы истории. 1987. № 4.
180. Самсонов, А. М. Сталинградская битва / А. М. Самсонов. 3-е изд. М., 1982.
181. Сахаров, А. Н. Война и советская дипломатия: 1939—1945 гг. / А. Н. Сахаров // Вопросы истории. 1995. № 7.
182. Севостьянов, Г. Н. Япония 1945 г. в оценке советских дипломатов. Новые архивные материалы / Г. Н. Севостьянов // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 32—53.
183. Секистов, В. Правда и вымыслы об открытии второго фронта в Европе / В. Секистов // Военно-исторический журнал. 1984. № 5.
184. Семиряга, М. И. Военнопленные, коллаборационисты и генерал Власов / М. И. Семиряга // Другая война. 1939—1945. М., 1996. Кн. 3.
185. Семиряга, М. И. Военнопленные: изменники Родины или жертвы войны? Размышления о судьбе советских военнопленных в годы II мировой войны / М. И. Семиряга // Проблемы военного плена: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. Вологда, 1997.
186. Семиряга, М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы второй мировой войны / М. И. Семиряга. М., 2000.
187. Сенявская, Е. С. Психология солдата / Е. С. Сенявская // Война и общество, 1941—1945: в 2 кн. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов; Ин-т рос. истории. М., 2004. С. 215—231.
188. Сенявская, Е. С. Советский солдат в годы Великой Отечественной войны: историко-психологический портрет / Е. С. Сенявская // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2005. Т. 7, № 2. С. 267—278.
189. Сидоренко, А. А. О начале коренного перелома во 2-й мировой войне / А. А. Сидоренко [и др.] // Вопр. истории. 1988. № 5.
190. Скворцов, В. Н. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Историография / В. Н. Скворцов, М. И. Фролов. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012. 252 с.
191. Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992.
192. Слова, пришедшие из боя. Статьи. Диалоги. Письма. Вып. 2. М., 1985.
193. Смоленское сражение. 1941 год. Хроника. События. Судьбы. Смоленск, 2001.
194. Смотрицкий, Е. А. Битва за Днепр / Е. А. Смотрицкий. М., 1983.
195. Совершенно секретно! Только для командования: документы и материалы. М., 1967.
196. Соколов, В. В. К истории капитуляции Японии / В. В. Соколов // Новая и новейшая история. 2005. № 5.
197. Соловьев, В. Г. Победа на огненной дуге / В. Г. Соловьев // История СССР. 1983. № 4.
198. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1947.
199. Сталинград — Эль-Аламейн: Исторические уроки. М., 2009.
200. Сталинградская группа войск. Февраль — май 1943 г. Документы и материалы / под ред. М. М. Загорюлько. Волгоград, 2007.
201. Сталинградская эпопея: сб. воспоминаний. М., 1968.
202. Сталинградский городской комитет обороны. Документы и материалы / под ред. М. М. Загорюлько. 2-е изд. Волгоград, 2007.
203. Сталинградской битве — 70 лет // Родина. 2013. № 1.
204. Суворов, В. Ледокол. Кто начал вторую мировую войну? / В. Суворов. М.: Издат. дом «Новое время», 1992. 352 с.
205. Судьбы генеральские // Военно-исторический журнал. 1992. № 10—12; 1993. № 1, 3, 5—8.
206. Существовавшие до сих пор правила отменяются (Распоряжения об обращении с советскими военнопленными) // Военно-исторический журнал. 1991. № 11. С. 38—43.
207. Тельпуховский, В. Б. Героизм рабочего класса / В. Б. Тельпуховский // Война и общество, 1941—1945: в 2 кн. Т. 2. М., 2004. С. 6—26.
208. Терешина, О. В. Православная церковь в годы Великой Отечественной войны / О. В. Терешина // Вопросы истории. 2014. № 6. С. 147—159.
209. Томан, Б. А. Новое фундаментальное издание по истории Великой Отечественной войны / Б. А. Томан // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 17—34.
210. 1418 дней войны: из воспоминаний о Великой Отечественной. М., 1990.
211. Тюшкевич, С. А. Духовный потенциал Великой победы / С. А. Тюшкевич // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. 2005. № 2. С. 3—19.
212. Тюшкевич, С. А. Можно ли считать советско-японскую войну 1945 г. частью Великой Отечественной войны / С. А. Тюшкевич, А. А. Гаврилов // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 85—90.
213. Урал — фронту / под ред. А. В. Митрофановой. М., 1985.
214. Федорова, А. В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны / А. В. Федорова. Оренбург, 1995.
215. Фуллер Дж. Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор: пер. с англ. М., 1956.
216. Хисамутдинова Р. Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург, 2002.
217. Хисамутдинова Р. Р. Великая Отечественная война и органы НКВД Южного Урала / В. В. Блинова, Р. Р. Хисамутдинова. Оренбург, 2007.
218. Хорошилов, Г. Т. Хуже лжи / Г. Т. Хорошилов // Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 39—48.
219. Хоффман, И. Подготовка Советского Союза к наступательной войне / И. Хоффман // Отечественная история. 1993. № 4. С. 19—31.
220. Цыпин, В. Патриотическое служение РПЦ в Великую Отечественную войну / В. Цыпин, протоиерей // Новая и новейшая история. 1995. № 2. С. 41—46.
221. Черчилль, У. Вторая мировая война: в 3 кн. Кн. 1 / У. Черчилль. М., 1991.
222. Чубарьян, А. В преддверии второй мировой войны / А. Чубарьян // Страницы истории КПСС. Факты, проблемы, уроки. М., 1989.
223. Шатилов, И. М. Знамя над рейхстагом / И. М. Шатилов. М., 1966.
224. Швыдченко, В. И. Оренбуржцы — фронту / В. И. Швыдченко // Блокнот агитатора. 1968. № 4.
225. Ширер, У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 1 / У. Ширер. М., 1991.
226. Шкаровский, М. В. РПЦ в 1943—1957 гг. / М. В. Шкаровский // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 91—104.
227. Шкаровский, М. В. Русская православная церковь / М. В. Шкаровский // Война и общество. 1941—1945. Т. 2. С. 190—214.
228. Штрайт, К. Они нам не товарищи: Вермахт и советские военнопленные в 1941—1945 гг. / К. Штрайт. М., 2009.
229. Якобсен, Г. А. Противоречивые оценки 22 июня 1941 года / Г. А. Якобсен // Война и политика. 1939—1941 / отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 1999. С. 253—269.
230. Якунин, В. Н. За веру и Отечество / В. Н. Якунин. Самара, 1995.
231. Якунин, В. Н. РПЦ на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. / В. Н. Якунин. Самара, 2001.
232. Якушевский, А. С. Фактор внезапности в нападении Германии на Советский Союз / А. С. Якушевский // История СССР. 1991. № 3. С. 3—18.
233. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 2. Stuttgart, 1979.
234. <http://www.newsru.com/Russia>

Учебное издание

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна

Советский Союз накануне и в годы Великой Отечественной войны

Учебное пособие к лекционному курсу

Редакторы И. Н. Рожков, Е. С. Рожкова
Компьютерная верстка Е. С. Рожковой

Подписано в печать 05.05.2015 г.
Формат 60×84¹/₈. Усл. печ. л. 28,93
Тираж 100 экз. Заказ 31